

Institutul Național de Cercetări Economice

Conferința Internațională Științifico-Practică

**CREȘTEREA ECONOMICĂ
ÎN CONDIȚIILE GLOBALIZĂRII**

Ediția a XV-a

**SESIUNEA ȘTIINȚIFICĂ
„MIGRAȚIA ȘI SCHIMBĂRI DEMOGRAFICE:
ABORDARE INTERDISCIPLINARĂ”**

15-16 octombrie 2021

Chișinău, 2021

Comitetul organizatoric:

Alexandru Stratan, membru correspondent al AȘM, doctor habilitat în economie, director INCE, *președintele comitetului organizatoric*

Olga Gagauz, doctor habilitat în sociologie, *vicepreședintele comitetului organizatoric*

Mariana Buciuceanu-Vrabie, doctor în sociologie, conferențiar cercetător

Prezenta lucrare cuprinde materialele Sesiunii științifice „*Migrația și schimbări demografice: abordare interdisciplinară*” din cadrul Conferinței Internaționale Științifico-Practice „*Creșterea economică în condițiile globalizării*”, ediția a XV-a.

Lucrările sesiunii s-au desfășurat în cadrul Programului de Stat (2020-2023) 20.80009.0807.21 “*Migrația, schimbări demografice și politici de stabilizare a situației*”.

Culegerea de lucrări a fost aprobată la *Consiliul Științific al Institutului Național de Cercetări Economice, proces-verbal nr.6 din 20.09.2021.*

Autorii poartă răspundere pentru conținutul și corectitudinea textelor.

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII DIN REPUBLICA MOLDOVA
"Creșterea economică în condițiile globalizării",
conferința internațională științifico-practică (15 ; 2021 ;
Chișinău). Conferința Internațională Științifico-Practică "Creșterea economică în condițiile globalizării". Sesiunea științifică "Migrația și schimbări demografice: abordare interdisciplinară", Ediția a 15-a, 15-16 octombrie 2021 / comitetul organizatoric: Alexandru Stratan (președinte) [et al.]. – Chișinău : S. n., 2021 (Foxtrot SRL). – 256 p. : fig., graf., tab.

Cerințe de sistem: PDF Reader.

Antetit.: Inst. Naț. de Cercet. Econ., Centrul de Cercet. Demografice. – Texte, rez.: lb. rom., engl., rusă. – Referințe bibliogr. la sfârșitul art. – 50 ex.

ISBN 978-9975-3486-9-0 (PDF).

314:316.42(082)=135.1=111=161.1

C 84

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15>

©Institutul Național de Cercetări Economice, 2021, www.ince.md

© Centrul de Cercetări Demografice, 2021, www.ccd.ince.md

CUPRINS

CUVÂNT ÎNAINTE	5
Olga GAGAUZ DEPOPULAREA REPUBLICII MOLDOVA ÎN CONTEXTUL DECLINULUI POPULAȚIEI DIN EUROPA CENTRALĂ ȘI DE EST	6
Mariana BUCIUCEANU-VRABIE OPORTUNITĂȚI DE ÎMBĂTRÂNIRE ACTIVĂ ÎN REPUBLICA MOLDOVA	12
Mariana Balan COVID-19 AND WOMEN MIGRANT WORKERS: IMPACTS AND IMPLICATIONS ...	20
Valentina VASILE, Elena BUNDUCHI IMPACTUL REMIȚENȚELOR ÎN ȚARA DE ORIGINE. STUDIU DE CAZ: FOSTELE STATE SOCIALISTE	32
Лидия ТКАЧЕНКО ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И ПЕНСИОННОЙ ПОЛИТИК	45
Андрей КРИВЕНКО ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИДНЕСТРОВЬЯ	60
Vitalie ȘȚÎRBA SCHIMBĂRILE ÎN SPERANȚA DE VIAȚĂ SUB INFLUENȚA PANDEMIEI COVID-19	71
Inga CHISTRUGA-SÎNCHEVICI CONSOLIDAREA SUPTULUI PĂRINȚILOR ÎN ÎMBINAREA ROLURILOR PROFESIONALE ȘI FAMILIALE	77
Iryna KURYLO, Svitlana AKSYONOVA PENSIONERS AND PERSONS WITH DISABILITIES IN KYIV: GENDER COMPOSITION AND INEQUALITIES	86
Irina PAHOMI COVID-19 ASSOCIATED MORTALITY – FROM THE FIRST CASE TO THE LATEST AVAILABLE DATA	96
Галина САВЕЛЬЕВА, Светлана ЗАХАРОВ ВЛИЯНИЕ КОНЪЮНКТУРЫ РЫНКА ТРУДА НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА	104
Corina – Georgeta DINCLULESCU RĂSPUNSUL SISTEMULUI DE EDUCAȚIE LA PANDEMIA DE COVID-19	119
Анастасия БОБРОВА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ И ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ БЕЛАРУСИ, НАИБОЛЕЕ ПОСТРАДАВШИХ ОТ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АТОМНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ	130

Oksana KOSHULKO MIGRATION AND DEMOGRAPHIC CHANGES IN UKRAINE BEFORE AND DURING THE COVID-19 PANDEMIC	146
Parmesh DUTT EFFECT OF MIGRATION ON HOSPITALITY INDUSTRY DURING COVID-19 ERA ...	152
Ирина МАЙДАНИК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО В ИССЛЕДОВАНИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ: ПРИМЕР УКРАИНЫ	164
Алексей ПОЗНЯК ОЦЕНКА РОЛИ МЕТРОПОЛИСОВ В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В УКРАИНЕ	170
Татьяна ГНАТЮК КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ВНУТРЕННЕ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ В УКРАИНЕ	178
Valentina COTELNIC ANALIZA CADRULUI DE DREPT NAȚIONAL ÎN CONTEXTUL REGLEMENTĂRII PROCESELOR MIGRAȚIONALE	185
Борис КРИМЕР ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ И ДЕТНОСТЬ: СВЯЗЬ И ВОЗМОЖНОСТИ ВЛИЯНИЯ	197
Mariana CRÎȘMARU ASPECTE SOCIO-DEMOGRAFICE ALE TRANZIȚIEI TINERILOR LA VIAȚA DE ADULT ÎN REPUBLICA MOLDOVA	206
Ana CHIVACIU ДИНАМИКА БРАЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА ЗА 2014-2020 гг.	216
Ольга ПОАЛЕЛУНЖЬ ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПО УПРАВЛЕНИЮ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА В ПЕРИОД 1990-2020 гг.	225
Victoria CIUBOTARU ACCESUL GRUPURILOR SOCIAL VULNERABILE LA METODE DE CONTRACEPȚIE	236
Mihail POISIC ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА В СОСТАВЕ СССР И ПОСЛЕ ЕГО РАСПАДА	245

CUVÂNT ÎNAINTE

În cadrul sesiunii "Migrația, schimbări demografice: abordare interdisciplinară" au fost discutate cele mai actuale probleme demografice cu care se confruntă țările din Europa de Est. Cercetătorii din Republica Moldova, precum și cei din România, Rusia, Ucraina, Belarus și-au împărtășit experiența privind studierea fenomenelor demografice, precum și cea de elaborare a recomandărilor pentru factorii de decizie. Aria tematică a rapoartelor este destul de vastă, oferind un tablou complex privind schimbările demografice și impactul lor asupra economiilor naționale.

În comparație cu alte țări din regiune, în Republica Moldova, una dintre cele mai îngrijorătoare evoluții prezintă declinul continuu al populației și îmbătrânirea demografică ce afectează sustenabilitatea socioeconomică, nivelul de trai al populației și securitatea națională. Impactul negativ al pandemiei Covid-19 asupra economiei naționale a agravat situația, provocând creșterea inegalității în nivelul și calitatea vieții, astfel este puțin probabil că migrația va diminua. Cel mai îngrijorător fenomen îl constituie migrația populației tinere la studii, în căutarea unui loc de muncă sau pentru stabilirea cu traiul permanent, provocând un dezechilibru pronunțat în structura populației și pierderea potențialului uman.

Pandemia Covid-19 a exacerbât situația în domeniul sănătății, iar creșterea mortalității excesive a dus la majorarea sporului natural negativ. Scăderea continuă a numărului de nașteri ca rezultat al scăderii populației și reducerii contingentului femeilor de vârstă reproductivă are consecințe negative multiple, afectând structura populației, cererea și oferta pe piața forței de muncă, raportul între populația aptă de muncă și cea inaptă etc. Astfel, scăderea natalității va determina creșterea cererii de angajați de vârstă pre-pensionară, ceea ce implică necesitatea recalificării acestora, creării condițiilor speciale la locul de muncă.

În acest context, o importanță majoră prezintă raportarea politicilor publice la schimbările demografice, precum și dezvoltarea unor politici speciale de redresare a situației. Rapoartele prezentate în această culegere aduc o contribuție specială în reflectarea științifică a schimbărilor demografice, evidențierea impactului pandemiei Covid-19 și altor aspecte.

DEPOPULAREA REPUBLICII MOLDOVA ÎN CONTEXTUL DECLINULUI POPULAȚIEI DIN EUROPA CENTRALĂ ȘI DE EST¹

Olga Gagauz ©², dr.habilitat în sociologie, conf.cerc.
INCE, Centrul de Cercetări Demografice, Republica Moldova
DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-01>

Summary

In recent decades, the population of the Republic of Moldova has been steadily declining, and this trend will persist in the coming decades. Compared to other countries in Central and Eastern Europe, the Republic of Moldova is most affected by depopulation. The present study expands evidence on depopulation in the Republic of Moldova based on the demographic projection developed by Centre for Demographic Research for 2019-2040. The results show that in the coming decades, the demographic decline would continue at a fast pace, increasing from 1.6% to 2.3% annually. The population number may decrease with 34.5% by 2040. The population decline caused by external migration will be 776.9 thousand. The population age structure will change significantly. The emigration of youth has an important negative effect and leads to a decrease in the number of working age youth. Meanwhile the return of 50+ year old migrants from abroad leads to an increase in the proportion of older people in the population as a whole. It was concluded that the effects of depopulation are much more unfavorable than those associated with population aging. Being determined by mass migration depopulation is associated with the loss of human capital, the negative impact on quality of life, social cohesion and socio-economic development.

Keywords: depopulation, demographic projection, Republic of Moldova.

Clasificarea JEL: J11

Scăderea cronică a populației sau depopularea a devenit specifică pentru majoritatea țărilor din Europa Centrală și de Est, atât din cauza scăderii fertilității, cât și în urma migrației (Fihel, Okólski, 2019, Mileris, 2019, Dumont, 2019). Regimul demografic de scădere a populației, determinat de migrația netă negativă în majoritatea țărilor din Europa Centrală și de Est în ultimele trei decenii, este în contrast cu tendințele observate în țările din Europa de Vest, unde populația a crescut atât datorită sporului natural pozitiv, cât și datorită creșterii migraționale, care favorizează creșterea populației. Fluxurile către aceste țări au fost alimentate parțial și de migranți internaționali din Europa Centrală și de Est. Unele cercetări arată că soldul migrator net negativ este tipic numai pentru țările UE, care au cele mai puține investiții și PIB per capita (Mileris, 2019).

Conform prognozelor ONU, în deceniile viitoare declinul populației în Europa Centrală și de Est va continua cu ritmuri rapide (*Tabelul 1*). Republica

¹ Articolul este elaborat în cadrul Programului de Stat (2020-2023) 20.80009.0807.21

“Migrația, schimbări demografice și politici de stabilizare a situației”.

² © Ольга Гаргауз, gagauzo@inbox.ru

Moldova este una din cele mai afectate țări din regiune, populația căreia, către anul 2050, poate să se micșoreze cu 44,2%, cauza principală fiind migrația în masă. Totodată, Republica Moldova rămâne una din cele mai sărace țări din regiune, PIB-ul per capita în comparație, de exemplu, cu România, fiind de aproape trei ori mai mic și de peste patru ori mai mic decât în Lituania. Modelul de creștere economică, determinată de consum și alimentată de remitențe, este puțin sustenabil, iar scăderea numărului de populație și îmbătrânirea acesteia duce la creșterea continuă a numărului de persoane cu venituri mici, dependente de pensii și alocații sociale.

Tabelul 1. Schimbările prognozate în numărul populației în țările din Europa Centrală și de Est între anii 2017 și 2050 și PIB-ul per capita, 2020

Țara	2017, mii	2050, mii	Scăderea în %	PIB per capita, 2020, mii \$
Albania	2,93	2,825	-3.6	5215,3
Belarus	9,468	8,34	-11.9	6411,2
Bulgaria	7,084	5,532	-21.9	9975,8
Croatia	4,189	3,865	-7.7	13,828,5
Republica Cehă	10,618	10,21	-3.8	22932,2
Estonia	1,309	924	-29.4	23027,0
Ungaria	9,721	8,49	-12.7	15899,1
Letonia	1,949	1,25	-35.8	17620,0
Lituania	2,89	1,802	-37.6	19997,6
Republica Moldova	4,051	2,262	-44.2	4551,1
Polonia	38,17	32,739	-14.	15656,2
România	19,679	18,061	-8.2	12896,1
Rusia	143,989	129,909	-9.8	10126,7
Serbia	7,04	5,87	-16.6	7666,2
Slovacia	5,447	4,851	-10.9	19156,9
Slovenia	2,079	1,597	-23.2	25517,3
Ucraina	44,222	37,149	-16.0	3726,9

Sursa: International Data Base, International Programs Center, U.S. Census Bureau, PIB per capita - World bank.

Notă: Datele pentru Republica Moldova sunt prezentate împreună cu regiunea transnistreană.

Prognoza demografică elaborată de Centrul de Cercetări Demografice pentru anii 2019-2040 în baza datelor cu privire la populația cu reședința obișnuită a Republicii Moldova (fără regiunea transnistreană) prezintă aspecte mai detaliate privind dinamica demografică.

În deceniile viitoare declinul demografic va continua cu ritmuri rapide, scăderea anuală, conform scenariului scăzut, se va majora de la 1,6% până la 2,3%, numărul populației micșorându-se până la 1754,6 mii (cu 34,5%) către anul 2040. Doar în condițiile de reducere substanțială a migrației, de

îmbunătățire a indicatorilor sănătății populației și de creștere a fertilității, dimensiunile declinului demografic pot fi reduse, fapt confirmat de cele două scenarii. Conform scenariului mediu, numărul populației se va micșora până la 1924,9 mii (28,2%), iar conform celui înalt – până la 2094,5 mii (cu 21,5%).

Traectoria schimbării numărului populației este determinată nu doar de fertilitate, mortalitate și migrație, dar și de structura pe vârste a populației în anul de bază al prognozei. Impactul acestei componente asupra dinamicii populației, alături de cele trei, este destul de semnificativ. Structura actuală a populației a acumulat o inerție negativă din cauza scăderii fertilității și creșterii gradului de îmbătrânire demografică, astfel determinând declinul demografic continuu. Persistența nivelului înalt al migrației populației tinere de vârstă reproductivă va conduce la o creștere a ritmului de îmbătrânire demografică, mai exact a proporției vârstnicilor în ansamblul populației. În anul 2040, piramida pe vârste și sexe va obține un profil neproportional, generațiile în vârstă de 50 de ani și peste vor constitui circa jumătate din totalul populației. Ca rezultat, vârsta mediană va crește de la 37,3 ani până la 47,3 ani.

Scăderea numărului populației determinată de structura piramidei pe vârste în perioada de prognozare va constitui 6,8%, sporul natural negativ va crește de la -1,7‰ până la -4,0‰. Scăderea populației provocată de migrația externă va constitui 776,9 mii de locuitori, inclusiv peste 200 mii de copii, care vor apărea pe lume în alte țări decât Republica Moldova.

Numărul anual de născuți depinde direct de mărimea populației feminine în vârstă de 15-49 de ani. În următoarele două decenii, generațiile mici născute la sfârșitul anilor '90 ai secolului trecut – începutul anilor 2000 vor constitui contingentul reproductiv principal, respectiv, numărul de copii născuți de aceste generații va fi cu mult mai mic decât cel provenit de la generațiile numeroase născute la mijlocul anilor '80.

Reducerea numărului populației duce inevitabil la scăderea numărului de copii, iar migrația va continua să evolueze în calitate de factor principal al evoluției numărului de născuți. În cazul scenariului scăzut, dacă migrația tinerilor va persista în timp, numărul potențial al părinților se va micșora, respectiv, numărul de nou-născuți poate să scadă de două ori, ajungând de la 32,2 mii la 15,8 mii în anul 2040. Realizarea scenariului mediu și celui înalt, după o scădere a numărului de nașteri pe parcursul unui deceniu, poate să aducă o stabilitate relativă, în special în cazul scenariului înalt, care presupune creșterea RTF până la 2,1 copii per femeie și diminuarea migrației nete până la 0 către sfârșitul perioadei de prognozare. În acest caz, tendința de scădere se va diminua, iar după anul 2035 există o perspectivă de creștere a numărului de nașteri.

Structura generală a populației se va schimba fără precedent, conform prognozei, pentru toate trei scenarii, însă traseul scenariului scăzut va provoca cele mai nefavorabile schimbări. Proporția populației tinere în vârstă de 0-19

ani se va micșora de la 23,9% în anul 2019 până la 17,6% în 2040, iar a celei în vârstă de 65 de ani și peste se va majora de la 14,2% până la 24,4%.

Declinul populației va determina și scăderea numărului celor mai activi pe piața forței de muncă – contingentul în vârstă de 20-64 de ani. Astfel, dacă în anul 2019 efectivul acestora se estimează la cca 1659,8 mii, atunci în anul 2040 se prognozează o reducere până la 1018,6 mii. Ca proporție în totalul populației acest contingent nu se va diminua semnificativ – de la 62% până la 58,1%, însă raportul dintre forța de muncă tânără și cea adultă se va majora în favoarea acesteia din urmă. Dacă în anul 2019 se observă o repartizare proporțională a celor trei grupe de vârstă – 20-34 de ani, 35-49 de ani și 50-64 de ani, atunci către anul 2040 echilibrul va fi dereglat: ponderea grupului de vârstă de 20-34 de ani se va reduce de la 33,9% până la 28,9%, a celui de 35-49 de ani de la 32,5% până la 24,8%, pe când grupul de vârstă 50-64 se va majora de la 33,6% până la 46,3% (cu 12,7 p.p.).

În deceniile viitoare îmbătrânirea demografică va lua amploare, fiind alimentată de întoarcerea migranților moldoveni de peste hotare, conform tendinței stabilite în ultimii ani. Astfel, ponderea populației în vârstă de 60 și peste se va majora de la 21,3% până la 32,3%. Este de așteptat și o creștere considerabilă în totalul populației a persoanelor în vârstă de 70 de ani și peste. Acest contingent se va dubla, ajungând la 17,2%. De menționat că este vorba de generațiile în viață, astfel, precizia prognozei efectivului acestora este destul de înaltă.

În Republica Moldova, fenomenul de scădere a numărului populației este observat în prezent pe o mare parte a teritoriului său, dar în special în zonele rurale. Regiunea de Nord este cea în care depopularea este deosebit de puternică, fiind determinată de creșterea mortalității ca rezultat al îmbătrânirii populației.

Contractia urbană, în special a orașelor mici, din cauza procesului de depopulare și dezindustrializare implică multiple probleme sociale, economice, spațiale, infrastructurale, precum și politice.

Dat fiind faptul că migrația este cauza principală a declinului populației, este dificil de a stopa sau de a reduce proporțiile declinului populației. Pandemia COVID-19 va avea un efect negativ asupra dinamicii principalelor procese demografice. Excesul de mortalitate a dus la o scădere a speranței de viață la naștere: cu -0,9 ani pentru bărbați și -1,2 pentru femei. Numărul deceselor, în 2020, a crescut semnificativ, ducând la o creștere a scăderii naturale până la -3,8 ‰. Este de așteptat că și în anul 2021 speranța de viață la naștere va scădea, iar sporul natural negativ se va majora.

Referitor la fertilitate, există o probabilitate înaltă de scădere a acesteia ca rezultat al amânării sarcinilor în perioada pandemiei, iar înrăutățirea situației materiale a familiilor poate să alimenteze această tendință. Impactul pandemiei Covid-19 va fi resimțit doar în anul 2021.

Altă situație este cu migrația, care este dificil de prognozat. În prezent,

putem afirma că este puțin probabil că migrația internațională va scădea. Întoarcerea migranților în perioada pandemiei Covid-19 a fost temporară. În a doua jumătate a anului 2020 fluxurile migraționale s-au reluat. Acest fenomen depinde atât de situația socioeconomică în țară, cât și de politicile migraționiste în țările europene. Luând în considerare faptul că țările europene economic dezvoltate, de asemenea, se confruntă cu îmbătrânirea populației și reducerea efectivului forței de muncă, cerința pentru forța de muncă din alte țări se va menține în continuare.

În contextul declinului populației în țările din Europa Centrală și de Est tot mai mare atenție se atrage "rezilienței demografice", care poate fi definită ca fiind capacitatea sistemelor socioeconomice locale de a rezista și a se recupera după modificările dinamicii și structurii populației (Capdevila et al., 2020). După cum menționează experții în domeniu, procesele demografice nu reprezintă amenințări directe pentru securitatea națională, iar indicatorii demografici doar relevă schimbările care au loc în efectivul și structura populației. Totodată, implicațiile economice și sociale asociate cu schimbările demografice cum ar fi sărăcia, dispariția satelor, declinul economic al regiunilor pot evolua în calitate de mecanisme de declanșare a crizelor (Sidorenko, 2019).

Efectele demografice ale depopulării sunt cu mult mai nefavorabile decât cele asociate cu îmbătrânirea populației, având un impact negativ asupra calității vieții, coeziunii sociale și dezvoltării socioeconomice. În aceste condiții, Guvernul Republicii Moldova are o sarcină foarte dificilă, care constă în asigurarea creșterii economice durabile și a nivelului de trai al populației, astfel creând un sistem economic și social rezilient. Deficitul forței de muncă atât în aspect cantitativ, cât și calitativ poate constitui un impediment în atingerea acestui obiectiv. Totodată, depopularea, în special a zonelor rurale, prezintă o provocare în ceea ce privește asigurarea infrastructurii și a serviciilor publice, începând de la transportul public până la educație și asistență medicală. Populația rămasă în zonele depopulate se simte adesea „uitată”, dezvoltând un scepticism față de instituțiile publice, iar îmbătrânirea demografică, asociată cu depopularea, afectează sistemele, preferințele și nevoile existente la nivel local.

Disparitățile teritoriale creează premisele unei dezvoltări inechitabile a zonelor urbane și rurale. Îmbătrânirea demografică reduce potențialul local de inovare și dezvoltare, deoarece persoanele în vârstă sunt, în general, mai puțin active decât cei mai tineri, iar depopularea satelor presupune și costuri mai înalte de gestionare a terenurilor agricole.

Depopularea însoțită de reducerea ofertei de forță de muncă, precum și capitalului uman și antreprenoriatului poate cauza încetinirea creșterii productivității muncii, inovațiilor etc. În acest context, politicile statului trebuie orientate spre diminuarea migrației, ca factor principal al depopulării,

cea ce presupune îmbunătățirea semnificativă a situației în toate domeniile vieții oamenilor.

Referințe

- Capdevila, P.; Stott, I.; Beger, M.; Salguero-Gómez, R. Towards a comparative framework of demographic resilience. *Trends Ecol. Evol.* 2020, 35, 776–786. [CrossRef]
- Programul de reziliență demografică pentru Europa și Asia Centrală https://moldova.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/rezilienta_demografica.pdf
- Dumont, Gérard-François [Union européenne: dépopulation ou dépeuplement ?] [European Union: Depopulation or Population Decline?] (May 1, 2019). *Population & Avenir*, n° 743. [ISSN 0223-5706], Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=>
- Fihel, A. & Okólski, M. (2019). Population decline in the post-communist countries of the European Union. *Population & Societies*, 567, 1-4. <https://doi.org/10.3917/popsoc.567.0001>
- Mileris R. (2019). "Population Migration Flows in European Union: Economic Factors and Perspective Statistical Trends," *Managing Global Transitions*, University of Primorska, Faculty of Management Koper, vol. 17(2 (Summer), pages 163-188. DOI: 10.26493/1854-6935.17.163-188
- Sidorenko A. (2019). Demographic transition and “demographic security” in post-Soviet countries. *Population and Economics* 3(3): 1–22. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e47236>
- Stancu, S., and O. M. Popescu. 2018. ‘International Migration: The Analysis of Economic Impact in the Globalization Context.’ *Economic Computation and Economic Cybernetics Studies and Research* 52 (4): 79–94.

OPORTUNITĂȚI DE ÎMBĂTRÂNIRE ACTIVĂ ÎN REPUBLICA MOLDOVA¹

Mariana Buciuceanu-Vrabie², doctor în sociologie, conf. cercet.
INCE, Centrul de Cercetări Demografice, Republica Moldova

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-02>

Abstract

The article presents an analysis of the opportunities for the population active aging, in light of the multidimensional indicators of the Active Aging Index for 2016-2020 and their relation to the Sustainable Development Goals of the 2030 Agenda. It is found that almost three quarters of Moldova's population aged 55 and over have very few opportunities to live a long, healthy, professionally active and safe life. At the same time, in the last five years, the most obvious progress in achieving those 17 Nationalized SDGs and related to the elderly population is registered in: strengthening the skills of ICT use (SDG 17); promoting lifelong learning opportunities (SDG 4); ensuring a healthy life and promoting the well-being of all at all ages (SDG 3).

Cuvinte-cheie: vârstă înaintată, îmbătrânire activă, indicele îmbătrânirii active, politici publice, obiectivele dezvoltării durabile (OOD-uri).

Clasificarea JEL: J14, J18, I3

Introducere. Contextul social, economic și demografic al Republicii Moldova are un impact important asupra situației persoanelor în vârstă și a oportunităților de valorificare a potențialului acestora. Cu o populație în proces rapid de îmbătrânire, unde mai mult de 1/5, în prezent, constituie populația în vârstă de 60 ani și peste, iar potrivit prognozelor în următorul deceniu va ajunge până la 1/3 (Гарайз, 2020), sporește și atenția față de necesitatea dezvoltării unor politici reziliente la acest proces.

Angajamentele Republicii Moldova au evoluat în ultimele două decenii, cu un mix de intervenții politice pro-active și adaptive, inclusiv în domeniul îmbătrânirii populației. Aliniindu-se, începând cu anul 2002, la Planul Internațional de Acțiuni de la Madrid privind Îmbătrânirea (MIPAA) și la Strategia Regională pentru Implementarea MIPAA (RIS), Guvernul a elaborat Programul pentru integrarea problemelor îmbătrânirii în politici, completat periodic și etapizat pe parcursul anilor (2007-2011; 2012-2016; 2018-2021) cu un Plan de acțiuni în domeniu (GovMD, 2017). Între timp, perspectiva îmbătrânirii a fost integrată în domeniile intersectoriale precum: Strategia Națională de Sănătate 2030; Planul național de acțiuni pentru implementarea Strategiei naționale privind ocuparea forței de muncă, 2017-2021; Planul de acțiuni privind implementarea Strategiei naționale de dezvoltare a sectorului de tineret 2020;

¹ Articolul este elaborat în cadrul Programului de Stat (2020-2023) 20.80009.0807.21 "Migrația, schimbări demografice și politici de stabilizare a situației".

² © Mariana Buciuceanu-Vrabie, buciuceanuvrabie@gmail.com

Proiectul Legii pentru aprobarea Strategiei naționale de dezvoltare „Moldova-2030” (GovMD, 2018); Programul național în domeniile cercetării și inovării pentru anii 2020-2023 și Planul de acțiuni privind implementarea acestuia, care include direcția strategică Migrația, diaspora și schimbările sociodemografice, inclusiv cercetări în domeniul îmbătrânirii (GovMD, 2019).

Totodată, pentru a monitoriza mersul procesului de implementare a Planului MIPAA/RIS, în anul 2016 a fost preluată și adaptată metodologia internațională de calcul a Indicelui Îmbătrânirii Active (ÎÎA) (UNECE, 2013) – un instrument bazat pe dovezi și dezvoltat pentru a evalua potențialul neexploatat al persoanelor în vârstă și oportunitățile populației de a îmbătrâni activ, sănătos și în siguranță. Până în prezent, la solicitarea MMPSF, în cadrul Centrului de Cercetări Economice (CCD) au fost elaborate două ediții ale ÎÎA în Republica Moldova, pentru anul 2016 și pentru anul 2020 (Buciuceanu-Vrabie, 2021).

Date și metode. Analiza oportunităților de îmbătrânire activă în Moldova este realizată în baza indicatorilor multidimensionali compoziți ai Indicelui Îmbătrânirii Active și îmbină o bază de date statistice și empirice naționale selectate și ajustate în corespundere cu metodologia internațională aplicată de UNECE în calcularea ÎÎA. Astfel, în designul analitic au fost utilizate: datele statistice oficiale raportate la populația cu reședință obișnuită, Ancheta Forței de Muncă, Bugetul Gospodăriilor Casnice, rezultatele studiului Generații și Gen (GGS) (GGS, 2020) și datele Barometrului de Opinii Publice (BOP). Totodată, în baza indicatorilor estimați privind îmbătrânirea activă în Republica Moldova se prezintă o evaluare comparativă a dinamicii acestora între anii 2016 și 2020 și relevanța lor în contextul angajamentelor din Agenda 2030 pentru dezvoltarea durabilă (Guvernul RM, 2017).

Rezultate și discuții. Politicile publice elaborate la nivel central și local în vederea implementării principiului îmbătrânirii active au contribuit la creșterea ușoară a Indicelui Îmbătrânirii Active în ultimii cinci ani. Potrivit estimărilor, în anul 2020 ÎÎA a acumulat scorul de 28.6 puncte din 100, iar în anul 2016 acesta constituia 27.1 puncte. În aspect regional, Republica Moldova rămâne pe treptele de jos după progresele atinse comparativ cu țările UE, unde valoarea medie a ÎÎA este de 36.8 puncte (UNECE, 2021), și la o distanță dublă față de obiectivul-țintă de 57.5 puncte, propus țărilor în contextul adaptării la schimbările demografice, ceea ce presupune ca cel puțin 6 din 10 persoane să fie asigurate cu oportunități de a îmbătrâni activ, sănătos și în siguranță.

Privită în ansamblu, situația populației în vârstă nu indică schimbări evidente asupra bunăstării sale sociale și economice. Deși ÎÎA înregistrează o dinamică pozitivă, acesta arată că mai puțin de 1/3 din potențialul uman în vârstă de 55 de ani și peste este valorificat și are oportunități pentru a îmbătrâni activ și sănătos.

Provocări mari se înregistrează pentru toate cele patru domenii componente ale ÎÎA. Potrivit indicatorilor, potențialul de 55-74 de ani este

puțin valorificat prin integrarea în câmpul muncii – doar un sfert din această categorie sunt ocupați economic. Un trai independent, sănătos și în condiții de siguranță poate fi asigurat în societatea noastră doar pentru o jumătate din persoanele în vârstă de 55 de ani și peste. Deschiderea persoanelor în vârstă de a participa în viața socială, precum și condițiile pentru aceasta sunt încă foarte reduse, doar fiecare al zecelea fiind implicat în diversitatea activităților comunitare. Capacitatea țării în a asigura o îmbătrânire activă se menține redusă, în special ca urmare a speranței mici de viață, inclusiv în stare de sănătate bună, pentru persoanele în vârstă de 55 de ani și peste.

Estimările arată că în rândul femeilor oportunitățile de a îmbătrâni activ și sănătos sunt mai mici (IÎA a acumulat 27.1 puncte din 100) comparativ cu bărbații (IÎA fiind de 30.5 puncte din 100). Discrepanțe de gen semnificative se atestă pentru marea majoritate a indicatorilor compoziți ai algoritmului de calcul al IÎA. Femeile, deși au o durată a vieții mai lungă, pe măsura înaintării în vârstă sunt dezavantajate social, marcate de un nivel înalt de vulnerabilitate ocupațională, materială, financiară și fizică.

În contextul schimbărilor demografice prin care trece Republica Moldova și al prognozelor pesimiste privind depopularea și îmbătrânirea rapidă, se accentuează impactul direct al ameliorării calității vieții oamenilor asupra valorificării celui de-al doilea dividend demografic (Expert-Grup, 2017). Astfel, aliniat la Agenda 2030, Guvernul Republicii Moldova a elaborat un cadru național incluziv și cuprinzător *Strategia națională de dezvoltare „Moldova 2030”* (GovMD, 2018), care evidențiază obligativitatea creării condițiilor necesare pentru valorificarea potențialului fiecărei persoane, indiferent de vârstă, mediul de reședință, sex, etnie, dizabilitate, religie sau alte diferențe. Practic la toate cele zece dimensiuni strategice (nivelul de venituri; condițiile de trai; condițiile de muncă; nivelul de educație; starea de sănătate; climatul social; utilizarea timpului; calitatea guvernării; siguranța și securitatea publică; calitatea mediului) și la prioritățile trasate în Strategie este subliniată vulnerabilitatea cetățenilor în vârstă. Deși în Program și în Plan (GovMD, 2017) nu se face trimitere către Agenda 2030, acestea fiind o continuitate a angajamentelor în implementarea MIPAA/RIS, totuși indirect se corelează cu obiectivele stabilite privind asigurarea unei societăți pentru toate vârstele și prioritizează promovarea calității vieții și a măsurilor de extindere a participării persoanelor în vârstă la viața socială și economică. Totodată, în evaluarea aplicării Agendei 2030, indicatorii îmbătrânirii active se reflectă atât ca instrument de monitorizare a progresului în realizarea ODD-urilor, cât și ca rezultat al politicilor publice ce influențează dinamica acestor indicatori.

Etapa de naționalizare a Agendei 2030 a avut loc în perioada iulie 2016 – februarie 2017 (UN Moldova, 2017). În 2019, indicatorii ODD naționalizați au fost revizuiți pentru a evalua gradul de disponibilitate al acestora și nivelul conformității lor cu lista globală a indicatorilor ODD. Menționăm că 34% din indicatori sunt disponibili integral, 30% – parțial, 18% sunt lipsă, restul fiind

calculați la nivel internațional. Către anul 2020, Republica Moldova a înregistrat progrese semnificative pentru atingerea ODD 1, 8, 13 și 17, însă rezultatele preconizate din atingerea ODD 2, 3, 5, 7, 9 și 11 sunt moderate (GovMD, 2020). În pofida faptului că s-au întreprins eforturi pentru dezvoltarea tuturor domeniilor sociale, impactul asupra ODD 4, 6, 10, 12, 15 și 16 rămâne nesemnificativ.

Din exercițiul de evaluare putem constata provocările raportate la monitorizarea implementării principiului îmbătrânirii active și corelarea la indicatorii ODD: disponibilitatea datelor, inclusiv insuficiența datelor dezagregate pe caracteristici demografice și socioeconomice pentru a-i identifica "pe cei lăsați în urmă" și cei care sunt vulnerabili la depravare multiplă (circa 19% din totalul indicatorilor ODD naționalizați sunt dezagregați pe vârstă și peste 21% pe sexe și pe medii de reședință); lipsa datelor detaliate privind sărăcia și formele sale împiedică analiza eficientă a politicilor și luarea deciziilor bazate pe dovezi; inegalități și probleme privind accesul la serviciile de sănătate, cauzate în principal de plățile informale, pentru populație, grupurile vulnerabile, inclusiv persoanele în vârstă și populația rurală (ODD 3); sunt raportate provocări privind discrepanțele de gen în asigurarea unei vieți decente (atât integrarea pe piața muncii, cât și inegalitatea veniturilor (ODD 4, 5, 8)).

Mai mulți indicatori contextuali ai îmbătrânirii active sunt relevanți pentru nouă din cele 17 ODD-uri naționalizate (*Tabelul 1*). Cele mai evidente progrese în realizarea ODD-urilor naționalizate reflectate prin indicatorii compoziți ai îmbătrânirii active sunt, după cum urmează: consolidarea competențelor de utilizare TIC (ODD 17) – către anul 2020, aproape fiecare a doua persoană în vârstă de 55 de ani și peste utilizează internetul săptămânal; promovarea oportunităților de învățare de-a lungul vieții (ODD 4) – ponderea persoanelor de 55-74 de ani implicate în activități de învățare pe parcursul vieții este mică (2%), dar în creștere pentru ultimii ani; asigurarea unei vieți sănătoase și promovarea bunăstării tuturor la toate vârstele (ODD 3) – practic nouă din zece persoane de 55 de ani și peste evocă o sănătate mentală bună, iar 2/3 confirmă accesul la serviciile de sănătate după necesitate.

Tabelul 1. Indicatorii de îmbătrânire activă* relevanți pentru Obiectivele de Dezvoltare Durabilă

	Indicatorii de îmbătrânire activă care corelează cu ODD			Comentarii & Comparații
		2016	2020	
<p>ODD 1: Eradicarea sărăciei în toate formele sale și în orice context (1.2)</p> <p>ODD 10: Reducerea inegalităților în interiorul țărilor și de la o țară la alta (10.2)</p>	Fără risc de sărăcie (1.2; 10.2)	84.1%	83.7%	<p>Populația în vârstă de 65 de ani și peste din Moldova prezintă un grad sporit de vulnerabilitate materială și financiară: venitul vârstnicilor este cu 30% mai mic decât al populației adulte de până la 65 de ani (pentru țările UE discrepanța este de 16%); doar 4 din 10 vârstnici nu sunt depravați material, adică își pot asigura anumite bunuri și servicii pe parcursul anului (în țările UE, 9 din 10 vârstnici); în afara riscului de sărăcie sunt circa 84% din populația în vârstă (media pentru țările UE este de peste 90%).</p>
	Venitul median relativ al populației de 65 de ani și peste în raport cu venitul median al populației în vârstă de până la 65 ani (10.2)	56.2%	71.6%	
	Fără depravare materială (10.2)	57.4%	43.5%	
<p>ODD 3: Asigurarea unei vieți sănătoase și promovarea bunăstării tuturor la orice vârstă (3.4.1; 3.4.2; 3.5; 3.8)</p>	Accesul la sănătate și îngrijire dentară (3.8)	72.6%	66.3%	<p>În Moldova 2/3 din populația în vârstă de 55 de ani și peste are acces la servicii de sănătate. Media pentru țările UE constituie 82.1% din această categorie a populației.</p>
	Ponderea speranței de viață (SV) rămasă la vârsta de 55 de ani (3.4.1)	43.2%	41.7%	<p>Sănătatea potențialului de 55-74 de ani este precară. Indicatorii descriptivi setați (41.7% ponderea speranței de viață la 55 de ani și circa 44% ponderea speranței de viață sănătoasă la 55 de ani) sunt mai mici comparativ cu valorile înregistrate în UE (59.4% și 50.5%).</p>
	Ponderea speranței de viață sănătoasă la vârsta de 55 de ani din SV rămasă (3.5)	66.4%	43.9%	
	Bunăstarea mentală (3.4.2)	62.1%	88.6%	<p>Bunăstarea mentală în rândul populației de 55 de ani și peste se atestă a fi bună. Circa 89% din persoanele în vârstă autoapreciază că în ultima săptămână (premergătoare studiului) (GGS, 2020) niciodată sau foarte rar au avut stări de tristețe, deprimare,</p>

	Indicatori de îmbătrânire activă care corelează cu ODD		Comentarii & Comparații	
	2016	2020		
			înfrișoare, neliniște sau atitudinea că viața e un eșec ș.a.	
<p>ODD 4: Garantarea unei educații de calitate și promovarea oportunităților de învățare de-a lungul vieții pentru toți (4.3; 4.4)</p>	Învățare pe parcursul vieții (4.3; 4.4)	0.3%	2.0%	2% din persoanele de 55-74 de ani sunt implicate în activități de învățare continuă. Media pentru țările UE este 5.3%.
	Nivelul de studii (4.3)	51.1%	73.4%	Nivelul de educație al populației în vârstă de 55-74 de ani este relativ înalt, 3/4 au cel puțin studii medii generale. În UE acest indicator este mai mic – 64.8%.
<p>ODD 5: Realizarea egalității de gen și împuternicirea tuturor femeilor și a fetelor (5.4; 5.5)</p> <p>ODD 16: Promovarea unor societăți pașnice și incluzive pentru o dezvoltare durabilă, a accesului la justiție pentru toți și crearea unor instituții eficiente, responsabile și incluzive la toate nivelurile (16.7)</p>	Îngrijirea nepoților (5.4)	31.0%	22.1%	Printre persoanele de 55 de ani și peste, 22.1% se ocupă de îngrijirea nepoților. Media pentru țările UE este de 26%.
	Îngrijirea adulților în vârstă (5.4)	3.8%	15.5%	Circa 16% din persoanele de 55 de ani și peste îngrijesc de adulții în vârstă. În cazul țărilor UE valoarea medie este relativ mai mare – 18.5%.
	Participarea politică (5.5; 16.7)	1.9%	10.7%	Printre persoanele în vârstă din Moldova, una din zece participă la activități politice. În țările UE, practic două din zece.
<p>ODD 8: Promovarea unei creșteri economice susținute, deschise tuturor și durabile, a ocupării depline și productive a forței de muncă și a unei munci decente pentru toți (8.5)</p>	Rata de ocupare pentru populația de 55-74 de ani (8.5)	55-59 ani – 49%; 60-64 ani – 27.6%; 65-69 ani – 13.4%; 70-74 ani – 6.6%	55-59 ani – 52.9%; 60-64 ani – 28.1%; 65-69 ani – 10.1%; 70-74 ani – 6.6%	1/4 din populația de 55-74 de ani este încadrată pe piața muncii. În țările din Europa Centrală și de Est – 1/3 din persoanele acestei categorii de vârstă.
<p>ODD 11: Dezvoltarea orașelor și a așezărilor umane pentru ca ele să fie deschise tuturor, sigure, reziliente și durabile (11.7)</p> <p>ODD 16: (16.1)</p>	Siguranța fizică (11.7; 16.1)	53.2%	47.6%	În Moldova, doar 47.6% din persoanele de 55 de ani și peste se simt în siguranță pe timp de noapte în vecinătatea unde locuiesc. În țările UE, ponderea acestora depășește 75%.
<p>ODD 17: Consolidarea mijloacelor de implementare și</p>	Utilizarea TIC (17.8.1)	3.7%	47.2%	Ponderea persoanelor în vârstă de 55-74 de ani care utilizează internetul cel puțin o dată pe

	Indicatori de îmbătrânire activă care corelează cu ODD		Comentarii & Comparații
	2016	2020	
revitalizarea parteneriatului global pentru dezvoltare durabilă (17.8.1)			săptămână constituie circa 53%, fiind la un nivel apropiat de valoarea înregistrată în țările UE – 57.5%

*raportare la populația de 55 de ani și peste.

Sursa: Compilat de autor în baza AAI: Linkages with SDGs. UNECE 2018. (Kharitonova O.) și Adaptarea Agendei 2030 de Dezvoltare Durabilă la contextul Republicii Moldova. Guvernul RM, UN Moldova, 2017.

În contextul îmbătrânirii populației, dezvoltarea durabilă este asociată cu participarea activă a generațiilor în vârstă la *economie, piața muncii* (ODD 8) și *societate în general* (ODD 16), inclusiv prin realizarea *egalității de gen și împuternicirea femeilor* (ODD 5). Conectarea la aceste ODD-uri este sporadică, persoanele în vârstă fiind dezavantajate în acest sens: ratele de ocupare rămân mici, respectiv și veniturile, iar nivelul de trai este marcat de sărăcie și nesiguranță fizică. Inegalitatea de gen preia un aspect multilateral în cazul femeilor în vârstă caracterizate prin vulnerabilitate ocupațională, materială, financiară și fizică.

Concluzii. Spectrul politicilor publice din țară, inițiate în contextul angajamentelor Agendei de Dezvoltare Durabilă 2030, țarghetează inclusiv populația în vârstă. În ultimii ani, deși îmbătrânirea populației este un domeniu prioritizat de Guvern și ridicarea nivelului calității vieții este pe agenda sa, fiind adoptat și dezvoltat un cadru normativ relevant, creat un mecanism instituțional de gestionare a proceselor demografice, acestea întârzie în înregistrarea unui progres evident. Persoanele în vârstă se confruntă cu multiple probleme în viața cotidiană. Din estimările Indicelui Îmbătrânirii Active pentru anul 2020 se constată că în rândul populației de 55 de ani și peste, practic trei din patru au oportunități reduse de a se implica în viața socială, de a participa pe piața forței de muncă, de a accesa servicii de primă necesitate, ceea ce subminează dreptul acestei categorii de populație la un trai decent, viață lungă și sănătoasă, demnă și independentă.

Intensificarea măsurilor de valorificare a potențialului populației în vârstă mai mare este o cerință obligatorie pentru sustenabilitatea de viitor a țării, iar printre domeniile fundamentale care necesită implicare se evidențiază: sănătatea, protecția socială adecvată, ocuparea și participarea, educația pe parcursul vieții.

Referințe

Buciuceanu-Vrabie (2021). *Indicele îmbătrânirii active în Republica Moldova 2020*. Chișinău: INCE, UNFPA.

Expert-Grup (2017). *Demografia contează. Care este impactul dinamicii populației asupra economiei Republicii Moldova?* Chișinău: UNFPA & Expert-Grup.

- GGS (2020). *Republica Moldova-Studiul Generației și Gen (2020)*. Chișinău: Ministerul Muncii și Protecției Sociale al Republicii Moldova, Biroul Național de Statistică (elaborarea eșantionului), UNFPA, NIDI-GGP (partener și distribuitor de date).
- GovMD (2017). Hotărârea Guvernului RM nr. 1147 din 20.12.2017 Cu privire la completarea Programului pentru integrarea problemelor îmbătrânirii în politici. Retrieved from https://gov.md/sites/default/files/document/attachments/intr02_156.pdf
- GovMD (2017). *HOTĂRÂRE nr. 1147 din 20-12-2017 cu privire la completarea Programului pentru integrarea problemelor îmbătrânirii în politici*. Retrieved from https://gov.md/sites/default/files/document/attachments/intr02_156.pdf
- GovMD (2018). Hotărârea Guvernului nr. 1083 din 08.11.2018 cu privire la aprobarea proiectului de lege pentru aprobarea Strategiei naționale de dezvoltare „Moldova 2030”. Chișinău. Retrieved from https://gov.md/sites/default/files/document/attachments/intr40_12_0.pdf
- GovMD (2019). Hotărârea nr. 381 din 01-08-2019 cu privire la aprobarea Programului național în domeniile cercetării și inovării pentru anii 2020-2023 și a Planului de acțiuni privind implementarea acestuia. Retrieved from https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=124073&lang=ro
- GovMD (2020). *REPUBLIC OF MOLDOVA VOLUNTARY NATIONAL REVIEW Progress Report 2020*. Chișinău: Government of the Republic of Moldova. Retrieved from https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26344VNR_2020_Moldova_Report_English.pdf
- Guvernul RM (2017). *Adaptarea Agendei 2030 de Dezvoltare Durabilă la contextul Republicii Moldova*. Chișinău: Guvernul RM, UN Moldova,.
- HelpAge (2020). *Notă analitică pentru o mai bună integrare a necesităților persoanelor vârstnice în proiectul Strategiei Naționale de Sănătate 2030*. Chișinău.
- UN Moldova (2017). *Adapting the 2030 Agenda on Sustainable Development to the context of the Republic of Moldova. Government of the Republic of Moldova, UN Moldova*. Chișinău. Retrieved from https://www.md.undp.org/content/moldova/ro/home/library/sdg/na_ionalizarea-agendei-de-dezvoltare-durab
- UNECE (2013). *Introducing the Active Ageing Index. Policy brief*. Brussels: UNECE & European Commission.
- UNECE (2021). 2020 Active Ageing Index (AAI) results for EU28. Geneva. Retrieved from <https://statswiki.unece.org/pages/viewpage.action?pageId=76287845>
- Zaidi, A. et al. (2013). *Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology and Final Results*. Vienna.
- Гарауз, О. (2020). Демографические перспективы Молдовы. *Стратегические задачи демографического развития: приоритеты и региональные особенности: Десятые Валентеевские чтения: Сборник докладов*. Ред. О. С. Чудиновских, И. А. Троицкая, А. В. Степанова. (pp. 609-625). Москва.

COVID-19 AND WOMEN MIGRANT WORKERS: IMPACTS AND IMPLICATIONS

Mariana BĂLAN¹, univ. prof., PhD, SR I,
Institute for Economic Forecasting – NIER, Romanian Academy

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-03>

Abstract. Actuality: worldwide, international migration has significantly increased in recent decades. Thus, the stock of migrants increased from 173.59 million in 2000 to 271.64 million people in 2019 (of which 48% were women). About 74% of migrant women are in the service industry, which includes domestic work and, in many cases, at high risk of losing it. During the Covid-19 pandemic, mobility and travel restrictions endangered the income of migrant women, especially domestic workers. **Purpose:** analysis of the Covid-19 pandemic impact on migrant women, employed in various sectors of activity. A number of good practices are presented in terms of the level of social assistance and protection for migrant workers, including domestic workers who have lost their jobs. **Methodology:** descriptive statistical analysis (graphs, tables, calculation of averages and dispersions) was used mainly for visualizing and synthesizing information from a data set. **Results:** an analysis of the Covid-19 pandemic effects on migrant workers in health and social care institutions, those working in households, but also on those with precarious and informal jobs, or with irregular migration status. The analysis of the Covid-19 pandemic impact on migrants has highlighted the fact that migrant workers, although occupying essential jobs in our societies, are often deprived of human rights and access to essential services.

Keywords: migration, migrant workers, level of training, gender differences.

Abstract. Actualitate: la nivel mondial, în ultimele decenii a crescut semnificativ migrația internațională. Astfel, stocul de migranți a crescut de la 173,59 milioane persoane în anul 2000 la 271,64 milioane persoane în anul 2019 (din care 48% erau femei). Aproximativ 74% din femeile migrante sunt în industria serviciilor care include munca casnică și, în multe cazuri, cu risc ridicat de pierdere a acestuia. În timpul pandemiei de Covid-19, restricțiile de mobilitate și de călătorie au pus în pericol venitul femeilor migrante, în special al lucrătoarelor casnice. **Scop:** analiza impactului pandemiei COVID-19 asupra femeilor migrante, încadrate în diverse sectoare de activitate. Sunt prezentate o serie de bune practici în ceea ce privește nivelul de asistență și protecție socială pentru lucrătoarele migrante, inclusiv pentru lucrătoarele casnice care și-au pierdut locul de muncă. **Metodologie:** analiza statistică descriptivă (grafice, tabele, calcul de medii și dispersii) a fost utilizată în special pentru vizualizarea și sintetizarea informațiilor desprinse dintr-un set de date. **Rezultate:** realizarea unei analize a efectelor pandemiei de Covid-19 asupra lucrătoarelor migrante din instituțiile de sănătate și asistență socială, a celor care lucrează în gospodării, dar și asupra celor cu locuri de muncă precare și informale, sau cu statut de migrație neregulată. Analiza impactului pandemiei de Covid-19 asupra migranților, a evidentiat faptul că, lucrătoarele migrante, deși ocupă locuri de muncă esențiale în societățile noastre, totuși ele sunt, nu de puține ori, private de drepturile omului și de accesul la servicii esențiale.

Cuvinte cheie: migrație, lucrătoare migrante, nivel de pregătire, diferențe de gen.

JEL Classification: F22, F24, O15, R23.

¹ ©Mariana BĂLAN, dr.mariana.balan@gmail.com.

Introduction. The phenomenon of migration has always existed, materialized by the movements of people who sought a better life, livelihood or refuge or fled from natural disasters. The majority of people moving today are still domestic migrants, with international migrants reaching 279 million in 2019 and almost 281 million in 2020 (État de la migration dans le monde 2020, IOM). In terms of the share of international migrants in the world's population, it has had an upward trend over the last 50 years, ranging from 2.3% in 1970 to 3.6% in 2020. However, in some regions the percentage is higher (in 2019): for example, in Europe it is 11%, while in North America it is 16%.

In 2019 and the first half of 2020, the majority of international migrants (approximately 74%) were of working age (20 to 64 years old), with women representing 52% of the total migrant population.

International statistics on the migration phenomenon show that, since the early 1980s, an increasing number of women (either single or married and often better educated than men) have moved to work in countries other than their country of origin. Thus, the number of female migrants increased faster than the number of male migrants between 1970 and 2020, in the most important, industrialized beneficiary countries, they accounted for 48% of the total migrant population in 2020.

One of the indicators of the feminization of migration is the share of migrant women in total migrants at regional level. Thus, in more developed areas, women represent more than half of international migrants, and in less developed areas of the world, less than half. These variations reflect prejudices about 'male' and 'female' work, but also differences in wages and living standards, government policies and employment practices.

The average value of remittances from migrant women workers is the same or even higher than that of migrant men, revealing that they are more likely to send home a larger share of their salaries on a regular basis (their remittances being more likely to be spent on health, education, family and community development).

The Covid-19 pandemic triggered the worst global crisis since the end of World War II, causing profound social, economic and political upheaval in all societies around the world. Migration was no exception. The pandemic has disrupted mobility, blocked migrants, destroyed jobs and incomes, reduced remittances and pushed millions of migrants and vulnerable populations into poverty. However, migration, although its dynamics diminished, continued.

The World Organization for Migration has estimated that more than 160 million migrant workers were subject to mobility restrictions in the first half of 2020. Migrant workers have been exposed to increased health risks because they regularly work in front-line industries and they live in precarious accommodation conditions.

The impact of the pandemic on migrant workers also has a gender dimension. The effect of the pandemic can be studied taking into account: i)

social and religious constraints, ii) choice (availability of basic facilities such as fuel, drinking water, childcare, etc.) and iii) career (employment opportunities).

During the pandemic, hostile social norms, poor prospects for insertion into the labor market for women, lead to a precarious situation that threatens to stagnate their participation in the labor force. As a result, migrant women are less protected from job loss and the economic downturn (UN Women, 2020). Also, while migrant women have the lowest wages, they remit a higher percentage of their income than men. Many of these inequalities have been revealed and are likely to be exacerbated by the COVID-19 pandemic.

1. **Current trends in women's migration for work.** Women, like men, migrate in the hope of better living conditions, to support their children, to escape the precarious economic, social and political situations in their country of origin.

Other factors that can make a significant contribution to women's decision to migrate include:

- i) increasing the demand for labor on the market of services in the destination countries,
- ii) family obligations,
- iii) high unemployment in the country of origin,
- iv) low wages in the country of origin,
- v) limited social and economic opportunities,
- vi) the desire to expand their horizons,
- vii) professional development for women educated in jobs in which to make better use of their skills and who are better paid.

Female migration is also motivated by other non-economic factors, including community surveillance and patriarchal traditions that limit their opportunities and freedom, exit from an unwanted and / or abusive marriage, release from domestic violence and the desire for equal opportunities.

In the way of their freedom of movement, women face more drastic financial decisions and restrictions than men.

As migrant workers, women face more economic and non-economic barriers and are more likely to migrate as accompanying family members for reasons other than finding a job. They may experience gender discrimination in the labor market and the lack of social networks that make it difficult to reconcile work and family life in a foreign country. All of these are possible factors that reduce the representation of women among migrant workers.

Women's labor migration tends to be highly concentrated in occupations that are traditionally associated with gender-specific roles. One such example is domestic and care work, including nursing, caring for the elderly and children, cleaning and other related household activities, which is usually undervalued and undercompensated.

In 2019, the United Nations Department of Economic and Social Affairs (UNDESA) estimated that the stock of international migrants worldwide was 272 million, of which 245 million were of working age (aged 15 and over). The number of international migrant workers amounted to 169 million, increasing by 5 million migrant workers (3.0%) compared to the 2017 estimate and by 19 million (12.7%) compared to the 2013 estimate.

In the total number of migrant workers, women represent 41.5% and men 58.5%. The lower share of migrant women workers can be explained either by their lower representation among international migrants (47.9%) or by their relatively low labor market participation rate compared to that of men (59.8% compared to 77.5%).

The vast majority of international migrant workers are adults, aged 25-64 (*Fig. 1*), their number being estimated at 146.2 million in 2019 (of which 41.52% were women), and young migrant workers (aged 15 to 24) to 16.8 million.

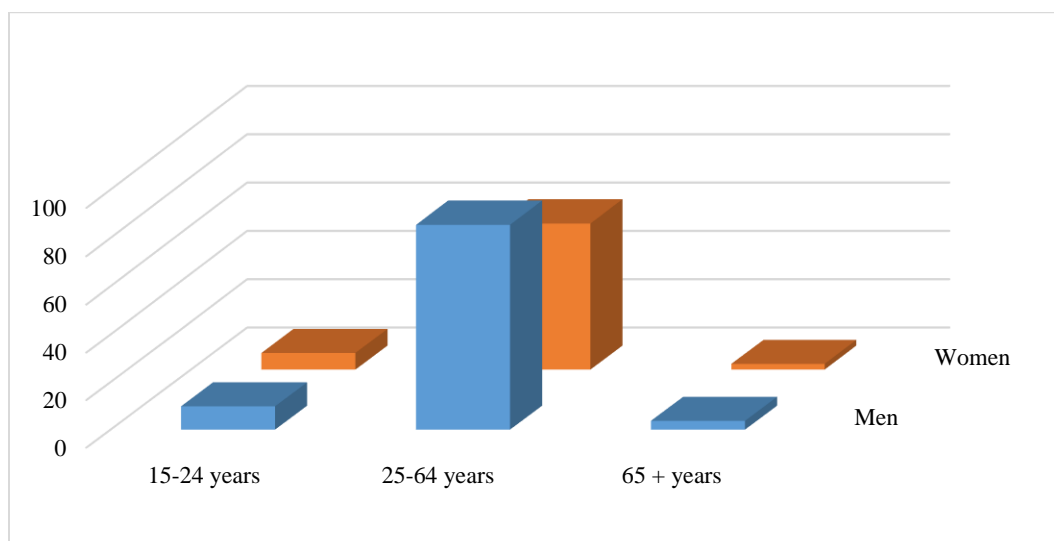

Figure 1. Global estimates of international migrant workers by age, 2019 (millions)

Source: elaborated by the author based on statistics from Department of Economic and Social Affairs, ONU

The analysis of the distribution of male and female migrant workers by categories of economic activity highlights substantial differences, with a higher concentration of women in the service sector than that of men (*Fig. 2*). In 2019, 79.9% of migrant working women were in services, 14.2% were in industry and 5.9% in agriculture. A greater representation of migrant women workers in the service sector can be, to some extent, explained by the growing demand for work in home care, in domestic activities, in the field of health.

These subsectors, predominantly involving a female workforce, tend to rely heavily on migrant working women.

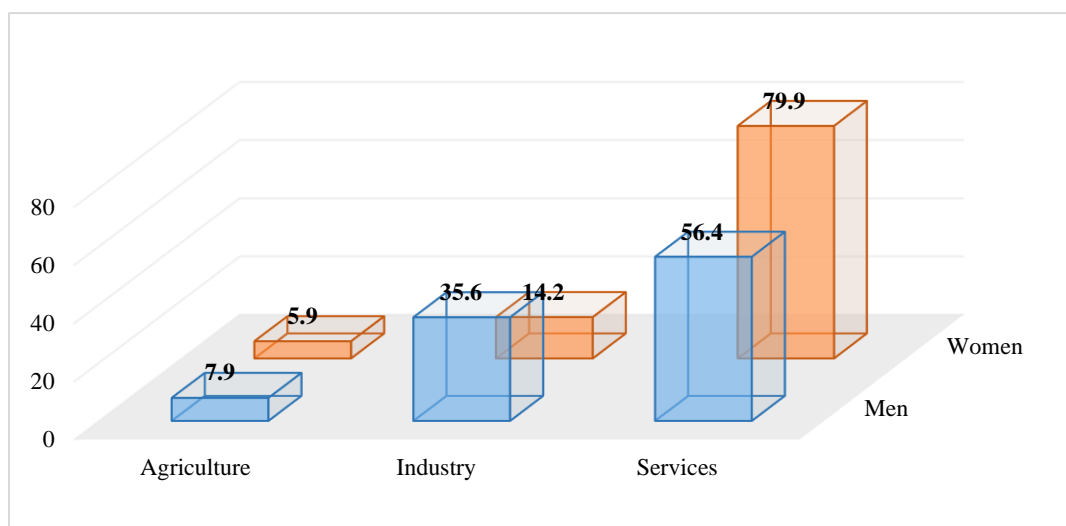

Figura 2. Global distribution of international migrant workers by category of economic activity, 2019, (%)

Source: elaborated by the author based on statistics from Department of Economic and Social Affairs, ONU

In 2019, of the 70.1 million migrant workers, 69.3% (48.5 million) were in high-income countries, another 13.5 million (19.3%) were in upper-middle income countries, the rest being in lower-middle income countries (7.9%) and low-income countries (3.5%).

It should also be noted that the overall share of women among migrant workers varies significantly from one region of the world to another. Thus, in regions such as Northern, Southern and Western Europe, the share of women among migrant workers is over 29.4%, compared to less than 6% in the Arab States (Fig. 3).

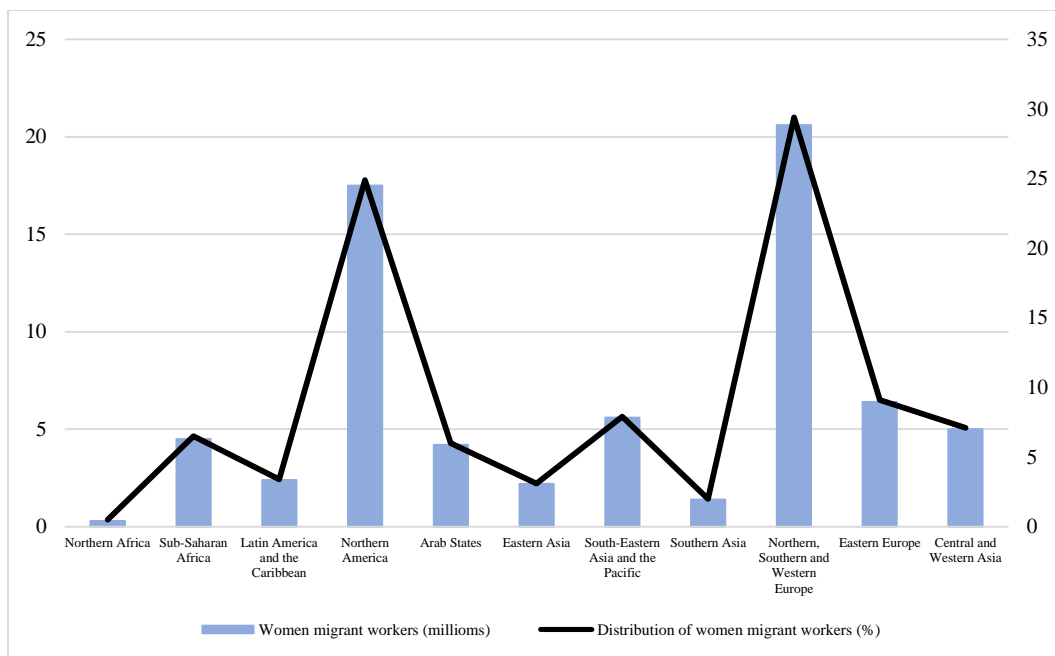

Figura 3. International women migrant workers by subregion, 2019

Source: elaborated by the author based on statistics from Department of Economic and Social Affairs, ONU

Large regions of the world have different shares of the global stock of immigrants and female emigrants. For example, in 2019, Europe hosted 31.029% of the global stock of migrant women, whereas it was the origin of 55% of all migrant women (of whom 68.7% were living within Europe). Asia and North America hosted 25.16% and 22.31% of the total female migration stock, respectively, while they were the origin of 82% and 2.9% of all women emigrants. The majority of foreign births in Africa (58.6%), Asia (54.4%), Europe (68.7%) and Oceania (49.2%) remained in the same region (*Table 1*).

Although female migrant workers' wages are usually lower, they send home more of their earnings more frequently than male migrant workers. Remittances from female migrant workers are more likely to be spent on health, education, family and community development. In general, migrant women often send remittances to the person (often a woman) who cares for her children left in the country of origin, to ensure that the money is spent for the benefit of the children and the household. Migrant working women also tend to take greater responsibility for remittances from extended family members.

Table 1. International female migrant stock (millions) by major area of origin and destination, 2019

		Origin						Total	Retention by destination (%)
		Africa	Asia	Europe	Latin America and the Caribbean	Northern America	Oceania		
Destination	Africa	10.080	0.456	0.450	0.019	0.032	0.013	11.050	91.2
	Asia	1.560	26.837	3.861	0.208	0.231	0.044	32.741	82.0
	Europe	3.702	10.776	22.232	2.906	0.571	0.199	40.385	55.0
	Latin America and the Caribbean	0.017	0.176	0.691	4.171	0.616	0.005	5.676	73.5
	Northern America	1.566	9.138	3.676	13.530	0.840	0.280	29.029	2.9
	Oceania	0.277	1.961	1.438	0.104	0.119	0.525	4.424	11.9
	Total	17.201	49.345	32.347	20.939	2.408	1.066	123.305	
	Retention by origin (%)	58.6	54.4	68.7	19.9	34.9	49.2		

Source: elaborated by the author based on statistics from Department of Economic and Social Affairs

2. The effects of the Covid-19 pandemic on migrant working women. The Covid-19 pandemic has rapidly and dramatically changed societies and labor markets. Severe constraints on mobility through border and business closures, quarantines and traffic restrictions have negatively affected the activities of migrant workers.

Early estimates by various international bodies (UN, IMF) of the effects of measures to block all or part of the labor market indicated that almost 2.7 billion workers (representing around 81% of the world's workforce) would be affected. therefore, the significant contraction in global production in 2020 will lead to a global recession, which will be strikingly different from past recessions.

In 2020, 8.8% of global working hours were lost compared to the fourth quarter of 2019, which is equivalent to the loss of 255 million full-time jobs (48 hours / week). Losses in working hours in 2020 were about four times higher than during the global financial crisis of 2008-2009 (ILO, 2021).

Migrants (both legal and illegal, regular or irregular) represent in many countries a significant share of the workforce in essential services (provision of health and social care, transport) and supply chains. Migrant women work in all these sectors, but are better represented among medical and social service providers.

In many countries, migrant workers make up the majority of health care workers who care for patients, and many others work as cleaning agents in hospitals and social care institutions.

In the field of health and social care, worldwide, women represent 70% of employees, who during the health crisis worked in the front line: in hospitals, in care units and in private homes, caring for patients affected by Covid-19.

There are an estimated 11.5 million migrant house workers in the world (out of the 67 million house workers, 80% of whom are women).

A large proportion of childcare and elderly care services are provided by migrant women, who are usually poorly paid and mostly part-time employed. This makes them look for extra jobs in other care units. But, these activities have become the epicenters of Covid-19, because working conditions and not infrequently the lack of personal protective equipment, have exacerbated the spread of the virus.

Many migrant women working in care facilities and private homes do not have social and labor protection, have little or no access to health care services and cannot obtain unemployment or sickness benefits if they lose their jobs. Unlike the previous global economic and financial crisis, in which unemployed migrant workers were often able to change sectors of activity, in this health and economic crisis, sector change may not be as feasible due to the skills and experience required for the essential sectors. (World Bank, 2020).

The service sectors are difficult to transpose into a telework mode, which means that the periodic closure of these sectors has resulted in a considerable proportion of women being laid off. Also, the measures of blocking and social distancing meant that the activity of bars, restaurants, tourism and other sectors dominated by migrant women were completely suspended. The loss of jobs due to the health crisis leads to high levels of poverty and social exclusion in the years following the pandemic.

In addition, many migrant women work informally (without employment contracts and work permits) and therefore, for them, during the pandemic, going to work meant the risk of fines, detention for illegal immigrants and / or deportation if they were requested to present documents while traveling to work.

Due to the pandemic, migrant women employed in health facilities, social assistance have faced, in addition to the extension of working hours and increased responsibilities at home: the widespread closure of schools and the

lack of available childcare services have generated additional responsibilities regarding care of children and of the elderly at home.

The pandemic and traffic restrictions, the loss of jobs and, implicitly, of incomes have led to economic pressures on migrants' households and to a "crowded" life in their homes. All this has generated a high level of domestic violence, with migrant women being particularly vulnerable in these situations (especially due to language and information barriers).

The Covid-19 pandemic also had a significant impact on the ability of migrant women to send remittances to their country of origin. The World Bank's (April 2020) analysis of the effects of the health crisis on global remittances indicates a decline of almost 20%, from \$ 548 billion in 2019 to \$ 445 billion in 2020. Despite the global Covid-19 pandemic, however, remittance flows remained strong in 2020, falling less than previously forecasted. Officially recorded remittance flows to low- and middle-income countries reached \$ 539.5 billion in 2020, just 1.62% below the 2019 total of \$ 548 billion. Given the economic recession caused by the pandemic, migrant women have sent fewer remittances, further exacerbating the vulnerabilities of households that depend on this income.

The pandemic has highlighted the fact that although migrant workers, especially women, perform essential jobs in society, the likelihood of these workers being deprived of human rights and not having access to essential services is quite high. Migrant workers are often excluded from accessing measures to reduce the effects of Covid-19 implemented by the countries in which they operate, including financial support packages, wage subsidies, income support and social protection. There are still many barriers for migrant workers, which stem from immigration and employment legislation, which puts them outside the scope of medical provisions.

For migrant workers, including domestic workers who have lost their jobs, states should provide the same level of assistance and social protection (unemployment benefits, sick leave, income support and wage subsidies) as they provide to their citizens.

During the pandemic, some states adopted a series of social assistance and protection measures for migrant workers in their country.

Thus, Canada has granted wage protections, eligibility for employment insurance to temporary workers in the country's agricultural sectors who have lost their jobs due to the pandemic.

In order to allow migrant workers to access basic social protection programs, Portugal has granted temporary residence rights for them, and France has temporarily extended their residence permits.

Spain has extended unemployment insurance to house workers.

Unemployment benefits in the event of a pandemic in Ireland applied regardless of the status of migrants: "employees or self-employed workers", people who have lost their jobs or been made redundant due to Covid-19. Also,

during the pandemic, testing was available to all migrants, regardless of their status.

Employers in Qatar paid full-time migrant workers in quarantine or those receiving medical treatment for Covid-19.

Another example of good practice is Colombia, which has allowed its population of Venezuelan migrants to access medical care during the health crisis.

The health and economic crisis has once again highlighted the important political gaps in the provision of medical services, the harmful consequences of excluding migrants from accessing health and social care, and the repatriation of migrants. Due to border closures, many migrant workers have been stranded without jobs and with small amounts of money. Difficulties in organizing repatriations, and in particular disagreements over which it is the responsibility, have highlighted the need for bilateral labor agreements between labor-supplying and receiving countries to have clear clauses on the repatriation of workers in crisis situations to ensure that migrant workers are not put in difficult health and life situations.

Conclusions. Over time, the number of migrant women has increased, reaching in 2019 almost half of the 169 million people working outside their countries of birth, which has led to the feminization of migration.

Throughout the migration process, migrant workers face gender vulnerabilities and risks that affect their ability to work and live in their destination countries, but also their integration upon return to their country of origin.

Among migrant working women there are many with a high level of training and qualifications, but the vast majority are overrepresented in low-skilled jobs, such as in the manufacturing industry, agriculture, services (care for the elderly or children, cleaning and other related activities in households and in public and private institutions), small-scale entrepreneurship and not infrequently without access to health and social protection services.

The work of migrant workers is paid less, is generally poorly skilled / unskilled and largely informal and unprotected. Stereotypes and stigma of migrant workers aggravate their devaluation, leaving them more vulnerable to abuse and exploitation, from an economic, physical and structural point of view.

Covid-19 has increased labor market uncertainty for both migrant and native women. The pandemic not only affects current conditions in the women's labor market, but could also have long-term economic and social consequences. Relatively lower labor market participation, career breaks due to care responsibilities and lower earnings, place migrant women in a weaker and riskier position than men.

The Covid-19 pandemic has amplified the negative economic and social consequences for women's lives. In this sense, one of the gender issues highlighted by the pandemic is that of the formal and informal care sectors and the stereotypical role of women in the front line (they faced a higher risk of exposure to contagion, but without decision-making power).

The lack of assistance and protection mechanisms for migrant women workers, their social isolation due to linguistic and cultural differences and the limited availability of correct information have increased their vulnerabilities during the pandemic.

In this context, it is necessary to adopt and implement policies to support migrant workers, to facilitate their access to essential services such as health, police, justice and social services.

REFERENCES

- Addressing the impacts of the COVID-19 pandemic on women migrant workers. UN-Women Guidance Note. (2020). UN-Women, New York. <https://reliefweb.int/>.
- Al Jazeera. (2020). Qatar to pay workers in quarantine full salaries. www.aljazeera.com.
- Carolina Gottardo & Paola Cymant. (2020). How COVID-19 affects Women in Migration, <https://www.fes.de>.
- Connolly, K. (2020). Germany calls on migrant medics to help tackle coronavirus. The Guardian, 14 April. www.theguardian.com.
- Davies, S. (2020). Spain starts subsidy for domestic workers hit by coronavirus. *Reuters*, 31 March. www.reuters.com.
- Esteves, A. (2020). Portuguese government gives temporary residence to immigrants with pending applications. *European Website on Integration*, 28 March. <https://ec.europa.eu>.
- État de la migration dans le monde 2020*. <https://worldmigrationreport.iom.int>.
- Fasani, F. and Mazza J. (2020). Immigrant key workers: Their contribution to Europe's COVID-19 response. European Commission Briefing, 23 April. European Commission. <https://ec.europa.eu>.
- Gender Equality in the Wake of Covid-19. (2020). <https://reliefweb.int/>.
- Gender-Responsive Prevention and Management of the COVID-19 Pandemic: From Emergency Response to Recovery & Resilience. (2020). UN-Women, New York. www.unwomen.org/.
- Hennebry, J.L., K. Williams and M. Walton-Roberts. (2016). Women working worldwide: A situational analysis of women migrant workers. UN-Women, New York, <https://www.unwomen.org>
- ILO. (2020). Monitor: COVID-19 and the World of Work. Second edition. www.ilo.org.
- ILO. (2020). Monitor: COVID-19 and the World of Work. Third Edition. www.ilo.org.
- ILO. (2021). Global Estimates on International Migrant Workers. Results and Methodology. Third edition, www.ilo.org.
- ILO. (2021). Monitor: Covid-19 and the world of work. Seventh edition Updated estimates and analysis, <https://www.ilo.org/>.

- IOM, (2020). *COVID-19 Analytical Snapshot #38: Social protection of migrants.*, www.iom.int.
- IOM. (2020). Ireland's COVID-19 Response in Support of Migrant Workers. IOM – UN Migration, www.youtube.com.
- Refugee and Migrant Response Plan 2020: For refugees and migrants from Venezuela. May 2020 Revision. <https://reliefweb.int>.
- Report on the un Women Global Response to Covid-19, Policy, Programme & Intergovernmental Division UN Women, New York, February 2021. <https://reliefweb.int>.
- The State of the World's Nursing 2020. WHO, Geneva. <https://apps.who.int/>.
- UN-Women. (2020). Gender-Responsive Prevention and Management of the COVID-19 Pandemic: From Emergency Response to Recovery & Resilience. www.unwomen.org.
- UN-Women. Gender-Responsive Prevention and Management of the COVID-19 Pandemic: From Emergency Response to Recovery & Resilience. (2020). UN-Women, New York. www.unwomen.org.
- Walton-Roberts. M. (2020). *If COVID-19 is the Titanic, the economy is the iceberg*. Open Democracy. www.opendemocracy.
- WHO. (2021). The State of the World's Nursing 2020. <https://apps.who.int>.
- Women in the Workforce. (2021). <https://www.catalyst.org>.
- Women in Work 2021: The impact of COVID-19 on women in work. <https://www.pwc.co.uk>.
- World Bank. (2020). COVID-19 crisis through a migration lens. *Migration and Development Brief*, 32, April 2020. Migration and Remittances Team, World Bank, Washington D.C. <https://www.worldbank.org>.

IMPACTUL REMITENȚELOR ÎN ȚARA DE ORIGINE. STUDIU DE CAZ: FOSTELE STATE SOCIALISTE

Valentina VASILE¹, Prof. univ. dr., CS I,
Institutul de Economie Națională al Academiei Române, România
Elena BUNDUCHI², Cercetător postdoctoral SCOSAAR, Lector univ. dr.,
UMFST „G.E.Palade” din Târgu Mureș, România

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-04>

Abstract. Fenomenul globalizării exprimat prin libertarea de circulație a persoanelor și a capitalurilor a determinat deschiderea pieței muncii și promovarea de politici de atragere a imigranților pentru acoperirea deficitului de forță de muncă în țările de destinație. Fluxurile predominante au fost din țările mai slab dezvoltate către economiile puternice, capabile să asigure avantaje comparative de câștiguri, condiții de muncă și/sau carieră profesională. Mobilitatea persoanelor pentru muncă generează efecte nu doar la nivelul țărilor de destinație, dar și în țările de origine, deopotrivă favorabile și nefavorabile. Scopul prezentei cercetări constă în identificarea impactului remitențelor în țările de origine asupra nivelului consumului și ratei șomajului, prin aplicarea metodei celor mai mici pătrate generalizată cu efecte fixe și aleatoare, pentru datele de tip panel, în cazul fostelor state socialiste, pentru perioada 2007-2018.

Rezultatele obținute în urma analizei econometrice ne prezintă influența remitențelor asupra consumului gospodăriilor lucrătorilor migranți, prin majorarea acestuia și lipsa oricărui impact asupra ratei șomajului în țara de origine, ceea ce susține ideea migrației persoanelor deja ocupate și mai puțin a șomerilor, cu influență nefavorabilă asupra echilibrelor pieței muncii – cronicizarea deficitului de persoane, de specialiști în domenii critice pentru dezvoltarea economico-socială, de competențe și nivel de pregătire profesională, etc.

Cuvinte cheie: remitențe, consum al gospodăriilor, rata șomajului, foste state socialiste.

Abstract. The globalization expressed by the free movement of persons and capitals has determined the opening of the labor market and the promotion of policies to attract immigrants to cover the labor shortage in the destination countries. The predominant flows were from less developed countries to developed economies, able to provide comparative advantages of earnings, working conditions and/or professional careers. The mobility of people for work generates effects not only at the level of the destination countries, but also in the countries of origin, both favorable and unfavorable. The aim of this research is to identify the impact of remittances in countries of origin on the level of consumption and unemployment rate, by applying the generalized least squares method with fixed and random effects, for panel data, in the case of former socialist states, for 2007-2018.

The results obtained from the econometric analysis show the influence of remittances on the consumption of migrant workers' households, by increasing it, and the lack of any impact on the unemployment rate in the country of origin, which supports the idea of migration of already employed and less of unemployed persons, which means an unfavorable influence on the labor market's balances - the chronicity of the deficit of employed persons, of specialists in critical fields for the socio-economic development, of competences and level of professional training, etc.

Key words: remittances, consumption, unemployment rate, former socialist states.

JEL Classification: F24, E21, E24, P20.

¹ © Valentina Vasile, valentinavasile2009@gmail.com.

² © Elena Bunduchi – autor corespondent, elena.bunduchi@umfst.ro.

Introducere. Într-o societate în care evenimentele extreme, fie ele naturale sau economice ne forțează la comportamente de adaptare este necesar să reacționăm pentru atenuarea efectelor și pentru găsirea unui nou echilibru al dezvoltării și al vieții în comunitate, bazat pe refacere – robustă și rezilientă. Criza financiară din 2008-2009 a schimbat comportamentul migranților nu atât pe termen scurt, cât mai ales ca opțiune pe termen mediu, prin adaptare și relocare. Migrația de revenire - mult discutată după criza financiară a demonstrat că mobilitatea pentru muncă este un proces win-win (Beaton et al., 2017), dar tot mai important pentru țările de destinație (deopotrivă pe termen scurt, mediu și lung) și un factor de risc economic și demografic pe termen mediu și lung pentru țările de origine. Mai mult, sustenabilitatea remitențelor pentru economiile țărilor exportatoare de forță de muncă se dovedește tot mai fragilă, și tot mai multe cercetări evidențiază vulnerabilitățile multiple cu care se confruntă țările de origine ca efect a migrației pentru muncă tot mai intense (Vasile et al., 2020). Lucrarea de față vine să completeze studiile privind externalitățile remitențelor prin analiza binomului sustenabilitatea remitențelor - reziliența demo-economică a țărilor de origine. Analiza post-șoc a comportamentului migranților a demonstrat, pe de o parte, capacitatea acestora de adaptare și, pe de altă parte, fragilitatea sau lipsa de reacție a statelor (de origine) prin politici de optimizare a costurilor migrației – pierderea de forță de muncă tânără, volatilitatea fluxurilor de remitențe, slaba eficiență pe termen mediu și lung a remiterilor, deopotrivă asupra bunăstării gospodăriilor (Vasile & Bunduchi, 2018), cât și pentru mediul de afaceri autohton, precum și gravele efecte propagate asupra comportamentelor sociale și demografice (Faini, 2007).

Așa cum statele primate și-au modelat politicile economice și sociale pentru acoperirea deficitelor de ocupare cu lucrători migranți – fie aceștia lucrători din țările mai puțin dezvoltate ale UE sau din țări terțe, tot așa ar fi fost firesc să constatăm inițiative de păstrare a forței de muncă în țările de origine și asigurarea de oportunități de ocupare decente și eficiente pe piața muncii prin susținerea antreprenoriatului autohton. Evoluția migrației și a remitențelor din ultimele 3 decenii, cu deosebire în perioada post-comunism în Europa și Asia de Vest (fostele state membre URSS) au evidențiat fragilitatea remitențelor ca flux financiar de dezvoltare în țara de origine, chiar și în condițiile în care volumul acestora depășea stocul de ISD.

Descrierea datelor. Datele utilizate în prezenta cercetare cuprind fostele state socialiste, excepție fiind Turkmenistan din lipsa disponibilității datelor. În acest scop am realizat cercetarea econometrică utilizând variabile ale căror sursă de date este identică pentru toate țările cuprinse în cercetare – Indicatorii Băncii Mondiale, pentru perioada 2007-2018, ca urmare a disponibilității datelor pentru Muntenegru și Serbia, care și-au obținut independența abia în anul 2006.

Variabilele utilizate în vederea determinării impactului remitențelor în cazul fostelor state socialiste sunt:

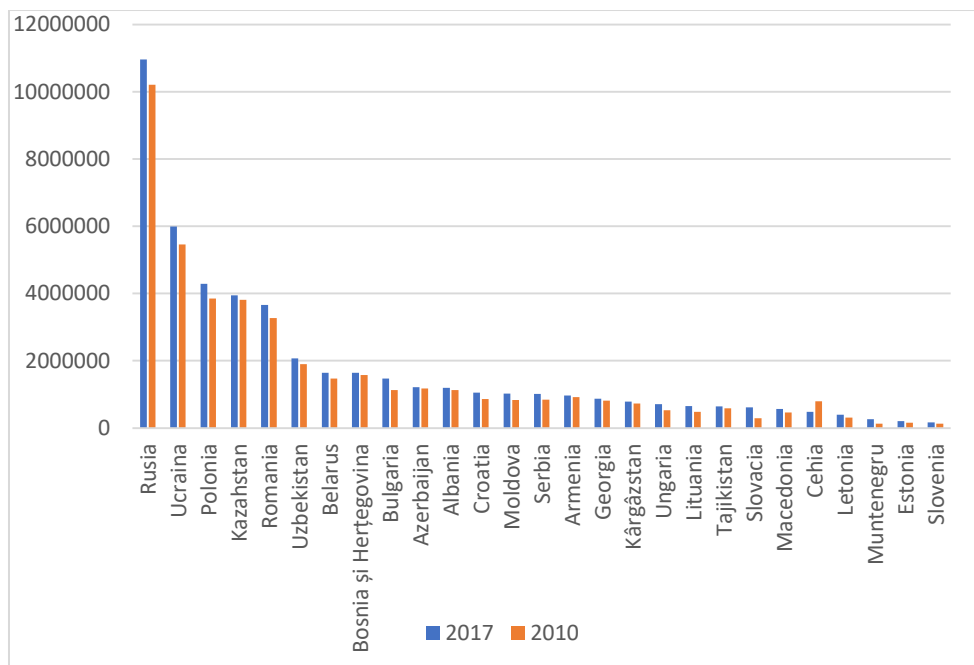
- fluxul de remitențe încasat de țările de origine;
- cheltuielile de consum finale ale gospodăriilor;
- importurile de bunuri și servicii ale țărilor beneficiare;
- ponderea gospodăriilor cu acces la internet;
- rata șomajului în țările de origine.

Graficul 1. Evoluția intrărilor de remitențe în fostele state socialiste în perioada 2007-2018, milioane \$

Sursa: Rezultate generate prin utilizarea limbajului de programare STATA

Conform *Graficului 1* observăm faptul că, în perioada analizată, unele state beneficiază de intrări de remitențe semnificative (Polonia, Ungaria, România, Rusia, Ucraina și Uzbekistan), în timp ce altele înregistrează intrări de remitențe mai reduse (Slovenia, Estonia, Muntenegru, Macedonia și Kazahstan). Ucraina este statul cu cele mai mari fluxuri de remitențe, urmată de Rusia și Polonia, însă cea din urmă înregistrează reduceri ale acestor fluxuri financiare începând cu anul 2009.

Graficul 2. Evoluția stocului de migranți în fostele state socialiste în perioada 2010-2018, persoane

Sursa: Elaborat de autor în baza datelor Băncii Mondiale. Disponibil: <https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data>.

Valorile remitențelor sunt corelate cu numărul de migranți aflați în statele de destinație. Astfel, în anul 2018 în cadrul statelor analizate, cel mai mare număr de migranți sunt originari din Rusia (peste 10 milioane persoane), Ucraina (6 milioane persoane), Polonia (4,3 milioane persoane), Kazahstan (3,9 milioane persoane) și România (3,7 milioane persoane), iar cei mai puțini sunt din Slovenia (0,17 milioane persoane), Estonia (0,2 milioane persoane), Muntenegru (0,26 milioane persoane) și Letonia (0,39 milioane persoane).

Din *Graficele 1 și 2* observăm faptul că statele beneficiare de fluxuri importante de remitențe înregistrează un număr mare de migranți și invers, excepție fiind Kazahstanul, a cărui diasporă este formată din peste 3,9 milioane de persoane, însă remitențele încasate nu depășesc 420 milioane de \$, ceea ce ne sugerează faptul că populația migrantă nu are drept scop remiterea către țara de origine, ci dezvoltarea profesională sau chiar migrația permanentă.

Legătura evidentă dintre remitențe și migranți ne sugerează faptul că aceștia, prin remitențele transmise acasă, pot conduce la apariția unor influențe atât la nivel macro, cât și microeconomic.

Graficul 3. Evoluția ratei șomajului în fostele state socialiste în perioada 2007-2018, %

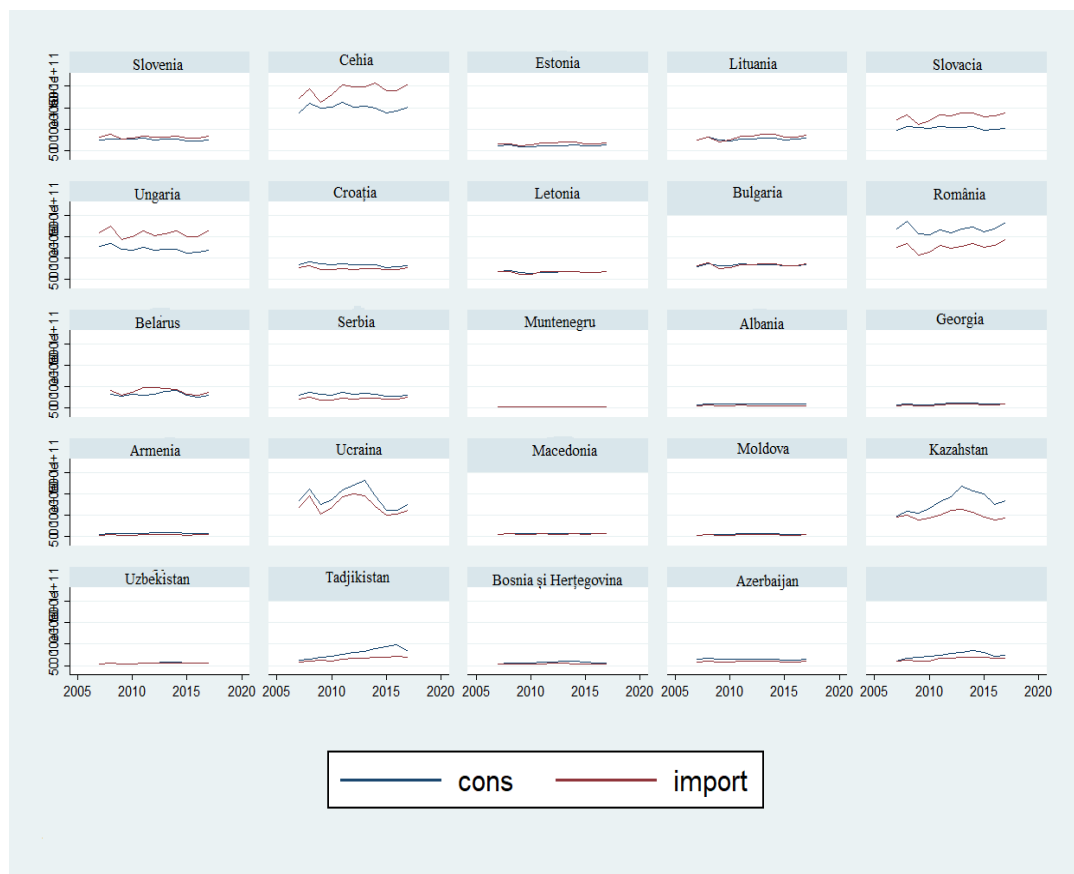
Sursa: Rezultate generate prin utilizarea limbajului de programare STATA

Impactul generat de migrație și implicit de remitențe, care poate fi resimțit imediat de către țara de origine, este asupra ratei șomajului. Remitențele au rol de echilibrare a pieței muncii țărilor de origine în situația în care persoanele aflate în șomaj aleg să migreze către alte state de destinație (Boboc et al., 2012), astfel reducându-se presiunea de pe piața muncii și cea asupra bugetelor privind acordarea indemnizațiilor de șomaj.

Din *Graficul 3* constatăm faptul că în fostele state socialiste, care în prezent sunt membre UE, creșterea ratei șomajului este datorată crizei economice, iar începând cu anul 2014, când variabila analizată a început să scadă, remitențele au avut același comportament, ceea ce contrazice teoria conform căreia creșterea remitențelor are drept efect echilibrarea pieței muncii, respectiv reducerea ratei șomajului. În ceea ce privește statele socialiste non-membre UE, observăm faptul că rata șomajului are o evoluție relativ constantă, fără oscilații semnificative, mai puțin în Macedonia, care are un comportament similar cu al celorlalte state socialiste devenite membre UE.

Pe lângă impactul ce îl pot avea asupra pieței muncii, remitențele exercită influență și asupra indicatorilor de natură macroeconomică, cum ar fi consumul final al gospodăriilor, nivelul importurilor, mai ales în situația în care remitențele sunt utilizate în vederea satisfacerii consumului prin produse

de import și asupra balanței externe de plăți. Pe lângă impactul negativ asupra producătorilor autohtoni, consumul din import al membrilor familiei din țara de origine are și efect de destabilizare a balanței de plăți, care se poate echilibra odată cu intrarea fluxurilor de remitențe.

Graficul 4. Evoluția consumului final al gospodăriilor și a importului de bunuri și servicii în fostele state socialiste în perioada 2007-2018, milioane \$
 Sursa: Rezultate generate prin utilizarea limbajului de programare STATA

Din *Graficul .4* se observă o diferențiere între comportamentul de consum al țărilor analizate. Astfel, țările membre UE, în mod special Cehia, Slovacia, Ungaria, Slovenia și Estonia înregistrează valori totale ale importurilor de bunuri și servicii mai mari decât consumul final al gospodăriilor și balanță de plăți excedentară, ceea ce se explică prin faptul că aceste state tind să importe materie primă utilizată în producerea bunurilor destinate exporturilor. În cazul altor state membre UE, cum sunt Croația și România, observăm o evoluție diferită a variabilelor analizate. Astfel, în cele două state nivelul consumului total al gospodăriilor depășește quantumul importurilor, însă în cazul Croației, balanța de plăți externe este excedentară,

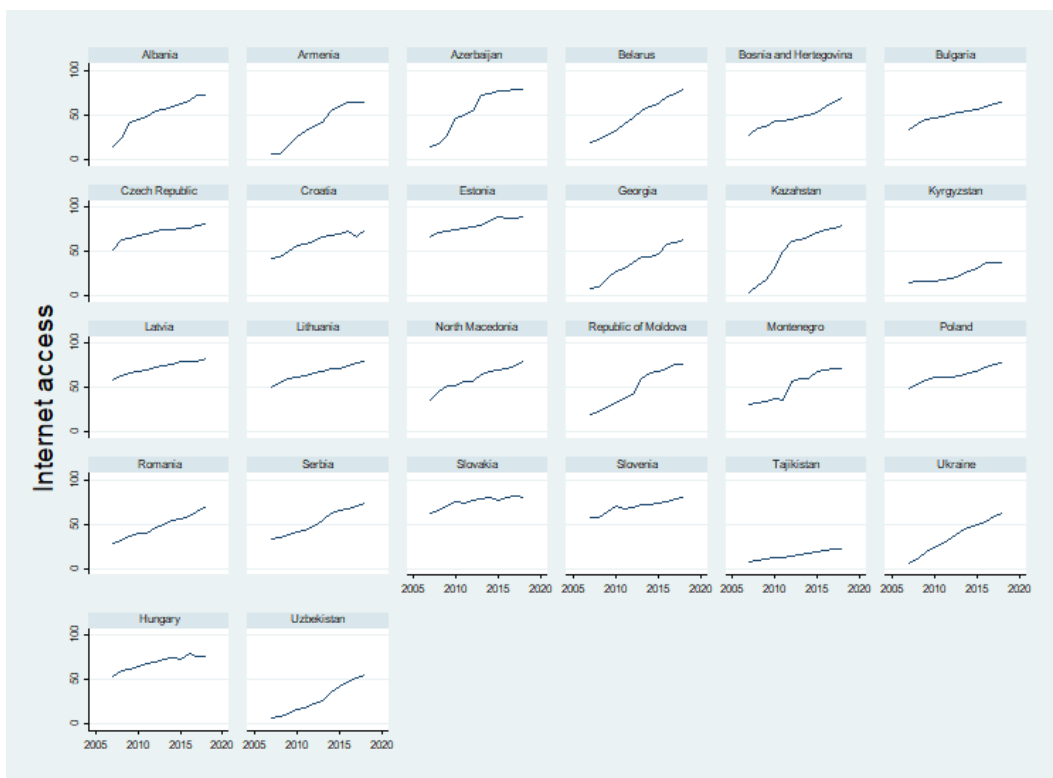
iar în România – deficitară (*Graficul 5*), ceea ce evidențiază dependența celei din urmă de importuri în vederea satisfacerii nevoii de consum a populației.

Graficul 5. Evoluția soldului balanței de plăți externe în fostele state socialiste în perioada 2007-2018, milioane \$

Sursa: Rezultate generate prin utilizarea limbajului de programare STATA

Analizând statele foste socialiste non-membre UE, observăm faptul că înregistrează un deficit de balanță de plăți externe asociat cu un consum bazat pe import, ceea ce presupune faptul că producția autohtonă nu este direcționată spre exporturi și nici măcar suficientă pentru acoperirea nevoii de consum a populației, excepții fiind Rusia, Kazahstan și Uzbekistan, a căror sold al balanței de plăți este unul excedentar.

Graficul 6. Evoluția ponderii gospodăriilor cu acces la internet în fostele state socialiste în perioada 2007-2018, %

Sursa: Rezultate generate prin utilizarea limbajului de programare STATA

Globalizarea și progresul tehnologic s-au resimțit în toate statele cuprinse în cercetare, astfel că ponderea gospodăriilor care au acces la internet, prin intermediul a cel puțin un dispozitiv electronic, a crescut în perioada analizată. Însă, dacă în gospodăriile din statele membre UE nivelul conexiunii la internet oscilează în jurul valorii de 80% la nivelul anului 2018, ponderea gospodăriilor din statele non-membre UE, care au acces la internet este mai redusă și ca urmare a nivelului scăzut de dezvoltare economică. Astfel, în state precum Tadjikistan, Kârgâzstan sau Uzbekistan în jur de doar 20-50% din totalul gospodăriilor beneficiază de internet.

Metodologie. Analiza econometrică se bazează pe două modele utilizând date de tip panel pentru fostele state socialiste în vederea evidențierii impactului remitențelor în țara de origine.

În vederea realizării scopului propus, ipotezele economice testate în cadrul cercetării sunt următoarele:

H1 – remitențele generează impact pozitiv asupra creșterii consumului gospodăriilor lucrătorilor migranți, în țara de origine ;

H2 – accesul la internet al gospodăriilor influențează pozitiv creșterea consumului;

H3 – remitențele contribuie la reducerea ratei șomajului în țara de origine;

H4 – accesul la internet determină reducerea ratei șomajului în țara de origine.

Pentru a testa ipotezele economice propuse, am utilizat metoda celor mai mici pătrate generalizată (GLS) cu efecte fixe și aleatoare pentru datele de tip panel în vederea realizării a două modele, care au următoarea reprezentare grafică:

$$cons_ln_{it} = \beta_0 + \beta_1 \cdot rem_ln_{it} + \beta_2 \cdot acces_internet_{it} + \epsilon_{it},$$

unde:

(*i*) reprezintă statele asupra cărora s-a aplicat modelul de tip panel;

(*t*) reprezintă coordonata de timp la care se referă termenii seriei de timp;

(β_0) reprezintă un scalar, care indică valoarea consumului atunci când variabilele independente sunt egale cu zero;

(β_1) reprezintă un vector dimensional, care indică valoarea medie cu care se va schimba *cons_ln_{it}* când *rem_ln_{it}* se va modifica cu o unitate;

(β_2) reprezintă un vector dimensional, care indică valoarea medie cu care se va schimba *cons_ln_{it}* când acces internet *it* se va modifica cu o unitate.

$$rata_șomaj_{it} = \beta_0 + \beta_1 \cdot rem_{it} + \beta_2 \cdot acces_internet_{it} + \epsilon_{it},$$

unde:

(*i*) reprezintă statele asupra cărora s-a aplicat modelul de tip panel;

(*t*) reprezintă coordonata de timp la care se referă termenii seriei de timp;

(β_0) reprezintă un scalar, care indică valoarea ratei șomajului atunci când variabilele independente sunt egale cu zero;

(β_1) reprezintă un vector dimensional, care indică valoarea medie cu care se va schimba *rata_șomaj_{it}* când *rem_{it}* se va modifica cu o unitate;

(β_2) reprezintă un vector dimensional, care indică valoarea medie cu care se va schimba *rata_șomaj_{it}* când *acces internet_{it}* se va modifica cu o unitate;

În vederea aplicării modelelor econometrice prezentate testat prezența autocorelării datelor prin aplicarea funcției *xtgls* din STATA.

Rezultatele cercetării. În vederea aplicării GLS a fost verificată prezența autocorelării variabilelor în cadrul celor două modele, prin aplicarea funcției

xtgls, iar rezultatele obținute ne permit să concluzionăm că nu este prezentă autocorelarea datelor.

Tabelul 1. Testarea autocorelării datelor

	Prob > chi2 =
Model 1	0.0000
Model 2	0.0000
Model 3	0.0001

Sursa: Rezultate generate prin utilizarea limbajului de programare STATA

Remitențele drept sursă de fluxuri financiare externe, exercită impact asupra țării de origine pe mai multe direcții. Efectul imediat al remitențelor se reflectă în primul rând în consum. Ca urmare a faptului că migranții, în special cei al căror scop îl reprezintă mobilitatea pentru muncă (pentru obținerea unor venituri mai mari pentru îmbunătățirea nivelului de trai al membrilor familiei rămași acasă), remit în țara de origine sume de bani în principal pentru satisfacerea nevoilor de consum curent și dotarea gospodăriilor. Astfel, remitențele tind să aibă efecte imediate în indicatorul de consum total al gospodăriilor. Creșterea veniturilor disponibile ale populației tinde să se materializeze în majorarea cheltuielilor de consum curent, dar și în achiziționarea de bunuri de folosință îndelungată și de noi tehnologii, cu orientare preponderentă către produse din import.

Posibilitatea de achiziționare a calculatoarelor, telefoanelor mobile sau a altor dispozitive din banii primiți de la rudele migrante au favorizat pe lângă posibilitatea de modernizare a gospodăriilor și apariția unui nou comportament de consum, respectiv e-commerce. Astfel, în vederea testării ipotezelor propuse am decis efectuarea unei regresii GLS pentru date de tip panel.

Tabelul 2. Impactul remitențelor și a internetului asupra consumului gospodăriilor utilizând GLS 2007-2018

	Coefficienți	Eroarea standard	Testul t	p-value	Interval de încredere	
Intercept	8.756313	0.292463	29.94	0.000	8.180485	9.332141
Remitențe	0.1777624	0.041033	4.33	0.000	0.096972	0.258552
Internet	0.0027198	0.000703	3.87	0.000	0.001334	0.004104
p-value 0.0000						
Hausman - efecte fixe						

Sursa: Rezultate generate prin utilizarea limbajului de programare STATA

În urma aplicării regresiei GLS observăm faptul că ipoteza de cercetare se confirmă, atât remitențele, cât și accesul la internet a gospodăriilor contribuie la creșterea consumului. Astfel, constatăm faptul că în statele analizate, consumul crește în medie cu 0,18% în situația în care remitențele

primito cresc cu 1% și cu 0,002% odată cu majorarea cu 1% a ponderii gospodăriilor cu acces la internet.

Veniturile disponibile mai mari ale gospodăriilor din țara de origine, ca urmare a remitențelor primite, le permit majorarea cheltuielilor de consum fie a produselor autohtone (pe care le pot cumpăra din piețe) sau de import (din lanțurile de hipermarketuri internaționale). Totodată, acest fenomen, împreună cu modernizarea și tehnologizarea gospodăriilor, prin intermediul sumelor primite din țările de destinație a migranților, a impulsionat dezvoltarea cumpărăturilor online, care la rândul lor conduc la creșterea importurilor, generând astfel un impact negativ asupra Balanței de Plăți Externe, dacă exporturile din statul respectiv nu sunt în măsură să acopere valoarea importurilor.

Tabelul 3. Impactul remitențelor și a internetului asupra ratei șomajului utilizând GLS 2007-2018

	Coeficienți	Eroarea standard	Testul t	p-value	interval confidență
Intercept	14.86478	3.817005	3.89	0.000	7.383589 22.34597
Remitențe	-0.4659016	0.5098058	0.91	0.361	-1.465103 0.5332994
internet	-0.0175136	0.0094011	1.86	0.062	-0.0359394 0.0009122
p-value 0.0512					
Hausman – efecte aleatoare					

Sursa: Rezultate generate prin utilizarea limbajului de programare STATA

Piața muncii este un alt domeniu în care migrația și remitențele au influență, a) fie au rol de echilibrare, ca urmare a reducerii ratei șomajului și încadrarea acelor șomeri în piața muncii din țările de destinație, b) fie de cronicizare a deficitului de ocupare dacă mobilitatea pentru muncă se alimentează din randul persoanelor deja ocupate pe piața țării de origine (dar nemulumite de nivelul veniturilor, conditiile de munca, perspectivele de avansare etc). In ambele situații migrantii accentuează deficitului demografic și îmbătrânirii populației din țara de origine deoarece migrația multianuala pentru munca de cele mai multe ori se transformă în migrație definitivă sau, copii familiilor tinere la randul lor migrează cu familia, învață și se integrează direct pe piața muncii țării de destinație, renunțând să mai revină în țara de origine a părinților.

Datele disponibile privind rata șomajului în toate statele analizate au permis aplicarea regresiei GLS de determinare a impactului remitențelor și a ponderii gospodăriilor cu acces la internet asupra ratei șomajului. Deși rezultatele așteptate presupuneau prezența unei legături între remitențe și rata șomajului, mai exact anticipam o reducere a ratei șomajului odată cu creșterea remitențelor, analiza econometrică prezintă o situație diferită. Așadar, în cadrul modelului considerat, nu se regăsește nicio influență a celor

două variabile independente asupra ratei șomajului, ceea ce semnifică faptul că persoanele care se află în migrație, nu au plecat din statut de persoană fără sau în căutare de loc de muncă, ci din acela de ocupat pe piața muncii, fiind plătitor de taxe și impozite și contribuind la creșterea economică a statului de origine. Totodată, nici accesul la internet și probabilitatea găsirii unui loc de muncă prin intermediul platformelor on-line sau posibilitatea de ocupare într-o nouă formă – telemunca, nu exercită nicio influență asupra ratei șomajului din fostele state socialiste.

Concluzii. Remitențele sunt rezultatul mobilității pentru muncă și apar preponderent ca motivație (și rezultat așteptat) a migrației pentru categoriile de persoane cu calificare redusă și medie din țările mai puțin dezvoltate economic și/sau emergente. Cercetările anterioare (Vasile et al., 2019) demonstrează impactul semnificativ al remitențelor în țările de origine, generând efecte la nivel micro și macroeconomic în cazul României și al Moldovei și, de aceea am extins cercetarea privind analiza comportamentului remitențelor în cadrul bazinului fostelor state socialiste.

În urma aplicării metodei celor mai mici pătrate generalizată cu efecte fixe și aleatoare pentru datele de tip panel s-au confirmat ipotezele H1 și H2. Astfel, creșterea remitențelor generează creșterea veniturilor populației, care tinde să consume mai mult, însă consumul este preponderent din import, ceea ce conduce la dezechilibre pe balanța de plăți și încetinirea creșterii producției naționale. Accesul la internet a populației generează, de asemenea, creșterea consumului din import, ca urmare a dezvoltării comerțului online. Totodată, lipsa oricărei influențe semnificative a remitențelor asupra ratei șomajului demonstrează că mobilitatea pentru muncă este nu neapărat din lipsa locurilor de muncă ci din alte motive, respectiv nivelul castigului din muncă (nesatisfăcător sau insuficient față de nevoile gospodăriei), condiții de muncă (necorespunzătoare or lipsa dotării tehnologice strict necesare unei activități adecvate), lipsa perspectivelor de avansare în carieră (pentru cei mediu calificați și din grupele de populație tânără), etc. Influența nesemnificativă a remitențelor asupra ratei șomajului ne indică și alte cel puțin două comportamente: a) migranții pot aștepta oportunitatea mobilității prin activitate în economia subterană și b) situațiile conjuncturale de tipul crizei financiare nu au determinat revenirea acestora în țara de origine și presiunea asupra șomajului; datele statistice analizate au evidențiat că aceștia au ramas ca lucrători migranți, cu sau fără schimbarea țării de imigrație, stocul net total de populație migrantă rămânând relativ constant sau, în unele cazuri precum România crescând. Lipsa politicilor de reținere a forței de muncă pe piața muncii țării de origine se evidențiază prin constatarea reeșită din analize că mobilitatea pentru muncă provine, preponderent din ocupare și prea puțin din situația de șomeri în țara de origine.

O alta concluzie importantă o reprezintă aceea că, lipsa condițiilor decente de muncă și viață în țara de origine alimentează în continuare fluxurile de lucrători migranți din țările foste socialiste analizate în prezenta lucrare. În plus, analiza seriei de date pe perioada 2007-2018 a evidențiat un comportament de adaptare, respectiv de mobilitate multianuală, inclusiv în perioade de criză. Același comportament l-am constatat și din datele parțiale pe care le avem pentru perioada pandemiei, fapt pentru care ne propunem să completăm cercetarea noastră prin extinderea perioadei de analiză până în prezent. Deși informația este insuficientă putem preciza că migrații pentru muncă dovedesc reziliență și flexibilitate în menținerea statutului de imigrant, constatare pe care ne propunem să o validăm prin cercetări viitoare specifice.

REFERINȚE

- Beaton, M. K., Cerovic, M. S., Galdamez, M., Hadzi-Vaskov, M., Loyola, F., Koczan, Z., ... & Wong, J. (2017). Migration and remittances in Latin America and the Caribbean: engines of growth and macroeconomic stabilizers? International Monetary Fund.
- Faini, R. (2007). Migration and remittances: the impact on countries of origin. Migration and Development: Mutual Benefits?
- Vasile, V., & Bunduchi, E. (2018). Impactul economic comparativ al remitențelor față de ISD asupra creșterii economice. Creșterea economică în condițiile globalizării, 88-93.
- Vasile, V., Bunduchi, E., Daniel, Ș., & Comes, C. A. (2019). Impact of remittances on the country of origin. Multidimensional analysis at macro and microeconomic level. Case study Romania and Moldova. *Romanian Statistical Review*, 4.
- Vasile, V., Ștefan, D., Comes, C. A., Bunduchi, E., & Ștefan, A. B. (2020). FDI or remittances for sustainable external financial inflows. Theoretical delimitations and practical evidence using Granger causality. *Romanian Journal of Economic Forecasting*, 23(4), 131.
- World Bank. (2021). Bilateral Migration Matrix 2017. Migration and Remittances Data.
<https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data>.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И ПЕНСИОННОЙ ПОЛИТИК

Лидия ТКАЧЕНКО¹, кандидат экономических наук,
Институт демографии и социальных исследований имени М.В. Птухи,
НАН Украины

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-05>

Абстракт. Исследование посвящено проблемам взаимодействия демографической и пенсионной политик, как на уровне формирования целей и направлений, так и на уровне используемых инструментов политики. Исследование базируется на анализе исторической ретроспективы законодательства Украины в сфере демографической и пенсионной политик, а также на сравнительном анализе инструментов политики в странах пост-СССР. Сейчас в Украине нет цельной, комплексной программы или стратегии в области демографической политики. Реформирования в пенсионной системе интенсивно продолжаются, но они осуществляются фрагментарными изменениями в законодательстве, без надлежащей согласованности и без оценки финансовых последствий. Стратегия государственной политики по вопросам здорового и активного долголетия населения на период до 2022 года имеет комплексный характер, но она не выполняется.

Поскольку пенсионная политика гораздо сильнее представлена в институциональном и инструментальном плане, чаще наблюдается использование пенсионной политики для достижения, в том числе, демографических целей. Например, страны пост-СССР довольно прямо пытаются регулировать рождаемость – повышать низкую, понижать высокую – через правила зачета в стаж периодов отпуска по уходу за ребенком.

Наибольшей синергией обладают меры, нацеленные на продолжение периода трудовой деятельности, они задействуют не только демографическую и пенсионную политики, но также политики в области занятости, рынка труда, образования и др. Дальнейшего исследования и измерения требует взаимосвязь между порогом пенсионного возраста и ожидаемой продолжительности жизни.

Ключевые слова: демографическая политика, старение, пенсионная политика, пенсионная реформа, пенсионный возраст, рождаемость, отпуск по уходу за ребенком, пособие при рождении ребенка.

Abstract. The study focuses on the problems of interaction between demographic and pension policies, both at the level of the formation of goals and directions, and at the level of the policy instruments used. The study is based on an analysis of the historical retrospective of Ukrainian legislation in the field of demographic and pension policies, as well as on a comparative analysis of policy instruments in the post-Soviet countries. Now in Ukraine there is no integral, comprehensive program or strategy in the field of demographic policy. Reforms in the pension system continue intensively, but they are carried out by fragmentary changes in legislation, without proper coordination and without assessing the financial consequences. The strategy of state policy on healthy and active longevity of the population for the period up to 2022 is comprehensive, but it is not being implemented.

¹ © Лидия Ткаченко, lidia1tkachenko@gmail.com.

Since the pension policy is much more represented in the institutional and instrumental terms, the use of pension policy to achieve, among other things, demographic goals is much more often observed. For example, the post-Soviet countries are quite directly trying to regulate the fertility - to raise the low one, to lower the high one - through the rules for counting periods of parental leave into the length of service.

The most synergistic measures are those aimed at prolonging the period of labor activity; they involve not only demographic and pension policies, but also policies in the field of employment, labour market, education, etc. Further research and measurement requires the relationship between the pensionable age and life expectancy.

Key words: demographic policy, ageing, pension policy, pension reform, retirement age, fertility, parental leave, childbirth allowance.

JEL Classification: J11, J18, J26.

Вступление. Демографическая аргументация широко используется в обосновании направлений и мер пенсионной политики. Старение и связанные с ним структурные изменения в населении также являются самостоятельным предметом демографической политики. Вместе с тем, на практике взаимодействие демографической и пенсионной политик не всегда имеет целенаправленный и логичный характер.

Так, в мае 2020 г. глава Комитета Верховной Рады Украины по вопросам социальной политики и защиты прав ветеранов Галина Третьякова во время вебинара в Киевской школе экономики высказала мнение, что государственная помощь при рождении ребенка может стимулировать необеспеченные семьи рожать детей, чтобы получить деньги, и в дальнейшем эти дети также будут обузой для государства (ЛІГАБізнесІнформ, 2020). Спустя год, Галина Третьякова инициировала законопроект, который в частности предусматривает снижение пенсионного возраста для женщин, родивших ребенка и воспитавших его до шестилетнего возраста (по полгода за каждого ребенка, но не более трех лет суммарно). Ожидаемым результатом этой законодательной инициативы указано преодоление демографических проблем и стимулирование воспроизводства населения (Верховна Рада Украины, 2021). То есть глава парламентского комитета, ответственного за формирование социальной политики, считает рискованным выплату значительной государственной помощи при рождении ребенка, но предлагает стимулировать рождаемость путем снижения пенсионного возраста. Этот пример законотворчества показывает, что на практике цели и инструменты демографической и пенсионной политик нередко путают, и в том числе из-за недостаточно четкого понимания механики взаимодействия этих политик.

Обзор литературы. Представление о возможном вреде общественной помощи для воспроизводства населения имеет давнюю историческую традицию. Наиболее четко эту мысль выразил в свое время Т. Мальтус, критикуя английские законы о бедных. Т. Мальтус утверждал, что законы о бедных стимулируют размножение населения, никак не

увеличивая количество продуктов потребления; количество бедных будет постоянно расти, а мотивация к труду – ослабевать, и, в конце концов, производимый продукт придется дробить на все меньшие порции, углубляя бедность (Мальтус, 1993). Однако сам исторический ход событий показал, что закон народонаселения, сформулированный Т. Мальтусом, основывался скорее на бытовом снобизме, и не имел надлежащего научного обоснования. В нынешнее время все большее количество стран сталкиваются с депопуляцией и сокращением населения трудоспособного возраста при одновременном увеличении населения пенсионного возраста, и дискуссии вокруг роли населения в экономических процессах приобретают совершенно противоположную направленность (ЕС, 2007). Международные и национальные исследования, в том числе нашего института, показывают, что значительное увеличение помощи при рождении ребенка и другие подобные меры не столько стимулируют рождаемость, сколько снижают риски бедности для семей, способствуют улучшению условий жизни и лучшему уходу за детьми (Либанова, 2019; Кример, 2013; Клупт, 2020).

Исследования о связи демографических и пенсионных политик пока носят преимущественно односторонний характер, где демографические процессы рассматриваются как природная база формирования рабочей силы и участников пенсионной системы (Соловьев, 2020). Более комплексный подход используется при разработке гипотез и прогнозов в рамках Отчета ЕС о старении, где демографический прогноз служит исходной базой для построения прогнозов рабочей силы, ВВП и публичных расходов на пенсии, здравоохранение, долговременный уход и образование (ЕС, 2020). При формировании гипотез о перспективах рынка труда выделяется институциональный фактор, который отражает законодательные изменения в пенсионном возрасте и/или критериях обязательного стажа и другие подобные реформы, влияющие на уровень участия и возраст выхода из состава рабочей силы. Хотя влияние повышения пенсионного возраста на общую ожидаемую продолжительность жизни напрямую не рассматривается, при прогнозировании расходов на здравоохранение и долговременный уход принимается сценарий активного старения, который основывается на гипотезе относительной компрессии заболеваемости. Согласно этой гипотезе, число лет жизни с плохим здоровьем остается неизменным на протяжении всего периода прогноза, то есть при растущей ожидаемой продолжительности жизни удельный вес лет, прожитых с плохим здоровьем, по отношению к общей продолжительности жизни уменьшается. Эта гипотеза, в том числе, является теоретическим обоснованием привязки пенсионного возраста к динамике показателей ожидаемой продолжительности жизни,

которую в последней декаде внедрили некоторые страны ЕС (Италия, Финляндия, Португалия, Греция, Дания, Нидерланды, Кипр, Эстония). В тоже время, авторы Отчета ЕС о старении признают, что сам демографический прогноз и допущения о перспективах роста ожидаемой продолжительности жизни недостаточно учитывают влияние социальной политики, например, в сфере здравоохранения и здорового способа жизни.

Цель исследования. Исследование посвящено проблемам взаимодействия демографической и пенсионной политик, как на уровне формирования целей и направлений, так и на уровне используемых инструментов политики.

Методология исследования. Исследование базируется на анализе исторической ретроспективы законодательства Украины в сфере демографической и пенсионной политик, а также на сравнительном анализе инструментов политики в странах пост-СССР.

Основные результаты. Вначале рассмотрим ситуацию с демографической и пенсионной политиками по отдельности и в комплексных программах, на примере Украины.

Ситуация с демографической политикой в Украине. Прежде всего, следует отметить, что цельной, комплексной программы или подобных стратегических документов в области демографической политики давно нет. За весь период независимости был единственный прецедент принятия подобных документов. В 2004 г. была утверждена Концепция, а в 2006 г. – Стратегия демографического развития на период до 2015 г. Стратегия ставила целью улучшение качественных характеристик уровня жизни населения и гармонизацию процессов его воспроизводства, включая воспитание семейных ценностей и сознательного отцовства (Кабмин Украины, 2006). Задачи Стратегии охватывали пять направлений:

- 1) повышение уровня рождаемости и развитие семьи;
- 2) улучшение здоровья, снижение уровня смертности и увеличение продолжительности жизни населения;
- 3) регулирование миграционных процессов;
- 4) преодоление отрицательных последствий старения населения;
- 5) демографическое развитие регионов.

Среди условий реализации Стратегии были названы два непосредственно относящихся к пенсионной политике: введение второго (накопительного) уровня государственного пенсионного страхования и пенсионное обеспечение на основе социальной справедливости с учетом страхового стажа и суммы уплаченных страховых взносов.

В 2007 г. был разработан план мер по реализации Стратегии. Хотя заявленные меры не покрывали масштаб поставленных задач (в том

числе, в сфере пенсионной политики), этот нормативный документ четко определял сроки, исполнителей и даже необходимое финансирование (Кабмин Украины, 2007). Правда, выполнение этого плана было пущено на самотек, а затем реорганизовали Министерство по делам семьи, молодежи и спорта, которое было ответственным исполнителем по большинству мер. Из названия и круга полномочий министерства убрали семью, а вместе с ней ушла и демографическая политика.

Вторая попытка по формированию комплексной демографической политики была предпринята в 2016 г., когда при Кабинете Министров Украины была учреждена межведомственная рабочая группа по вопросам научно обоснованного оценивания демографического развития Украины (Кабмин Украины, 2016). Круг задач рабочей группы охватывал проведение анализа демографической ситуации и половозрастного состава населения, подготовку предложений по формированию, реализации государственной политики и усовершенствованию законодательства по вопросам улучшения демографической ситуации и предотвращения демографического кризиса, а также разработку демографического прогноза. Под эгидой этой рабочей группы, в том числе, велась разработка методики для уточнения численности и половозрастной структуры населения, с учетом населения неподконтрольных территорий Донбасса. Однако в феврале 2021 г. эта рабочая группа была ликвидирована, как и множество других.

В отсутствие комплексной демографической программы/стратегии, существуют только отдельные программы целевой направленности для разных демографических групп. Среди семейных и детских программ наиболее масштабной по охвату и финансовым затратам является помощь при рождении ребенка. В 2004–2013 гг. проводилась политика по повышению и дифференцированию размеров помощи в зависимости от очередности рождения ребенка; с 2005 г. помощь из одноразовой стала циклом выплат, период выплат постепенно продлевался и также дифференцировался по очередности рождения ребенка. Наиболее щедрые выплаты были в 2011–2013 гг., когда при рождении ребенка единовременно выплачивались 10 прожиточных минимумов и далее шли ежемесячные выплаты, в зависимости от очередности рождения:

- на первого ребенка – 20 прожиточных минимумов равными частями в течение 24 месяцев;
- на второго ребенка – 50 прожиточных минимумов равными частями в течение 48 месяцев;

- на третьего и каждого последующего ребенка – 110 прожиточных минимумов равными частями в течение 72 месяцев (Верховна Рада Украины, 2021).

Длительный период выплат позволял организовать патронажное сопровождение детей из многодетных семей практически до достижения школьного возраста. Но конечно, эти выплаты обходились довольно дорого. В 2011–2013 гг. расходы за функцией «Семья/Дети» составляли около 2,5% ВВП, что было высоким показателем даже по сравнению с большинством стран ЕС (Держстат Украины, 2018).

В 2014 г. в условиях острого кризиса помощь при рождении ребенка объединили с пособием по уходу за ребенком до достижения 3-летнего возраста и зафиксировали в размере 41280 грн, что на тот момент было эквивалентно 35 прожиточным минимумам. Единоновременно при рождении ребенка стали выплачивать сумму 10320 грн и далее ежемесячно по 860 грн в течение 36 месяцев. Таким образом, для первых детей размер помощи и период выплат увеличили, но для вторых и последующих детей общий размер помощи и период выплат сильно сократили. Однако хуже всего, что размер помощи перестали индексировать. После 2014 г. он ни разу не пересматривался, хотя за прошедший период цены выросли почти в 3 раза, а курс доллара США – с 8 до 27 грн. Вследствие урезания и обесценивания помощи при рождении ребенка, общая сумма расходов на социальную защиту за функцией «Семья/Дети» в процентном соотношении к ВВП снизилась до 1,2% ВВП в 2019 г. (рассчитано автором по данным Держстат Украины, 2020).

В 2018 г. правительство при поддержке Детского фонда ООН (UNICEF) запустило новую программу – универсальную одноразовую натуральную помощь «пакунок малюка» (бэби-бокс). «Пакунок малюка» выдавался в роддоме, при выписке новорожденного ребенка домой. Он содержал предметы первой необходимости по уходу за ребенком с первых дней жизни, материалы для раннего развития ребенка и учебные материалы для родителей, в том числе о значении вакцинации и грудного вскармливания. Граничная стоимость «пакунку малюка» была установлена в размере 5000 грн (3915,75 185 долларов США, по официальному курсу) (Кабмин Украины, 2018).

Детский фонд ООН инициировал регулярный опрос получателей «пакунку малюка» для совершенствования его комплектации и оценки полезности программы. Благодаря централизованным закупкам, товары из «пакунку малюка» обходились в 1,5–3 раза дешевле розничных цен. Родители-пользователи программы давали высокую оценку полезности программы и качеству содержимого «пакунку малюка». Однако после очередной смены правительства начались сбои в закупках товаров, а с 1 сентября 2020 г. натуральную помощь заменили

одноразовой денежной выплатой. Монетизация «пакунку малюка» вызвала резкое осуждение со стороны Детского фонда ООН (UNICEF Ukraine, 2020), и еще до конца сентября 2020 г. на законодательном уровне было принято решение о возвращении к натуральной форме помощи. С апреля 2021 г. граничную стоимость «пакунку малюка» повысили до 3-х прожиточных минимумов для детей до 6 лет (сейчас ≈6000 грн или ≈225 долларов США), благодаря чему его стоимость будет индексироваться с каждым повышением прожиточного минимума. Но на практике возврата к полностью натуральной помощи не произошло, в том числе из-за скандалов вокруг процедуры закупок (Котляр, 2021). По-факту, сейчас родители новорожденных должны выбирать, получить помощь деньгами или натурой, но обе процедуры организационно сложные, забюрократизированные и требуют времени. То есть главная идея «пакунку малюка» – предоставить помощь с первых дней жизни ребенка – пока остается нереализованной.

С учетом фактической ситуации по организации и финансированию социальной поддержки при рождении ребенка, политику стимулирования рождаемости в Украине трудно назвать сильной. В настоящее время в Верховной Раде Украины есть несколько зарегистрированных законопроектов, предлагающих вернуться к прогрессивной шкале и существенно повысить размер помощи при рождении ребенка, но перспективы их принятия туманны.

Ситуация с пенсионной политикой в Украине. Как и в случае с демографической политикой, комплексной программы или стратегии в области пенсионной политики сейчас нет. Но в отличие от демографической политики, за период независимости стратегические документы с планами реформирования пенсионной системы принимались неоднократно.

Одним из первых таких документов были Основные направления реформирования пенсионного обеспечения в Украине, принятые в 1998 г. (Президент Украины, 1998). Перечень первоочередных заданий включал наиболее актуальные для того времени вопросы: погашение задолженности по выплате зарплат и пенсий, повышение минимальных размеров пенсий, внедрение персонифицированного учета и т.д. Затем было Послание Президента Украины Верховной Раде Украины и Кабинету Министров Украины «Об основных направлениях реформирования системы пенсионного обеспечения населения Украины» и план мер по его реализации на 2001-2004 годы (Президент Украины, 2001), где упор делался на усиление принципов социального страхования в солидарной системе, в частности привязку размера пенсии к индивидуальным показателям стажа и заработка. В 2009 г. была принята Концепция дальнейшего проведения пенсионной реформы (Кабмин Украины, 2009), которая акцентировала на

совершенствовании механизмов индексации пенсии и развитии накопительных пенсий. В 2011 г. был принят Закон Украины «О мерах по законодательному обеспечению реформирования пенсионной системы» (Верховна Рада Украины, 2011), который предусматривал постепенное повышение пенсионного возраста женщин до 60 лет (выравнивание с мужчинами), повышение критериев минимального и полного страхового стажа на 10 лет и некоторые другие меры. На протяжении 1997–2013 гг. при правительстве периодически создавались межведомственные рабочие группы, центры, комиссии, на которые возлагались функции разработки предложений по формированию и реализации пенсионной политики, а также мониторинг и освещение результатов реформ. Нельзя сказать, что все запланированные реформы реализовывались и приносили желаемые результаты (например, обязательные накопительные пенсии – так называемый второй уровень – так и не был введен), но в целом пенсионная политика была довольно активной и последовательной.

К сожалению, с 2014 г. комплексный подход в пенсионной политике не просматривается. Реформирования в пенсионной системе продолжают не менее интенсивно, но они осуществляются точечными изменениями в законодательстве, без надлежащей согласованности и без оценки последствий за пределами текущего финансового года.

Последние масштабные изменения в пенсионном законодательстве произошли в октябре 2017 г. Был принят пакет мер, которые условно можно разделить на два направления (Верховна Рада Украины, 2017):

1) меры, направленные на повышение пенсий: одноразовый перерасчет пенсий на новую зарплатную базу, установление новых минимальных гарантий, введение ежегодной индексации пенсий;

2) меры, направленные на сокращение дефицита солидарной системы: ликвидация пенсий за выслугу лет (остались только для артистов и военнослужащих) и введение дополнительных требований для назначения пенсии по возрасту.

Правительство старалось избежать дальнейшего повышения пенсионного возраста, поэтому придумали так называемый коридор пенсионного возраста: градацию возраста 60/63/65 лет, в зависимости от имеющегося страхового стажа, и эти дополнительные критерии стажа постепенно повышаются на 10 лет согласно установленному графику. В 2028 г., когда повышение закончится, право на назначение пенсии по возрасту в 60 лет будут иметь лица со стажем не менее 35 лет, в 63 года – со стажем от 25 до 35 лет, в 65 лет – со стажем от 15 до 25 лет.

Одновременно с привязкой возраста к продолжительности стажа, изменили параметры пенсионной формулы – величину оценки одного года страхового стажа снизили с 1,35% до 1%. «Старые» пенсионеры это

не прочувствовали, поскольку потери перекрыл пересчет на новую зарплатную базу. А вот «новые» пенсионеры получают на 26% меньше, чем могли получить по старой формуле. То есть реформа 2017 г. создала явный прецедент, когда новым поколениям пенсионеров придется работать дольше для получения меньшей пенсии.

По состоянию на 1 октября 2021 г. средний размер пенсии в Украине составляет 3915,75 грн. (\approx 145 долларов США), а половина пенсионеров получают выплаты в размере до 3000 грн (Пенсионный фонд Украины, 2021). В последние четыре года средний размер пенсии в соотношении со средним размером заработной платы составляет всего 28–29%, что является историческим минимумом за весь период независимости. Расходы на социальную защиту за функцией «Старость» в процентном соотношении к ВВП снизились с около 15% ВВП в 2011–2013 гг. до 10,4% ВВП в 2019 г. (рассчитано автором по данным Держстат Украины, 2020). Причины такой плачевной ситуации – заморозка индексации пенсий и минимальных гарантий в 2014–2015 гг. и снижение пенсионной части единого социального взноса почти в два раза в 2016 г.

Примеры комплексной социальной политики в Украине. Из ныне действующих, примером комплексных социальных актов является Стратегия государственной политики по вопросам здорового и активного долголетия населения на период до 2022 года (Кабмин Украины, 2018). Стратегия принята в начале 2018 г. и охватывает четыре приоритетных направления, которые объединяют меры не только демографической и пенсионной политик, но также политик в сфере образования, здравоохранения, жилья, правовой защиты и др.:

- 1) Улучшение условий для самореализации граждан пожилого возраста и их участия в процессах развития общества – доступ к занятости и образованию, улучшение условий труда, достойный размер пенсий и т.д.;
- 2) Обеспечение здоровья и благополучия граждан пожилого возраста – здоровый образ жизни, доступ к медицине, повышение осведомленности и т.д.;
- 3) Создание среды, благоприятной для активной жизни таких граждан – доступность социальной инфраструктуры, социальных услуг и т.д.;
- 4) Создание системы защиты прав граждан пожилого возраста – защита имущественных прав, защита от дискриминации и т.д.

Ожидаемые результаты Стратегии также принадлежат к разным сферам:

- увеличение ожидаемой продолжительности активной жизни в возрасте 60 лет и старше;

- повышение уровня медицинской помощи, в том числе проведение медосмотров и диспансеризация;
- повышение уровня охвата формальным образованием в возрасте 45 лет и старше;
- повышение уровня охвата пожилых самообразованием;
- повышение уровня занятости лиц в возрасте 55-64 лет;
- повышение уровня охвата социальными услугами;
- уменьшение количества случаев незаконного отчуждения имущества граждан пожилого возраста.

Для реализации Стратегии в сентябре 2018 г. был утвержден план действий, но он оказался уже не таким всеобъемлющим (Кабмин Украины, 2018). В частности, не нашла отражения заявленная в задачах модернизация пенсионной системы, направленная на усиление ее финансовой состоятельности и обеспечения достойного уровня пенсий в условиях демографических изменений. Также есть сомнения в том, что этот план действий будет выполнен; сроки реализации большинства мер уже перенесены на последний год – 2022, но организационно невозможно успеть сделать за год то, что не было сделано за пять лет. К сожалению, в Украине не выполняется множество принятых стратегий и программ, поскольку они оторваны от процессов бюджетирования и не обеспечиваются необходимыми ресурсами.

Примеры взаимодействия демографической и пенсионной политик в странах пост-СССР. Как ни странно, но самым распространенным примером такого взаимодействия является использование пенсионной политики для регулирования рождаемости через правила зачета периодов отпуска по уходу за ребенком в стаж для исчисления пенсий и других социальных выплат. В большинстве стран пост-СССР продолжительность этого отпуска остается 3 года, как было заведено еще во времена перестройки. Сравнение правил учета отпусков по уходу за ребенком в стаже для исчисления пенсий дает возможность оценить, как используют этот инструмент страны с разным уровнем рождаемости (Таблица 1).

Таблица 1: Суммарный коэффициент рождаемости и правила зачета отпусков по уходу за ребенком в стаж для исчисления пенсий в странах пост-СССР, на 01.01.2021 г.

Страны	Суммарная продолжительность отпусков по уходу за ребенком, которая засчитывается в стаж	Суммарный коэффициент рождаемости, детей на 1 женщину	
		1895–1990 гг.	2015–2020 гг.
<i>Страны Балтии и Восточной Европы</i>			
Эстония	Не ограничивается	2,20	1,59

Латвия	Не ограничивается	2,16	1,72
Литва	Не ограничивается	2,06	1,67
Беларусь	Не более 9 лет в общей сложности	2,08	1,71
Молдова	Не ограничивается	2,64	1,26
Россия	Не более 6 лет в общей сложности	2,12	1,82
Украина	Не ограничивается	1,95	1,44
<i>Страны Южного Кавказа и Центральной Азии</i>			
Армения	Не более 6 лет в общей сложности	2,60	1,76
Азербайджан	Не ограничивается	3,20	2,08
Грузия	Стаж не учитывается	2,26	2,06
Казахстан	Не более 12 лет в общей сложности	3,03	2,76
Киргизстан	Не более 6 лет в общей сложности	4,06	3,00
Таджикистан	Не более 5 лет в общей сложности	5,50	3,61
Узбекистан	Не более 3 лет в общей сложности	4,40	2,43

Источники: Правила учета стажа: The MISSOC comparative tables (2021) <https://www.missoc.org/missoc-database/comparative-tables/>, национальные законодательства.

Суммарные коэффициенты рождаемости: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Population Prospects 2019, Online Edition. [https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/2_Fertility/WPP2019_FERT_F04_TOTAL_FERTILITY.xlsx](https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20(Standard)/EXCEL_FILES/2_Fertility/WPP2019_FERT_F04_TOTAL_FERTILITY.xlsx).

Страны Европейской части еще во времена СССР имели более низкую рождаемость, а сейчас она не обеспечивает даже простого воспроизводства населения. Эти страны не устанавливают никаких ограничений по зачету в стаж суммарной длительности отпусков по уходу за ребенком (Эстония, Латвия, Литва, Молдова, Украина) или ограничивают с расчетом на 2–3 детей. Страны Азийской части и во времена СССР имели высокую рождаемость, и сейчас она остается существенно выше, чем на Европейской части. Страны Центральной Азии все ограничивают период стажа, который засчитывается за период отпусков, и иногда довольно жестко (Узбекистан разрешает засчитать не более 3 лет, Таджикистан – не более 5 лет). Причем, похоже, что страны устанавливают правила зачета стажа исходя из текущей ситуации с рождаемостью, а не исторических показателей, характерных для нынешних поколений женщин предпенсионного возраста. То есть страны довольно прямо пытаются регулировать рождаемость –

повышать низкую, понижать высокую – через правила зачета стажа. И также очевидно, что этот инструмент не сильно работает.

Гораздо труднее найти примеры использования пенсионной политики для целей увеличения продолжительности жизни после выхода на пенсию. Пожалуй, к ним можно отнести дополнительные выплаты/надбавки, которые устанавливаются по достижении определенного возраста. Например, в Российской Федерации пенсионерам, достигшим возраста 80 лет, фиксированная выплата к страховой пенсии выплачивается в двукратном размере (legalacts.ru, 2021). В Украине с 2020 г. поэтапно вводятся дифференцированные возрастные надбавки: для пенсионеров в возрасте 80 лет и более – 500 грн (≈19 долларов США), от 75 до 80 лет – 400 грн (≈15 долларов США), от 70 до 75 лет – 300 грн (≈11 долларов США) (Кабмин Украины, 2021). Грузия в 2021 г. также ввела возрастную дифференциацию пенсий, с начала 2022 г. людям старше 70 лет будет выплачиваться на 40 лари больше (≈13 долларов США) (EADaily, 2020). Конечно, это не такие значительные суммы, чтобы стимулировать людей к долголетию, но это все-таки правильный тренд, особенно учитывая отставание наших стран по показателям ожидаемой продолжительности жизни.

Выводы. Несмотря на очевидную взаимозависимость демографических и пенсионных показателей, на практике демографическая и пенсионная политики слабо согласуются. Поскольку пенсионная политика гораздо сильнее представлена и в институциональном, и в инструментальном плане, гораздо чаще наблюдается использование пенсионной политики для достижения, в том числе, демографических целей. Наибольшей синергией обладают меры, нацеленные на продолжение периода трудовой деятельности, они задействуют не только демографическую и пенсионную политики, но также политики в области занятости, рынка труда, образования и др. Дальнейшего исследования и измерения требует взаимосвязь между порогом пенсионного возраста и ожидаемой продолжительности жизни.

ЛИТЕРАТУРА

ЛІГАБізнесІнформ, інформаційне агентство. Глава комітета соціалістики:

В бедных семьях рождаются дети «низкого качества». 24.06.2020.
<https://news.liga.net/politics/news/glava-komiteta-sotspolitiki-v-bednyh-semyah-rojdayutsya-deti-nizkogo-kachestva>.

Верховна Рада України. Пояснительная записка к законопроекту «Про внесення змін до Закону України «Про загальнообов'язкове державне пенсійне страхування» щодо деяких питань визначення пенсійного віку» (реєстр. № 5566 від 27.05.2021). Официальный веб-портал Верховной Рады Украины

<http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc34?id=&pf3511=72048&pf35401=548457>.

- Мальтус, Т. (1993). Опыт о законе народонаселения. Антология экономической классики. Предисловие И.А. Столярова. М.: МП «ЭКОНОВ», «КЛЮЧ», 33–37.
- European Commission. (2007). Europe's demographic future: Facts and figures on challenges and opportunities. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 177 p.
- Лібанова, Е. М. (2019). Новий підхід до боротьби з бідністю: методи дослідження, результати, уроки для України. *Вісник НАН України*, 12, 43–53.
- Кример, Б.А. (2013). Изменения в рождаемости населения Украины под влиянием помощи при рождении ребенка. *Demoscope Weekly*, 563 – 564, 19 августа - 1 сентября 2013.
<http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0563/analit05.php>.
- Клупт, М. А. (2020). Государственный патернализм в сфере рождаемости: есть ли альтернативы? Стратегические задачи демографического развития: приоритеты и региональные особенности: Десятые Валентеевские чтения: Сборник докладов / Ред. О. С. Чудиновских, И. А. Троицкая, А. В. Степанова. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 28-31.
- Соловьев, А. К. (2020). Государственное регулирование демографических факторов пенсионной реформы. Стратегические задачи демографического развития: приоритеты и региональные особенности: Десятые Валентеевские чтения: Сборник докладов. Ред. О. С. Чудиновских, И. А. Троицкая, А. В. Степанова. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 577-580.
- European Commission. (2020). Directorate-General for Economic and Financial Affairs. The 2021 Ageing Report : Underlying Assumptions and Projection Methodologies. Luxembourg: Publications Office of the European Union, xii+220 c.
- Кабмин України. Стратегія демографічного розвитку в період до 2015 року, затв. постановою від 24 червня 2006 р. № 879. Официальный веб-портал Верховной Рады Украины <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/879-2006-%D0%BF#Text>.
- Кабмин України. Про затвердження плану заходів щодо реалізації Стратегії демографічного розвитку на період до 2015 року, затв. розпорядженням від 6 червня 2007 р. № 382-р. Официальный веб-портал Верховной Рады Украины <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/382-2007-%D1%80#Text>.
- Кабмин України. Про утворення міжвідомчої робочої групи з питань науково обґрунтованого оцінювання демографічного розвитку України, затв. постановою від 8 вересня 2016 р. № 599. Официальный веб-портал Верховной Рады Украины <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/599-2016-%D0%BF#Text>.
- Верховна Рада України. Закон України Про державну допомогу сім'ям з дітьми. Официальный веб-портал Верховной Рады Украины <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2811-12#Text>.
- Державна служба статистики України. Національні рахунки соціального захисту в Україні у 2016 році. Статистичний збірник. Київ, 2018. 94 с.

Державна служба статистики України. Сателітний рахунок соціального захисту в Україні. Сайт Государственной службы статистики Украины http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2020/sz/dop_satrach_sz/arh_s_at_rah_soc_zah_u.htm.

Кабмін України. Постанова від 20 червня 2018 р. № 512 «Деякі питання реалізації пілотного проекту із надання при народженні дитини одноразової натуральної допомоги «пакунок малюка». Офіційний веб-портал Верховної Ради України <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/512-2018-%D0%BF/ed20180620#Text>.

UNICEF Ukraine. Press release «UNICEF Ukraine calls the Government to revamp the “baby box” as a universal programme for newborn children in Ukraine», 03 August 2020 <https://www.unicef.org/ukraine/en/press-releases/unicef-ukraine-calls-government-revamp-baby-box-universal-programme-newborn-children>. Алла Котляр. Бэби-боксы. Три года скандалов. Зеркало недели, 27 мая, 2021. <https://zn.ua/HEALTH/bebi-boksy-tri-hoda-skandalov.html>.

Президент України. Указ від 13 квітня 1998 року № 291/98 «Про основні напрями реформування пенсійного забезпечення в Україні». Офіційний веб-портал Верховної Ради України <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/291/98#top>.

Кабмін України. Розпорядження від 14 грудня 2001 р. № 583-р «Про затвердження заходів щодо реалізації Послання Президента України Л.Д. Кучми до Верховної Ради України та Кабінету Міністрів України «Про основні напрями реформування системи пенсійного забезпечення населення України» на 2001-2004 роки. Офіційний веб-портал Верховної Ради України <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/583-2001-%D1%80#top>.

Кабмін України. Розпорядження від 14 жовтня 2009 р. № 1224-р «Про схвалення Концепції подальшого проведення пенсійної реформи. Офіційний веб-портал Верховної Ради України <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1224-2009-%D1%80#top>.

Верховна Рада України. Закон України «Про заходи щодо законодавчого забезпечення реформування пенсійної системи». Офіційний веб-портал Верховної Ради <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3668-17#Text>.

Верховна Рада України. Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо підвищення пенсій» Офіційний веб-портал Верховної Ради <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2148-19#Text>.

Пенсионный фонд Украины. Дані про середній розмір пенсії станом на 01.10.2021. Інформаційна сторінка веб-порталу Пенсійного фонду України <https://www.pfu.gov.ua/2149086-dani-pro-serednij-rozmir-pensiyi-standom-na-01-10-2021/>.

Кабмін України. Розпорядження від 11 січня 2018 р. № 10-р «Про схвалення Стратегії державної політики з питань здорового та активного довголіття населення на період до 2022 року». Офіційний веб-портал

Верховной Рады <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/10-2018-%D1%80#Text>.

Кабмин Украины. Розпорядження від 26 вересня 2018 р. № 688-р «Про затвердження плану заходів з реалізації Стратегії державної політики з питань здорового та активного довголіття населення на період до 2022 року». Офіційний веб-портал Верховної Рады <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/688-2018-%D1%80#Text>.

Федеральный закон Российской Федерации «О страховых пенсиях». <http://legalacts.ru/doc/FZ-o-strahovyh-pensijah/>.

Кабмин Украины. Постанова від 15 вересня 2021 р. № 963 «Про додатковий соціальний захист окремих категорій осіб у 2022 році та в подальшому». Офіційний веб-портал Верховної Рады <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/963-2021-%D0%BF>.

Eurasia Daily (EADaily). (2020). В Грузии с 1 января 2021 года планируют повысить пенсии. 1 декабря, 2020. <https://eadaily.com/ru/news/2020/12/01/v-gruzii-s-1-yanvary-a-2021-goda-planiruyut-povysit-pensii>.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Андрей Кривенко¹, кандидат географических наук,
доцент кафедры социально-экономической географии и
регионоведения,

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-06>

Abstract. *The left-bank territories controlled by the authorities of the unrecognized Transnistrian Moldovan Republic, are outside the scope of the statistical services of the Republic of Moldova. There is a problem of underestimating the demographic data of this part of the country, which can be solved using the data of the Transnistrian statistical service.*

The Transnistrian authorities keep an independent current registration of the population of the region, and also twice in 2004 and in 2015 conducted a population census, regardless of the Republic of Moldova. The information obtained by local statistical services allows one to see trends in the dynamics of the population size, its structures, and can also become the basis for assessing demographic changes in the future.

Analysis of the dynamics of Transnistria's total population indicates its steady decline, due not only to high mortality and emigration, but also to the deformation of the age composition.

In recent decades, the migration outflow of the population has become a more significant factor in depopulation processes than natural population decline. Among the negative consequences of depopulation, the most pronounced are: the aging of the population and the growth of the demographic burden (the ratio of pensioners to the working population), as well as the depopulation of rural areas.

Assessing the contribution of migration and natural losses to the overall population decline is complicated by the narrow statistical base of the region. For this reason, it is difficult to carry out modeling of demographic processes and their impact on the economy of Transnistria.

Key words: Transnistria, demographic problems, depopulation, demographic statistics.

JEL classification: J110. Demographic Trends, Macroeconomic Effects, and Forecasts.

Введение. Восточные территории Республики Молдова согласно закона об административно-территориальном устройстве (Об административно-территориальном устройстве Республики Молдова 1998), определены как «Административно-территориальные единицы Левобережья Днестра (*Unitățile administrativ-teritoriale din stînga Nistrului*), которым могут быть предоставлены особые формы и условия автономии». Де-факто эти территории контролируются властями непризнанной Приднестровской Молдавской республики (ПМР), самопровозглашенной в 1990 г. Приднестровские власти ведут

¹ © Андрей Кривенко, crivenco@inbox.ru

самостоятельный текущий учет населения региона, а также дважды в 2004 и в 2015 г. проводили перепись населения, независимо от РМ. Фактический административный контроль территорий имеет большое значение с точки зрения сбора статистических данных о населении. Так, Национальное Бюро Статистики Республики Молдова собирает данные о населенных пунктах, находящихся только под де-факто контролем властей страны, тоже можно сказать о территориях, контролируемых Приднестровьем и охватываемых учетом приднестровской статистической службы. Таким образом, территория Приднестровья находится вне охвата статистическими службами Республики Молдова. Существует проблема недоучета демографических данных, решению которой способствовало бы использование сведений службы статистики непризнанной ПМР.

Данные и методы. В основе исследования лежат данные, предоставляемые статистической службой Приднестровья, включая данные текущего учета населения и материалы переписей. Следует признать недостаточно высокое качество данных текущего демографического учета в регионе (Кривенко 2020). Узость демографической базы и устаревшие методики не позволяют адекватно оценивать вклад естественных, и особенно, миграционных потерь в общую убыль населения. Региональной службой статистики не ведется расчет таблиц смертности, суммарного коэффициента рождаемости и других значимых показателей демографического анализа. Проблемой остается своевременный и полный доступ к демографическим данным. Так, до сих пор не были опубликованы результаты последней переписи населения в Приднестровье 2015 г. По этим причинам затруднено моделирование демографических процессов в регионе и их оценка их влияния на экономику.

Источники в Приднестровье первоначально определяли численность населения к моменту ее самопровозглашения в 1990 г. в 740 тыс. человек. Между тем, эту завышенную цифру численности населения нельзя признать корректной, так как она была получена в результате простого суммирования численности населения территорий Тираспольского и Бендерского горсоветов, а также пяти административных районов бывшей Молдавской ССР (Каменского, Рыбницкого, Дубоссарского, Григориопольского и Слободзейского). То есть в указанную численность были включено население правобережных и левобережных сел Дубоссарского района МССР, с. Варница (входившего в состав Бендерского горсовета МССР) и с. Копанка (Слободзейского района МССР), которые никогда не принимали юрисдикцию ПМР и находятся под управлением (и статистическим учетом) властей Республики Молдова. Реальная численность жителей, проживающих в поселениях, охваченных в последствии контролем

властей ПМР, по данным переписи 1989 г. составила 680,9 тыс. человек (Колосов, Кривенко 2021). Перепись 2004 г., выявила значительное расхождение (свыше 68 тыс.) в численности населения по сравнению с данными текущего учета. Так по данным текущего учета в 2003 г. насчитывалось 623,9 тыс. чел, но перепись 2004 г. насчитала в регионе лишь 555,3 тыс. жителей. Причинами расхождения были и вышеперечисленные некорректные базовые данные 1990 г. и недоучет миграционной убыли населения.

Результаты и обсуждение. Негативные тенденции в области демографического развития в Приднестровье обозначились в начале 1990-х годов XX века, что, в целом, типично для трансформирующихся обществ постсоветского пространства. Если в 1990-1991 гг. сохранялся абсолютный прирост населения, то в 1992 г. значительный миграционный отток населения, вызванный военно-политическими событиями, привел к абсолютной убыли населения. Анализ динамики общей численности населения Приднестровья в последующие годы указывает на его неуклонное сокращение, обусловленное не только высокой смертностью и эмиграцией, но и деформацией возрастного состава.

За период с 1990-2004 гг. численность населения сократилась с 680,9 до 555,3 тыс. человек (на 125,6 тыс. человек или на 17,9%). Численность населения Приднестровья по результатам последней региональной переписи, которая прошла в 2015 г., составила 475,7 тыс. человек, в том числе городского — 332,5 тыс. человек (69,9%), сельского — 143,2 тыс. человек (30,1 %). В сравнении с результатами прошлой переписи 2004 г., за 12 лет население региона сократилось на 14,3%. Абсолютное уменьшение численности населения за 2004-2015 гг. составило 79,7 тыс. человек.

Депопуляционные процессы в Приднестровье, впрочем, как и в целом по Молдове отбрасывают эти территории в демографическом развитии к 70-м гг. XX века (Таблица 1).

Таблица 1. Динамика численности населения Молдовы по данным переписей населения

Год, проведенной переписи населения (1959-1989 – МССР; 2004-2014/2015 – РМ и Приднестровья).	Площадь, тыс. км ²	Численность населения, тыс. чел.	Плотность населения, чел. на 1 км ²	Доля городского населения, %
1959	33,7	2 879,4	85,4	22,0
1970	33,7	3 569,8	105,9	31,5
1979	33,7	3 949,8	117,2	38,8
1989	33,7	4 335,4	128,6	46,6

2004 (Молдова, без Приднестровья)	30,5	3 383,3	110,9	38,6
Приднестровье, 2004	4,16*	555,3	133,5	68,0
Молдова, включая Приднестровье, 2004	33,7	3938,6	116,9	-
2014 (Молдова, без Приднестровья)	30,5	2 998,2	98,3	38,2
Приднестровье, 2015	4,16*	475,3	114,3	70,0
Молдова, включая Приднестровье, 2014/2015	33,7	3473,5	103,1	-

Источник: Crivenco, A. (2018). По данным службы статистики Приднестровья

Социально-экономические потрясения в обществе, связанные с распадом СССР, отразились на характере репродуктивного поведения жителей Приднестровья. Относительно высокие показатели рождаемости, наблюдаемые в 80-х гг. уже к 1992 г. сменились падением рождаемости. В 1990 г. общий коэффициент рождаемости превышал 17‰, но уже к 1993 г. стал менее 12‰ и еще ниже в последующие годы. Наименьшие показатели (7-8‰) зафиксированы в первой половине 2000-х гг., а также в последние годы, когда стала сказываться проблема деформации половозрастной структуры, выраженная в снижении доли женщин в репродуктивном возрасте (Таблица 2).

Таблица 2. Естественное движение населения Приднестровья

Год	Общий коэффициент рождаемости, ‰	Общий коэффициент смертности, ‰	Естественный прирост (+)/убыль (-), ‰
1990*	17,1	10,3	+6,8
1994*	11,9	11,9	0,0
1998*	8,1	11,7	-3,6
2002*	7,3	12,8	-5,5
2006**	8,9	15,4	-6,5
2010**	10,0	14,9	-4,9
2014**	10,0	14,6	-4,6
2019**	7,8	14,6	-6,8

*С учетом мертворожденных.
** Родившиеся живыми.

Источник: Согласно данным службы статистики Приднестровья

Статистическая служба Приднестровья не рассчитывает такой важный показатель как суммарный коэффициент рождаемости. В определенной степени его может заменить доступный для исследования показатель среднего числа родившихся детей на 1000 женщин старше 15 лет, который известен только на годы переписей. Так, в 2015 г. он составил 1557 детей для всего региона, в том числе 1736

для сельской местности и 1471 для городской. Данные переписи населения 2015 г. свидетельствуют о неуклонном снижении среднего числа рожденных детей в возрастных группах, начиная с послевоенного периода. У матерей, родившихся во второй половине 40-х и в 50-х гг. этот показатель составил примерно 1,9 ребенка на одну женщину, для родившихся в 60-х гг. – 1,7-1,8 ребенка, у матерей родившихся в 70-х гг. этот показатель колеблется на уровне 1,6 ребенка. При сохранении таких тенденций, следует ожидать дальнейшего сокращения показателя среднего числа рожденных детей в течение репродуктивного периода и для женщин родившихся в 80-х и 90-х гг.

С конца 90-х гг. абсолютное число родившихся детей колебалось в пределах 4,5-5,5 тыс. Однако в настоящее время к наиболее «продуктивному» возрасту подошли женщины из относительно малочисленных поколений второй половины 90-х гг., что привело к резкому падению абсолютного числа рождений с 2018 г. (3,6 тыс. в 2019 г.).

В Приднестровье сохраняются некоторые отличия в репродуктивном поведении между городскими и сельскими жителями. Женщины в сельской местности имеют более высокие показатели числа рожденных детей во всех возрастных группах и, особенно, в ранних возрастах. Так, 18-19 летние сельские девушки рожают в 1,7 раз чаще, чем их городские сверстницы. Однако, позитивный для демографической ситуации в регионе фактор большей частоты рождений у сельских женщин нивелируется высокими темпами сокращения числа женщин в репродуктивном возрасте (15-49 лет) в селе. В межпереписной период (с 2004 по 2015 г.) их абсолютное число сократилось с 48,8 тыс. до 32,0 тыс., т.е. в 1,5 раза. А доля женщин в репродуктивном возрасте по отношению к общей численности женского населения от 15 лет и старше за этот период сократилась с 54,8% до 49,2%.

Неблагоприятными остаются тенденции показателей смертности. Абсолютная численность умерших в Приднестровье с 1990 г. колеблется в пределах с 6,6 тыс. до 8,3 тыс. Однако с учетом снижения численности населения, за этот период произошел значительный рост общего коэффициента смертности, примерно в 1,5 раза с 10 до 15‰. Такой уровень смертности соответствует наивысшим показателям в мире, что является следствием растущего старения населения при относительно невысоком (для стран Европы) показателе продолжительности жизни.

На протяжении последних 20 лет произошли некоторые изменения в структуре причин смерти в Приднестровье. Болезни органов кровообращения остаются основной причиной смертей в регионе 58,3% в 2019 г. (50,1% в 1998 г.). Произошел существенный рост смертности по причине новообразований с 13,0 до 18,8% за указанный

период. Эпидемия КОВИД-19 оказала значительное влияние на показатели смертности в период с весны 2020 г., однако анализ этого воздействия предстоит исследовать после получения адекватных данных.

Уровень младенческой смертности – один из важнейших показателей социально-экономических условий жизни населения (в первую очередь – беременных женщин, молодых матерей и их детей), уровня санитарно-гигиенической культуры, эффективности службы охраны здоровья матери и ребенка. В долгосрочном ретроспективном периоде (1990-2020 гг.) наблюдается устойчивая тенденция сокращения показателей инфантильной смертности с 15-20‰ до 5-7‰.

В среднесрочной перспективе до распространения эпидемии КОВИД-19 в Приднестровье происходил незначительный рост ожидаемой средней продолжительности жизни. В 2019 г. ожидаемая продолжительность предстоящей жизни в Приднестровье составляла для мужчин – 68,3 года, женщин – 76,8 лет. Обращает на себя внимание значительная разница (около 8 лет) между показателями продолжительности жизни у женщин и мужчин.

Материалы приднестровских региональных переписей населения 2004 и 2015 гг. указывают на существенные изменения в половозрастной структуре населения Приднестровья (Рис. 1). Так, перепись населения 2004 г. показала самую многочисленную возрастную группу в диапазоне 15-19 лет, то перепись населения 2015 г. дает смещение наибольшего числа жителей в возрастной группе 55-59 лет, где в абсолютном выражении максимально преобладают женщины. Происходит нарастание старения населения в форме «старения снизу», которое является в большей степени результатом снижения рождаемости, чем увеличением средней продолжительности предстоящей жизни. Процесс старения выразился в увеличении доли пожилых людей старше трудоспособного возраста с 19,91% в 2004 году до 27,7% в 2015 году и в сокращении числа людей моложе трудоспособного возраста с 17,3% до 14,3% соответственно. Также сократилась доля населения в трудоспособном возрасте с 62,8 до 58%.

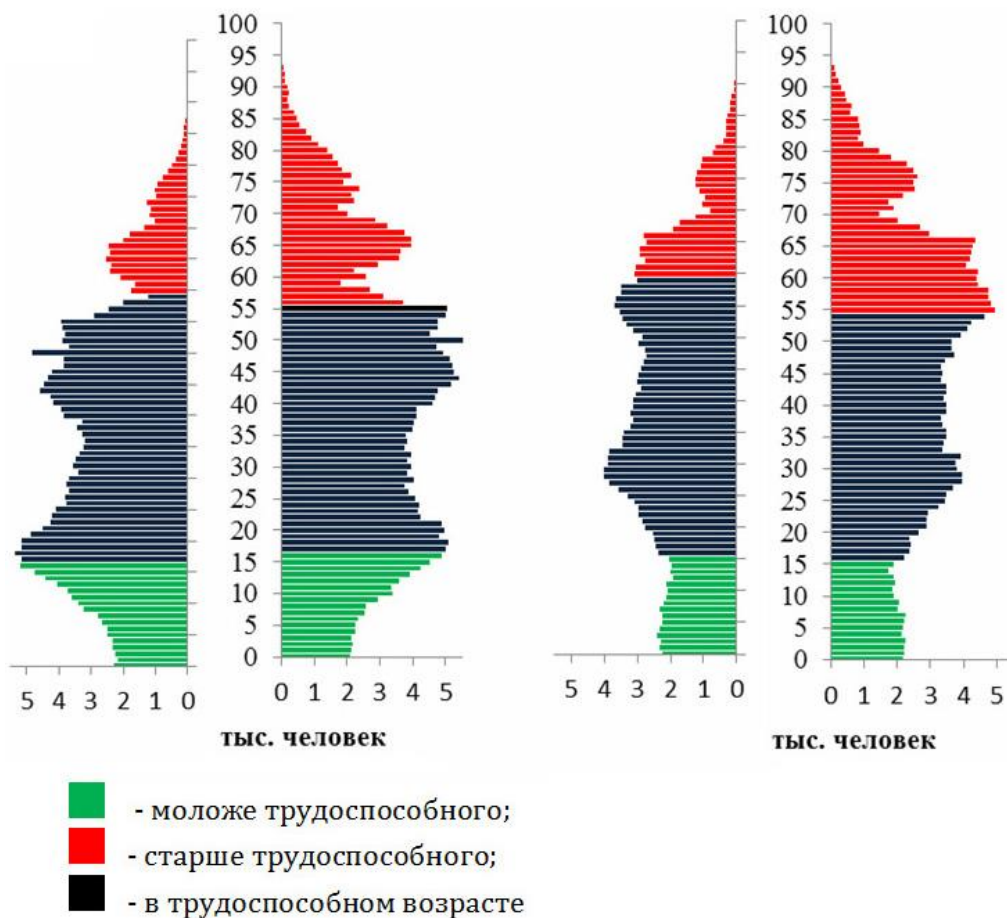

Рис. 1. Возрастно-половая структура населения Приднестровья, 2004 (слева), 2015 гг. (справа)

Источник: Согласно Предварительным результатам Переписи населения Приднестровья 2015 г. Служба статистики Приднестровья. 2016.

В целом для населения Приднестровья характерно некоторое превышение численности женщин над численностью мужчин. Число женщин по данным переписи 2015 г. превысило численность мужчин на 43 519 человек. В 2004 г. на 1000 мужчин приходилась 1172 женщины, в 2015 г. – 1201 женщина. Преобладание численности женщин над численностью мужчин отмечается в возрасте, начиная с 35 лет и старше. В возрастном диапазоне от 0 до 34 лет, в основном, наблюдается преобладание численности мужчин над численностью женщин.

Существенное влияние на динамику численности населения Приднестровья и его структуру оказывает миграция. В 1990-1991 гг. регион еще сохранял положительное сальдо миграций, благотворное демографическое влияние которого ощущалось в течение предыдущих десятилетий. Распад СССР, военно-политический конфликт 1992 г., отсутствие международного политико-правового статуса, кризисные

социально-экономические явления, внешние ограничения и др. причины обусловили потерю Приднестровьем миграционной привлекательности и интенсивную эмиграцию населения, а также сужение иммиграционного потенциала региона.

Данные региональной статистики свидетельствуют о том, что устойчивый тренд миграционного оттока сформировался в 1994 г. и с этого времени число выезжающих заметно превышало въезжающих (исключение составили 2017 и 2019 гг., когда приднестровские источники зафиксировали положительное сальдо миграции). Впрочем, данные, предоставляемые статистической службой Приднестровья нельзя назвать полными в связи с существенным недоучетом выезжающих (Кривенко 2020). Только для иностранцев система регистрации обязательна. Местные жители информируют паспортные службы о своем переезде за рубеж лишь в случаях, если они выезжают на работу по контракту. Широко распространены трудовые и образовательные временные миграции. Адекватный учет на границе и использование данных других стран затруднены также тем, что жители Приднестровья часто имеют кроме паспортов Молдовы паспорта других государств: России, Украины и др.

Данные статистической службы Приднестровья показывают, что в структуре эмигрантов преобладают молодые люди в возрасте от 15 до 34 лет. Для мужчин этот показатель за предыдущие годы колебался на уровне 42-43%, для женщин 38-45%. Несколько увеличилась доля детей, среди убывающего населения с 12,5% в 2012 г. до 15,3% в 2018 г. Отток из региона высококвалифицированной, молодой и активной части людей обуславливает существенные диспропорции в половозрастном составе населения и, как следствие, в структуре и качестве трудовых ресурсах. Тем более это является злободневным, так как воспроизводство кадрового потенциала остается на катастрофически низком уровне.

Большой интерес представляет анализ соотношения постоянного, наличного и временно отсутствующего населения в регионе. По данным переписи 1989 г. общая численность наличного населения Приднестровья на 2,9 тыс. чел. превышала численность постоянного населения, в том числе городского – на 1,9 тыс., а сельского – на 1 тыс. чел. Эти показатели свидетельствуют о миграционной привлекательности региона. По результатам переписи 2004 г. наблюдалась иная картина. Численность наличного населения оказалась на 36,3 тыс. человек меньше, чем постоянного (ее доля составила 6,5% от общей численности). Это является косвенным признаком того, что часть населения региона (трудовые мигранты, обучающиеся за рубежом, командированные и другие категории) на момент переписи находилась за пределами Приднестровья. Данные

переписи населения 2015 г. свидетельствуют о том, что абсолютная численность и доля временно отсутствующего населения существенно возросли и составили 70,6 тыс. чел. (14,8% всего населения региона).

Выводы. В первой половине 90-х годов XX в. под воздействием большого числа факторов - экономических, политических, военных, демографических, психологических и др. в Приднестровье сменился тип воспроизводства населения. На смену расширенному типу воспроизводства в 1994 г. пришел простой тип, а начиная с 1995 г. - суженный тип, отличительными чертами которого являются превышение смертности над рождаемостью и естественная убыль населения.

С начала XXI в. для воспроизводства населения Приднестровья стали характерны: низкие абсолютные и относительные показатели рождаемости, высокие общие и относительные показатели смертности, естественная убыль населения, сохранение более высоких значений показателя инфантильной смертности по сравнению с высокоразвитыми странами. Следует отметить, что естественная убыль населения является не столько следствием увеличения смертности, сколько следствием сокращения рождаемости.

Несмотря на небольшие размеры региона, наблюдается существенная территориальная дифференциация показателей рождаемости, смертности и естественной убыли населения. Более сложной демографическая ситуация складывается в сельских поселениях, по сравнению с городскими и географически - в северной части региона.

Анализ демографических показателей, представленных статистическими службами левого и правого берега, позволяет обратить внимание на более выраженную остроту демографических проблем именно в левобережных районах. Одна из основных причин сложившейся ситуации - большие различия в уровне урбанизации между правобережной Молдовой и Приднестровьем (соответственно 38,2 и 70%). Молдова по-прежнему остается наименее урбанизированной страной Европы, где сельское население отличают более высокие показатели рождаемости, что позволяет существенно сглаживать остроту демографического кризиса. Среди других причин - более «молодая» возрастная структура населения в правобережной Молдове и предположительно более высокие темпы миграционного оттока из Приднестровья.

Для демографического развития Приднестровья характерны следующие тенденции:

1. Сохранение значимой **естественной убыли населения**, как в силу низких показателей рождаемости, так и с учетом деформации возрастной структуры населения. В период между 2004 и 2018 годами абсолютная численность женщин в наиболее «продуктивных» возрастах с 20 до 29 лет сократилась с 42,2 тыс. до 33,2 тыс., т.е. в 1,3 раза. В целом за этот период доля женщин в репродуктивном возрасте (с 15 до 49 лет) среди женщин старше 15 лет сократилась с 60,7% до 50,4%. Низкая рождаемость прежних лет и миграция молодых людей будет и впредь подтачивать демографический потенциал Приднестровья и отдалять шансы на восстановление расширенного воспроизводства в регионе;

2. Значительное негативное влияние **миграционного оттока населения** на численность, размещение, структуру и динамику населения региона. Выезд молодёжи ведёт к старению возрастной структуры населения, к росту демографической нагрузки на экономически активное население и снижает репродуктивный потенциал приднестровского социума;

3. Продолжение процесса **депопуляции территории региона**. Данные переписей населения 2004 и 2015 гг. показывают значительные масштабы сокращения численности населения во всех административно-территориальных единицах Приднестровья, особенно в сельской местности. Численность городского населения в 2015 г. по сравнению с данными переписи населения 2004 г. сократилась на 11,9%, а сельского - на 19,6%. Наиболее высокими темпами за рассматриваемый период сокращалась численность населения Каменского района, а также Григориопольского и Дубоссарского районов. Так численность жителей населенных пунктов Каменского района по данным переписи 2015 г. составила менее 58% от людности тех же населенных пунктов по данным переписи 1979 г. Южная часть Приднестровья в составе Слободзейского района и городов Тирасполь и Бендеры оказались несколько менее пострадавшими от демографического кризиса. Данные последних лет свидетельствуют о том, что, острота кризиса более явно проявляется в сельской местности региона, где из-за деформации половозрастной структуры отток населения обладает кумулятивным эффектом, обрекая мелкие поселения на исчезновение.

4. **Старение населения**. Анализ изменений возрастной структуры населения показывает, что уменьшение абсолютной численности протекает наряду с демографическим старением населения.

Одним из главных следствий старения является рост абсолютной численности пенсионеров и их доли в общей численности населения. Сокращение численности занятых приводит к увеличению значений коэффициента зависимости, отражающего соотношение численности

пенсионеров и лиц в трудоспособном возрасте. Особенно интенсивно растет величина коэффициента нагрузки пенсионерами, отражающего количество пенсионеров, приходящееся на 1000 занятых. За 1996-2015 гг. этот показатель возрос с 577 до 1036 пенсионеров. В 2015-2018 гг. рассматриваемый коэффициент существенно снизился в связи с переходом существенной части пенсионеров на российское пенсионное обеспечение. К 2018 г. это показатель снизился до 891 пенсионера на 1000 занятых.

Анализ текущих тенденций демографического развития Приднестровья не дает возможности увидеть оптимистические перспективы. Сложные демографические проблемы, корни которых лежат еще в далеком прошлом, и подпитываемых непростой социально-экономической ситуацией в регионе, не имеют простых решений. Только последовательная, ответственная, рассчитанная на долгосрочные результаты политика, способна дать позитивные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

- Crivenco A. (2018). Demographic development of Moldova based on the latest censuses conducted in 2014 and 2015 (in Transnistria) (workshop report). independent.academia.edu/AndreiCrivenco/Demography-Geography.
- Колосов В.А., Кривенко А.В. (2021). Депопуляция и легитимность непризнанных государств (на примере Приднестровья). *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, Том 85, 2, 205–217.
- Кривенко А.В. (2020). Демографическая статистика в Приднестровье: направления совершенствования. *Экономика Приднестровья*, 1-2, 18-27.
- Об административно-территориальном устройстве Республики Молдова. (1998). Закон Nr. 191 от 12.11.1998. Парламент Республики Молдова <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=3108> 18.

SCHIMBĂRILE ÎN SPERANȚA DE VIAȚĂ SUB INFLUENȚA PANDEMIEI COVID-19¹

Vitalie ȘTÎRBA ©², cercetător științific,
INCE, Centrul de Cercetări Demografice, Republica Moldova

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-07>

Abstract

This article highlights the changes in life expectancy in Moldova under the influence of the COVID-19 pandemic. The results show a decrease in life expectancy in 2020, compared to 2019, by 0.9 years in males and 1.3 years in females. The increase in mortality has been particularly pronounced in the ages above 55 and 40 for males and females, respectively. The observed rise in the number of deaths occurred as a result of joint factors, such as the increasing number of persons diagnosed with COVID-19, postponement of planned treatments for the patients with chronic diseases, overloading of the medical system during the pandemic, etc. During the period of self-isolation and a decrease in economic activities, a decrease in mortality caused by external factors could be observed, which contributed to the increase in the life expectancy components among the young population.

Cuvinte-cheie: mortalitate, speranța de viață, pandemia COVID-19

Clasificare JEL: J0, I1

În anul 2020, situația pandemică generată de sindromul respirator acut SARS-CoV-2 s-a reflectat asupra schimbărilor în structura mortalității și a creat provocări în domeniul sănătății populației în majoritatea statelor. Principalii factori care au determinat creșterea mortalității sunt consecința răspândirii virusului în rândul populației și a gradului de suprasolicitare a sistemului medical, creând dificultăți în acordarea în deplină măsură a serviciilor medicale pentru persoanele diagnosticate cu COVID-19, dar și celor ce efectuează tratament planificat. Această perioadă a condiționat unele schimbări comportamentale, care se răsfrâng asupra sănătății populației prin creșterea sau descreșterea morbidității și mortalității, având în vedere riscurile de accidentare sau de cronicizare a bolilor. În perioada de autoizolare, unele straturi ale populației s-au confruntat cu schimbări comportamentale, precum: descreșterea activității fizice cauzată de modul sedentar de viață, schimbări în nutriție, consumul de alcool și tutun etc. Totodată, perioada de autoizolare poate determina reducerea incidenței traumatismelor și deceselor violente, inclusiv celor rezultate în urma accidentelor rutiere.

Surplusul de decese în perioada pandemică a contribuit la reducerea speranței de viață în majoritatea statelor (Marois, Muttarak, & Scherbov, 2020). Comparativ cu statele din Europa de Vest, țările est-europene au

¹ Articolul este elaborat în cadrul Programului de Stat (2020-2023) 20.80009.0807.21
"Migrația, schimbări demografice și politici de stabilizare a situației".

² © Vitalie Știrba, vitalie.stirba@gmail.com.

înregistrat o diminuare mult mai accentuată a speranței de viață atât la bărbați, cât și la femei (Aburto și alții, 2021a). Totodată, bărbații și femeile au evidențiat o diferențiere în schimbările structurii mortalității în perioada pandemică (Aburto și alții, 2021b). Efectele autoizolării în perioada pandemiei COVID-19 s-au reflectat asupra sănătății persoanelor cu boli cronice, care necesită vizite regulate la medicul de profil (Saqib și alții, 2020), dar totodată au influențat schimbările de nutriție și stilul de viață (Renzo și alții, 2020).

Acest articol pune în evidență schimbările în ceea ce privește speranța de viață din perioada pandemiei COVID-19 ca rezultat al transformărilor din structura mortalității. Datele privind distribuția numărului populației și deceselor pe vârste au fost obținute din surse oficiale (Banca de date BNS; WHO Mortality Database) și alternative (Penina, Jdanov, & Grigoriev, 2015). Pentru calcularea mortalității standardizate a fost utilizat Noul standard european al populației. Decompoziția speranței de viață a fost efectuată prin metoda lui Andreev, utilizând tabelele de mortalitate prescurtate cu ultima grupă de vârstă 85+.

În perioada 2000–2020, rata mortalității standardizate în Moldova a cunoscut o descreștere graduală la ambele sexe, înregistrând către 2019 25,6 decese la 1000 populație la bărbați și 16,7 decese la 1000 populație la femei. Această tendință de descreștere a mortalității a fost întreruptă în 2020, când numărul de decese la 1000 populație a crescut la 28,8 la bărbați și 18,7 la femei, ceea ce corespunde valorilor înregistrate în anul 2012.

Creșterea mortalității standardizate din anul 2020 derivă din schimbările în distribuția deceselor pe grupe de vârstă ale populației. În timp ce în populația tânără, atât la bărbați, cât și la femei, intensitatea mortalității a cunoscut o descreștere, în mare parte datorită evitării cauzelor externe de deces, în grupurile de vârstă adulte (50+ ani), numărul de decese a cunoscut o creștere considerabilă comparativ cu anii precedenți.

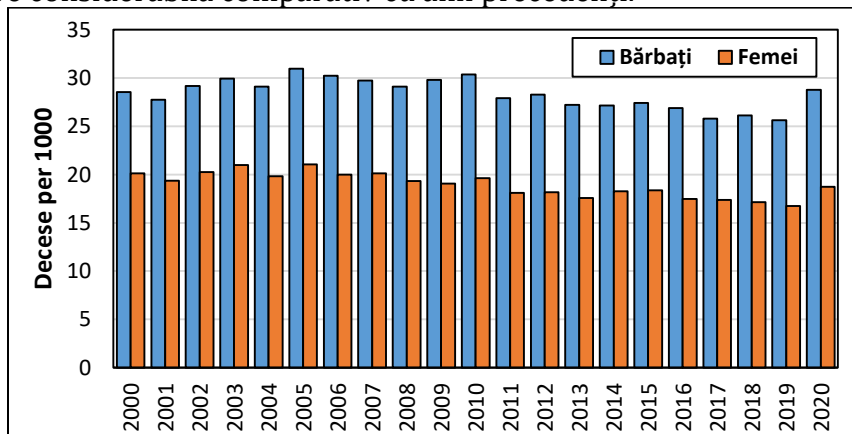

Figura 1. Rata mortalității standardizate în Moldova pentru bărbați și femei, 2000–2020.

Sursa: Calculele autorului în baza datelor Organizației Mondiale a Sănătății (WHO Mortality Database) și Biroului Național de Statistică (Banca de date BNS)

Între anii 2000 și 2010 dinamica speranței de viață în Moldova a cunoscut o perioadă de stagnare și ușoară fluctuație, înregistrând o medie de 63,4 ani la bărbați și 71,6 ani la femei, urmată de o creștere constantă până în 2019 cu circa 3,5 ani la ambele sexe. În 2020 speranța de viață în Moldova a cunoscut un declin semnificativ comparativ cu anul 2019 (-0,9 ani la bărbați și -1,3 ani la femei), înregistrând valori similare anilor 2015-2016 (Figura 1). Aceste schimbări din speranța de viață derivă din creșterea mortalității din perioada de referință, în care a crescut semnificativ numărul de decese, în special al celor cauzate de sindromul respirator acut SARS-CoV-2, adesea însoțite de unele comorbidități (boli ale sistemului circulator, cancer, diabet zaharat etc.), dar și rezultate în urma suprasolicitării sistemului medical sau imposibilității efectuării tratamentului planificat la persoanele cu boli cronice.

În condițiile situației epidemiologice, descreșterea în speranța de viață nu a putut fi prevenită, inclusiv de spectrul de politici implementate pe domeniul sănătății populației, inclusiv: programul de cardiologie intervențională, politicile de control asupra tutunului și alcoolului, programe de prevenire a bolilor cardiovasculare, traumatismelor etc. În acest sens, descreșterea mortalității datorată respectivelor programe pe domeniul sănătății nu a putut compensa pierderile cauzate de numărul de decese din perioada pandemică.

În decursul pandemiei COVID-19, diminuarea activității economice și perioadele de autoizolare a populației au redus numeric accidentările și decesele violente, în care în mai mare măsură este implicată populația tânără și cea aptă de muncă. În același timp, schimbările în modul de viață pe perioada de autoizolare pot influența sănătatea populației pe termen mediu și lung.

Descreșterea speranței de viață înregistrată în anul 2020 reprezintă diferența dintre numărul mediu de ani de viață obținuți în urma descreșterii mortalității prin intermediul politicilor implementate pe domeniul sănătății populației (inclusiv deceselor cauzate de factorii externi) și creșterii numărului de decese sub influența pandemiei COVID-19.

Durata pandemiei cauzate de COVID-19 poate menține mortalitatea la nivelul înregistrat în 2020 sau influența asupra creșterii acesteia în 2021 și pe parcursul perioadei ulterioare. Impactul sindromului respirator acut SARS-CoV-2 asupra sănătății populației se reflectă nu doar prin intensitatea mortalității înregistrate, ci și prin creșterea morbidității prin boli cronice rezultate în urma tratamentului de COVID-19, precum și în lipsa acestuia. Complicațiile obținute în urma îmbolnăvirii, dar și schimbările în modul de viață pot influența asupra schimbărilor în structura mortalității din următorii ani și influența asupra duratei medii a vieții în rândul populației.

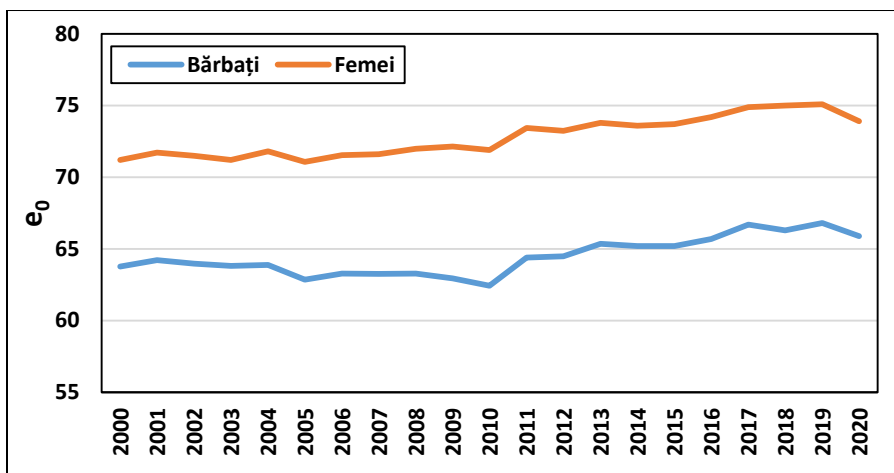

Figura 2. Speranța de viață la naștere pentru bărbați și femei, Moldova, 2000–2020.

Sursa: Biroul Național de Statistică (Banca de date BNS) și (Penina, Jdanov, & Grigoriev, 2015)

Descreșterea speranței de viață din anul 2020 derivă din schimbările în intensitatea mortalității, care înregistrează valori diferite în rândul populației în dependență de statutul social, locul de trai, dar și alte caracteristici socioeconomice și demografice. În condițiile răspândirii sindromului respirator acut SARS-CoV-2 în rândul populației, dar și având în vedere provocările rezultate în perioada pandemică, distribuția deceselor după cauze a suferit transformări în anumite grupuri de vârstă la bărbați și femei.

În 2020, unele grupuri de vârstă tinere au cunoscut o ușoară diminuare a mortalității, ceea ce a contribuit la creșterea speranței de viață la bărbați și femei cu circa 0,1 ani. Programele pe domeniul sănătății populației, dar și condițiile de autoizolare au contribuit la evitarea deceselor, inclusiv în rândul populației adulte, însă acestea nu au putut compensa pierderile cauzate de surplusul de decese din perioada pandemică.

Creșterea mortalității din 2020 a contribuit la diminuarea speranței de viață cu 0,9 ani la bărbați și 1,3 ani la femei și a fost caracteristică grupurilor de vârstă 40+ ani, la care această descreștere a constituit -0,85 ani și respectiv -1,25 ani. Distribuția deceselor excesive în populația adultă evidențiază o diferențiere în dependență de sex, la bărbați fiind concentrate între vârstele 60-79 de ani, în timp ce la femei aceste pierderi sunt practic uniform repartizate între vârstele 40-70 și ușor descrescând pentru vârstele 80+. Grupurile respective de vârstă sunt cele mai vulnerabile în contextul situației epidemiologice, având în vedere prevalența bolilor cronice în rândul acestei populații. Totodată, asupra nivelului mortalității din aceste grupuri de vârstă a influențat inclusiv gradul de accesibilitate la serviciile medicale în contextul tratamentului planificat în rândul persoanelor cu boli ale sistemului circulator, cancer etc.

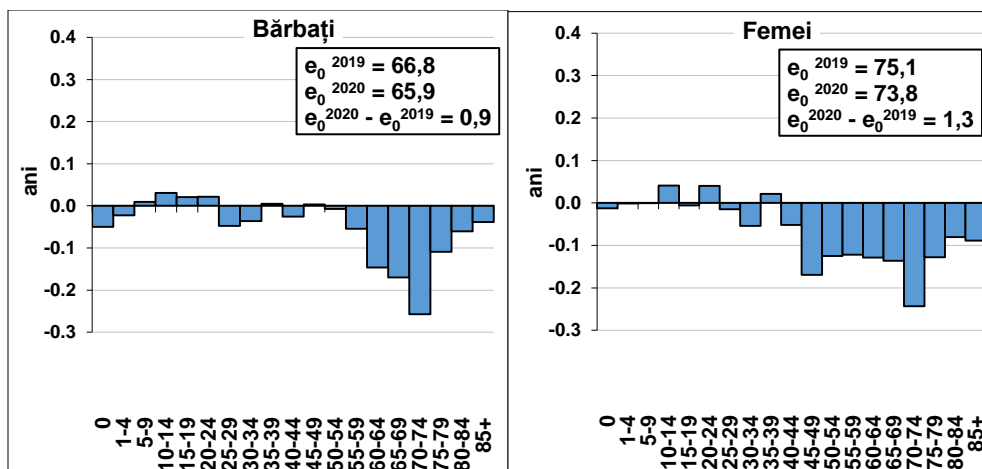

Figura 3-4. Contribuția mortalității în diferența speranței de viață la naștere pentru bărbați și femei între 2019 și 2020, Moldova.

Sursa: Calculele autorului în baza datelor Organizației Mondiale a Sănătății (WHO Mortality Database) și Biroului Național de Statistică (Banca de date BNS)

Rezultatele acestui studiu evidențiază schimbările mortalității și impactul acesteia asupra speranței de viață sub influența pandemiei COVID-19. În anul 2020, speranța de viață a înregistrat o descreștere de 0,9 ani la bărbați și 1,3 ani la femei comparativ cu anul 2019. Diminuarea acestui indicator rezultă din creșterea mortalității cauzate de COVID-19, dar și unor provocări din sistemul medical, inclusiv prin amânarea tratamentelor planificate pentru persoanele cu boli cronice, dar și gradului de suprasolicitare a serviciilor medicale în perioada pandemică.

Perioada de autoizolare a populației și de descreștere a activității economice a contribuit la o reducere a mortalității prin cauzele externe de deces în mare parte în rândul grupurilor de vârstă tinere. Totodată, în perioada respectivă, instituțiile de resort au continuat implementarea politicilor pe domeniul sănătății populației și lărgirea spectrului de servicii medicale, ceea ce a contribuit la evitarea și amânarea unor decese, care însă nu au compensat pierderile în numărul de decese cauzate de pandemia COVID-19.

Având în vedere că situația epidemiologică nu este ameliorată, în anul 2021 surplusul de decese cauzat de COVID-19 continuă să înregistreze valori mai ridicate față de perioada prepandemică. Numărul excedent de decese din perioada pandemică creează pierderi semnificative în ani de viață, iar complicațiile rezultate în urma răspândirii sindromului respirator acut SARS-CoV-2 în rândul populației pot duce la creșterea morbidității și influența calitatea vieții.

Referințe

- Aburto, J., Kashyap, R., Schöley, J., Angus, C., Ermish, J., Mills, M., & Dowd, J. (2021b). Estimating the burden of the COVID-19 pandemic on mortality, life expectancy and lifespan inequality in England and Wales: a population-level analysis. *J Epidemiol Community Health*, 75:735-740. doi:<http://dx.doi.org/10.1136/jech-2020-215505>
- Aburto, J., Scholey, J., Kashnitsky, I., Zhang, L., Rahal, C., Missov, T., . . . Kashyap, R. (2021a). Quantifying impacts of the COVID-19 pandemic through life-expectancy losses: a population-level study of 29 countries. *International Journal of Epidemiology*, 1-12. doi: 10.1093/ije/dyab207
- Banca de date BNS. (fără an). Preluat de pe <https://statistica.gov.md/pageview.php?l=ro&idc=407>
- Marois, G., Muttarak, R., & Scherbov, S. (2020). Assessing the potential impact of COVID-19 on life expectancy. *PLoS ONE*, 15(9), e0238678. doi:<https://doi.org/10.1371/journal.pone.0238678>
- Penina, O., Jdanov, D., & Grigoriev, P. (2015). Producing reliable mortality estimates in the context of distorted population statistics: the case of Moldova. *MPIDR Working Paper WP-2015-011*. doi:10.4054/MPIDR-WP-2015-011
- Renzo, L., Gualtieri, P., Pivari, F., Soldati, L., Attina, A., Cinelli, G., . . . Lorenzo, A. (2020). Eating habits and lifestyle changes during COVID-19 lockdown: an Italian survey. *Journal of Translational Medicine*, 18:229. doi:<https://doi.org/10.1186/s12967-020-02399-5>
- Saqib, M., Siddiqui, S., Qasim, M., Jamil, M., Rafique, I., Awan, U., . . . Afzal, M. (2020). Effect of COVID-19 lockdown on patients with chronic diseases. *Diabetes & Metabolic Syndrome: Clinical Research & Reviews*, 14(6), 1621-1623. doi:<https://doi.org/10.1016/j.dsx.2020.08.028>
- WHO Mortality Database. (fără an). Preluat de pe <https://www.who.int/data/data-collection-tools/who-mortality-database>

CONSOLIDAREA SUPTULUI PĂRINȚILOR ÎN ÎMBINAREA ROLURILOR PROFESIONALE ȘI FAMILIALE¹

Inga SÎNCHEVICI-CHISTRUGA², doctor în sociologie,
INCE, Centrul de Cercetări Demografice, Republica Moldova

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-08>

Abstract. The article is based on four sociological studies (2 qualitative ones and 2 quantitative) elaborated by the Centre for Demographic Research of INCE in the 2018-2021 period, which have intended to analyse the peculiarities of jointing family life and the professional life of parents. Due to unstable conditions on the labor market, life has created a context in which it is increasingly difficult for parents to develop favorable strategies for successfully combining professional and family responsibilities. The results of the studies showed that the strategies applied by parents in resolving the conflict between family and professional responsibilities are at their disadvantage. Flexible work schedules (remote work, compressed work week, staggered hours, etc.) are a necessity for parents because they are compatible with family responsibilities, but in order to implement them, a series of obstacles are registered. In this context, a differentiated and efficient policy is required to provide the necessary types of assistance to each special group. At the level of authorities, it is necessary to encourage employees to implement policies to balance families and work, expand pre-school and quality pre-school services, etc.

Cuvinte-cheie: familie, copil, activitate profesională, echilibru dintre muncă și viața de familie.

Clasificarea JEL: J13, J19, J16.

Introducere. Participarea în câmpul muncii și la îngrijirea și educația copiilor sunt aspecte importante din viața indivizilor. Însă condițiile actuale instabile de pe piața muncii și de viață creează un context în care părinților le este din ce în ce mai greu să dezvolte strategii favorabile de îmbinare cu succes a responsabilităților profesionale și celor familiale.

Datorită implicării predominante a femeilor în sfera parentală, găsirea unui echilibru între muncă și familie este considerată mai mult o problemă ce vizează femeile. Astfel, femeile, îndeosebi cu copii de vârstă preșcolară, sunt o categorie specială, cea mai vulnerabilă pe piața muncii.

Până la declararea independenței, munca femeilor, implicit a mamelor, în țara noastră era practic obligatorie, totodată existau diverse practici informale și formale pentru a ajuta femeile să combine rolurile de angajată și de mamă (sistem de creșe, grădinițe, servicii medicale, tabere de vară puse la dispoziția părinților și copiilor). Cu toate acestea, menținerea unui echilibru între activitatea profesională și cea familială nu era ușoară. Actualmente, majoritatea mamelor continuă să lucreze pentru menținerea unui nivel de

¹ Articolul este elaborat în cadrul Programului de Stat (2020-2023) 20.80009.0807.21 "Migrația, schimbări demografice și politici de stabilizare a situației".

² © Chistruga-Sînchevici Inga, i_sinchevici@yahoo.com.

viață acceptabil pentru familie, dar persistă problema accesibilității și calității serviciilor de supraveghere și educare a copiilor. De asemenea, există așteptări ca femeile să se implice și să contribuie semnificativ atât în viața profesională, cât și în cea familială (Савинская, 2013).

Revista literaturii. În plan internațional se remarcă o multitudine de lucrări ce abordează diverse subiecte ce țin de reconcilierea vieții de familie și profesionale. Conflictele dintre activitatea profesională și familială și sursele acestora sunt examinate complex de către Ahmad A., Greenhaus J., Beutell N. Subiectul implementării programelor flexibile de muncă în scopul facilitării echilibrului dintre muncă și familie este analizat în lucrările cercetătorilor Redmond J., Valiulis M., Drew E., Lott Y., Anttila T., Tammelin M., Oinas T., Natti J.

Aspectele ce țin de reconcilierea vieții de familie și profesionale sunt analizate profund în literatura rusă de către cercetătorii Исупова О.Г., care accentuează necesitatea suportului din partea angajatorilor; Савинская О.Б., care analizează strategiile de îmbinare a activității profesionale și a maternității; Чернова Ж., Сеница А.Л., care abordează tema dificultăților cu care se confruntă mamele pe piața muncii; Рождественская Е.Ю., care analizează particularitățile ce țin de reconcilierea vieții de familie și profesionale pentru anumite categorii profesionale.

În Republica Moldova unele aspecte ce țin de participarea părinților în câmpul muncii, impedimentele cu care se confruntă în activitatea profesională au fost abordate de O. Gagauz, M. Buciuceanu-Vrabie, A. Oceretnîi.

Metodologie. Articolul se bazează pe o serie de studii cantitative și calitative în care s-au aplicat diferite măsuri.

1. Studiul cantitativ "Părinții între necesitatea de a munci și responsabilitățile familiale" (1047 de chestionare cu mame cu copii de vârstă preșcolară), desfășurat de Centrul de Cercetări Demografice al INCE în perioada februarie-martie 2019, în municipiul Chișinău. Scopul studiului a constat în analiza particularităților de reconciliere a vieții de familie și a vieții profesionale a mamelor cu copii de vârstă preșcolară, în evidențierea dificultăților cu care se confruntă la reintegrarea în câmpul muncii după aflarea în concediul de îngrijire a copilului și în determinarea factorilor ce contribuie la facilitarea procesului de echilibrare a vieții familiale și profesionale.

2. Studiul calitativ "Părinții între necesitatea de a munci și responsabilitățile familiale", efectuat în perioada august-octombrie 2018 de către Centrul de Cercetări Demografice al INCE, în cadrul căruia au fost realizate 20 de interviuri sociologice cu mame cu copii de vârstă preșcolară (până la 6 ani).

3. Studiul calitativ "Reconcilierea vieții de familie și profesionale din perspectiva angajatorilor", desfășurat în 2020 de către Centrul de Cercetări Demografice al INCE, în cadrul căruia au fost realizate 10 interviuri cu angajatori.

4. Studiul „Impactul pandemiei COVID-19 asupra familiilor cu copii”. Metoda de cercetare aplicată a fost ancheta sociologică pe bază de chestionar. Universul eşantionului/grupul-țintă l-au constituit familiile cu copii în vârstă sub 18 ani selectați din toate regiunile republicii. Volumul eşantionului a constituit 1119 familii. Scopul studiului a constat în evidențierea problemelor cu care s-au confruntat/se confruntă familiile în perioada pandemiei COVID-19, identificarea necesităților specifice ale acestora, stabilirea efectelor situației pandemice asupra bunăstării familiilor cu copii, precum și a măsurilor care ar putea atenua efectele negative ale pandemiei, pentru a sprijini acțiunile de răspuns ale politicii atât în timpul pandemiei, cât și după pandemie.

Rezultate și discuții. Prezența și numărul de copii de vârstă preșcolară influențează rata scăzută de participare economică a femeilor, care cel mai adesea optează pentru o pauză mai mare de îngrijire a copilului/lor. Datele prezentate în *Tabelul 1* demonstrează că apariția copiilor contribuie la o mai mare angajare a taților în câmpul muncii și, dimpotrivă, „îndepărtează” mamele de pe piața muncii. Astfel, rata de ocupare în rândul mamelor cu copii de vârstă preșcolară este mai redusă cu 20% decât în rândul celor care nu au copii de vârstă preșcolară.

Pe de o parte, refuzul unei femei de a continua să lucreze într-un loc de muncă plătit înseamnă o pierdere de bani, pe care ar fi putut-o câștiga dacă ar fi continuat să lucreze, iar pentru societate înseamnă pierderea unui angajat, pentru a cărui pregătire s-au cheltuit resurse considerabile (Синица, 2012). Pe de altă parte, includerea mamelor pe piața forței de muncă are efecte benefice asupra situației familiei, deoarece contribuie la suplinirea veniturilor și creșterea investițiilor în copii (calitatea alimentației, accesul la educație și serviciile educaționale, accesul la serviciile medicale de calitate). De asemenea, încadrarea femeii pe piața muncii oferă, pe de o parte, o garanție a independenței lor economice, iar pe de altă parte, o contribuție la dezvoltarea economică.

În absența unor soluții suficiente, femeile aleg să părăsească piața forței de muncă după apariția copilului, pentru o perioadă mai lungă de timp, decât să se confrunte cu condiții de lucru care nu le permit să-și echilibreze responsabilitățile profesionale și familiale. Aflarea în concediu de îngrijire a copilului o perioadă îndelungată le creează dificultăți mamelor la reîntoarcerea în câmpul muncii, în condițiile în care mediul profesional devine din ce în ce mai dinamic și mai competitiv, având nevoie ca să-și îmbunătățească calificările la întoarcere.

Tabelul 1. Rata de ocupare în anul 2020 (%)

	Total	Bărbați	Femei
Total	51,2	54,9	47,7
Persoane care nu au niciun copil de vârstă preșcolară	53,2	50,7	55,8
Persoane care au cel puțin un copil de vârstă preșcolară	47,8	63,3	35,8

Sursa: Conform datelor BNS.

În conformitate cu rezultatele interviurilor cu părinții și angajatorii, dificultățile în realizarea echilibrului dintre muncă și familie sunt atât de ordin obiectiv (programele de muncă flexibile, durata zilei de lucru, orele de începere și de încheiere a muncii, insuficienta reglementare legală a aspectelor ce țin de oferirea programelor flexibile și a muncii, concediul medical din cauza îmbolnăvirii copiilor, diviziunea muncii în cadrul familiei, serviciile educaționale și de îngrijire a copiilor, condițiile de infrastructură), cât și de ordin subiectiv (stereotipurile în conformitate cu care îngrijirea copiilor și sarcinile casnice sunt responsabilitatea fundamentală a femeii, opiniile și convingerile angajatorilor despre părinții care lucrează, potrivit cărora angajații cu copii mici sunt percepuți ca lucrători care vor lipsi adesea de la serviciu și vor cere condiții suplimentare, iar angajații ideali sunt lipsiți de sarcini familiale și alte angajamente în afara locului de muncă.

Schimbările de pe piața muncii sub influența introducerii unui număr de măsuri restrictive legate de prevenirea răspândirii Covid-19 au avut un impact contradictoriu asupra calității vieții profesionale a populației, ceea ce afectează posibilitățile de realizare a echilibrului dintre familie și muncă. Echilibrul dintre muncă și familie reprezintă un element esențial în viața fiecărui părinte, îndeosebi în situațiile de criză, precum e pandemia. Atunci când desfășoară o muncă intensă și au și cerințe familiale, indivizii sunt mai predispuși să piardă resurse, deoarece au nevoie să își folosească resursele personale (energie fizică, rezistență mentală, atenție și timp) pentru a face față cerințelor. Când resursele personale sunt epuizate, este mai puțin probabil să funcționeze bine atât în domeniul de activitate, cât și în obligațiile casnice, ceea ce duce la interferențe dintre muncă și familie (Associations Between Work-Family Balance, 2021).

Echilibrul dintre viața profesională și cea familială a părinților cu copii din Republica Moldova a fost afectat de la începutul pandemiei odată cu închiderea școlilor și grădinițelor și imposibilității de a accesa asistență din rețelele lor de sprijin (bunici, vecini, rude). Îngrijirea copiilor, supravegherea și învățarea copiilor a generat o suprasolicitare a părinților, în majoritatea familiilor devenind responsabilitatea femeii. Astfel, mamele din diferite categorii ale populației, în perioada pandemiei, lucrează mai mult decât până la pandemie, accentuând inegalitățile în divizarea responsabilităților de

îngrijire. Datele studiului „Impactul pandemiei COVID-19 asupra familiilor cu copii” relevă că numărul persoanelor care s-au confruntat cu dificultăți de combinare a activității profesionale și a activității de îngrijire a copiilor s-a dublat în perioada carantinei, comparativ cu perioada de până la declanșarea pandemiei – de la 27% până la 61,2%. Deși majoritatea restricțiilor au fost anulate și s-a reluat activitatea instituțiilor educaționale, această problemă continuă să predomine pentru 46,9%. Aceeași tendință s-a înregistrat și în ceea ce privește nevoia de ajutor pentru îngrijirea și supravegherea copiilor în timpul programului de lucru. De asemenea, în carantină s-a dublat numărul respondenților care consideră că în familie au apărut neînțelegeri din cauza îndeplinirii responsabilităților familiale, ceea ce denotă că solicitările pe plan profesional împiedică acordarea de timp suficient familiei. Deși în prezent ponderea celor care au susținut acest fapt s-a redus, ea continuă să fie în continuare mai mare decât până la pandemie, 24% comparativ cu 17,7%.

Studiile realizate au evidențiat că strategiile aplicate de părinți în rezolvarea conflictului dintre responsabilitățile familiale și cele profesionale nu sunt avantajoase pentru ei, printre ele enumerându-se:

- alegerea unui loc de muncă confortabil, în care programul de muncă să poată fi ajustat la cerințele familiale (graficul/locația îi permite să ducă/să ia copilul de la grădiniță, concediu de odihnă pe timp de vară, posibilitatea de a lua concediu medical etc.), uneori în defavoarea unui loc de muncă cu mai multe perspective de creștere profesională și nivel de salarizare mai înalt;
- aflarea o perioadă îndelungată în concediu de îngrijire a copilului;
- accesarea serviciilor educaționale de îngrijire private, îndeosebi serviciile de creșă, dar și angajarea bonelor/dădacelor, în condițiile în care frecvent costul acestora este semnificativ în comparație cu veniturile obținute;
- refuzul de a se afla în deplasări, de a pleca la stagii de instruire, schimb de experiență în afara țării, toate acestea având implicații asupra ascensiunii profesionale;
- optarea pentru nașterea celui de al doilea sau următorului copil la o vârstă mai înaintată, pentru a reuși să-și construiască capital educațional, profesional, experiență de muncă și independență.

În conformitate cu rezultatele studiilor calitative și cantitative, s-a evidențiat următoarea tendință – mamele care gestionează munca și viața de familie în mod eficient beneficiază de susținere complexă în familie sau au ales să lucreze cu jumătate de normă. Mamele care reconciliază precar munca și familia se confruntă cu dificultăți ce țin de inflexibilitatea locurilor de muncă și lipsa de suport din partea partenerilor. În acest caz sunt evidente conflictele dintre muncă și îngrijire, care au un impact asupra calității vieții indivizilor și relevă dificultățile în combinarea rolurilor duale. Mamele care gestionează extrem de dificil aceste două domenii au solicitări dure la locul de muncă. Astfel, cerințele de la locul de muncă afectează excesiv viața personală și de familie, împiedicând calitatea vieții indivizilor. *”Eu lucrez la o televiziune*

privată, unde bineînțeles că trebuie să lucrez doar opt ore, dar așa e specificul lucrului și de multe ori vin acasă după miezul nopții. Frecvent apar ședințe neprogramate, care durează foarte mult. Televiziunea cere să te dedici sută la sută. Copilul, nici nu observ când crește și se dezvoltă, mă simt vinovată față de el. De multe ori mă simt îngrozitor, deoarece copilul deja îmi reproșează că nu vin ca alte mame la serbări, festivități și că ar vrea ca eu să mă mândresc cu el". În asemenea situații respondenților le place munca și vor să lucreze, dar experimentează conflicte interne dintre activitatea profesională și îngrijirea copiilor. Asemenea situații contribuie la apariția stresului suplimentar în familie.

Tabelul 2. Situații cu care mamele se confruntă întotdeauna și deseori la locul de muncă (în %).

	Public	Privat	Altceva	Total
Necesitatea de a avea orar de muncă flexibil	41,9	50,4	39,4	46,1
Imposibilitatea de a merge în deplasări în interes de serviciu	21,6	30,7	36,3	26,9
Nemulțumirea angajatorului privind necesitatea de a lua buletin medical	30,6	30,2	35,8	30,8
Imposibilitatea de a modifica orele de muncă în caz de situații imprevizibile	30,6	30,2	35,8	30,8
Imposibilitatea de a vă lua concediu atunci când doriți	30	30,8	27,2	30,3
Necesitatea reținerii peste program	31	34,9	39,4	33,3
Procesul tehnologic la locul de muncă nu poate fi întrerupt	29,2	24,8	45,4	27,7

Sursa: Studiul "Părinții între necesitatea de a munci și responsabilitățile familiale", INCE, CCD, 2019.

Rezultatele studiului au evidențiat că femeile cu copii mici din municipiul Chișinău se confruntă cu reticența și imposibilitatea angajatorilor de a le oferi anumite condiții, care să le permită combinarea armonioasă a vieții de familie cu cea profesională. Companiile din Republica Moldova sunt încă reticente în ceea ce privește crearea programelor flexibile de muncă. Acest lucru este argumentat prin următorul fapt: 46,6% din mamele intervievate au menționat că se confruntă la locul de muncă cu necesitatea de a avea un orar de muncă flexibil (Tabelul 2). Flexibilitatea pe termen scurt și mediu este de așteptat să rezolve problemele bolilor episodice din copilărie ale copiilor. "Simt foarte mult necesitatea să am un program mai flexibil, ca să pot acorda mai multă atenție și timp îngrijirii copiilor. La locul de muncă la care mă aflu nu pot beneficia de așa lux sub nicio formă. Avem cerințe foarte stricte. Probabil, ar trebui să am alt serviciu."

Volumul mare de muncă, dar și insuficiența personalului din anumite domenii de activitate condiționează necesitatea reținerii peste program.

Astfel, o treime din respondente au recunoscut că au fost în asemenea situație. *"Sunt anumite perioade, specifice genului de activitate, datorită cărora programul de muncă durează până la 10-12 ore zilnic."* *"Rămân uneori peste program din cauza lipsei cadrelor și volumului mare de lucru."* Strâns legat de acest aspect este și problema continuării îndeplinirii unor responsabilități profesionale după încheierea programului de activitate, care, de asemenea, poate perturba echilibrul dintre muncă și familie. *"De multe ori intenționez să nu mai verific emailul atunci când ajung acasă – din moment ce văd unele mesaje încep să răspund –, să opresc telefonul și pur și simplu să petrec timpul cu familia, lăsând deoparte munca."*

Aproape aceeași pondere de respondenți (o treime) au evidențiat problema nemulțumirii angajatorului privind necesitatea de a lua buletin medical, imposibilitatea de a modifica orele de muncă în caz de situații imprevizibile și faptul că procesul tehnologic la locul de muncă nu poate fi întrerupt. Mai puțini sunt cei care au menționat că sunt în imposibilitatea de a merge în deplasări în interes de serviciu (26,9%).

Programele de muncă flexibile (lucrul la distanță, săptămâna de lucru comprimată, ore eșalonate etc.) sunt ceea ce de părinții au nevoie, deoarece acestea sunt compatibile cu responsabilitățile familiale. Însă în implementarea programelor flexibile de lucru atât angajatorii, cât și părinții au identificat o serie de bariere: lipsa infrastructurii, tehnologiei, echipamentului pentru munca la distanță; costuri suplimentare; complexitatea sarcinilor de muncă, probleme de comunicare cu alți angajați; nerecunoașterea eforturilor depuse în activitatea profesională; lipsa implicării în luarea deciziilor; diminuarea perspectivelor de avansare în carieră etc. În acest context, la nivel de întreprinderi/organizații în scopul implementării programelor flexibile de muncă este necesară: reproiectarea muncii, schimbarea culturii organizaționale și integrarea obiectivelor de echilibru între viața profesională și viața familială în obiectivele de bază ale dezvoltării organizației/întreprinderii.

Declinul populației și îmbătrânirea demografică însoțită de reducerea ofertei forței de muncă în deceniile viitoare vor determina necesitatea creșterii participării femeilor pe piața forței de muncă pentru suplinirea cererii pentru forța de muncă. Însă lipsa sau ineficiența politicilor de susținere a reconcilierii vieții profesionale cu cea de familie, precum și a politicilor de încurajare a implicării mai active a bărbaților în treburile casnice și de îngrijire a copiilor vor continua să afecteze comportamentul mamelor pe piața forței de muncă prin întreruperea sau reducerea participării economice (Gagauz, 2021).

Efectele lipsei echilibrului dintre muncă și familie au implicații asupra calității vieții angajaților: creșterea volumului de muncă, apariția stresului, luarea unor decizii forțate și nesatisfăcătoare, șanse reduse de avansare în carieră, neglijarea propriei persoane, înrăutățirea relațiilor familiale. De

asemenea, angajatorii resimt consecințele absenței echilibrului dintre muncă și viața de familie a angajaților: lipsa de la serviciu sau întârzierea la serviciu a angajaților și diminuarea productivității muncii.

Concluzii. Echilibrul dintre viața profesională și viața personală este un element care va deveni fără îndoială o caracteristică indispensabilă a locurilor de muncă. În acest context, se impune o politică diferențiată și eficientă, care să ofere diferitor grupuri exact acele tipuri de asistență care ar fi cele mai utile pentru anumite grupuri speciale.

La nivel de autorități, este necesară încurajarea angajatorilor să implementeze politici de echilibrare a familiei și a muncii (suport material și nematerial; organizarea de campanii de sensibilizare). Un aport important îl are extinderea serviciilor ante-preșcolare și preșcolare de calitate, care să răspundă nevoilor părinților, și reglementarea activității bonelor/dădacelor. Un accent deosebit urmează să fie pus pe formarea unui mediu sigur, îndeosebi urban, favorabil creșterii și dezvoltării copiilor, sporind disponibilitatea infrastructurilor sociale, construcția locurilor de joacă, accesibilitatea transportului în comun, a zonelor de recreere și agrement pentru părinții cu copii. Un rol important în asigurarea echilibrului dintre muncă și familie îl au angajatorii care urmează să acorde asistență angajaților în organizarea îngrijirii copiilor, să reducă practicile folosirii orelor suplimentare și să creeze oportunități de angajare cu jumătate de normă sau „la distanță”, îndeosebi pentru cei aflați în concediu de îngrijire a copilului.

Referințe

- Anttila, T., Tammelin, M., Oinas, T., Natti, J. (2015) Working-Time Regimes and Work-Life Balance in Europe. *European Sociological Review Advance Access*. <https://doi.org/10.1093/esr/jcv070>.
- Ahmad, A. (2008) Job, Family and Individual Factors as Predictors of Work-Family Conflict. <https://www.researchgate.net/publication/260294449> Job Family and Individual Factors as Predictors of Work-Family Conflict.
- Associations Between Work-Family Balance. (2021) Parenting Stress, and Marital Conflicts During COVID-19 Pandemic in Singapore. <https://osf.io/nz9s8>.
- Gagauz, O. (2021) De ce femeile au venituri mai mici decât bărbații pe tot parcursul vieții? Evaluare în baza conturilor naționale de transfer în Republica Moldova. <https://moldova.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/de-ce-femeile-au-venituri-mai-mici-decat-barbatii-pe-tot-parcursul-vietii.pdf>.
- Greenhaus, J., Beutell, N. (1985) Sources of conflict between work and family roles. *The Academy of Management Review*, Vol. 10. <https://www.researchgate.net/publication/287011938> Sources of conflict between work and family roles *Academy of Management Review* Vol.
- Lott, Y. (2018) German mothers' labor market re-entry after parental leave: Do parents' flexible working time arrangements help? https://www.femtech.at/sites/default/files/p_fofoe_WP_071_2018.pdf.

- Ocerețnî, A. (2021) Politici familiale sensibile la gen: reglementările naționale prin prisma noilor standarde europene.
- Redmond, J., Valiulis, M., Drew, E. (2006) Literature review of issues related to work-life balance, workplace culture and maternity/childcare issues.
- Чернова, Ж. (2014) Рабочее место: дружественное семье постановка проблемы. *Женщина в российском обществе*, 1.
- Рождественская, Е.Ю. (2019) Академическая женская карьера: балансы и дисбалансы жизни и труда. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 3. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.03>.
- Исупова, О. (2015) Материнская карьера: дети и трудовые стратегии. *Социологические исследования*, 10. http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_10/185_194_Isupov.pdf.
- Савинская, О.Б. (2013) Баланс работы и семьи: стратегии совмещения профессиональных и семейных обязанностей работающими матерями в Москве. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2.
- Синица, А.Л. (2012) Труд по уходу за детьми дошкольного возраста: сочетание домашней и общественной форм.

PENSIONERS AND PERSONS WITH DISABILITIES IN KYIV: GENDER COMPOSITION AND INEQUALITIES

Iryna Kurylo^{©1}; **Dr. Sc. (Economics); Head of Department,**
Ptoukha Institute for Demography and Social Studies of NAS of Ukraine
Svitlana Aksyonova^{©2}; **PhD (Economics); Leading Researcher,**
Ptoukha Institute for Demography and Social Studies of NAS of Ukraine

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-09>

Abstract. *The purpose of our study was to determine the features of gender and age composition of retirees, people with disabilities in Kyiv and evaluate the gender gap in pensions. To see gender differences we analyzed corresponding statistical indicators including using demographic and cartography methods. Some indicators were compared by gender and age, types of pensions and by districts of the city. Obtained results proved the significant gender gap in the majority types of pensions. The determining factors were also stated. Our analysis showed that despite of higher average pension size in Kyiv comparing with other cities, rather large share of pensioners receive pensions lower than actual subsistence level. The share of persons receiving too small pensions is much higher among women in all districts of Kyiv. We have identified need to improve methods to collect official statistical data about people with disabilities and their necessities. The issue of gender statistics on people with disabilities is especially critical. The paper focuses on changes in structure of people with disabilities by disability groups and gender characteristics of newly recognized persons with disabilities. A notable trend has been the increase in the share of women among newly recognized persons with disabilities over the last decade. We hope that our research will broaden the understanding of gender inequalities in the economic status of pensioners and situation of persons with disabilities in Ukraine on the local level.*

Key words: pensioners, persons with disabilities, gender, inequality, pension, Kyiv.

JEL classification: I1:I3; J1:J7.

Introduction. Nowadays the problems of inequality are one of the most pressing. There are at least two purposes among the sustainable development goals (SDG), which are directly related to the reduction of inequality: reducing inequalities between countries and achieving gender equality.

They reflect the most common general statement of issues about reducing inequality. This problem is more often considered at the macro level and the issue of gender gaps – for all men and women.

In the meantime attention must be paid to the inequality, including its gender aspects, on the local level (within settlements or territorial communities) and also within some population groups, especially the vulnerable ones. Such population group (which is growing due to demographic aging) is pensioners.

¹ © Iryna Kurylo, iryna.kurilo2017@gmail.com.

² © Svitlana Aksyonova, Svitlana_Aksyonova@yahoo.com.

For example, in the capital of Ukraine the share of pensioners among residents of different districts of Kyiv ranges from 18.2% - in Solomyansky to 27.2% - in Shevchenkivskyi district. In the largest districts by population number (namely Darnytskyi, Desnianskyi, Dniprovskyi, as well as Sviatoshynskyi) every fourth inhabitant now belongs to the population group receiving pensions.

Literature review. In most cases the situation of pensioners and people with disabilities in Ukraine is studied at the national level and mainly - in the context of their pensions, reforming the pension system etc. (Пищуліна, Коваль, Бурлай, 2017; Лібанова et al., 2010; Ткаченко, 2014). There are also integrated research on demographic aging and various aspects of older persons' life in our country (Населення України, 2014; Курило, 2013), as well as studies on the situation of older women (Situation of Older Women in Ukraine: Analytical Report, 2014). Gender inequality (both in Ukraine and in the international context) is often considered for women and men in reproductive or working age and in the context of their employment, wages, etc. (Empowering Women at Work. Policies and Practices for Gender Equality in Supply Chains, 2020; Трохим, 2017, сс. 36-58).

Thus, the issues of gender inequalities affecting older people in Ukraine require more attention, including situation at the local level.

Data and methods. The purpose of study is to determine the gender composition characteristics of pensioners and people with disabilities in Kiev and to identify gender gaps in their socio-economic situation. The methods of comparison and elementary theoretical analysis were used in our research. The study is based on data from the State Statistics Service of Ukraine, data from the Ministry of Social Policy of Ukraine, the Ministry of Health of Ukraine, Main Directorate of the State Statistics Service in Kiev and the Pension Fund of Ukraine. Statistical methods are widely used (relative and average values, indicators of mortality tables and life expectancy, etc.), as well as graphical and cartographic methods.

Results and discussions. Now women are almost 65% of all pensioners in Kyiv. The significant numerical prevalence of women is formed primarily due to the largest category of people receiving an old-age pension. Life expectancy of women in Kyiv is much higher than men (the gender gap is above 8.5 years). So women have higher level of aging than men: among women the share of people aged 60 and older at the beginning of 2020 was almost 25%, and among men – a little more than 17%. This is also manifested in the gender ratios of pensioners by age groups: proportion of women in the number of pensioners is increased with age. This share is 63% among persons under 70 years old, 66% – between 70 and 79 years old and more than 71% – among the oldest persons (80 and above).

In Kiev, there are 184 women per 100 men receiving a pension. This gender ratio varies from 174 (Darnytskyi district of the capital) to 193 women

(Dniprovskiyi district) per 100 men receiving pensions. The largest numerical predominance of women is in the oldest age group of pensioners: the number of women over 80 exceeds the number of men in districts of Kyiv by 2–3 times.

Fig. 1 demonstrates the differences in the age composition of Kyiv’s pensioners by gender. Thus, the age composition of women pensioners is characterized by a relatively higher proportion of older age groups (due to the higher life expectancy of women).

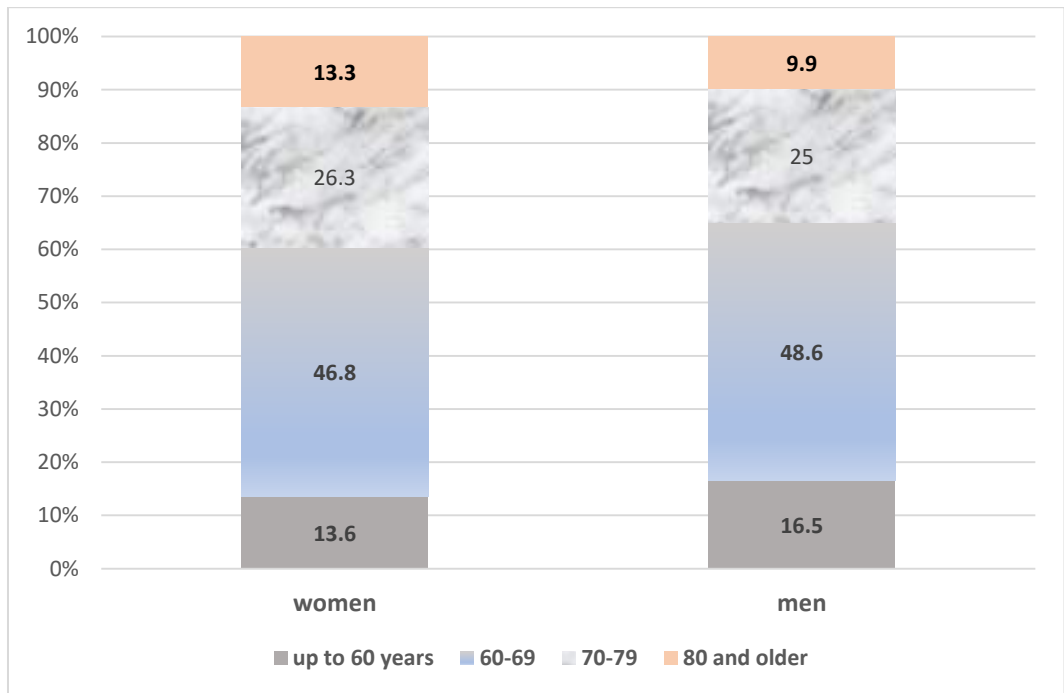

Figure. 1. Age group distribution of pensioners (women and men) in Kyiv (2020)

Source: According to Pension Fund of Ukraine (in Kyiv) data

In general the number of pensioners in Kyiv, according to the dynamics of recent years, has been slowly but steadily declining, mainly through raised the retirement age for women.

The most numerous of all categories of Kyiv’s pensioners is the category of old-age pensioners. They are currently represented by 85.5% of all women receiving pensions and 81.5% of all pensioners (women and men) in Kyiv.

The share of persons receiving Disability Support Pensions is almost one tenth of all Kyiv pensioners and it has significant gender differentiation. The share of pensioners with disabilities among retired women is 7.6%, but among men - 13.8%.

On the other hand, survivor pensions are much more common among women-pensioners in Kyiv than among men: although in general the share of

people receiving this type of pension is very low (about 3.6%), among women-pensioners it is almost twice as high (4.3%) as among men (2.2%). Even less numerous is the category of pensioners who receive long-service pensions (1.8% of women and about 1.3% of retired men). The smallest group is retirees who have only a social pension (1% of men and less than 0,5% - among women).

One of the most important characteristics of the socio-economic situation of Kyiv pensioners is the amount of their pensions, as well as gender differentiation of amount paid (*Fig. 2*).

Figure. 2. The average value of assigned monthly pensions of retirees of all categories by gender in Kyiv (1.01.2020 (UAH))

Source: According to State Statistics Service of Ukraine data

Currently, the average monthly pension of women is one and a half times lower than pension received by men. The significant gap largely reflects existing gender imbalances in wages and differences in length of employment. The gender ratio of newly appointed pensions looks more balanced: the newly assigned pensions of men are on average a quarter higher than those of women.

Gender ratio differs significantly by type of pensions. Indicators provided in table 1 give an idea on the core differences and their magnitude.

Table 1. The average amount of pension by type of pension and gender (UAH)

Type of pension	The average amount of assigned pensions	The average amount of assigned pensions	
		men	women
Old-age pension	4 073.71	5 104.16	3 541.52
Due to disability	3 198.71	3 777.22	2 624.71
Survivor pension	3 268.63	2 228.25	3 542.35
Long service pension	4 883.58	10 438.48	2 639.12
Welfare pension	1 640.23	1 638.92	1 641.98
Lifelong monetary allowance to retired judges	62 586.00	69 849.08	52 257.09

Source: According to Pension Fund of Ukraine (in Kyiv) data

The average amount of labor old-age pension for men in Kyiv exceeds amount for women by 1.4 times. The amounts of three other types of pension (Disability Support Pension (DSP), lifelong monetary allowance to retired judges and especially long service pension) are also significantly higher for men than for women. Social pensions are the lowest among all types and the same for men and women in Kyiv. Noticeably only the average amount of payments in case of loss of a breadwinner is significantly higher for women.

Although average pensions in Kyiv are significantly higher than the average Ukrainian amount, some pensioners receive pensions that are lower than the actual subsistence level for people who have lost their ability to work (UAH 3,253 in 2020). At the same time, the share of women whose pension does not "reach" the actual subsistence level in all districts of Kyiv is almost twice as high as the corresponding share of men (*Fig. 3*).

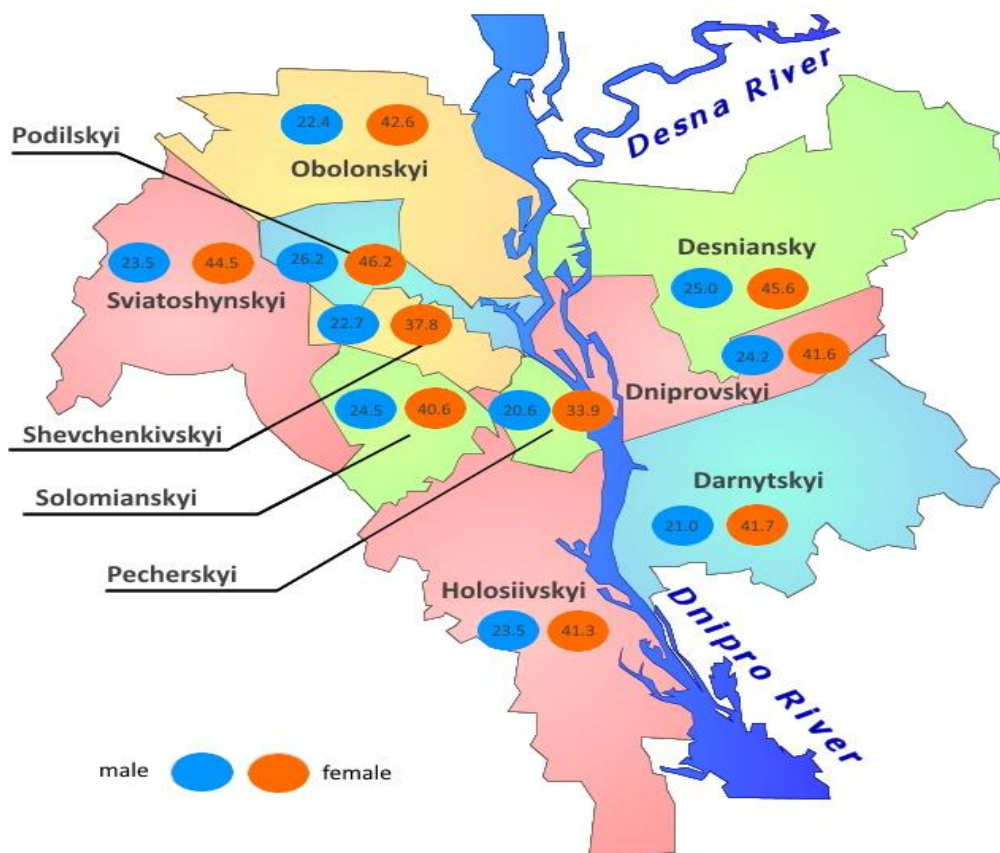

Figure 3. Proportion of women and men aged 60 and over whose pension is lower than the actual subsistence level by the districts of Kyiv, 2020

Source: calculated according to Pension Fund of Ukraine (in Kyiv) data

The abovementioned ratio varies by districts of Kyiv: from 1.6 times in Pechersk district to 2 times difference – in Darnytskyi. The largest number of recipients of pensions, which are below the actual subsistence level, is in Podilskyi district of Kyiv: 46.2% – among women-pensioners and 26.2% among men-pensioners.

According to the Ministry of Social Policy of Ukraine, the Ministry of Health of Ukraine and the Pension Fund of Ukraine, regardless of the type of pension received by persons with disabilities, in Ukraine at the beginning of 2021 the total number of people with disabilities was 2724.1 thousand, in Kyiv – 161.0 thousand. The share of people with disabilities living in Kyiv remains at level 6% of the total number of people with disabilities unchanged over the past six years. The increasing number of people with disabilities, on the one hand, and the decreasing population in Ukraine, on the other hand, resulted the growing number of people with disabilities per 1 000 persons (*Table 2*). In

Kyiv, the number of people with disabilities increased along with the total number of residents, so "load" by people with disabilities almost did not change and ranged 54–55 persons with disabilities per 1000 inhabitants.

Table 2. The number of persons with disabilities in Ukraine and Kyiv

(beginning of the year)

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Ukraine							
Total, <i>thsd</i>	2568.5	2614.1	2603.3	2635.6	2659.7	2703.0	2724.1
including of the I group	251.8	250.3	240.6	235.4	226.3	222.3	215.0
of the II group	915.9	919	900.5	899.2	896.1	900.8	897.1
of the III group	1249.7	1291.2	1306.2	1341.9	1375.7	1416.0	1449.1
children with disabilities	151.1	153.5	156.1	159	161.6	163.9	162.9
The number of persons with disabilities per 1000 persons*	60.1	61.4	61.4	62.4	63.4	64.8	65.5
Pension-beneficiaries of all categories out of the total number of people with disabilities, <i>thsd</i>	2213.1	2233.2	2208.5	2213.0	2218.7	2241.0	2263.4
c. Kyiv							
Total, <i>thsd</i>	154.1	155.1	155.5	157.1	159.7	160.8	161.0
including of the I group	15.0	14.6	14.1	13.8	13.6	13.3	12.8
of the II group	75.1	74.5	73.9	73.9	74.7	74.3	73.6
of the III group	54.4	56.0	57.3	58.7	60.3	61.7	62.8
children with disabilities	9.5	10.0	10.3	10.7	11.1	11.4	11.8
The number of persons with disabilities per 1000 persons*	54.1	54.1	53.9	54.3	54.9	54.9	55.0
Pension-beneficiaries of all categories out of the total number of people with disabilities, <i>thsd</i>	137.4	137.0	136.4	136.9	138.3	138.3	137.5
* Author's calculations.							

Source: According to State Statistics Service of Ukraine data

In the structure of adults with disabilities in Kyiv, persons with disabilities of II group form the largest share whereas in national structure the biggest share is characterized for people with disabilities of III group. Both in the capital and in Ukraine as a whole, the shares of persons with disabilities of I and II groups are decreased.

In Kyiv the number of children with disabilities is growing rapidly: at the beginning of 2021, their number increased by 24.2% more than at the beginning of 2015 (for comparison – in Ukraine by 7.8% only). In the capital the proportion of children with disabilities under the age of 18 among all persons with disabilities increased from 6.2% in 2015 to 7.3% in 2021.

According to the Ministry of Health of Ukraine in Ukraine among adult population (aged 18 and over) in 2020, 117.7 thousand people were newly recognized persons with disabilities, of which 52.1 thousand are women. The proportion of women among newly recognized people with disabilities has been growing over the last decade (*Table 3*). The number of newly recognized persons with disabilities in Kyiv is gradually declining. However, their share among all persons newly recognized as disabled in the country has changed slightly. The share of women among newly recognized people with disabilities is increasing in Kyiv also.

Table 3. The number of newly recognized persons with disabilities in Ukraine and Kyiv

(persons aged 18 years and older)

	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Ukraine									
Total, <i>thsd</i>	215.2	212.2	173.5	138.2	136.3	135.7	138.8	136.3	117.7
Of the total number of people with disabilities – females, <i>thsd</i>	89.6	84.0	67.3	55.7	55.8	58.0	60.6	60.1	52.1
Proportion of women with disabilities among all persons with disabilities, % *	41,7	39,6	38,8	40,3	41,0	42,8	43,7	44,1	44,3
c. Kyiv									
Total, <i>thsd</i>	12.5	12.5	9.6	9.5	9.3	9.1	9.0	8.8	7.1

Of the total number of people with disabilities – females, <i>thsd</i>					4.1	4.2	4.1	4.2	3.5
Proportion of women with disabilities among all persons with disabilities,% *					44,1	46,2	45,6	47,7	49.3
* Author's calculations.									

Source: According to the Ministry of Health of Ukraine

It should be noted that the information on the gender distribution of persons with disabilities in the statistical collections of the State Statistics Service of Ukraine is poor and insufficient. Nevertheless even published information indicates the some gender imbalance. For example, according to the Ministry of Social Policy of Ukraine at the beginning of 2021 the share of women with disabilities who have the priority right to the provision with a vehicle was only 12.3% in Ukraine as a whole and 4.5% in Kyiv.

Conclusions. In Ukraine the age composition of women pensioners is characterized by higher proportion of older age groups because women have higher level of aging than men. The proportion of women in the number of pensioners is increased with age. In the last years in Kyiv the number of pensioners has been declining primarily due to increasing the retirement age for women. The average monthly pension of women is considerably lower than pension received by men. The largest gender gap is observed in long service pensions. In Kyiv despite of higher average pension amount comparing with other settlements, the large share of pensioners receive pensions lower than actual subsistence level. There are more such pensioners among women than among men. As disturbing trend we consider the increasing proportion of women among newly recognized persons with disabilities. The urgent tasks in Ukraine are improving gender statistics on people with disabilities and studying their actual problems.

REFERENCES

- Пищуліна, О., Коваль, О., Бурлай, Т. (2017). Фінансові, соціальні та правові аспекти пенсійної реформи в Україні. *Світовий досвід та українські реалії*. Київ, Центр Разумкова. 456 с.
- Лібанова Е.М. et al. (2010). *Пенсійна реформа в Україні: напрями реалізації*. Колективна монографія. Київ, Інститут демографії та соціальних досліджень імені М.В. Птухи НАН України. 270 с.

- Ткаченко, Л.Г. (2014) Влияние демографических изменений на пенсионную систему Украины. *Демографія та соціальна економіка*, 1(21), 97–107.
- Населення України. імперативи демографічного старіння*. (2014). К: ВД «Адеф-Україна». 288 с.
- Курило, І. (2013) Здоров'я і тривалість життя літнього населення в Україні: тенденції та деякі їх фактори. *Демографія та соціальна економіка*, 2(20), 102-114.
- Situation of Older Women in Ukraine: Analytical Report (2014). Ukrainian Centre For Social Reforms, United Nations Population Fund. Kyiv. 2014.
- Empowering Women at Work. Policies and Practices for Gender Equality in Supply Chains (2020).
[https://www.ilo.org/empent/Publications/WCMS_774617/lang--en/index.htm](https://www.ilo.org/empent/Publications/WCMS_774617/lang-en/index.htm).
- Трохим, І. (2017). Гендерний портрет міста Львова. І. Трохим; ред. О. Волосевич, інфограф. В. Чипурко. ГО Центр «Жіночі перспективи». Львів. 85 с.
- Social Protection of the Population of Ukraine in 2020. State Statistics Service of Ukraine. Statistical Publication. Kyiv. 2021.
http://www.ukrstat.gov.ua/druk/publicat/kat_u/2021/zb/07/zb_szn_2020_e.pdf.

COVID-19 ASSOCIATED MORTALITY – FROM THE FIRST CASE TO THE LATEST AVAILABLE DATA¹

Irina Pahomii^{©2}, Ph.D. student, scientific researcher,
National Institute for Economic Research, Centre for Demographic Research,
Chisinau, Moldova
Charles University, Faculty of Science, Department of Demography and
Geodemography, Prague, Czechia
DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-10>

Rezumat: Acest studiu are drept scop prezentarea unei imagini de ansamblu asupra mortalității asociate cu Covid-19 la nivel național și subnațional. Distribuția pe sexe a deceselor cauzate de Covid-19 este în principiu aceeași la nivel național și subnațional. Astfel, aproximativ jumătate din toate decesele pozitive cauzate de Covid-19 revin femeilor, iar jumătate bărbaților. Rata de fatalitate la nivel național este de 22,8 decese la 1.000 de cazuri de infecție. Analiza abordează și subiectul mortalității premature. Astfel, 52,8% din totalul deceselor în rândul femeilor s-au concentrat până la vârsta de 70 de ani, în timp ce în rândul bărbaților, ponderea deceselor premature cauzate de Covid-19 este de 56%. Analiza subnațională relevă unele discrepanțe pe acest subiect. Chișinăul a înregistrat cel mai redus nivel de mortalitate prematură din totalul mortalității asociate cu Covid-19 observate. Analiza sistematică și continuă a mortalității asociate cu Covid-19 rămâne crucială în dezvoltarea politicilor și măsurilor eficiente de protecție.

Abstract: This study aims to present an overview of Covid-19 associated mortality at the national and sub-national levels. The sex distribution of Covid-19 deaths is mainly the same at national and sub-national levels. Thus, about half of all positive deaths from Covid-19 are in females, and half are in males. The national case fatality rate is about 22.8 deaths per 1,000 cases of infection. The analysis also addresses the subject of premature mortality. Thus, 52.8% of all deaths among women were concentrated up to the age of 70, while among men, the share of premature Covid-19 deaths is 56%. The subnational analysis reveals some discrepancies in this area. Chisinau recorded the lowest percentage of premature mortality in the total observed Covid-19 associated mortality. Systematic and continuous analysis of Covid-19 associated mortality remains crucial in developing effective protection policies and measures.

Key-words: Covid-19, national/subnational level, premature mortality.

JEL Classification: I1, I14.

Introduction

The covid-19 pandemic affected all world and led to a significant number of infections and untimely deaths. This pandemic has affected all socio-economic areas and led to unprecedented protection measures, such as national/international lockdowns and quarantines. This pandemic took everyone by surprise, and not every country could come in time with an adequate response. Moldova is one of the countries that, despite its efforts,

¹ Articolul este elaborat în cadrul Programului de Stat (2020-2023) 20.80009.0807.21 “Migrația, schimbări demografice și politici de stabilizare a situației”.

² © Pahomii Irina, braga.pahomiiirina@gmail.com

lags behind. It is important to note that the success or failure of a country is determined by a multitude of factors, starting with the economic situation of the country and ending with access to quality medical services and medicines.

One of the most important aspects is the number of deaths caused by Covid-19 and the case fatality rate. Thus, data on Covid-19 associated mortality and their systematic research are becoming of major importance.

This study aims to present an overview of Covid-19 associated mortality at the national and sub-national levels.

The actuality of this research is determined by the high importance of understanding and presenting an updated picture of the current situation.

The impact of the Covid-19 pandemic on the level and structure of mortality is indisputable, and its impact will last in the coming years. This is another argument in need to study mortality associated with Covid-19.

Literature review

Due to the great importance of the research of Covid-19 associated mortality, there is a large amount of literature that analyses different aspects, starting from some medical aspects and ending with some socio-economic discrepancies and risk factors.

The discrepancies in Covid-19 associated mortality by sexes are highlighted in many research, and that is not limited to the general population (Sharma, Volgman, & Michos, 2020) but also varied markedly by age groups (Bhopal & Bhopal, 2020). Research that studied risk factors also highlighted the importance of age, sex, and some specific comorbidities (Caramelo, Ferreira, & Oliveiros, 2020). Almost all research highlighted the higher impact of Covid-19 mortality in males compared to females (Gebhard, Regitz-Zagrosek, Neuhauser, Morgan, & Klein, 2020), but this is mainly related to the absolute numbers or crude indicators. Research that analyze excess mortality due to Covid-19 has shown that discrepancies between sexes were not so apparent marked (Kontis, Bennett, Rashid, & al., 2020). Also, a higher risk of death among people aged 65+ years (Yanez, Weiss, Romand, & Treggiari, 2020) was revealed. It is essential to mention that all this Covid-19 associated mortality were observed in almost all countries.

Methods and data

This research is focused on the Covid-19 associated deaths until October 14, 2021. The first Covid-19 death was registered on the territory of Moldova on March 18, 2020. In the period March 18, 2020, and October 14, 2021, 7137 deaths were reported. In this research, we analyse just 7054 deaths.

Deaths are collected from the official page of the Ministry of Health of the Republic of Moldova (*Ministry*). On the official page of the Ministry the data on the Covid-19 associated deaths by day of death, sex, age, district where the

person lived, another existent comorbidities and place of death are available. The information about the age, sex and district where a person had lived present the most interest.

Five-year age intervals were used to avoid errors caused by the distribution of deaths over one-year age intervals. This avoids errors caused by small numbers, especially at a young age or at a very old age.

Out of the total 7137 deaths, 7054 deaths were analyzed in this research. Thus, 83 deaths were excluded due to incomplete information. Incomplete information was considered the lack of sex, the lack of age, or the district of residence of the person.

Results and discussions

As of October 14, 2021, 7137 positive Covid-19 deaths were registered in Moldova. We remind recall that the first death in the country was reported on March 18, 2020. The case fatality rate at the national level on October 14, 2021, was 22,8 deaths per 1000 cases of infection. This indicator is slightly higher than a year ago (Pahomii, 2020).

Throughout the period, the responsible actors tried to implement various measures to reduce the impact of Covid-19 on the population health, but also on the healthcare system general medical system. The efficiency of the measures taken by the Government is not the goal of this paper, for which a deeper analys is needed. We must mention that despite these measures, Moldova is among the countries with a very difficult epidemiological situation. However, between June and July, an improvement in the epidemiological situation was observed, which also positively affected the Covid-19 associated mortality (*Fig. 1*).

The data presented in Figure 1 clearly shows the waves of increase in the number of Covid-19 positive deaths. Thus, after a significant reduction in the number of deaths (June-July), accompanied by a period of easing of restriction measures on Covid-19 pandemic, followed by period of increase of the number of deaths, which outlines the next pandemic wave. This evidence is demonstrated mainly by the Response Index presented by the WHO (World Health Organization) – Stringency Index (World Health Organization, 2021).

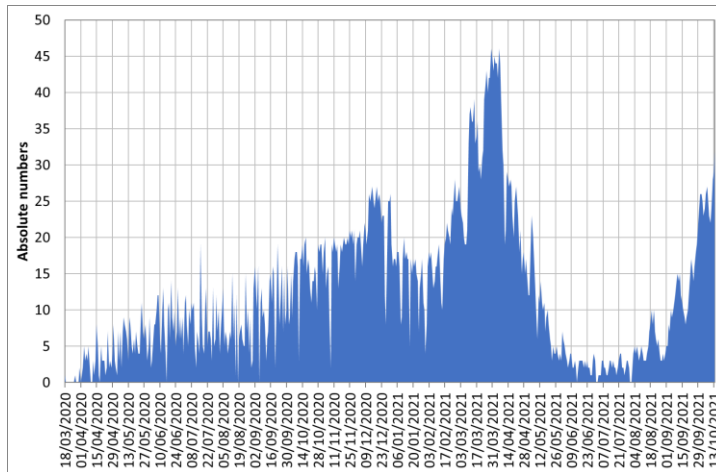

Figure 1. Daily reported Covid-19 deaths, absolute numbers

Source: Author's calculations.

In addition to the evolution of the number of deaths, the distribution of these deaths by sex and age is much more important (Fig. 2). The analysis of deaths included in this research shows that 52.1% of the deaths are among women and 47.9% among men. For the most part, the number of deaths for both women and men is very similar in all age groups except the 80-84 age group, where the deaths among women exceed the deaths among men by 1.5 times. In general, this situation does not repeat the pattern of general mortality, where we have higher mortality among older women and higher male mortality in middle ages. What is typical for Covid-19-associated mortality and overall mortality is the fairly high level of premature mortality. This fact has been highlighted in previous research (Pahomii, 2020). Thus, 52.8% of the total deaths recorded among women were concentrated until the age of 70, while for men the share of Covid-19 positive deaths is 56%. This is primarily determined by the related health problems of the population. However, the analysis of the number of comorbidities registered among the deceased persons showed that a person had 2.2 comorbidities on average.

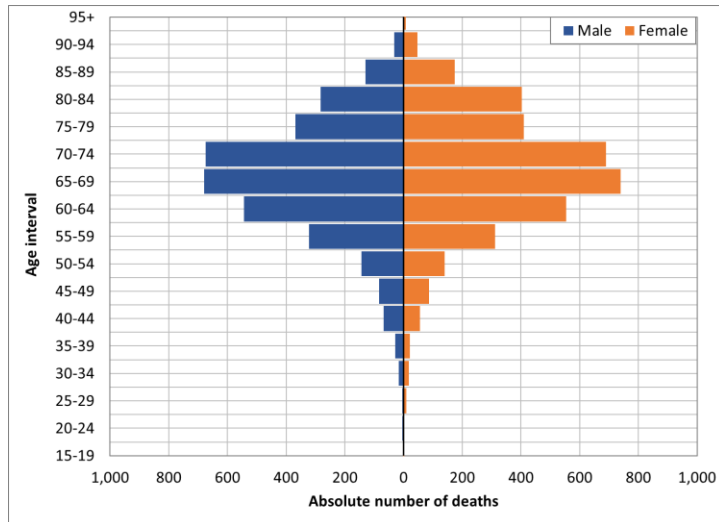

Figure 2. Distribution of the absolute number of Covid-19 positive deaths by sex and age group

Source: Author's calculations.

Another important aspect in the distribution of Covid-19 associated deaths is the regional aspect. Approximately one-third of the total registered deaths are in Chisinau municipality, followed by the North region with about a quarter of the total registered deaths, the Center region with just over 20%, followed by the South region and the Transnistrian region (*Fig. 3*). The number of deaths per region is largely determined by both the number of the population and the population density. This situation is much more eloquent in the case of Chisinau, where a large population is concentrated on a relatively small territory, which determines direct proximity of people, so higher level of infection of Covid-19 and a higher risk of death.

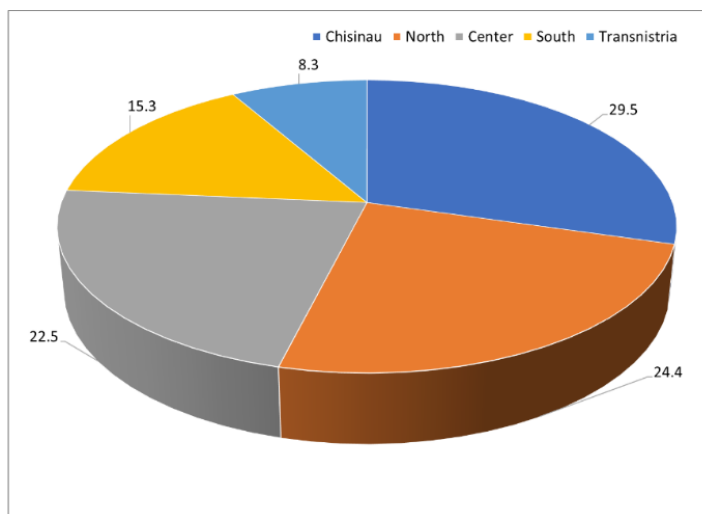

Figure 3. Share of registered Covid-19 deaths by regions

Source: Author's calculations.

The larger municipalities within the analyzed regions also had a higher proportion of deaths compared to other territorial-administrative units within the regions.

It is essential to mention that in regions is observed a different level of premature Covid-19 associated mortality (Table 1). However, data must be interpreted with care. Their accuracy can be affected by low numbers and other factors linked with registration. Available at the moment of research, data have shown that the level of premature mortality differs up to 8 p.p. between regions. The most different situation is registered for Transnistria, but these data due to a low number of observations (587 Covid-19 associated deaths) are influenced by the „Law of small numbers”.

Some uncommon was observed for the level of premature mortality in the female population from the Centre region. The highest level of premature mortality for both age-threshold was observed among females. This fact demonstrated that something, in this case, went wrong. The premature mortality among males is characteristic for all societies. This situation can be explained by some problems with registering deaths in the Dubasari district, which belongs to two different regions. One part of this district belongs to the Centre region, and the other one belongs to the Transnistria jurisdiction.

Table 1 presents two appropriate age thresholds to highlight in which age group the most of the registered deaths are concentrated. So, the differences between the cumulative value of these two age groups are approximately 20%, which means that the highest share of premature Covid-19 associate mortality is concentrated in the age-group 65-69 years.

Table 1. Share of premature mortality in total Covid-19 associated mortality per region and different age-threshold

	Male	Female	Total
<i>Up to 65 years</i>			
Chisinau	34.5	28.5	31.5
North	36.1	32.1	34.0
Centre	35.8	37.7	36.8
South	40.7	37.4	39.0
Transnistria	30.4	26.4	28.1
<i>Up to 70 years</i>			
Chisinau	54.3	49.4	51.9
North	55.8	51.6	53.5
Centre	58.4	60.7	59.6
South	60.5	56.6	58.4
Transnistria	46.4	40.1	42.8

Source: Author's calculations.

It is important to highlight that despite the higher number of registered deaths in Chisinau, premature mortality is lower in the region if we exclude Transnistria. This fact indicates some different age patterns of the Covid-19

associated mortality in Chisinau compared with other regions. Two different factors can explain it. One crucial factor is the age structure of the population in regions. Another important factor is determined by the highest access of the population from Chisinau to healthcare compared with other regions.

Conclusions

In this research, only some aspects related to the Covid-19 associated mortality at a national and sub-national level were highlighted, without making any links or correlations with risk factors or the impact of certain protection measures, including vaccines. We reiterate that the article's purpose was to highlight a general framework and not build certain cause-effect links. This was not possible mainly because it required the existence of a much deeper information base, which is largely lacking at the moment. Thus, one of the central moments, otherwise specific for most countries, remains the availability of qualitative data at the detailed possible level of disaggregation. However, the effort of the Ministry in publishing data on daily deaths and the details presented should also be highlighted. However, the analysis of the absolute number of deaths is one of the most rigid types of research. The absolute numbers were being exposed to an accumulation of errors; because of that the obtained data must be interpreted with the most caution.

Also, the present data represent a framework image rather than a general one, the Covid-19 pandemic being in full swing. Considering the evolution of the number of deaths at the end of the analyzed period, a further escalation of the situation will most likely follow.

A rather worrying moment is determined by the rather high share of deaths at relatively young ages, until 65. However, if the most affected group was the oldest old population in most countries of the world, a relatively younger Covid-19 associated mortality is specific for Moldova. This fact does not reduce the burden of the Covid-19 pandemic, nor does it reduce the loss of human lives, but once again accentuates the population's generally poor health.

Analysis of data has shown the importance of the development of the national medical infrastructure. The fact that the most developed medical infrastructure is concentrated in Chisinau determines the regional discrepancies.

Another important indirect conclusion of the research is the necessity to improve the population's general health, because the greatest number of relatively young Covid-19 associate deaths are determined by the multitude of pre-existing comorbidities. The last but not the least, is the necessity of continuing the implementation of effective protective measures against Covid-19.

REFERENCES

- Bhopal, S. S., & Bhopal, R. (2020). Sex differential in COVID-19 mortality varies markedly by age. *The Lancet*, 396(10250), 532-533. doi:[https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)31748-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)31748-7)
- Caramelo, F., Ferreira, B., & Oliveiros, B. (2020). Estimation of risk factors for COVID-19 mortality - preliminary results. *medRxiv*. doi:<https://doi.org/10.1101/2020.02.24.20027268>
- Gebhard, C., Regitz-Zagrosek, V., Neuhauser, H. K., Morgan, R., & Klein, S. L. (2020). Impact of sex and gender on COVID-19 outcomes in Europe. *Biology of sex differences*, 11, 1-13. doi:<https://doi.org/10.1186/s13293-020-00304-9>
- Kontis, V., Bennett, J., Rashid, T., & al., e. (2020). Magnitude, demographics and dynamics of the effect of the first wave of the COVID-19 pandemic on all-cause mortality in 21 industrialized countries. *Nature Medicine*, 26, 1919-1928. doi:<https://doi.org/10.1038/s41591-020-1112-0>
- Pahomii, I. (2020). Regional aspects of COVID-19 mortality in the Republic of Moldova. *Economic and social implications of the COVID-19 pandemic: analysis, forecasts and consequences mitigation strategies* (pp. 280-283). Chisinau: National Institute of Economic Research. Retrieved from http://dspace.ince.md/jspui/bitstream/123456789/1107/1/Regional_aspects_of_COVID-19_mortality_in_the_Republic_of_Moldova.pdf
- Sharma, G., Volgman, A. S., & Michos, E. D. (2020). Sex Differences in Mortality From COVID-19 Pandemic: Are Men Vulnerable and Women Protected? *JACC. Case reports*, 1407-1410. doi:10.1016/j.jaccas.2020.04.027
- World Health Organization. (2021, November). *COVID-19 Explorer*. Retrieved from World Health Organization Web site: <https://worldhealthorg.shinyapps.io/covid/>
- Yanez, N., Weiss, N., Romand, J., & Treggiari, M. (2020). COVID-19 mortality risk for older men and women. *BMC Public Health*, 20, 1742. doi:<https://doi.org/10.1186/s12889-020-09826-8>

ВЛИЯНИЕ КОНЪЮНКТУРЫ РЫНКА ТРУДА НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА¹

Галина САВЕЛЬЕВА², кандидат экономических наук, доцент,
Светлана ЗАХАРОВ³, кандидат экономических наук,
Центр Демографических исследований,
Национальный Институт Экономических Исследований,
Республика Молдова

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-11>

Abstract. Piața muncii este unul dintre principalii factori ai securității economice. Scopul studiului constă în analiza particularitățile piețelor muncii regionale pe baza unei evaluări a schimbărilor conjuncturii, a impactului acestora asupra securității economice și a echilibrului pieței naționale a muncii. Diagnosticul modificărilor în principalii indicatori statistici și a celor calculați (secundari) ai pieței muncii în dinamică s-a efectuat pe baza metodelor de analiză și sinteză, grafice, de calcule proprii de către autorii unor indicatori specifici. Pe baza rezultatelor obținute s-au elaborat concluzii cu privire la dezvoltarea piețelor regionale de muncă, prezența amenințărilor la adresa securității economice, precum și măsuri pentru îmbunătățirea acestei situații în Republica Moldova.

Cuvinte cheie: șomaj, ocupare, venituri, migrație, riscuri sociale, piața muncii, populație aptă de muncă, securitate economică.

Abstract. The labour market is one of the main factors of economic security. The purpose of the research is to analyze the features of regional labour markets based on an estimation of market changes, their impact on economic security and the balance of the national labour market. Diagnostics of changes in the main statistical and calculated (secondary) indicators of labour market in dynamics is carried out on the basis of methods of analysis and synthesis, graphical, calculations by the authors of specific indicators. Based on the results obtained, conclusions were drawn about the development of regional labour markets, the presence of threats to economic security, as well as measures to improve this situation in the Republic of Moldova.

Key words: unemployment, employment, wages, migration, social risks, labour market, working age population, economic security.

JEL Classification: E24, J21; J31; J62.

Введение, научные теории. В условиях нестабильности социально-экономического развития Республики Молдова актуальность экономической безопасности возрастает, что вызывает необходимость выявления факторов ограничительного или негативного воздействия на развитие страны и разработки политик по усилению ее экономической безопасности, в том числе территориальной. Понятие

¹ Статья разработана в процессе выполнения Государственной Программы (2020-2023) 20.80009.0807.21 Migrația, schimbări demografice și politici de stabilizare a situației / Миграция, демографические изменения и политики по стабилизации ситуации.

² Галина Савельева, gts6@mai.ru.

³ Светлана Захаров, zaharov.svetlana@gmail.com.

экономической безопасности не является новым оно используется как европейскими, так и американскими экономистами (Cable, 1995) (Freeman, 1995), отражены в трудах российских ученых Л.И. Абалкина, В.К. Сенчагова, С.Ю. Глазьева, А.И. Илларионова, И.Я. Богданова и других. Л.И.Абалкин (Абалкин, 1994) под экономической безопасностью подразумевает «совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию», она зависит от структурной перестройки экономики, инновационного и инвестиционного развития, качества человеческого капитала и других факторов. В научных работах приводятся различные факторы рисков и показатели оценки экономической безопасности, характеризующие разные социально-экономические сферы (например, Центр финансово-банковских исследований ИЭ РАН использует для оценки 150 показателей (Гладун). Экономическую безопасность рассматривается как единая система и как совокупность условий и факторов, обеспечивающих стабильность, устойчивость, способность к постоянному развитию, конкурентоспособность экономики, в том числе наличие механизма защиты и противодействия внешним и внутренним угрозам. При этом условием является наличие квалифицированных кадров, занятость и сбалансированный рынок рабочей силы. Для оценки угроз рынка труда используются показатели сокращения численности трудоспособного населения, доля экономически активного населения в общей численности населения трудоспособного возраста, уровни занятости и безработицы, трудовая миграция, напряженность на рынке труда, неформальная занятость, качество рабочей силы, доходы, бедность (Зайцева, 2021).

Республика Молдова, в силу неопределенности и непредсказуемости тенденций социально-экономического развития сталкивается с рядом проблем, в том числе с ограниченностью ресурсов рабочей силы, что может иметь последствия на ближайшее будущее, если не будет изменена парадигма развития, в том числе адаптация рынка труда к IT-технологиям, формированию рыночных общественных отношений, повышению профессионального мастерства и уровня образования в условиях процессов глобализации. Все это подразумевает наличие человеческого капитала и его качественное образование на протяжении всей жизни, создание безопасных для здоровья условий труда, устойчивость доходов, смягчение социального неравенства, сокращение неформальной занятости, совершенствование механизмов социальной и правовой защиты. На экономику влияют также глобальные процессы в связи с ужесточением конкуренции на региональных товарных рынках, нестабильностью цен на нефть на

мировом рынке, новым вызовом, начиная с 2020г., кризисом пандемии Covid-19. Как следствие этих процессов, мониторинг и своевременное реагирование являются необходимым условием обеспечения устойчивого экономического развития, в том числе рынка труда как основной его составляющей и, особенно, социально-значимым показателям о занятости и безработице, как некоторой характеристики национального благополучия, эффективности экономических реформ и стабильности экономического развития.

Методология, методы исследования. Для анализа влияния рынка труда на экономическую безопасность использованы комплексный и системный подходы и методы сравнительного анализа, графический, статистический, логический, аналогий. Исследование исходит из понятия «конъюнктура рынка труда», как реальной ситуации в результате спроса и предложения труда, воздействия на рынок государства и других взаимосвязанных с ним институтов и проявляется в 3-х состояниях: сбалансированное (при равновесии спроса и предложения на труд), трудодефицитное (спрос на труд превышает предложение) и трудоизбыточное (предложение на труд превышает спрос и появление безработицы), два последних состояния являются угрозами экономической безопасности как для региона, так и для страны в целом, безработица является риском для получения доходов, изменения качественного и количественного потенциала трудовых ресурсов.

Для оценки рынка труда использованы официальные статистические показатели уровня участия населения в экономической деятельности, занятости, безработица (по методологии МБТ), данные Национального Агентства по Занятости Населения (НАЗН) о численности зарегистрированных безработных и наличии вакантных рабочих мест. Такой подход позволил оценить реальный спрос на рабочую силу, ее качественные характеристики (профессионализм, уровень образования и т.д.). Своеобразным индикатором спроса и предложения является коэффициент напряженности на рынке труда (отношение численности зарегистрированных безработных к количеству вакантных рабочих мест), но он не может быть всеобъемлющим, так как помимо государственных служб занятости трудоустройством населения занимаются частные агентства занятости и полная информация в данной области отсутствует. Однако для анализа конъюнктурных особенностей национального и региональных рынков труда и определения возможных угроз вышеназванные показатели могут быть использованы.

Результаты исследования. Предложение рабочей силы, в первую очередь, определяется демографическими факторами. В Республике Молдова основной тенденцией стало сокращение численности

населения и процесс его старения (по данным НБС численность населения на 01.01.2021г. сократилась на 46,8 тыс.чел. по сравнению с 01.01.2020г., как результат отрицательного естественного прироста и миграционной убыли). На рынок труда влияет фактор глобализации, который с одной стороны, способствует повышению активности экономических агентов, а с другой стороны, открытость пространства и свободное перемещение повышает мобильность, а усиление миграционных процессов и отток рабочей силы, в основном, молодежи и квалифицированных работников ведет к диспропорциям на рынке труда, депопуляции, изменению структуры рабочей силы и ее качества, что становится фактором риска безопасности экономического развития. Показатели участия населения в экономической деятельности отражены в *Таблице 1*.

Таблица 1. Характеристика трудоспособного населения по участию в экономической деятельности в Республике Молдова

Наименование показателей, территориальных единиц	2016	2017	2018	2019*	2020*
Население в трудоспособном возрасте, всего	2313,2	2267,3	2220,2	2175,2	2150,9
Экономически активное население, тыс.чел.	1035,3	999,7	1018,1	919,3	867,3
в % от экономически активного населения по стране по муниципию и регионам:					
Мун.Кишинэу	26,9	26,7	25,5	30,4	29,8
Север	29,3	29,6	29,5	29,6	30,1
Центр	28,3	27,8	29,3	25,3	25,6
Юг	15,5	15,9	15,7	14,7	14,5
Экономически неактивное население, тыс.чел.	1277,9	1267,6	1202,1	1255,9	1283,6
в % от экономически неактивного населения по стране по муниципию и регионам:					
Мун.Кишинэу	21,7	21,9	21,8	18,1	19,2
Север	26,6	26,3	26,8	27,1	27,0
Центр	30,4	30,9	30,2	33,1	32,4
Юг	21,3	20,9	21,2	21,7	21,4
Доля экономически неактивного населения в трудоспособном населении, 15 лет и более, %					
Республика Молдова	55,3	55,9	54,1	57,7	59,7
Мун.Кишинэу	49,8	51,0	50,2	44,9	48,8
Север	52,8	52,9	51,7	55,6	57,0
Центр	57,0	58,4	54,9	64,1	65,2
Юг	63,1	62,7	61,6	66,8	68,6

*Примечание: 2019-2020г.г. несравнимы с предыдущим периодом в связи с изменением методологии обследования в соответствии со стандартами ЕС.

Источник: Расчеты авторов на основе статистических данных НБС РМ, https://statbank.statistica.md/pxweb/pxweb/ro/30%20Statistica%20sociala/30%20Statistica%20sociala_03%20FM_03%20MUN2019_MUN080/?rxid=b2ff27d7-0b96-43c9-934b-42e1a2a9a774

При анализе данных о населении в трудоспособном возрасте прослеживается тенденция уменьшения: за 2016-2018г.г. численность трудоспособного населения сократилось на 4,0%, а за 2020г. на 1,1% по сравнению с 2019г. Аналогичная ситуация имеет место при оценке экономически активного населения: в 2018г. сокращение на 1,7% по сравнению с 2016г. и на 5,7% в 2020г. по сравнению с 2019г. Основную долю в экономически активном населении составляет Северная зона (30,1%) и мун.Кишинэу (29,8%) или практически 60%, а остальные 40% приходятся на Центральную и Южную зоны, удельный вес которых имел тенденцию к уменьшению из-за влияния как факторов социально-экономического характера, так и демографических.

Отрицательным фактором для формирования рынка труда является рост и преобладающая доля экономически неактивного населения в общей численности трудоспособного населения, которая в 2019-2020г.г. практически достигла уровня 60%, в том числе в Центральной и Южной зонах даже превысила уровень 65%. Значительная его доля (вплоть до 90%) это население, которое не ищет и не расположено работать, то есть сложно рассчитывать на потенциал или резерв для воспроизводства рынка рабочей силы или покрытия его дефицита. Доля пенсионеров по возрасту в экономически неактивном населении в 2019-2020г.г. составляла 45%, однако часть данной категории, 24% в среднем по стране и от 19% до 24% по регионам, заняты на рынке труда (Таблица 2). Занятость для пенсионеров является дополнительным средством дохода и стимулом улучшения материального благосостояния, а для работодателей – выгодным дополнительным ресурсом рабочей силы, без особых претензий на какие-то льготные условия в силу своего социального статуса «пенсионер».

Таблица 2. Структура экономически неактивного населения по отношению к рынку труда

	2016	2017	2018	2019*	2020*
Всего население, которое не ищет и недоступно для работы, тыс. человек. В том числе % от общего количества в:	1122,6	1108,4	1039,7	1126,3	1177,9
Мун.Кишинэу	23,5	23,6	23,8	19,2	19,8
Север	26,0	26,7	27,0	27,2	27,0
Центр	30,2	29,6	29,0	32,3	31,9
Юг	20,3	20,1	20,2	21,3	21,3
Экономически неактивное население по РМ, % в том числе:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
-в поиске работы, но не готово работать	0,1	0,1	0,1	0,2	0,1
-не ищет, но доступно для работы	1,1	0,7	0,5	1,2	0,7
-хочет работать, но не ищет	0,9	0,7	0,6	0,5	0,4
-не ищет и недоступно для работы	87,8	87,4	86,5	89,7	91,8

-уехавшие на работу за пределы страны	10,1	11,1	12,3	8,4	7,0
Доля пенсионеров в населении, которое не ищет и недоступно для работы, %, по РМ, в том числе в:	47,6	47,6	48,6	50,3	49,2
Мун.Кишинэу, %	54,4	54,4	53,1	49,1	47,4
Север, %	47,8	45,5	47,5	52,3	52,3
Центр, %	43,2	44,6	46,4	49,6	48,4
Юг, %	46,1	46,4	47,5	49,7	48,3
Доля пенсионеров по возрасту, занятых на рынке труда, в % к общей численности пенсионеров по РМ, в том числе в:	23,3	23,3	23,0	23,4	23,7
мун.Кишинэу	37,2	36,8	36,1	36,1	35,6
Север	19,2	19,1	18,9	19,2	19,6
Центр	19,5	19,6	19,2	20,0	20,6
Юг	19,1	19,0	18,6	18,8	19,4
АТО Гагаузия	22,1	22,7	23,2	23,5	23,9

*Примечание: 2019-2020г.г. несравнимы с предыдущими годами, Исследование рабочей силы в домашних хозяйствах (Анкета обследования рабочей силы) проведено согласно новому плану исследования и понятию занятой рабочей силы.

Источник: Расчеты авторов на основе статистических данных НБС РМ, www.statistica.md,

https://statbank.statistica.md/pxweb/pxweb/ro/30%20Statistica%20sociala/30%20Statistica%20sociala_03%20FM_03%20MUN2019_MUN080/?rxid=b2ff27d7-0b96-43c9-934b-42e1a2a9a774

В структуре экономически неактивного населения основную долю (в 2019-2020г.г., соответственно, 89,7% и 91,8%) составляет население, которое как не ищет, так и не планирует свое участие на рынке труда, из которых примерно 45% составляют пенсионеры и 14,5% учащиеся, студенты, а остальная часть остается практически за пределами рынка труда. Ситуация в регионах неоднозначна, многое зависит от демографической ситуации (естественный прирост, соотношение численности городского и сельского населения, возрастно-половая структура, миграция) и развития социально-экономической инфраструктуры и, как результат, основные показатели рынка труда имеют различные характеристики как по уровню экономической активности, так по уровню занятости. Наиболее высокие показатели экономической активности и занятости в мун.Кишинэу, в котором сосредоточен основной потенциал хозяйствующих субъектов и, соответственно, возможности для трудоустройства, повышения профессионального мастерства, карьерного роста, доходов (Таблица 3).

Таблица 3. Динамика основных показателей рынка труда, %

	2016	2017	2018	2019*	2020*
Уровень экономической активности по РМ	44,8	44,1	45,9	42,3	40,3
Мун.Кишинэу	50,2	49,0	49,8	55,1	51,2
Север	47,2	47,1	48,3	44,4	43,0
Центр	43,0	41,6	45,1	35,9	34,8
Юг	36,9	37,3	38,4	33,2	31,4
Уровень занятости в целом по РМ	43,0	42,4	44,5	40,1	38,8
Мун.Кишинэу	47,3	46,2	47,3	52,6	48,8
Север	45,5	45,6	46,8	42,5	41,3
Центр	41,3	40,1	44,5	33,6	33,8
Юг	36,2	36,3	37,6	31,3	30,3
Уровень безработицы МБТ в целом по РМ	4,0	3,9	2,9	5,1	3,8
Мун.Кишинэу	5,7	5,8	5,0	4,6	4,6
Север	3,7	3,0	3,1	4,3	4,0
Центр	4,0	3,7	1,4	6,3	2,9
Юг	1,8	2,7	2,0	5,8	3,5
Официально зарегистрированные безработные НАЗН, человек - всего в % от общего количества:	26 889	22 386	18 696	16 598	50226
Мун.Кишинэу	5,7	5,2	4,2	3,7	...
Север	46,8	46,0	47,2	50,3	...
Центр	30,0	33,1	33,0	28,2	...
Юг	14,0	11,8	11,2	12,8	...
АТО Гагаузия	3,5	3,9	4,4	5,0

Источник: Согласно данным НБС РМ,

https://statbank.statistica.md/pxweb/pxweb/ro/60%20Statistica%20regionala/60%20Statistica%20regionala_03%20FM/?rxid=9a62a0d7-86c4-45da-b7e4-fecc26003802, Anuarul statistic al Republicii Moldova, BNS,

<https://statistica.gov.md/pageview.php?l=ro&idc=350&nod=1&>

В 2020г. среднереспубликанские показатели экономической активности (на 2,7 п.п.) и занятости (на 2,5 п.п.) превышены в Северной зоне, в том числе мун.Бэлць, что объясняется наличием промышленных предприятий, социальной инфраструктуры, транспортной сети. В Центральной и Южной зонах показатели *экономической активности* и занятости населения ниже, чем в среднем по стране (в 2019-2020г.г. на 6,4п.п. и 5,0 п.п. в Центральной и на 9,1 п.п. и на 8,9 п.п в Южной зоне), а *уровень занятости* населения был ниже среднереспубликанского на 6,5п.п. и 5,5 п.п. в Центральной и на 8,8 п.п. и на 8,5 п.п в Южной зоне (Таблица 4).

Таблица 4. Характеристика уровня доходов и социальных стандартов по региональному аспекте Республики Молдова

	2016	2017	2018	2019	2020
Среднемесячная заработная плата на одного работающего по РМ, лей	4 997,8	5 587,4	6 268,0	7 233,7	7943,0
Мун.Кишинэу	5 951,5	6 716,4	7 490,0	8 686,4	9561,3
Север	4 211,9	4 665,2	5 259,5	5 916,1	6501,2
Центр	4 061,8	4 522,3	5 084,0	5 910,6	6429,9
Юг	3 881,6	4 257,0	4 814,7	5 572,2	6151,3
АТО Гагаузия	3 867,1	4 268,2	4 799,5	5 554,9	6150,7
Отношение среднемесячной заработной платы в % к средней по РМ (РМ=100,0)					
Мун.Кишинэу	119,1	120,2	119,5	120,1	120,4
Север	84,3	83,5	83,9	81,8	81,8
Центр	81,3	80,9	81,1	81,7	80,9
Юг	77,7	76,2	76,8	77,0	77,4
АТО Гагаузия	77,4	76,4	76,6	76,8	77,4
Соотношение заработной платы женщин и мужчин, в %					
Мун.Кишинэу	14,5	13,5	14,4	14,1	14,5
Север	15,8	14,7	15,4	16,4	15,8
Центр	9,1	11,3	11,2	7,9	9,1
Юг	7,3	6,2	7,8	6,2	7,3
АТО Гагаузия	7,8	6,1	7,3	4,9	7,8
Располагаемый среднемесячный доход на одного человека, лей*	2051,8	2208,5	2357,1	2880,6	3096,6
Мун.Кишинэу	2842,1	3049,4	3264,2	4184,5	4355,0
Север	1830,7	1999,5	2131,3	2507,9	2729,7
Центр	1785,8	1901,9	2082,7	2530,4	2811,2
Юг	1802,2	1943,6	1985,6	2356,4	2524,5
Прожиточный минимум трудоспособного населения, лей на 1 человека	1914,7	1984,5	2016,1	2194,0	2247,6
Порог абсолютной бедности, лей	1819,2	1939,3	1998,4	2095,1	...
Уровень абсолютной бедности, %	26,4	27,7	23	25,2	26,8
Мун.Кишинэу	6,5	7,5	4,7	4,4	7,6
Север	30,5	31,1	28,4	27,7	28,1
Центр	35,7	36,6	28,7	29,8	30,6
Юг	30,8	33,8	28,8	40,4	42,9
Порог экстремальной бедности, лей	1467,2	1564	1611,7	1689,7	...
Уровень экстремальной бедности, %	10,4	11	8,7	10,7	10,8
Мун.Кишинэу	2,0	1,4	1,1	1,4	2,9
Север	13,3	10,7	10,5	10,4	11,1
Центр	13,6	17,1	11,2	12,9	12,0
Юг	11,8	13,8	11,6	19,2	18,5
Индекс потребительских цен	106,36	106,57	103,05	104,84	103,77
продовольственные товары	107,35	107,93	105,39	107,61	107,35
непродовольственные товары	106,32	104,53	102,67	104,19	100,89
услуги	104,90	107,06	99,78	101,47	102,38

* *Примечание:* Начиная с 2019г. данные несравнимы с предыдущим периодом в связи с изменением методологии обследования бюджетов домашних хозяйств.

Источник: НБС РМ, www.statistica.md

Важным социальным показателем является уровень безработицы. Так, несмотря на возможность быть занятым в мун.Кишинэу уровень безработицы выше, чем в среднем по стране практически на протяжении всего периода (за исключением 2019г.), в Центральной и Южной зонах в 2016-2018г.г. и 2020г.данный показатель ниже среднереспубликанского. Такая ситуация может быть связана не только с возможностью трудоустройства, но и с условиями труда и его оплатой, возможностью обеспечить достойный уровень жизни своей семье, обучение детей, доступ и получение качественных медицинских услуг.

Наиболее высокий уровень доходов в мун.Кишинэу, в 2020г. среднемесячная заработная плата превысила ее средний размер по стране в 1,2 раза и располагаемый среднемесячный доход в 1,4 раза, что, соответственно, больше размера прожиточного минимума трудоспособного населения в 4,2 раза по заработной плате и в 1,4 раза по располагаемому доходу. Как результат, в муниципии Кишинэу самый низкий уровень абсолютной и экстремальной бедности (в 2020г. соответственно, 7,6% и 2,9%), несмотря на то, что бедность еще имеет место при наличии как достаточно высоких доходов по сравнению с другими территориями, а также принимаемыми мерами социальной помощи со стороны государства и примэрии. Наиболее низкие доходы зарегистрированы в АТО Гагаузия (заработная плата ниже, чем по стране на 22,6% и на 35,7%, чем в мун.Кишинэу) и в Южной зоне, в которой зарегистрирован самый высокий уровень абсолютной (на 16,1 п.п. чем в среднем по стране) и экстремальной (на 7,7 п.п. выше чем в среднем по стране) бедности населения. Ситуация, когда трудовой доход не является стимулирующей функцией, перестает играть свою функцию воспроизводства рабочей силы на рынке труда, феномен бедности трудоспособного населения – все эти факторы являются причиной мобильности рабочей силы, поиска работы за пределами территории проживания или страны, увеличивая потоки трудовой миграции.

Таблица 5. Динамика трудовой миграции, тыс.человек / %

	2016	2017	2018	2019*	2020*
Трудовые мигранты РМ, всего, тыс.чел.	128,8	140,6	147,4	105,9	90,4
Мун. Кишинэу	10,2	13,5	14,3	9,1	11,8
Север	33,1	29,1	32,6	24,2	21,7
Центр	44,5	58,2	59,4	43,8	35,4
Юг	41,1	39,9	41,2	28,7	21,5
Доля трудовых мигрантов в регионе в % к общему их количеству по стране					
Республика Молдова, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Мун. Кишинэу	7,9	9,6	9,7	8,6	13,1
Север	25,7	20,7	22,1	22,9	24,0
Центр	34,5	41,4	40,3	41,4	39,2

Юг	31,9	28,4	28,0	27,1	23,8
Доля трудовых мигрантов в численности экономически неактивного населения, в %					
Республика Молдова, всего	10,1	11,1	12,3	8,4	7,0
Мун. Кишинэу	3,7	4,9	5,5	4,0	4,8
Север	9,7	8,7	10,1	7,1	6,3
Центр	11,5	14,9	16,6	10,5	8,5
Юг	15,1	15,0	16,1	10,5	7,8
* 2019-2020, обследование рабочей силы в домашних хозяйствах (Анкета рабочей силы) проведено НБС РМ согласно нового плана и определения занятая рабочая сила.					

Источник: Расчеты авторов на основе данных НБС РМ,

https://statbank.statistica.md/pxweb/pxweb/ro/30%20Statistica%20sociala/30%20Statistica%20sociala_03%20FM_03%20MUN2019_MUN080/?rxid=b2ff27d7-0b96-43c9-934b-42e1a2a9a774

Низкий уровень занятости и доходов, бедность – основные причины трудовой миграции в Центральной зоне (доля мигрантов в их общей численности в 2016-2018г.г. составляла от 34% до 41%) и остается наибольшей в 2019-2020г.г -41,4% и 39,2%, несмотря на пандемический кризис и уменьшение их численности в абсолютном выражении, в том числе 85,6% из сельской местности, а по возрастным группам преобладают группы 25-54 года (74%) и 15-24года (20%). В данной зоне фактор риска экономической безопасности очевиден, в ней высокая доля экономически неактивного населения, которое и не занимается поисками, и не готово приступить к работе (32% из данной категории, в которой около 49% составляют пенсионеры, Таблица 2). Несколько изменились тенденции: на фоне сокращения потоков трудовых мигрантов в Северной и Южной зонах, проявилась тенденция роста трудовых мигрантов в мун.Кишинэу, в том числе в 2019-2020г.г. численность их возросла только за один год на 29,8%. По статистическим данным НБС за 2020г. 89% из них выехало из городской местности, 72% из них мужчины, 69,5% в возрастной группе 25-54 года и 23% в возрасте 15-24 года. Миграция вызывает дисбаланс спроса и предложения, дестабилизацию, изменение возрастнополовой структуры рынка труда (Таблица 6).

Таблица 6. Структура занятого населения по возрастным группам на национальном и локальных рынках труда

		2016	2017	2018	2019	2020	2018г. к 2014г.* %/п.п.	2020г.к 2019г.* %/п.п.
Всего по Республике Молдова, тыс.чел.		993,7	960,8	988,5	872,4	834,2	100,7	95,6
Доля возрастной группы в общей численности занятых, %	15-24 лет,%	7,0	6,6	6,8	6,4	5,5	-0,2	-0,9
	25-54 лет, %	70,9	69,9	67,6	72,2	72,8	-3,3	0,6
	55 лет и более	22,1	23,5	25,6	21,4	21,7	3,5	0,3
Мун.Кишинэу, тыс.чел.		262,9	251,5	247,1	266,8	246,6	88,4	92,5
Доля возрастной группы в общей численности занятых, %	15-24 лет,%	7,2	6,8	8,4	8,1	7,0	1,2	-0,9
	25-54 лет, %	75,4	75,6	75,4	77,0	77,0	0,0	0,0
	55 лет и более				14,9	16,0	-1,2	1,1
Север, тыс.чел.		292,5	287,3	290,9	260,1	251,1	106,1	96,5
Доля возрастной группы в общей численности занятых, %	15-24 лет,%	7,5	7,5	6,7	6,4	5,0	-0,8	-1,4
	25-54 лет, %	68,4	66,9	64,9	67,4	69,1	-3,5	1,7
	55 лет и более				26,2	25,9	4,3	-0,3
Центр, тыс.чел.		281,5	268,4	294,7	217,7	215,3	108,9	98,9
Доля возрастной группы в общей численности занятых, %	15-24 лет,%	7,1	6,3	6,0	5,5	5,0	-1,1	-0,5
	25-54 лет, %	69,6	68,6	65,8	71,4	72,0	-3,8	0,6
	55 лет и более				23,1	23,0	4,9	-0,1
Юг, тыс.чел.		156,8	153,6	155,8	127,8	121,2	99,2	94,8
Доля возрастной группы в общей численности занятых, %	15-24 лет,%	5,5	5,3	5,6	4,6	4,2	0,1	-0,4
	25-54 лет, %	70,2	67,6	63,5	73,2	73,3	-6,7	0,1
	55 лет и более	24,3	27,1	30,9	22,2	22,5	6,6	0,3

*Примечание: изменение абсолютных данных приведено в процентах, а доли - в процентных пунктах.

Источник: Разработано авторами на базе статистических данных НБС РМ и собственных расчетов, www.statistica.md

Из анализа занятого населения очевидна тенденция его убыли как на национальном рынке труда, так и на рынках мун, Кишинэу (за 2014-

2018г.г. на 11,6 п.п. и только за один год 2019-2020г.г. на 7,5 п.п.) и в Южной зоне (за 2014-2018г.г. на 0,8 п.п. и только за один год 2019-2020г.г. на 5,2 п.п.), а в 2020г. по сравнению с 2019г. сокращение численности занятых на 4,4 п.п. произошло за счет их уменьшения по всем локальным рынкам труда. При этом данное уменьшение происходит за счет постепенного сокращения доли молодежной группы 15-24 лет (в 2014-2019 годах на 0,2 п.п. и 2019-2020гг. на 0,9 п.п.), а также и наиболее продуктивной возрастной группы 25-54 года и особенно, за 2014-2018гг. (на 3,3 п.п. по РМ; на 6,7 п.п. на Юге; на 3,8 п.п. а Центре и 3,5 п.п. на Севере) и при росте возрастной группы 55 лет и более (на Юге на 6,6 п.п.; в Центре на 4,9 п.п.; на Севере на 4,3 п.п.). Несмотря на изменения в структуре занятого населения, в 2020г. основной возрастной группой на рынке труда остается рабочая сила в возрасте 25-54 года, доля которой варьирует в интервале в основном 72%-77 %, доля молодежи падает до 5% (в мун,Кишинэу -7,0%) и возрастает доля возрастной группы 55 лет и более (22% и более), то есть идет процесс старения рынка рабочей силы, что является определенным риском экономической безопасности и выдвигает на первый план проблемы как повышения продуктивной занятости старшей возрастной группы, так и создания будущего резерва рабочей силы для обеспечения нужд стабильного экономического развития страны и конкурентоспособности рынка труда. Так, 2019г.-2020г., в условиях кризиса пандемии Covid-19 имели место сокращения или прекращение отдельных видов экономической деятельности, сокращение спроса на рабочую силу, уменьшение предлагаемых свободных (вакантных) рабочих мест (в 2019г. по сравнению с 2018г. на 30,1% и в 2020г. по сравнению с 2019г. – на 29,7%). При этом введение режима «дистанционной работы» вызвало необходимость знаний компьютерной техники, применения IT и других, которыми не всегда владела рабочая сила в старших возрастах, что отразилось на возможности продолжения трудовой деятельности и на трудоустройстве безработных, особенно, в 2020г., когда резко возросла напряженность на рынке труда. В возрастной структуре пострадавших от пандемии доля группы 25-34 года варьирует в пределах от 24% до 36% или в среднем за год на 26,4%, группы 35-44 года – в интервале 14-28% или в среднем за год 25,9% и группы 45-54 года в 18-23% или в среднем 22,4%, и возрастной группы 55-64 года в среднем за год 22,4%, а в наименьшей степени пострадала возрастная группа 15-24 года или в среднем за год это составляет на 5,4% (НБС, 2021). В 2020г. на фоне кризиса пандемии, по данным НАЗН, сократилось количество свободных рабочих мест при росте безработных в 1,6 раза, доля безработных в возрастной группе 16-35 лет составила 33,6% и в возрасте 55-63 года – 18,1% (Таблица 7).

Таблица 7. Основные показатели мобильности на рынке труда

	2016	2017	2018	2019	2020
Количество вакантных рабочих мест зарегистрированных в НАЗН, тыс. мест	44,6	45,4	49,2	34,3	24,1
Численность зарегистрированных безработных в НАЗН в течении года, тыс.чел.	50,0	42,1	35,5	31,5	50,2
Численность зарегистрированных НАЗН безработных на конец года, тыс.чел	26,9	22,4	18,7	16,6	25,5
в том числе в % к предыдущему году	99,9	83,3	83,5	88,8	153,8
Коэффициент напряжённости, единиц	1,12	0,93	0,72	0,92	2,08
Доля трудоустроенных НАЗН безработных, % от общего их количества	35,3	39,5	41,4	35,7	18,2
Соотношение количества принятых наемных работников к уволенным, единиц*	0,97	1,02	1,07	0,99	0,96
Количество принятых в % от количества рабочих мест*	22,7	24,0	28,6	26,3	23,0
Количество уволенных в % от количества рабочих мест *	23,4	24,4	26,7	26,6	24,0
Количество созданных новых рабочих мест, единиц*	50058	57671	76547	58551	54916
Количество ликвидированных рабочих мест, единиц*	58458	55402	63165	58104	64102
Количество вакантных рабочих мест на конец года, единиц*	31336	33101	37588	42190	37571
Количество вакантных рабочих мест в % к общему количеству на конец года	4,3	4,5	4,7	5,2	4,7

*Примечание: данные НБС РМ, вакансиями считаются должности, предназначенные для лиц как за пределами, так и внутри подразделения, независимо от того, являются ли они фиксированными или на неопределенный срок, с обычным или частичным графиком работы,

https://statbank.statistica.md/pxweb/pxweb/ro/30%20Statistica%20sociala/30%20Statistica%20sociala_03%20FM_03%20MUN2019_MUN010/?rxid=2345d98a-890b-4459-bb1f-9b565f99b3b9

Источник: Разработана авторами на основе данных НАЗН и собственных расчётов, www.anofm.md; НБС РМ

Оценка мобильности рабочей силы и рабочих мест показывает резкое снижение в 2019-2020 годы количества вакансий (на 30,3% в 2019г. по сравнению с 2018г. и на 29,7% в 2020г. по сравнению с 2019г.), представленных экономическими агентами Национальному Агентству по Занятости Населения (НАЗН) для трудоустройства безработных, что

явилось одним из факторов уменьшения шансов безработных получить работу, количество трудоустроенных безработных уменьшилось на 5,7 п.п. в 2019г. по сравнению с 2018г. и на 17,5 п.п. в 2020г. по сравнению с 2019г., коэффициент напряженности на рынке труда в 2020г. резко увеличился до 2,08 (более, чем в 2 раза). В то же время, обращаем внимание, что данные НАЗН и данные статистики о наличии свободных мест отличаются: если в НАЗН, например, в 2020гг. количество мест 24,1 тыс., то количество вакансий декларируемых в статистических отчетах работодателей 37,6 тыс.мест, то есть дополнительная возможность быть трудоустроенным и повысить уровень занятости населения имеется и речь может идти только о профессиональном соответствии требованиям работодателя, территориальном расположении или других условий работы. Следует обратить внимание на ротацию работников, соотношение между принятыми наемными работниками и уволенными, оно практически совпадает за исключение 2017г. и 2018г., когда число уволившихся превысило число вновь принятых. Следовательно, проблема занятости населения является вызовом для органов центрального и локального управления, занимающихся разработкой и внедрением политик в области занятости для обеспечения сбалансированности спроса и предложения рабочей силы на рынках труда, предотвращения рисков экономической безопасности и стабильного социально-экономического развития территорий и страны в целом.

Выводы. Анализ национального и региональных рынков труда, как фактора экономической безопасности, показал, что имеет место риск снижения потенциала трудовых ресурсов от влияния негативных тенденций уменьшения численности и старения населения. Трудовая миграция, мобильность рабочей силы и рабочих мест, низкая заработная плата в условиях инфляционных процессов, риск безработицы и бедности, особенно, занятого населения и кризис пандемии повлияли на стабильность и качество рынка труда и рост дефицита рабочей силы. В результате конъюнктурных изменений на локальных рынках труда произошло нарушение сбалансированности, повышение социальной напряженности и снижение конкурентоспособности национального рынка труда, что представляет угрозу экономической безопасности и вызовом для повышения государственных политик в области занятости населения и улучшения сложившей ситуации. В целях развития конкурентоспособного рынка труда, предотвращения возможных угроз экономической безопасности и устойчивого развития страны предлагаются следующие меры:

– Разработка и внедрение системы оценки экономической безопасности как на национальном, так и на уровне региона, в том числе критериев и основных целевых показателей возможных угроз;

RĂSPUNSUL SISTEMULUI DE EDUCAȚIE LA PANDEMIA DE COVID-19

Corina - Georgeta DINCULESCU¹
Institutul de Economie Agrară, România

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-12>

Abstract. Dezvoltarea tehnologiei a evidențiat necesitatea digitalizării în toate domeniile, unul dintre principalii factori care contribuie semnificativ la creșterea calității vieții și la îmbunătățirea accesului la serviciile publice și private. În acest sens, pandemia COVID-19 a grăbit tranziția societății către o eră digitală în domeniul educației, marcând deficite semnificative în ceea ce privește abilitățile digitale, conectivitatea și utilizarea tehnologiilor în educație, atât în ceea ce privește cadrele didactice, cât și elevii/studentii.

De la începutul pandemiei, pe parcursul celor doi ani școlari (al doilea semestru din 2019/2020 și 2020/2021), învățământul a fost supus unor provocări majore, una dintre acestea fiind încercarea de a reduce pe cât posibil impactul negativ pe care pandemia îl va avea asupra învățării și școlarizării.

În pofida creării unor platforme și sisteme de învățare la distanță (online), a distribuirii, în unele școli, de dispozitive de comunicare (începând cu anul școlar 2020/2021), chiar dacă aceste acțiuni au apărut, treptat, din momentul în care autoritățile au decis închiderea școlilor, acestea nu au ajuns la toți copiii/tinerii. În ciuda asigurărilor repetate din partea autorităților, nu a fost posibil să se creeze o metodologie clară de predare-învățare-evaluare a elevilor, platforme și sisteme de învățare la distanță, care să includă toți copiii/tinerii, deoarece accesul la învățarea online este condiționat de mediul social de proveniență al acestora, de nivelul de educație al părinților, de zona/mediul de rezidență etc.

Realitatea acestei perioade a arătat faptul că sistemul de educație nu a fost pregătit pentru o astfel de provocare, nici chiar după primul an de învățământ online, în urma căruia s-au putut identifica deficiențele din sistemul de învățământ, astfel că nu se poate afirma că învățământul online este operațional în totalitate, existând un deficit nu doar în ceea ce privește logistica necesară (pentru școli, elevi și cadre didactice), cât și în privința abilităților digitale ale elevilor și profesorilor.

Aceste disfuncționalități au provocat rezistența și echitatea sistemului de educație, adâncind inegalitatea de șanse educaționale pentru elevii/studentii defavorizați, cu efect negativ asupra viitorului lor. Cei care au fost marginalizați înainte de pandemie, sunt acum și mai expuși riscului. Combinația unor factori socio-demografici (sexul, etnia, vârsta, mediul de rezidență), cu cei economici (sărăcia) poate duce la multiple forme de discriminare și excludere.

Abstract. The development of technology has highlighted the need for digitalisation in all areas, one of the main factors contributing significantly to increasing the quality of life and improving access to public and private services. In this regard, the COVID-19 pandemic accelerated the transition of society to a digital age in education, marking significant gaps in digital skills, connectivity and the use of technology in education, both in terms of teachers and pupils/students.

¹ © Corina Dinculescu, corina.dinculescu@gmail.com.

Since the beginning of the pandemic, during the two school years (the second semester of 2019/2020 and 2020/2021), education has been subject to major challenges, one of which is to try and reduce the negative impact that the pandemic has/will have on learning and schooling as much as possible.

Despite the creation of (online) distance learning platforms and systems, the distribution of communication devices in some schools (starting with the 2020/2021 school year), even though these actions have gradually emerged since the authorities decided to close the schools, did not reach all children/youth. Despite repeated assurances from the authorities, it has not been possible to create a clear teaching-learning-assessment methodology for students, platforms and distance learning systems, including all children/youth, as access to online learning is conditional on the social environment of their origin, the level of education of the parents, the area/environment of residence, etc.

The reality of this period has shown that the education system has not been prepared for such a challenge, even after the first year of online education, after which deficiencies in the education system could be identified, so it cannot be said that e-learning is fully operational, with a gap not only in terms of logistics required (for schools, pupils and teachers), but also in the digital skills of pupils and teachers.

These dysfunctions have caused resilience and equity in the education system, deepening the inequality of educational opportunities for disadvantaged pupils/students, with a negative effect on their future. Those who were marginalized before the pandemic are now even more at risk. The combination of socio-demographic factors (gender, ethnicity, age, place of residence) with economic ones (poverty) can lead to multiple forms of discrimination and exclusion.

Cuvinte-cheie: sistem de educație, învățare la distanță, digitalizare, pandemia COVID-19.

Clasificarea JEL: I2, I3.

Gradul de abordare a temei în literatura științifică. Conform *OECD Education Policy Perspectives*¹, sistemele de învățământ ar trebui să ofere un singur răspuns la provocările impuse de pandemie, prin asigurarea calității, echității și bunăstării în educație. *Calitatea* se poate asigura prin minimizarea întreruperii cursurilor și prin finalizarea studiilor cu nivelul de competențe corespunzător fiecărui an de studiu, *echitatea* - prin asigurarea accesului la aceleași oportunități de învățare pentru toți elevii/studentii din aceeași cohortă și de absolvire cu același nivel de competențe a elevilor afectați de criză, ca și cei din cohortele neafectate, iar *bunăstarea* - prin asigurarea sănătății fizice și mentale a elevilor și dezvoltarea abilităților socio-emoționale, prin păstrarea comunității școlare și a legăturii dintre colegi și profesori.

Această lucrare evidențiază măsura în care toate acestea au fost oferite de către sistemul educațional din România elevilor/studentilor.

¹ "Education responses to COVID-19: An implementation strategy toolkit", OECD Education Policy Perspectives, July 10, 2020.

În septembrie 2020, Comisia Europeană a lansat noul *Plan de acțiune pentru educația digitală*, denumit *“Resetarea educației și formării pentru era digitală (2021-2027)”*, care completează și continuă primul Plan de acțiune în domeniul educației digitale (din anul 2018).

Anterior acestei lansări, Comisia Europeană a realizat o consultare publică deschisă privind acest plan de acțiune (*Open Public Consultation (OPC) on the Digital Education Action Plan 2021-2027 - OPC*), care a vizat colectarea punctelor de vedere ale cetățenilor și ale diferitelor părți interesate (inclusiv ale instituțiilor și organizațiilor din sectorul public și privat), cu privire la educația digitală în timpul și post criză COVID-19. Chiar dacă această consultare nu a avut un caracter reprezentativ, din punct de vedere statistic, rezultatele sale oferă o imagine asupra percepției educației digitale, ca urmare a experienței anului școlar desfășurat sub pandemie.

România a fost reprezentată cu un total de 1576 de răspunsuri (din totalul de 2716 răspunsuri), adică 58% din eșantionul total – pondere care a reflectat un interes major al respondenților din România pentru acest domeniu. Potrivit acestui demers, la nivelul UE principalele probleme vizate au reflectat faptul că:

- aproximativ 60% dintre respondenții din eșantionul „toate țările” (respectiv 47% din eșantionul „fără RO”)¹ nu au folosit instrumente de învățare la distanță și online înainte de criză; în timpul crizei, utilizarea învățării la distanță și online a crescut în cazul ambelor eșantioane (66,6% în eșantionul „toate țările”, respectiv 87,6% în eșantionul „fără RO”), cu probabilitatea ca utilizarea lor să crească în viitor;
- o mare parte dintre cei care au declarat că nu au folosit învățarea la distanță și online înainte de criză, în timpul crizei au făcut-o (56,9% în eșantionul „toate țările” și 84,4% în eșantionul „fără RO”), iar cei care au folosit învățământul la distanță online înainte de criză, intenționează să continue să facă acest lucru după criză (96,2% în eșantionul „toate țările” și 100% în eșantionul „fără RO”);
- 95% dintre respondenți consideră că această criză de COVID-19 marchează un punct de la care nu se mai poate reveni la situația anterioară în ceea ce privește modalitățile de utilizare a tehnologiei în domeniul educației și formării;
- majoritatea respondenților din ambele eșantioane au considerat că măsurile au avut succes (totuși diferența între răspunsurile dintre cele

¹ Respondenții au provenit din 60 de țări diferite, fără a fi distribuiți în mod egal între aceste țări. România (RO), în special, era supra-reprezentată cu un total de 1576 de răspunsuri (58% din eșantionul total - pondere care a reflectat un interes major pentru acest domeniu), iar numărul respondenților din celelalte țări, în total, mai mic (1140 de răspunsuri). Astfel că supra-reprezentarea României a determinat ca analiza să se realizeze folosind două eșantioane: „toate țările” (totalul celor 2716 răspunsuri) și „fără RO” (doar 1576 de răspunsuri ale respondenților, cu excepția celor din România).

două eșantioane - 83,5% în eșantionul „fără RO” și 59,4% în eșantionul „toate țările” - indică faptul că măsurile luate în România sunt percepute a fi mai puțin eficiente;

- peste 60% dintre respondenți declară că și-au îmbunătățit competențele digitale în timpul crizei, peste 50 % din aceștia dorind să le aprofundeze.

Scopul cercetării. Acest demers își propune să evidențieze acțiunile întreprinse de guvern cu privire la învățământul din România, precum și eficiența acestora, calitatea actului de învățământ online, măsura în care aceste acțiuni au răspuns cerințelor de asigurare a accesului egal al tuturor copiilor și tinerilor la programe de învățare online, măsura în care învățământul românesc s-a adaptat la restricțiile impuse de pandemie.

Toate aceste obiective vin, împreună, să contureze răspunsul sistemului de educație la restricțiile impuse de pandemie.

Metodologia cercetării. Una dintre metodele utilizate pentru pregătirea materialului brut de analiză a fost interogarea personalizată a bazelor de date oficiale disponibile.

Au fost consultate rapoarte, strategii și planuri de acțiune cu privire la educație și impactul pandemiei asupra educației, la măsurile adoptate și implementate în acest domeniu de către state membre EU și de către România.

În procesul de documentare, au reprezentat repere utile literatura de specialitate națională și internațională, diverse studii și analize ale instituțiilor economice de renume național și internațional, informații conținute atât în analize, rapoarte și studii neoficiale, cât și în strategii de dezvoltare regională.

O altă metodă folosită în acest studiu a fost filtrarea, culegerea și analiza informațiilor complementare (internet, publicații).

Rezultatele cercetării. Într-o criză mondială, cum este cea cu care ne confruntăm de mai bine de un an și jumătate, criză generată de răspândirea virusului Covid-19, dincolo de consecințele negative, au fost necesare reacții rapide și eficiente din partea autorităților, atât pentru situația/scenariul în care criza este una pe o perioadă scurtă și educația se recuperează rapid, dar, mai ales, pentru scenariul în care criza persistă o perioadă mai lungă de timp (câteva luni), caz în care soluțiile găsite trebuie să ofere acces egal la învățământ tuturor copiilor și tinerilor.

Pandemia de Covid-19 a creat cea mai mare perturbare a sistemelor de învățământ din istorie, susținerea continuității educației în timpul acestei pandemii reprezentând o provocare în întreaga lume.

Pandemia de Covid-19 a dus la închiderea școlilor din multe țări și a agravat inechitățile sociale existente. Închiderea școlilor a fost considerată necesară de către autoritățile de sănătate de pe tot globul (există și excepții, de exemplu, Suedia), inclusiv din România, atât pentru încetinirea răspândirii bolii, cât și pentru atenuarea efectelor asupra sistemului de sănătate care nu putea face față numărului potențial masiv de bolnavi critici (în contextul în

care sistemul de sănătate românesc este unul dintre cele mai slabe din UE. În timp ce media țărilor Uniunii Europene pentru sănătate este de 9,8% din PIB, România a alocat în 2019 doar jumătate din această medie – 5,6% din PIB).

Provocarea a fost aceea de a reduce pe cât posibil impactul negativ pe care această pandemie îl va avea asupra învățării și școlarizării. Școlile nu sunt doar un loc pentru educație organizată, ci și un loc în care se descoperă și se dezvoltă diferite abilități, un loc de interacțiune între copii și chiar de sprijin social, pentru unii dintre aceștia. Închiderea școlilor nu numai că a perturbat procesul de educație a copiilor, ci și accesul la mese oferite în cadrul școlii.

Acțiunea de închidere a școlilor poate avea consecințe pe termen lung, în special pentru cei mai vulnerabili și marginalizați, mărinnd disparitățile deja existente, în ceea ce privește:

- *dispariția oportunităților de învățare directă* (ceea ce poate crea grave inegalități de șansă, pe termen lung);
- *rata abandonului școlar* (deoarece o perioadă lungă de neparticipare activă la activitatea de învățământ face dificilă „recuperarea materiei”, mai ales pentru copiii proveniți din familiile cu venituri reduse sau din mediul rural, în zone defavorizate, care nu au posibilitatea să suplinească această problemă, iar școlile nu pot acorda ajutor specific în astfel de situații.

Astfel se ajunge la o creștere suplimentară a acestei rate, care este încă foarte mare¹ (15,6% în 2020, față de media UE-27 de 9,9%), cu aproape 6 puncte procentuale peste media Uniunii Europene. În mediul rural, acesta atinge vârfuri mult mai înalte (23%, față de media UE-27 de 10,5%). O lungă perioadă de neparticipare activă la procesul de învățământ poate duce la o creștere suplimentară a acestei rate;

- *accesul la masă* - accesul la programe organizate prin intermediul unităților școlare, precum „Cornul și laptele” 2019-2020², care, deși are un buget infim pe copil, pentru unii copii acesta poate reprezenta o sursă de hrană, iar pierderea sa putând aduce un dezechilibru în viața acestora, de asemenea, programul „Masă caldă în școli” (desfășurat doar în câteva școli pilot beneficiare ale unor proiecte POCU).

¹ Rata de părăsire timpurie a școlii în România s-a redus la 15,6% în 2020, de la 19,1% în 2015. Deși reprezintă cea mai amplă scădere a acestui indicator, înregistrată la nivelul celor 27 de state ale Uniunii Europene, în perioada ultimilor 6 ani, în continuare indicatorul se menține la o valoare ridicată, peste ținta de 10% stabilită prin strategia națională privind Agenda digitală a educației.

Din cauza disparităților la scară largă în ceea ce privește accesul la educație de calitate și factorii socioeconomiici, părăsirea timpurie a școlii este mai ridicată în zonele rurale.

² suspendat în martie 2020, odată cu decretarea stării de urgență.

- *Inegalitatea de șanse la educație ale copiilor* – care este una dintre problemele fundamentale cu care se confruntă sistemul de învățământ din România, caracterizat de un decalaj evident între elevii care merg la școală în mediul rural și cei localizați în mediul urban.

Acest decalaj se evidențiază prin indicatori specifici, cum ar fi indicatori de evaluare a rezultatelor la Evaluarea Națională, de la finalul clasei a VIII-a.

România s-a raliat ideii de închidere a școlilor, însă modalitățile de predare on-line s-au dovedit a fi extrem de sărace (cadrele didactice insuficient instruite în utilizarea sistemelor digitale de gestionare a învățării și pedagogia învățării online, existența de platforme insuficiente, cu utilizare liberă - fără costuri, care să poată fi folosite pentru lecții online etc.).

La începutul pandemiei, când se spera la o situație pe termen scurt, nevoia de a limita răspândirea virusului Covid-19 a determinat multe guverne din lume să instituie măsuri de limitare a distanței fizice dintre persoane, determinând astfel și restricționarea întâlnirii elevilor și a profesorilor în școli. Aceste măsuri au perturbat funcționarea normală a școlilor și universităților. De asemenea, s-au impus soluții provizorii (mai mult sau mai puțin funcționale) în privința continuării învățării. Multe sisteme școlare din lume au oferit modalități de învățare online, în timp ce școlile au fost închise. Pentru a reduce impactul închiderii școlilor asupra copiilor/tinerilor s-au realizat strategii de învățare la distanță, neaplicabile, însă, în anumite zone sau în cazul anumitor categorii de copii/tineri - din cauza accesului limitat la internet și la un computer/tabletă acasă.

Pe măsura trecerii timpului, a fost necesară implementarea unor soluții pe termen lung, menite să reducă, pe cât posibil, impactul negativ pe care pandemia îl putea avea asupra învățării și școlarizării, soluțiile provizorii adoptate la începutul pandemiei, urmând a fi adaptate și îmbunătățite.

Măsurile radicale adoptate – de *închidere a școlilor* – au declanșat o serie de dezechilibre asupra întregului sistem de învățământ, cu consecințe majore asupra elevilor/studentilor, în special, al celor deja vulnerabili și marginalizați, măbind disparitățile deja existente (în special, decalajul dintre rural și urban).

Din aceste considerente, s-au pus în aplicare metode alternative de învățare - *trecerea exclusivă la învățarea online*, utilizarea unui sistem hibrid (cu prezența fizică și online, funcție de particularitățile zonale, cu privire la rata de transmitere), astfel încât învățământul să se realizeze într-un mediu sigur și să ofere oportunități de învățare similară pentru toți copiii/tinerii.

De la începutul pandemiei până la finele anului școlar 2019/2020, în perioada martie-iunie 2020, cursurile online s-au desfășurat, fie superficial, fie nu s-au desfășurat deloc. Acestea au fost condiționate de accesul la resurse proprii, atât ale cadrelor didactice, cât și ale familiilor elevilor (accesul la un

dispozitiv de comunicare, cum ar fi un laptop/tabletă/telefon mobil și o conexiune la internet), precum și de nivelul competențelor digitale deținute de aceștia. De asemenea, la nivelul școlilor nu au existat decizii unitare, astfel că fiecare cadru didactic s-a adaptat potrivit abilităților personale, unele au derulat activități educaționale online, altele s-au limitat doar la transmiterea de mesaje prin aplicații de mesagerie și comunicare/partajare fișiere).

Redeschiderea instituțiilor de învățământ în anul școlar 2020-2021 s-a făcut în condiții speciale impuse de pandemia de Covid 19. Parțial s-a practicat învățământul hibrid (în care o parte dintre elevi au mers la școală, iar alții au învățat online, prin rotație), funcție de situația epidemiologică din zona/școala respectivă. Au fost elaborate trei scenarii, potrivit cărora cursurile se desfășurau în formă clasică, online sau hibrid, după cum urmează:

- *scenariul 1 (verde)*, în situația în care mai puțin de o persoană la mia de locuitori era infectată cu noul virus, în ultimele 14 zile – presupunea participarea tuturor elevilor la cursuri în clase;
- *scenariul 2 (galben)*, în situația unui risc mediu de infectare, scenariu în care erau infectate una până la trei persoane la mia de locuitori – presupunea ca preșcolarii, elevii din învățământul primar și cei din anii terminali (clasele a VIII-a și a XII-a), care se pregăteau pentru examenele finale, să meargă la școală. Din nefericire, neexistând note metodologice clare, acest scenariu a fost aplicată diferențiat la nivelul fiecărei unități școlare, astfel încât unele școli au început cursurile cu toți acești elevi în format clasic/fizic, în clase, fără a se ține seama de numărul lor, determinând o supraaglomerare în unele unități de învățământ.
- *scenariul 3 (roșu)*, în situația în care mai mult de trei persoane la mia de locuitori sunt infectate – presupune desfășurarea cursurilor exclusiv online.

Chiar dacă lunile în care s-au desfășurat cursurile online din anul școlar anterior au permis identificarea deficiențelor din sistemul de învățământ¹, în anul școlar 2020/2021, cursurile s-au desfășurat în același mod, online, sovăielnic, lipsite de profesionalism, fără beneficii pentru elevi/studenti. Motivația se poate regăsi în faptul că neexistând decizii unitare la nivel de minister și sprijin în direcția programelor de instruire digitală și de testare a profesorilor, o platformă unitară pentru predarea online și o metodologie clară, majoritatea cadrelor didactice, nefamiliarizate cu predarea online, au preferat să sperie la revenirea la predarea clasică, fără să facă eforturi să și adapteze predarea la mediul online.

¹ nivel insuficient de acoperire a accesului la internet, nivelul redus al competențelor digitale atât în rândul profesorilor, cât și al elevilor, insuficiente dispozitive hardware în rândul profesorilor și al elevilor, lipsa platformelor și a resurselor educaționale on-line proprii.

Școlarizarea la domiciliu (online) a avut un impact negativ asupra vieții sociale și de învățare a copiilor. La un an și jumătate de când a început pandemia, pare că învățământul clasic, cu prezența fizică la școală a copiilor și profesorilor, nu poate fi înlocuit cu cel exclusiv online. În plus, disparitățile substanțiale existente între familii se accentuează (măsura în care părinții își pot ajuta copiii să învețe, timpul disponibil pentru predare și control al lecțiilor, abilitățile non-cognitive ale părinților, resursele, cantitatea de cunoștințe ale părinților).

Este necesară o intervenție clară în ceea ce privește analiza și găsirea unor soluții pentru problemele legate de:

- *accesul la resurse/la tehnologia informației a elevilor* (la internet și la un computer acasă) - chiar dacă față de începutul pandemiei situația s-a îmbunătățit în sensul creșterii numărului de copii/tineri care au acces la internet și la un dispozitiv care să le permită accesarea cursurilor online, o mare parte dintre aceștia nu au avut acces la internet sau/și la un dispozitiv acasă. Acest număr poate fi estimat pe baza datelor statistice disponibile Conform rezultatelor Anchetei privind accesul la tehnologia informațiilor și comunicațiilor (TIC), realizată de INS, din anul 2019, 75,7% dintre gospodăriile din România au avut *acces la rețeaua de internet* de acasă, aproape două treimi dintre acestea concentrându-se în mediul urban și doar o treime în mediul rural (aproape dublu în urban față de rural). Două treimi din totalul gospodăriilor au *acces la computer acasă*. Acest indicator se diferențiază pe medii de rezidență, astfel că dacă, în mediul urban, trei sferturi dintre gospodării au acces la computer acasă, în mediul rural, doar jumătate dintre gospodăriile rurale au acces la computer acasă. De asemenea, din totalul persoanelor de vârstă cuprinsă între 16-74 ani care au folosit vreodată computerul, aproximativ două treimi sunt în mediul urban și doar o treime, în rural.
- *accesul la resurse/la tehnologia informației a profesorilor;*
- *pregătirea profesorilor în predarea-învățare online și îmbunătățirea abilităților digitale ale acestora, adaptarea curriculei la predarea online* (prin folosirea unor instrumente online pentru a se asigura că planurile lecțiilor, videoclipurile, tutoriale și alte resurse sunt disponibile pentru cât mai mulți copii/tineri; colaborarea cu companiile de telecomunicații care pot facilita și descărcarea materialelor de învățare pe un smartphone, pentru cazul celor care au unul);
- *pregătirea copiilor/tinerilor în utilizarea dispozitivelor și aplicațiilor necesare participării la cursurile online, îmbunătățirea abilităților lor digitale.*

Structura persoanelor după utilizarea internetului evidențiază că, la nivel național, 82,3% dintre persoanele cu vârsta cuprinsă între 16 - 74 ani folosesc sau au folosit/accesat vreodată internetul (implicit, 17,7% fiind persoanele care nu au folosit internetul niciodată), în urban această proporție fiind chiar mai mare (88,5%). Din aceștia, 60% sunt din mediul urban, restul de 40%, din mediul rural, distribuția pe medii de rezidență evidențiind încă o diferențiere din seria decalajelor urban/rural. În schimb, în mediul rural, ponderea celor care au accesat vreodată internetul este mai mică cu 14 puncte procentuale față de mediul urban, ponderea persoanelor care nu au folosit niciodată internetul fiind dublă față de cea observată în mediul urban (25,2%).

Un cumul al celor enunțate anterior este un tablou sintetic oferit prin ***Indicele economiei și societății digitale¹ (DESI)***. Poziționarea României, în ceea ce privește dimensiunea digitală și progresele digitale este evidențiată în cadrul rapoartelor privind Indicele economiei și societății digitale (DESI), monitorizate de Comisia Europeană. Acest indice complex integrează un set de indicatori relevanți privind performanța digitală a Europei, a statelor membre, combinând date în cinci domenii principale: conectivitatea și capitalul uman (cu cea mai mare relevanță în definirea indicelui DESI, reprezentând infrastructura societății și economiei digitale), utilizarea serviciilor de internet, integrarea tehnologiei digitale, serviciile publice digitale.

Analiza DESI evidențiază o situație nefavorabilă - cu un progres scăzut al performanței în aproape toate domeniile, România poziționându-se aproape la finalul clasamentului european, fiind pe antepenultimul loc în clasamentul pentru 2020 al Indicelui economiei și societății digitale (DESI), adică pe locul 26 din cele 28 de state membre ale UE (Grecia și Bulgaria, ocupând ultimele locuri), cu toate că această analiză indică o serie de îmbunătățiri.

Aceste îmbunătățiri se referă la ***conectivitate*** (România se situează pe locul 5 în UE, datorită utilizării ridicate a benzii largi de foarte mare viteză și disponibilității ample a rețelelor de foarte mare capacitate fixe - acoperirea de bandă largă de mare viteză a crescut până la 82% - media UE fiind de 86%, 66% dintre gospodăriile sunt abonate la servicii de bandă largă de foarte mare viteză, cu mult sub media UE - 78%). De acoperirea rețelelor de foarte mare capacitate fixe beneficiază doar 39% dintre zonele rurale (care este însă dublă față de media UE de 20%), acoperirea 4G este de 85% (sub media UE de 96%).

¹ ***Indicele economiei și societății digitale (DESI)*** se calculează ca media ponderată a celor cinci domenii, folosind date furnizate de EUROSTAT. Deoarece datele se referă la anul 2019, Regatul Unit este încă inclus în DESI pentru 2020, iar mediile UE sunt calculate pentru 28 de state membre.

Pe de altă parte, sunt relevate lipsa sau insuficiența competențelor digitale ale populației, astfel că în ceea ce privește **digitalizarea capitalului uman**, domeniul cel mai relevant pentru calculul indicelui DESI, situația este la polul opus, evidențiind faptul că aproape o cincime dintre persoanele de vârstă cuprinsă între 16 și 74 de ani nu au utilizat niciodată internetul, mai puțin de o treime au competențe digitale cel puțin elementare (față de 58% la nivelul UE), în timp ce o treime au competențe cel puțin elementare în materie de software (față de o medie a UE de 61%). În ceea ce privește competențele digitale peste nivelul elementar, România împreună cu Bulgaria se situează pe ultimele locuri în UE, cu doar 10% dintre persoane, respectiv 11%.

În ciuda nivelului redus de competențe digitale, în cadrul învățământului obligatoriu, România are cel mai mare număr de ore alocate competenței digitale ca disciplină separată obligatorie în învățământul secundar superior.

Lipsa de literație digitală în România s-ar putea, astfel, spune că nu este determinată exclusiv de lipsa accesului la informații sau la instrumente, ci de interesul scăzut și pregătirea slabă în rândul tuturor actorilor implicați în procesul educațional, deoarece educația digitală înseamnă formarea competențelor digitale ale elevilor și cadrelor didactice, pe de o parte, și utilizarea tehnologiilor în scop pedagogic pentru a sprijini, a îmbunătăți și a transforma învățarea și predarea, pe de altă parte.

Concluzii. Indiferent care a fost formula adoptată de autorități, în această perioadă dificilă, pentru sprijinirea, încurajarea și eficientizarea învățământului online, elevii au rămas cu un deficit de cunoștințe.

Contextul enunțat relevă consecințe grave pe termen lung pentru cohortele afectate și creșterea inegalităților capitalului uman. Pandemia de Covid-19 a agravat inechitățile sociale existente. Decalajul digital al copiilor/tinerilor înscriși într-o formă de învățământ, fiind unul dintre cei mai importanți factori care afectează egalitatea de șanse, ar trebui evitat sau minimalizat cât mai mult, înainte ca aceste diferențe de oportunități să se extindă și să declanșeze un efect negativ și mai mare asupra învățării copiilor deja dezavantajați sau din zone dezavantajate.

Consecințele negative sunt mai grave în special pentru segmentul de populație deja expus riscului, astfel copiii și tinerii din mediul rural putând fi considerați cu risc ridicat (de pierdere a învățării, în general, dar cu atât mai mult în această perioadă de închidere a școlilor, când neputând participa la învățarea directă (prin cursurile predate la școală) și neavând nici acces la internet, la un computer/tabletă acasă, riscă să devină vulnerabili.

Cu toate aceste consecințe negative asupra copiilor/tinerilor din toate categoriile, această criză majoră poate fi, totuși, privită ca o oportunitate de explorare a unor abordări alternative ale educației, cu impact pozitiv asupra rezultatelor învățării, în viitor. Trebuie ca tot ce a fost nou și benefic pentru

elevi/studenti, în ceea ce privește învățarea online, să se conserve și să se dezvolte.

Chiar dacă viitorul educației nu va aparține în totalitate învățământului online, un învățământ hibrid (online, combinat cu cel cu prezența fizică a elevilor/studentilor) ar putea fi o soluție de luat în considerare, un învățământ în care departajarea între online și prezența fizică ar trebui adaptată pentru fiecare disciplină în parte, în funcție de specificul acesteia, utilizând tehnologiile digitale existente, noi competențe, tehnici specifice de predare, personalizate, care să-i motiveze pe elevi/studenti.

Referințe

- Florian, B. și Țoc, S. (2020). Policy note: Educația în timpul pandemiei - Răspunsuri la criza nesfârșită a sistemului educațional românesc. București.
- OECD. (2020). Education responses to COVID-19: An implementation strategy toolkit. OECD Publishing, Paris. *OECD Education Policy Perspectives*, 5, <https://doi.org/10.1787/81209b82-en>.
- INS, Ancheta privind accesul la tehnologia informațiilor și comunicațiilor (TIC). Strategia privind digitalizarea educației din România.
- Plan de acțiune pentru educația digitală "Resetarea educației și formării pentru era digitală (2021-2027). https://ec.europa.eu/education/education-in-the-eu/digital-education-action-plan_ro.
- Raport DESI (2020). Indicele economiei și societății digitale (DESI) [Online]. <https://dpo-net.ro/mdocs-posts/indicele-economiei-si-societatii-digitale-desi-raportul-de-tara-din-2019-romania/>.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ И ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ БЕЛАРУСИ, НАИБОЛЕЕ ПОСТРАДАВШИХ ОТ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АТОМНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

Анастасия БОБРОВА¹, кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-13>

Абстракт. До настоящего времени в Беларуси сохраняют актуальность вопросы совершенствования подходов к преодолению комплекса негативных последствий от аварии на ЧАЭС. С целью корректировки политики, реализация которой позволит ускорить процесс перехода от региона экологического бедствия на уровень привлекательного региона, назрела необходимость изучить состояние демографического развития «чернобыльских» районов и оценить их демографический и трудовой потенциал. С применением комплексного подхода при изучении процессов и явлений в сочетании с экономико-статистическими методами проведен анализ современной демографической ситуации в районах Беларуси, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС 35 лет назад. Доказана дифференциация районов основных демографических процессов. Демографическая ситуация остается сложной и неоднозначной. К основным демографическим рискам чернобыльских территорий следует отнести высокий уровень смертности населения, спад рождаемости и устойчивые по масштабу и направлению потоки внутренних мигрантов, выбывающих из районов, и усиливающие диспропорции в половозрастной структуре населения. Демографические тенденции прямым образом влияют на кадровый потенциал территории. Численность занятых имеет тенденцию к сокращению в результате естественной и миграционной убыли. Вместе с тем, в целом на территориях, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС выявлен высокий демографический и трудовой потенциал, который нужно не только сохранить, но и преумножить.

Ключевые слова: демографические последствия чернобыльской катастрофы, здоровье населения.

Abstract. Up to now in Belarus, the issues of improving approaches to overcoming the complex of negative consequences from the Chernobyl Power Plant accident remain relevant. In order to adjust the policy, the implementation of which will accelerate the transition from an ecological disaster region to the level of an attractive region, there is a need to study the state of demographic development of the "Chernobyl" districts and assess their demographic and labor potential. Using an integrated approach to the study of processes and phenomena in combination with economic and statistical methods, an analysis of the current demographic situation in the regions of Belarus that was most affected by the Chernobyl accident 35 years ago was carried out. The differentiation of the main demographic processes regions has been proved. The demographic situation remains complex and ambiguous. The main demographic risks of the Chernobyl territories include a high mortality rate, a decline in the birth rate, and stable in scale and direction flows of internal migrants leaving the regions, and increasing disparities in the age and sex structure of the population. Demographic trends directly affect the human resources potential of the territory. The number of employed persons tends to decrease as a result of

¹ Анастасия Боброва, nastassiabobrova@mail.ru.

natural and migration losses. At the same time, in general, in the territories most affected by the Chernobyl accident, a high demographic and labor potential has been identified, which must not only be preserved, but also increased.

Key words: *demographic consequences of the Chernobyl disaster, public health.*

JEL classification: J19.

Авария на Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС) обусловила формирование уникального региона, изучение которого интересно не только с позиции влияния на демографический и кадровый потенциал экологического фактора, но и целого комплекса социально-экономических трансформаций, произошедших за 35 лет. Распад советского союза, финансовый кризис, модернизация общества, построение социально-ориентированной модели экономики и пр. внесли свои коррективы в демографическую траекторию. На фоне общестрановых негативных демографических тенденций на территориях ЧАЭС продолжали восстанавливаться от негативных последствий эвакуации и массовых переселений конца 80-х годов XX века, деформировавшись половозрастную пирамиду.

Методологической основой исследования послужили работы ученых по проблемам народонаселения, последствий чернобыльской катастрофы и социально-экономического развития. Работы, посвященные территориям, подвергшимся радиоактивному загрязнению, в значительной степени относятся к исследованиям в экологической и медицинской сфере. Спустя 10-15 лет после аварии возрос интерес к оценке социально-экономического и экологического ущерба. Ученые из России, Беларуси, Украины наработали теоретико-методологическую базу для изучения влияния катастрофы на различные аспекты жизнедеятельности. (Лыч, Патеева, 1999), (Шимов, 2003), (Возняк, 1993), (Алексанин и др., 2011), (Бабосов, 1996). Ряд страновых исследований акцентирует внимание на медико-демографических последствиях, а также мерам государственной политики, смягчающим нанесенный вред здоровью (Веселкова, 1994), (Богино, 2005) (Волосовец и др., 2019) Демографические последствия катастрофы рассматривались как отдельный блок комплексных демографических исследований, в том числе в работах белорусских демографов Л.П. Шахотько, Е.А. Антиповой, Л.Т. Тихоновой и др. (Шахотько, 1996), (Антипова, Манак, 2007), (Тихонова, 2002).

На протяжении XXI века изучение новых подходов к восстановлению пострадавших территорий осуществляется в рамках международного технического сотрудничества, в частности, реализации совместных проектов с МАГАТЭ, НАТО и другими организациями. В резолюции 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 8 декабря 2016 г., признается необходимость продолжения международного сотрудничества по Чернобылю под эгидой Организации Объединенных Наций в целях содействия осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на

период до 2030 г. и Сендайской рамочной программы по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг. (ООН, 2016).

В Беларуси для преодоления негативных социально-экономических последствий аварии на ЧАЭС в стране сформирован государственно-правовой механизм преодоления последствий и соответствующая нормативная правовая база, охватывающая все направления деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы. Эффективность политики оценивается в том числе по состоянию социально-экономического развития территорий.

С целью корректировки политики, реализация которой позволит ускорить процесс перехода от региона экологического бедствия на уровень привлекательного региона, назрела необходимость изучить состояние демографического развития «чернобыльских» районов и оценить их демографический и кадровый потенциал.

В ходе работы применялись методы логического анализа, синтеза, комплексного подхода при изучении процессов и явлений в сочетании с экономико-статистическими методами сравнения, динамических рядов, средних и относительных величин, аналитических расчетов, методами потенциальной демографии, картографии.

Информационной базой исследования явились официальные издания и материалы Национального статистического комитета Республики Беларусь, нормативно-правовые акты по вопросам демографической политики и минимизации последствий катастрофы на ЧАЭС, данные социологических опросов.

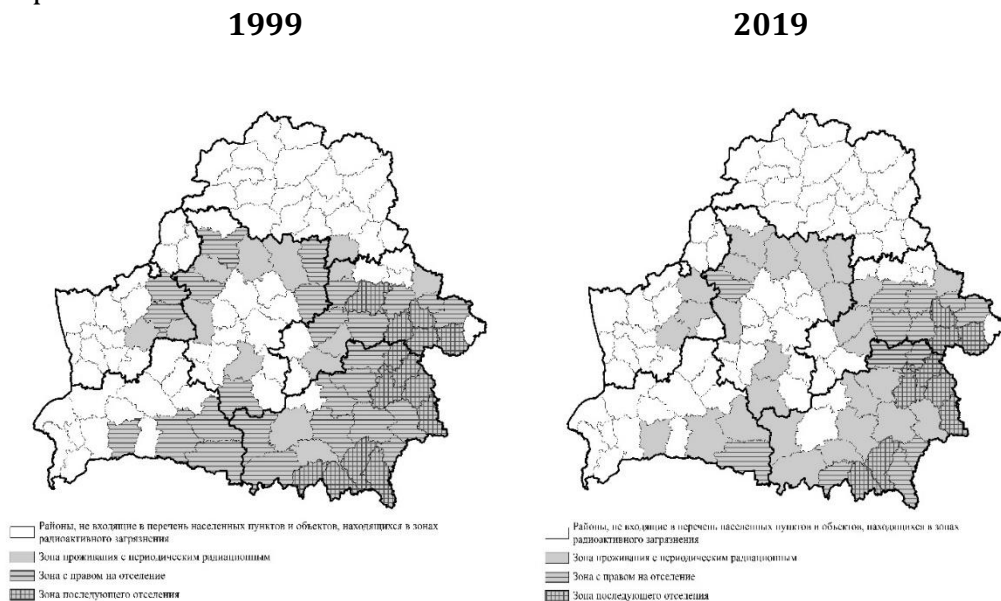

Рисунок 1. Перечень районов Беларуси, находящихся в зонах радиоактивного загрязнения, в зависимости от изменения радиационной обстановки в 1999 и 2019 гг.

Чернобыльская беда коснулась всех жителей республики, а практически каждый четвертый житель Беларуси до сих пор находится под особым контролем: в 2019 г. 49 районов страны с общей численностью 2,7 млн человек в различной степени испытывают вредоносное действие радиации. Согласно перечню населенных пунктов и объектов, находящихся в зонах радиоактивного загрязнения, в зависимости от изменения радиационной обстановки в 1999 г. таких районов было 54, из них почти все районы Гомельской и Могилевской областей и даже один район в Витебской области. На тот период на территории проживало 3,27 млн человек. Число районов, которые относятся к зоне с правом на отселение сократилось за 20 лет с 40 до 23 в 2019 г. (Рис. 1).

В 2000 г. с учетом удельного веса загрязненных территорий, коллективной дозы облучения и потерь сельскохозяйственных земель 21 район был отнесен к числу наиболее пострадавших от катастрофы на ЧАЭС: 3 района Брестской области (Лунинецкий, Пинский, Столинский), 13 районов Гомельской области (Брагинский, Буда-Кошелевский, Ветковский, Добрушский, Ельский, Калинковичский, Кормянский, Лельчицкий, Наровлянский, Речицкий, Рогачевский, Хойникский, Чечерский), 5 районов Могилевской области (Быховский, Костюковичский, Краснопольский, Славгородский, Чериковский). В зонах радиоактивного загрязнения располагается 2022 населенных пункта, в которых проживает около 1 млн человек.

Перечень населенных пунктов и объектов, находящихся в зонах радиоактивного загрязнения, в зависимости от изменения радиационной обстановки утверждается и пересматривается Советом Министров Республики Беларусь не реже одного раза в пять лет по представлению республиканского органа государственного управления, осуществляющего регулирование и управление в области преодоления последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

На 1 января 2019 г. в зоне радиоактивного загрязнения насчитывалось 2170 населенных пунктов, в том числе 27 городов и 2143 села. В 2088 населенных пунктах проживают люди – 1,112 млн человек, каждый пятый – ребенок 0-17 лет. Среди них 1,017 млн в зоне с периодическим контролем, 93 тыс. – с правом на отселение и 1,6 тыс. в зоне последующего отселения.

Численность населения 21 района за 20 лет сократилась почти на 196 тыс. человек (111 тыс. в Гомельской области, 45 тыс. – в Брестской и 40 тыс. – в Могилевской). Среди основных причин – естественная убыль населения, обусловленная демографическим переходом и, соответственно, спадом рождаемости, а также сохранением низкого уровня культуры здоровья. В общей численности населения, проживающего на территории наиболее пострадавших от аварии на

ЧАЭС районов, превалирующую долю занимает население Гомельской области – 59 %. В 2019 г. по сравнению с 2000 г. сократилась доля населения в исследуемой группе районов Могилевской области, где в течение всего периода наблюдались более высокие темпы сокращения численности населения. В загрязненных районах продолжает вести хозяйство 71 тыс. чел. При этом 1627 чел., в том числе 454 ребенка, проживает в 12 районах зоны последующего отселения. *На загрязненной территории проживает 10 % от всех домашних хозяйств страны* – 465 тыс. домашних хозяйств, среди которых треть с детьми до 18 лет. Общая численность детей составляет 219 тыс., в том числе 40% в возрасте 0-6 лет. В структуре детей преобладают дети в возрасте 7-14 лет (2005-2012 гг. рождения). Больше всего домашних хозяйств сосредоточено в Гомельской области – 80 % от общего числа.

Тенденции демографического развития чернобыльских территорий схожи с динамикой в стране в целом. В Беларуси уже с 1994 г. наблюдается процесс депопуляции, который сопровождается старением населения, ухудшением показателей здоровья людей, сокращением биологического человеческого потенциала, задействованного в экономике. Одной из самых острых демографических проблем социального развития на современном этапе является высокий уровень смертности среди сельского населения и мужчин трудоспособного возраста.

К наиболее серьезным для человека последствиям аварии относятся негативное влияние на здоровье. Проживание на сильно загрязненной территории влечет за собой целый ряд эффектов: новообразования, катаракта, сердечно-сосудистые заболевания и др.

Эпидемиологические исследования позволяют выявлять причинно-следственную связь между облучением и конкретным заболеванием с учетом всего комплекса действующих факторов. Для выявления радиогенной патологии на пострадавших территориях в Беларуси проводится мониторинг здоровья. Широкий охват населения медицинским наблюдением способствует выявлению и своевременному лечению не только радиогенных заболеваний, но и других видов патологии. На начало 2021 г. на учете лиц, подлежащих специальной диспансеризации, состояло 1,463 млн человек, из которых 239,4 тыс. детей в возрасте 0-17 лет.

В ранние периоды наблюдалось ухудшение психического здоровья пострадавшего населения. Массовые переселения, потеря экономической стабильности, ожидание неблагоприятных последствий для собственного здоровья и здоровья детей способствовали нарушению физического и эмоционального баланса. Однако выделить вклад чернобыльского стресса в совокупности всех других стрессовых событий того времени, включая распад СССР, невозможно.

В целом повышенный риск онкологических заболеваний у детей остается. Заболеваемость от новообразований продолжает увеличиваться относительно состоящих на учете: 236,8 новых случаев на 100000 на учете в 2019 г. по сравнению с 117,3 в 2002 г. Немаловажной является роль других этиологических факторов. Положительной тенденцией последних лет является сокращение абсолютного числа выявленных онкологических заболеваний у детей и подростков 0-17 лет.

Среди других болезней детей, показатели которых отличаются динамикой роста на протяжении длительного периода, – болезни глаза, уха и врожденные аномалии. С 2013 г. фиксируется рост болезней костно-мышечной системы. Значительное ухудшение показателей детского здоровья также не имеет прямой связи с чернобыльским облучением, и является, по-видимому, во многом результатом большей обеспокоенности здоровьем детей, лучшей регистрацией жалоб и другими факторами, включая состояние учреждений здравоохранения.

Опасение вызывает стремительный рост общей заболеваемости детей, обусловленный увеличением предотвратимых посредством самосохранительного поведения болезней – органов дыхания и травм. Профилактика заболеваемости детей, проживающих на загрязненных территориях, включает те же меры, что и профилактика для всех детей Беларуси.

Установлено, что рост заболеваемости у детей в некоторых населенных пунктах на слабозагрязненных территориях связан в том числе с повышенным вниманием медиков к состоянию здоровья детей.

В целом рост онкологической заболеваемости новообразованиями фиксируется на загрязненных территориях и для взрослого населения. В 2019 г. показатели заболеваемости новообразованиями на 100 тыс. населения увеличились на 35 % по сравнению с 2002 г. Кроме того, в последние 10 лет отмечен рост болезней уха. С 2015 г. наметилась тенденция сокращения показателей болезней глаза и сердечно-сосудистой системы, которые в предыдущем десятилетии росли.

Однако результаты эпидемиологических исследований показали, что Чернобыльское облучение не представляет угрозы здоровью населения на популяционном уровне (ВОЗ, 2005). Общая заболеваемость населения, пострадавшего от катастрофы на Чернобыльской АЭС и подлежащего специальной диспансеризации сократилась как в абсолютном, так и относительном выражении и составила в 2019 г. 60142,6 случаев на 100000 взрослого населения на учете и 146862,1 случаев на 100000 детей на учете (в 2015 г. 65240 и 151013, соответственно).

Радиационное облучение может оказывать угнетающее или стимулирующее воздействие на иммунную систему, приводя, так или иначе, к какой-либо патологии, в том числе к новообразованиям. После Чернобыля у жителей радиационно-загрязненных территорий наблюдается стойкое изменение цитогенетических маркеров в крови, в том числе на уровне иммунокомпетентных клеток. Это может быть связано не только с облучением, но и с такими факторами, как стресс, хронические инфекции, неполноценное питание, влияние химикатов и т.д. Снижение иммунитета на загрязненных территориях в связи с облучением не доказано. Однако в структуре заболеваний у населения, пострадавшего от катастрофы доля болезней крови, кроветворных органов и отдельных нарушений, вовлекающий иммунный механизм, а также врожденных аномалий выше общереспубликанских значений (Рис. 4, 5).

Отличительной чертой чернобыльских территорий является высокая доля болезней органов дыхания – 50% по сравнению с 33% в целом для заболеваемости в стране

Территории наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС отличаются более высокими уровнями одновременно и смертности, и рождаемости.

Общий коэффициент смертности населения на территориях пострадавших от аварии на ЧАЭС выше среднего на 4,2 п.п. и в 2019 г. составил 17‰. Для сравнения до аварии коэффициент смертности в Гомельской области был минимальным среди областей республики – всего 10,2‰. Увеличение показателей смертности в XXI веке в значительной мере обусловлено старением населения, вызванного оттоком молодежи, а также ухудшением состояния здоровья в результате аварии. Радиационная нагрузка способствует формированию экологически обусловленной патологии как у взрослых, так и у детей. Отличительная черта – чрезвычайно высокая заболеваемость подростков, хотя традиционно молодежь менее подвержена болезням.

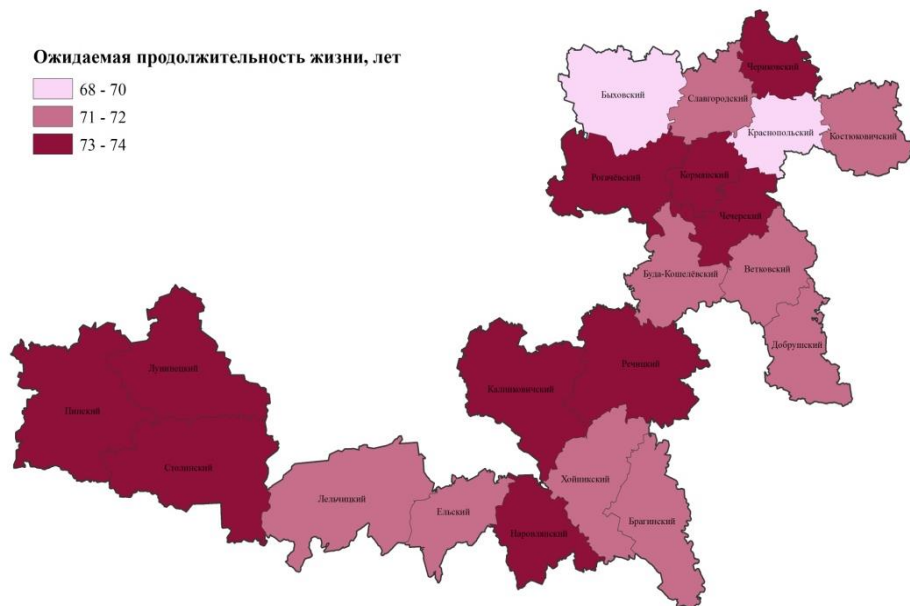
Чернобыльская катастрофа оказала отрицательное влияние на уровень ожидаемой продолжительности жизни в Республике Беларусь. В значительной степени оно проявилось в районах, наиболее пострадавших от аварии. В результате роста заболеваемости новообразованиями, болезнями щитовидной железы и т. д. увеличивалась и смертность. Существенное влияние оказали и такие факторы как социально-экономические и психологические.

Средняя ожидаемая продолжительность жизни для мужчин и женщин в районах, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС, имеет более низкие значения, чем в целом по Республике Беларусь. Наиболее высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни в 2015 году

демонстрировали: Пинский, Столинский, Лунинецкий, Рогачевский, Солигорский и Наровлянский районы. Значения ожидаемой продолжительности жизни в данных районах варьировалось от 73 до 74 лет. Это обусловлено более высоким уровнем жизни и экономической ситуацией, а также поддержкой государства и более эффективной реализацией государственных программ по поддержке районов, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС.

Самыми депрессивными районами по уровню ожидаемой продолжительности жизни являлись: Ельский, Хойникский, Кормянский и Краснопольский. В них уровень ожидаемой продолжительности жизни находился в пределах от 67 до 70 лет.

В 2019 году общий уровень ожидаемой продолжительности жизни вырос, по сравнению с 2015 годом. К лидерам 2015 года добавились Калинковичский, Речицкий, Чечерский, Кормянский и Чериковский районы (Рис. 2).

Примечание. Рисунок составлен по данным (Белстат, 2021)

Рисунок 2. Средняя ожидаемая продолжительность жизни населения в районах Республики Беларусь наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС, лет, 2019 г.

Наиболее низкий уровень демонстрирует Краснопольский и Быховский районы, со значениями ожидаемой продолжительности жизни от 68 до 70 лет (Рис. 3).

Средний уровень ожидаемой продолжительности (71-72 лет) в 2019 году характерен уже не для большинства районов. Некоторые районы, для которых был характерен низкий и средний уровень ожидаемой

продолжительности жизни в 2015 году, имели тенденцию к увеличению уровня продолжительности жизни к 2019 году (Рис. 3). В данных районах реализуются меры по развитию территорий, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС и, в частности, направленные на повышение качества жизни населения.

Нерешенной проблемой остается разрыв между продолжительностью жизни мужчин и женщин.

Для мужчин в Республике Беларусь характерен гораздо более низкий уровень ожидаемой продолжительности жизни, чем в среднем по стране. Средние значения ожидаемой продолжительности жизни для мужчин составляют от 66 до 68 лет. Данный уровень в 2019 году характерен для большинства районов, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС.

Наиболее высокий уровень ожидаемой продолжительности жизни для мужчин наблюдается в Пинском, Лунинецком, Столинском, Наровлянском, Брагинском, Рогачевском. Для мужчин в этих районах значения варьируют между 69 до 70 годами, что схоже в сравнении со средними значениями по Республике Беларусь.

Наиболее депрессивными районами по уровню ожидаемой продолжительности жизни мужчин являются Быховский, Ветковский и Краснопольский, где значения в 2019 достигли всего 63-65 лет.

Для женщин в Республике Беларусь характерен довольно высокий уровень ожидаемой продолжительности жизни. В большинстве районов, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС средняя ожидаемая продолжительность жизни женщин варьирует от 76 до 78 лет (Рис. 5).

Наиболее высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни женщин в 2019 году демонстрируют: Пинский, Лунинецкий, Столинский, Рогачевский, Кормянский, Чечерский. В данных районах наблюдаются значения от 79 до 82 лет, что является высоким уровнем, даже в сравнении с среднереспубликанским.

Самым депрессивным районом по уровню ожидаемой продолжительности жизни женщин является Краснопольский – 72 года.

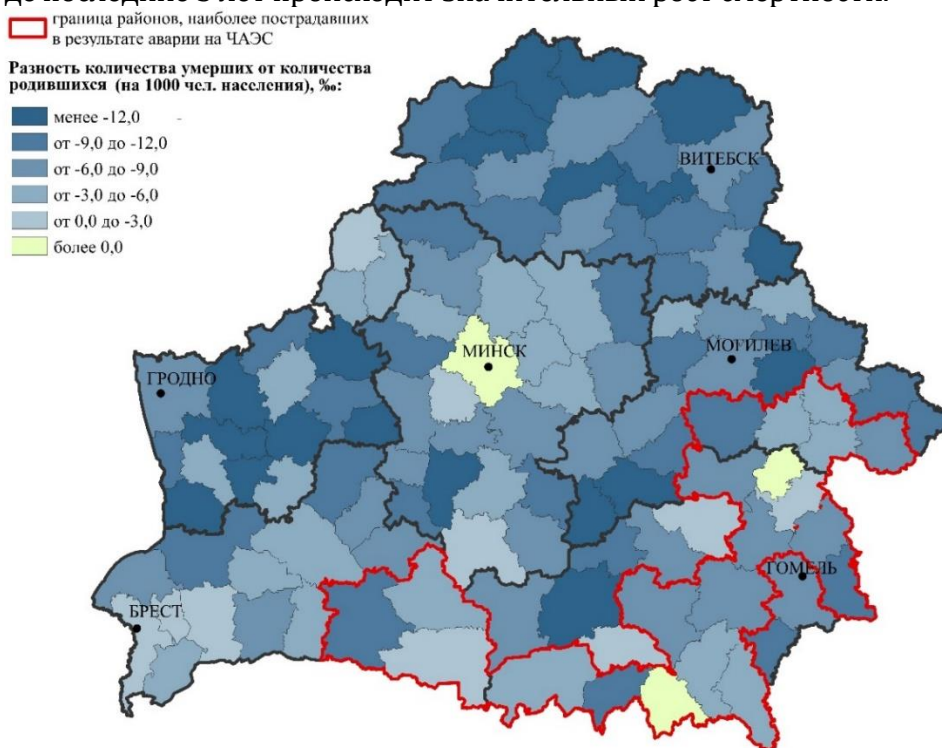
Чернобыльская катастрофа оказала негативное влияние на рождаемость в целом для страны, но особенно для загрязненных территорий. Общий коэффициент рождаемости в Беларуси снизился с 16,5‰ в 1985 г. до 9,3‰ уже в 1996 г. Наряду с демографическими факторами, заложенными в половозрастной структуре населения, на падение рождаемости оказали влияние социально-экономические и психологические факторы. Неуверенность в завтрашнем дне, опасение за собственное здоровье и здоровье детей привели к резкому ограничению репродуктивных установок у населения не только загрязненных районов. Однако данные территории пострадали больше и, соответственно, негативный эффект был более выражен. Исследования доказывают вред ионизирующего излучения для репродуктивного здоровья, выражающийся

прежде всего увеличении числа преждевременных родов, мертворождений, искусственных прерываний беременности по медицинским показаниям. В Гомельской области, в которой был максимальный показатель в 1985 г. (17,2‰), падение составило 8 п.п. за первое десятилетие. В настоящее время средний коэффициент рождаемости для территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, составляет всего 9,3‰, что на 2 п.п. меньше среднереспубликанского уровня.

На фоне высокой разницы между смертностью и рождаемостью, преодоление депопуляции становится более сложной задачей.

В сравнении с началом 2000-х в большинстве районов демографическая ситуация улучшилась. В среднем по всем 21 району средний коэффициент естественной убыли населения в 2019 г. составил 5,3‰, что на 2 п.п. меньше уровня 2000 г.

В 2019 г. благодаря сохранению уровня рождаемости и значительному сокращению уровня смертности Кормянский и Наровлянский районы вышли на естественный прирост (рисунок 3). Рост естественной убыли наблюдается в Лунинецком, Столинском, Ельском и Славгородском районах, где последние 5 лет происходит значительный рост смертности.

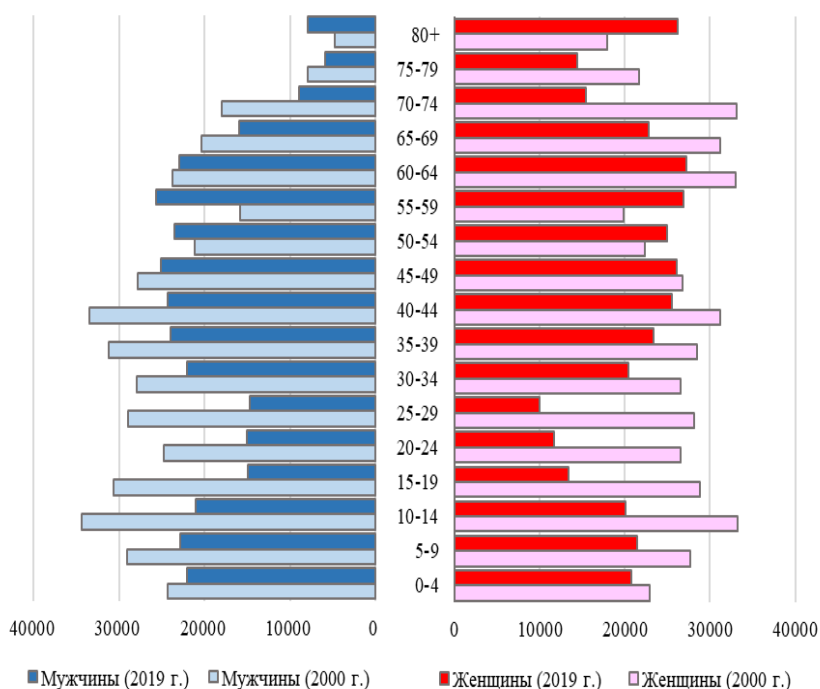
Примечание. Рисунок составлен по данным (Белстат, 2021).

Рисунок 3. Естественное движение населения по районам в Республики Беларусь, 2019 г., ‰

В результате внутренней миграции сокращение населения черновыльской местности происходит более интенсивно.

Наиболее высокие коэффициенты миграционной убыли наблюдаются в Славгородском, Костюковичском и Кормянском районах. Только в трех районах наблюдается миграционный прирост – Ветковский, Наровлянский и Добрушский. Происходит не просто сокращение населения, но усиливаются диспропорции в половозрастной структуре населения: интенсивное сокращение женщин младшего трудоспособного возраста.

Эвакуационная политика первого десятилетия после аварии способствовала ухудшению демографических показателей, которые проявляются до сих пор. Обязательное отселение детей, женщин репродуктивного возраста, беременных было необходимым для сохранения будущего генофонда страны, но оказало негативное влияние на структуру населения территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС.

Примечание. Рисунок составлен по данным (Белстат, 2021).

Рисунок 4. Половозрастная пирамида населения, проживающего в наиболее пострадавших районах в результате ЧАЭС (21 район), чел.

Даже в 2000 г. демографическая пирамида представляла собой достаточно равномерное распределение населения по возрастам.

Основное отличие было в более высокой доле женщин среди населения старше 60 лет. В 2019 г. пирамида приобрела очертания ядерного взрыва с четко выраженными негативными демографическими последствиями аварии. В отличие от структуры всего населения страны в структуре районов, пострадавших от аварии на ЧАЭС выше доля детей (19%), ниже доля населения в возрасте 15-64 года (63%) и выше доля лиц 65 лет и старше (18%) в Беларуси 17, 68, 15 (Рис. 4).

Таким образом, демографическая ситуация в районах ЧАЭС остается сложной и неоднозначной. Естественное и миграционное движение выступают основными компонентами и формируют демографический баланс.

На территории наиболее пострадавших районов Беларуси можно выделить три типа демографического баланса территории:

1. прогрессивный, где наблюдается положительный характер двух компонентов демографической динамики - естественного и миграционного движения (родившихся больше умерших и прибывших больше выбывших); (Наровлянский район);

2. контрастно-факторный, характеризующийся проявлением разных векторов компонентов демографической динамики - естественного и миграционного движения; (Кормянский, Ветковский, Добрушский);

3. регрессивный, где наблюдается отрицательный характер двух компонентов демографической динамики - естественного и миграционного движения (родившихся меньше умерших и прибывших меньше выбывших) (17 районов).

К основным демографическим рискам чернобыльских территорий следует отнести высокий уровень смертности населения, спад рождаемости и устойчивые по масштабу и направлению потоки внутренних мигрантов, выбывающих из районов, и усиливающие диспропорции в половозрастной структуре населения.

Демографические тенденции прямым образом влияют на кадровый потенциал территории.

Численность занятых имеет тенденцию к сокращению в результате естественной и миграционной убыли. За 20 лет численность молодежи, которая вступает на рынок труда сократилась во всех районах почти в 2 раза и составила 55 тыс. чел. (Рис. 5).

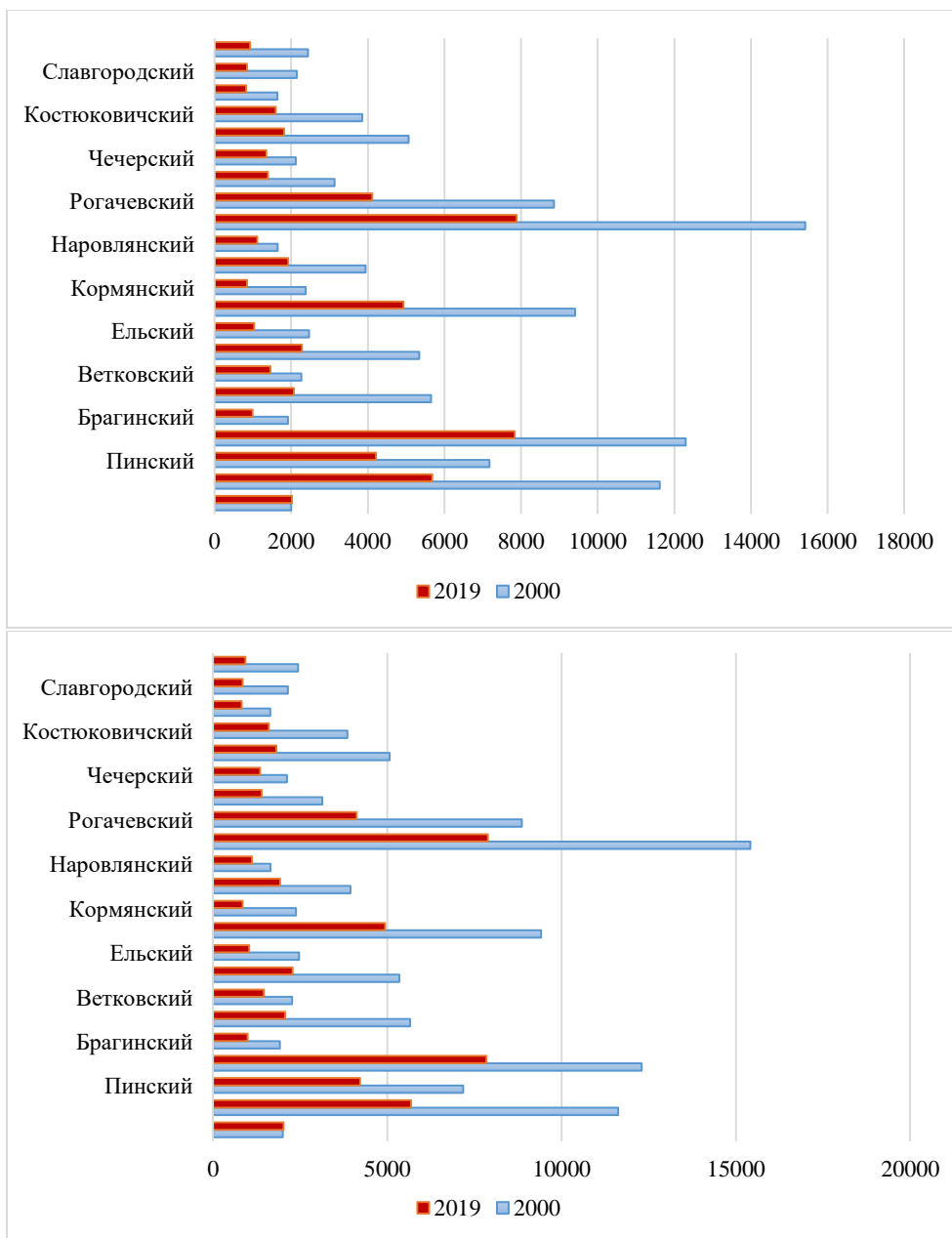

Рисунок 5. Численность молодежи 15-24 года в 21 районе, наиболее пострадавшем от аварии на ЧАЭС в 2000 и 2019 гг., человек

Примечание. Рисунок составлен по данным (Белстат, 2021).

С 2010 г. число занятых в 21 районе наиболее пострадавшем от аварии на ЧАЭС сократилось на 40 тыс. чел.

Продолжают сохраняться диспропорции в сфере занятости. Территориальная неравномерность размещения трудовых ресурсов и их низкая мобильность выступают основными факторами

трудоизбыточности в одних регионах и дефицита кадров в других, а также дисбаланса профессионально-квалификационной структуры районных рынков труда.

Основная часть занятых приходится на Речицкий, Столинский, Калинковичский и Рогачевский районы, что ведет к дисбалансу отраслевой, профессионально-квалификационной структуры районных рынков труда. Причины: слабое аграрно-промышленное развитие районов, привлекательность для молодежи более крупных населенных пунктов с развитой досуговой инфраструктурой, отток рабочей силы из сельской местности. Многолетние социологические исследования мнения населения, проживающего на загрязненных территориях, убедительно доказывают наличие проблем с поиском хорошо оплачиваемой работы. Среди вопросов об удовлетворенности различными характеристиками своего населенного пункта «Возможности трудоустройства, создание новых рабочих мест» оценивают в 0,15 из 1 (Лашук, 2020).

Первым шагом к смене места жительства становится образовательная миграция. Решение проблемы безвозвратной миграции молодежи невозможно без расширения сети учреждений профессионально-технического, среднего специального и высшего образования. На территории 21 района действует один ВУЗ – УО «Полесский государственный университет», который обеспечивает подготовку по биологии, экономике, физической культуре и инженерии.

В черныбыльских районах отсутствуют научные и образовательные центры, ориентированные на подготовку специалистов для инновационных, промышленных и транспортно-логистических кластеров.

Для поддержания благосостояния и сокращения оттока населения из загрязненной местности применяются экономические методы регулирования, предусматривающие выравнивание заработной платы в том числе в сельскохозяйственном производстве с уровнем оплаты в промышленном секторе (до 80%), развитие новых форм сельской занятости, содействие предпринимательским инициативам населения: субсидирование предпринимательской и ремесленной деятельности, в том числе в сфере агроэкотуризма, что предусмотрено в государственных программах.

В целом на территориях, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС выявлен высокий демографический и трудовой потенциал, который нужно не только сохранить, но и преумножить.

Демографические проблемы в районах радиоактивного загрязнения привели к более серьезным негативным последствиям, в связи с чем существует объективная необходимость дополнительного государственного воздействия на условия демовоспроизводства.

Помимо мер демографической политики, необходимы специальные, направленные на реабилитацию населения.

Улучшение демографических показателей – преодоление естественного и миграционного оттока и стабилизация численности населения – возможно только на территориях, где будут созданы необходимые условия для их экономического развития. Для зон с различным уровнем загрязнения требуется разработка принципиально разных стратегий развития.

Проблемы рынка труда пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий схожи с общенациональными проблемами. В долгосрочной перспективе тенденции занятости населения будут продолжать определяться направлениями и эффективностью реализации мер, во-первых, по восстановлению пострадавших регионов, во-вторых, по структурной перестройке экономики в целом, сопровождаемой оптимизацией численности занятых.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипова, Е.А., Манак, Б.А., Антипова, Е.А. (2007). Регионы Беларуси: особенности демографического развития и трудовой потенциал сельской местности. БГПУ, Минск.
- Александрин, С.С. и др. (2011). *25 лет после Чернобыля: состояние здоровья, патогенетические механизмы, опыт медицинского сопровождения ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС*. Чернобыльской атомной электростанции Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова, Санкт-Петербург. 736 с. ISBN: 978-5-91322-026-4.
- Бабосов, Е.М. (1996). Чернобыльская трагедия в ее социальных измерениях. Мн.: Право и экономика, с. 42.
- База статистических данных Национального Статистического Комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/>.
- Богино, Н.И. (2005). Особенности регулирования демографических процессов районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению. *Экономический бюллетень*, 4, 41-48.
- Веселкова, И.Н. (1994). Медико-демографические и социально-экономические последствия крупномасштабной экологической катастрофы, НПО медико-социальных исследований, экономики и информатики. РФФИ: 94-06-19218-а.
- Медицинские последствия Чернобыльской аварии и программы по охране здоровья. ВОЗ, апрель 2005.
- Возняк, В.Я. (1993). *Чернобыль: возвращение к жизни* (реабилитация радиоактивно загрязненных территорий). М.. 208 с
- Volosovets, O.P., Kryvopustov, S.P., Volosovets, T.M., Abaturov, O.E., Kryuchko, T.O. (2019). Changes in health status of child population of Ukraine after

Chernobyl catastrophe. *Wiadomosci Lekarskie*, tom LXXII, Oct 31, 72(10), 1974-1976.

- Лашук, И.В. (2020). Уровень развития социальной инфраструктуры населенных пунктов в оценках молодежи, проживающей на территориях, пострадавших от аварии на ЧАЭС. *Неэкономические факторы устойчивого развития общества*. Минск: Беларуская навука. сс. 308-325.
- Лыч, Г.М., Патеева, З.Г. (1999). *Чернобыльская катастрофа: социально-экономические проблемы и пути их решения*. Мн.: Право и экономика. 296 с. 10.
- Тихонова, Л.Е. (2002). *Регулирование демографических процессов в Беларуси*. Мн.: БГУ. 264 с.
- Шахотько, Л. П. (1996). *Население Республики Беларусь в конце XX века*. НИИС, Минск. 251 с.
- Шимов, В.Н. (2003). *Экономическое развитие Беларуси на рубеже веков: проблемы, итоги, перспективы*. Мн.: БГЭУ. 229 с.

MIGRATION AND DEMOGRAPHIC CHANGES IN UKRAINE BEFORE AND DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Koshulko Oksana¹, Ph.D. in Economic Sciences, Associate Professor,
Lancaster University M.A. Degree in Economy and Society,
Polissia National University,
Zhytomyr city, Ukraine

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-14>

Abstract. *The article presents the results of research into migration and demographic changes taking place in Ukraine before and during the COVID-19 pandemic. The methodology of research consisted of primary and secondary sources of information. Primary data was collected for the April – December 2020 period, using semi-structured interviews by phone and the Internet, with Ukrainian labour migrants working in Italy, Spain, Germany, and Poland. The results of the interviews are coded from I_1 to I_15. Secondary data was collected from data from IOM Ukraine and the Internal Displacement Monitoring Centre (IDMC).*

The article also looks at factors that affected the demographic crisis in the country, as well as categorizing and analyzing labour migrants abroad before and during the Covid-19 pandemic.

The results of the article show that Ukrainian labour migrants continue to search for work abroad due to a difficult political and socio-economic situation at home and migration flows did not stop during the Covid-19 pandemic.

The main problem is that, due to the demographic crisis in the country, Ukraine continues to lose people of working age making the threat of demographic collapse more likely. To halt this the Government of Ukraine needs to create effective programs for labour migrants returning home, supporting young and large families. At the same time, the government needs to take measures to encourage an increase in the birth rate in the country.

Keywords: Migration, Ukraine, COVID-19, Census, Demographic Collapse.

JEL classification: E24, J610, F21, J11, R23.

Introduction. Migration flows from Ukraine continue to increase despite the pandemic of 2020-2021 because socio-economic indicators in the country have not improved in recent years. The problem is that Ukraine has faced a demographic collapse for many years and the COVID-19 pandemic only increased this threat. Ukrainians do not know the full extent of this demographic collapse because the last full census was conducted over 20 years ago, in 2001. This is unjustified negligence and deliberate silence about the catastrophic demographic crisis in which the country finds itself. The Covid-19 pandemic only made this catastrophic situation more serious.

At the same time, Ukraine continues to face other negative factors that are having a detrimental effect on the demographic situation in the country. These factors are explored in more detail in the article.

¹ © Koshulko Oksana, oksanakoshulko2015@gmail.com.

Literature review. Many experts and scientists have studied migration flows during and before the Covid-19 pandemic. The article “COVID-19 and labour migration of need, despair, poverty from Ukraine to Europe” (Koshulko and Dzholos 2021) presents the challenges facing Ukrainian labour migrants, working abroad during the pandemic. A second paper ‘The pandemic of 2020 and Ukrainian Labor Migration to Europe’ (Koshulko 2020a; Koshulko 2018a), presents the results of research into the situation in the country when large numbers of people were forced to work abroad in 2020 when the Covid-19 pandemic was very active. They went abroad for seasonal work.

Some international organizations have also explored the issue, in particular, IOM Ukraine. According to IOM Ukraine,

‘Experts estimate that there are approximately 3 million Ukrainian migrant workers abroad at any given time, the majority in Europe with Poland, Italy, the Czech Republic and, since recently, Baltic states being the main destination countries among the EU Member States. The COVID-19 outbreak and consequent business closures and economic slowdown are likely to cause a surge in returning migrant workers to Ukraine posing several protection concerns and placing further weight on the far-reaching socioeconomic impact of the pandemic’ (IOM 2020).

However, during the Covid-19 pandemic, migration flows from Ukraine did not reduce but continued throughout.

Methodology. The methodology of the research consisted of quality primary and secondary sources of information. Primary data was collected using semi-structured interviews with Ukrainian labour migrants who currently work in Poland, Italy, Germany, and Spain. Fifteen semi-structured interviews were collected during the Covid-19 pandemic from April to December 2020 by phone and internet. All the interviews received have been coded from interview 1, as I_1, to interview 15, as I_15. All the participants were informed and have agreed to the use of their information for academic purposes.

Secondary data was collected using data from international organizations, such as IOM Ukraine and the Internal Displacement Monitoring Centre (IDMC).

Results and discussions. Demographic changes in Ukraine before and during COVID-19 were significant because of the events in Ukraine in recent years. These changes led to the demographic crisis that Ukraine faces in the 21st century.

Some factors that impacted the demographic crisis in the country. One of the most important factors that impacted the demographic crisis in the country was the migration flow from Ukraine. These migrants included people who

were single or married, were labourers, students and intellectuals. (Koshulko 2018b; Koshulko 2020b).

The second most important reason was the demographic collapse that started at the end of the 20th century and becomes deeper every year. This has arisen because the death rate in Ukraine is higher than the birth rate.

The third reason was the occupation of Crimea, Donbas, and the Russian-Ukrainian war which started in 2014 and continues today. Many Ukrainians were killed, captured, or became refugees and asylum seekers, as well as internally and externally displaced persons (Koshulko 2018c; Koshulko 2019a; Koshulko 2019b).

According to data of the Internal Displacement Monitoring Centre,

'the current internal displacement situation in Ukraine started in March 2014. Following the annexation of the Autonomous Republic of Crimea by the Russian Federation, non-state armed groups seized parts of the eastern regions of Donetsk and Luhansk and declared independence in May that same year. Fighting between Ukrainian government forces and non-state armed groups in the east of the country has triggered mass displacement. No concrete solution to the conflict is in sight, making displacement increasingly protracted. Although clashes have reduced in recent years due to several ceasefire agreements, there were still around 734,000 IDPs at the end of 2020, the majority of whom had been displaced during 2014 and 2015' (IDMC 2020).

The fourth factor was the Covid-19 pandemic, which impacted badly on the demographic crisis in the country. Despite the Covid-19 pandemic, many Ukrainians went abroad to work, stay, or study. Labour migration from Ukraine did not stop. On the contrary, it has increased because employers in the rest of Europe need Ukrainian labour migrants despite the pandemic. In the author's previous research several categories of labour migrants abroad before and during the Covid-19 pandemic were characterized (Koshulko and Dzholos 2021):

'...These categories are defined and combined under the title 'Labor Migration due to Need, Despair, and Poverty.'

- *The first category of 'need and poverty' consists of those labour migrants pushed to work abroad due to the extreme poverty of their families in Ukraine. These people did not have a job in their native Ukraine, had only minimum savings for survival, and lacked any opportunity to meet basic needs in their home country;*

- *The second category of 'despair' consists of the migrants who sought work abroad to hide from the war and mobilization in Ukraine. This category excludes real refugees and asylum seekers who, as shown in case studies, sometimes survived miraculously during the first stages of occupation and war in Ukraine;*
- *The third category of 'needs' is the category of those migrants, who had a job in Ukraine before but went to work abroad seeking a better job and higher earnings in Poland or other European countries;*
- *The fourth category of 'need' is the migrants who seek not only higher pay in European countries but also want to enrich their lives by traveling in Europe and other interesting places worldwide' (Koshulko and Dzholos 2021).*

Results of the semi-structured interviews with Ukrainian labour migrants currently working in Poland, Germany, and Spain.

As mentioned above, primary data was collected from semi-structured interviews with Ukrainian labour migrants currently working in Poland, Germany and Spain. Fifteen of the semi-structured interviews were collected during the Covid-19 pandemic from April to December 2020 by telephone and various internet networks, such as Facebook and Instagram. The interviews have been coded from interview 1, or I_1, to interview 15, or I_15. All the participants were fully informed and agreed to the use of their information for academic purposes.

Two of the Ukrainian labour migrants (from I_1 to I_2) worked in Spain, two of them (from I_3 to I_4) worked in Italy, four of them in Germany (from I_5 to I_8), and seven in Poland (from I_9 to I_15).

These migrants went abroad to work during the Covid-19 pandemic in 2020 because they could not find a well-paid job in Ukraine during this difficult time.

In Spain, they worked as carers for the elderly, in Italy as badante (caretakers), in Germany in agriculture and Poland in factories.

The semi-structured interviews with them consisted of several questions about their reasons, motives and final results of their employment abroad.

The results of these semi-structured interviews show that all of them were of working age, the majority of them had worked as labour migrants before but during the Covid-19 pandemic were forced to go abroad again to work due to low wages unemployment at home.

Some of them were from the countryside and did not have a job at home. Others had no well-paid work so could not provide for themselves and their dependents during the pandemic.

During their employment abroad, some of them were deported for overstaying the permitted period. Other labour migrants continued legally in their host countries.

Conclusions. The article 'Migration and Demographic Changes in Ukraine before and during COVID-19' aims to analyze the migration and demographic situations in the country at the time of the Covid-19 pandemic and the socio-economic situation, resulting in the continuation of migration flows abroad.

The article also analyzes other factors that have harmed the demographic situation in the country, such as the occupation of Crimea and part of Donbas, the Russian-Ukrainian war in Donbas and the internal and external displacement of Ukrainians and Crimea Tatars.

Due to these factors, Ukraine today faces a demographic collapse and the Covid-19 pandemic can only make it deeper and more critical.

Indeed, it is very difficult to say at this point how deep this demographic collapse will be because the Ukrainian Government has not conducted a census in the country for 20 years. The last census was in 2001. This may be regarded as deliberate concealment of the critical demographic situation which is not just a crisis but threatens actual collapse in the country.

To start recovering from the critical demographic situation in the country the Government needs to consider very seriously how to create attractive programs for returning labour migrants, offering good salaries and new worker places in the depressed rural areas and small towns.

The Government should also think creatively about how to stimulate the birth rate in the country, generating attractive conditions for young parents and large families.

REFERENCES

- IDMC. (2020). Ukraine. Internal Displacement Monitoring Centre (IDMC). Retrieved from <https://cutt.ly/NQ7wIe5>.
- IOM. (2020). COVID-19 impact on Ukrainian migrants. IOM Ukraine. <https://cutt.ly/bQ42ZF0>.
- Koshulko, O. (2018a). The role and function of personal remittances of Ukrainian and Moldavian labour migrants for the development of Ukraine and Moldova. The University of Pitesti, Faculty of Finance-Accounting. Pitesti, Romania. *The Journal 'Contemporary Economy*, 3(1), 166-171.
- Koshulko, O. (2018b). Examination of the contribution of intellectual migration to the sustainable development of countries worldwide. Proceedings of the International Conference: Culture of Peace and Sustainable Development Education for Pre-school and Primary School.' 2nd Edition. Under the aegis of the National Romanian Commission for UNESCO, 14-22, Dimitrie Cantemir Christian University, Bucharest, Romania, 8-11 August.
- Koshulko, O. (2018c). The current position and recent experience of the children of labour migrants, internally and externally displaced persons, refugees and asylum seekers in Ukraine. *Refugee and migrant children's adaptation - theory*,

- research, praxis*, (ed.) U. Markowska-Manista, under the UNESCO patronage series: "Development and Social Adaptation of Children and Youth", Maria Grzegorzewska Pedagogical University. Warsaw, Poland. 62-76.
- Koshulko, O. (2019a). Exploring Issues of Internally Displaced Persons within Social Policy of Ukraine. Proceedings of the 14th International Conference on Theoretical and Applied Economic Policies 'Economic Growth in Conditions of Globalization: welfare and social inclusion,' National Institute for Economic Research. Chisinau, Republic of Moldova, October 10-11. II, 196-201.
- Koshulko, O. (2019b). Women's Roles during War and Occupation in Ukraine since 2013-2014. Proceedings of the 2019 RSA Central and Eastern Europe Conference 'Metropolises and Peripheries of CEE Countries: New Challenges for EU, National and Regional Policies, September 11-13. Marie Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland, 32-33.
- Koshulko, O. (2020a). The pandemic of 2020 and Ukrainian Labor Migration to Europe. Proceedings of the International Scientific Conference 'Management 2020', October 8-9. Faculty of Business and Law of the 'MB' University. Belgrade, Serbia, 81-83.
- Koshulko, O. (2020b). Intellectual Migration from Ukraine and Sustainable Economic Growth: Exploring Trends. Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference on Mechanisms for Sustainable Economic Development: Problems, Prospects, International Experience, April 23. Kharkiv State University of Food Technology and Trade. Kharkiv, Ukraine, 197-199.
- Koshulko, O., & Dzholos, S. V. (2021). COVID-19 and labour migration of need, despair, poverty from Ukraine to Europe. (Z. Cekerevac, Ed.) Faculty of Business and Law of the 'MB' University, Belgrade, Serbia. *MEST Journal*, 9(1), 61-67.

EFFECT OF MIGRATION ON HOSPITALITY INDUSTRY DURING COVID-19 ERA

Parmesh Dutt¹, assistant professor,
School of Hospitality & Tourism, Quantum University, INDIA

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-15>

Abstract: *As you know last year we faced an ample problem which is coming from China. It is responsible for job Loss, Life Loss & Migration due to Covid-19 fear from one state to other states. During this time what happened with a different type of business like the Hotel, Restaurant, and Travel industry. In this paper, we discuss migration Impact on Hospitality Industry & also learn about persons who worked in various states with Hotels, Restaurants & Travel & Tourism industry before covid-19 Era. After covid-19 everything changed these employees having lost their jobs because of Covid-19.*

Key words: Covid-19, Lockdown, jobless, food supply, Training & Placement.

Introduction. As you know that last year the Indian government face a very big problem that responsible for Death, lost business and any type of problem that comes from Covid-19. last year 21st March 2020 is the day that provides Indian people Lockdown. And it was very harmful full for humanity and that person who earn money daily basics from different type of restaurant and Hospitality in this country. Corona Virus and along with world economy the Indian economy is in a catastrophic collapse. The lockdown in India was initially introduced for 21 days date from 25 March to April 14 subsequently it increases till 3rd may as lockdown second, it further extended till 17th may as lockdown three, even after the fourth lockdown were declared for 18th May to 31st May 2020. During the lockdown, hundreds of decisions were delivered by the government and it changes as per the need of hours.

There are more than 140 million migrant laborers in India & they are working in a different types of fields in India. During Covid-19 they are fear of the Corona Virus and the lockdown decision which is the government decision for Humanity & those people who work outside of his home. And they are only hoping for his family. Due to lockdown toughened of people who work a different type of work like (Restaurant, Hotels, Travel & Tourism) and many people who worked for different states and company due to covid-19 they were come to Footpath because of Covid-19.

According to a World Bank report "The lockdown in India has impacted the livelihood of a large proportion of the country's nearly 40 million internal migrants. Around 50000-60000 moved from urban centers to rural areas of origin in the span of a few days." According to the data- 'COVID-19 crisis

¹ © Parmesh Dutt, parmeshdutt23@gmail.com, bhardwaj.parmesh@gmail.com.

through a migration lens'- during lockdown intercity migrating is about to two times. But in International Migration you saw that there is only one time it happened because of people lose their job, business man shut down his company who responsible for providing food and money to migrant population every month or every year. but everything changed because of covid-19 shut down (World Bank, 2020).

Effect of COVID-19 on Migrant Workers: Now all country know about the Novel Corona Virus and that place who is responsible for this kind of disease to humanity now a days it means china is responsible for covid-19 and strict Wuhan Lab is that place responsible for virus spreader all over the world. Other thing is that all medical professionals inform to WHO or Government if you want to stop covid-19 first take strict action population it means applied Lockdown for safe country long time and safe from virus. So that the Lockdown break the backbone of the Economy during this Crisis and it so harmful for Humanity. During this lockdown mostly Migration people lost a job and they also left their place during lockdown because of Money or Food. In India, the first case of covid-19 was on January 30, 2020, after the Indian government Lockdown his country for the next 21 days. During this lockdown Government and State Government stopped all type of companies, Coffee shops, Fast food centers, all type of Economy centers, also government take good decision for stop all type of events during lockdown because of covid-19. that is the big region India face this type of problem so long time because mostly population worked with Hospitality and Event Management Business so that these people went his birth place during lockdown. At that time all people who come for jobs in another state for money they feel very poor and also feel handicapped because of Lockdown. It a shocked NEWS for all type of Labor population who work different type of Companies and Hospitality Industry they are felling homeless, jobless & also felling Hope less during lockdown. These people loss there food, shelter, & also loss their wages that is the big region behind all migration will afraid for is family and friend. According to Indian NEWS, many people work in another Megacity for Money and family. Many migrants lost their lives either due to hardship on the way, hunger, accident, or comorbidity and some even committed suicide. According to the Indian Telephonic survey more than 3000 change their place from North center India by Jan has (2020) it shows that in India there is a large Number of population who work as a Daily wage it means they work for money and every day they earn money and that money provide food to that person every day time of lockdown, According to the Media report 42% were left their place due to Stock of food or you can say that there do not have a food stock for family and friends during lockdown. It means one third populations were stocked at proper destination due to food and shelter also they do not have money for House Rent. Remaining 94% workers do not have a workers ID card for works so that is the big region behind for Indian Migration during State

Wyse during Lockdown (Jan Sahas, 2020). Unexpected during lockdown millions of workers who work other states for money and food they started migration during lockdown. Those who were traveling were stacked for a long time they were stuck up at stations or state or district borders. According to Media visual during covid19 lockdown mostly workers forced to walk Thousands of Miles without any type of food, water, and also knowledge of how dangers of Covid-19 for humanity. According to data they went their home place with any type of information only Hope for public transport but all state stop all type of Public transport during lockdown. After that those who reached their home place they are going to ill because of treated by the police and locals with workers during lockdown (India Today, 2020).

Migration and Workload: Migration is a workload strategy adopted by millions of people in India. In India, mostly Migration People for work & employment are directed towards urban centers. About half of the urban population are migrants and one-fifth of them are inter-state migrants (See Fig. 1). Rural to urban migrants are mainly concentrated in 53 million-plus urban agglomerations (with one million and more) that comprises 140 million out of 377 million urban population of the country equivalent to 43 percent of the total urban population as per the 2011 Census. Out of 53 million-plus cities, eight of them are mega-cities with a population of 5 million and more (Table 1).

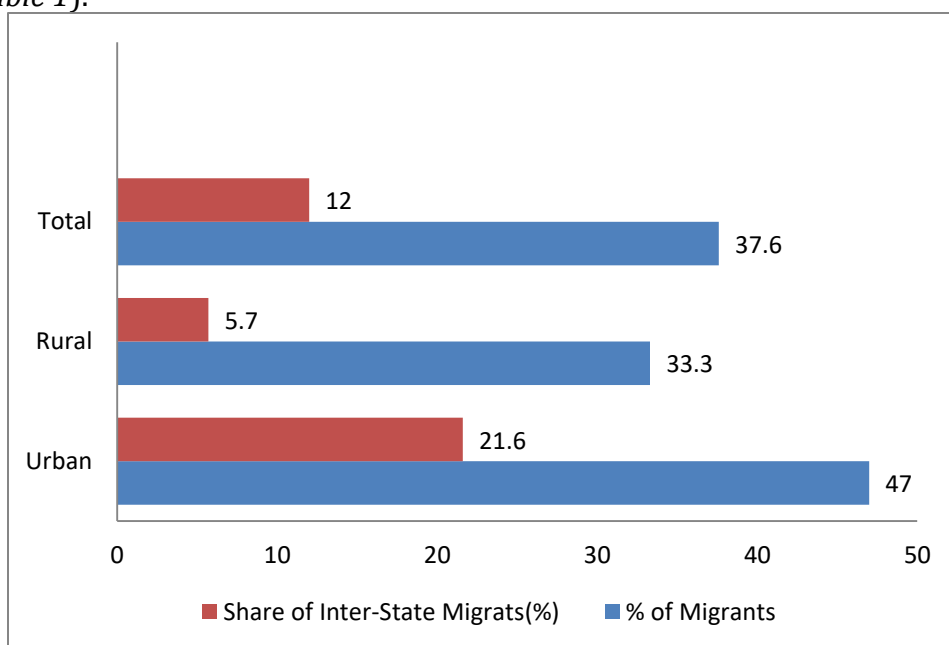

Figure 1. Migration Intensity and Share of Inter-State Migrants in Rural and Urban Areas, India, 2011

Source: D2 Migration Table, Census of India 2011 Source: D2 Migration Table, Census of India 2011

Table 1. Migration Intensity, Share of Inter-State Migrants and Covid-19 Cases in Mega Cities, India, 2011

Urban Agglomeration (UA)	Percentage of migrants to total population	% Share of inter-state migrants to total migrants	Number of COVID cases in the respective districts as on 13th April 2020 (Total Cases by district 6761)
Delhi	43.1	87.8	898
Greater Mumbai	54.9	46.0	880
Kolkata	40.8	18.2	29
Chennai	51.0	11.8	149
BruhatBanglore	52.3	35.1	71
Hyderabad	64.3	7.1	236
Ahmedabad	48.7	24.1	134
Pune	64.8	22.3	190
Urban India	47.0	21.6	Share of Covid 19 cases in these metro cities to total cases is 38 %

Source: Census of India 2011, D3 (Appendix) Migration Table, <https://www.mohfw.gov.in/pdf/DistrictWiseList354.pdf> accessed on 13th April, 2020)

As per the report on 13th, April 2020, these districts of eight megacities reported 250 New covid-19 Positive case¹. The prevalence of the Novel Corona Virus(Covid-19) it means those place who is a metropolitan area is the center of covid-19 case and that disease very fast. In India, asylum seeker are the spinal column. They work very hard without any type of policies. According to data Analyzes Out of 485 million workers in India about 194 million are belongs to regular or semi-regular workers (*Fig. 2*) according to Keshri & Bhagat report there are 15 million workers belongs to short-term or you can say that these workers belong to non-permanent and moving nature (Keshri and Bhagat, 2012). According to data during lockdown or Covid-19 has affected the most of the Indian people who work with different type of industry like food, tourism etc during lockdown. as per the report asylum seeker belong to that city & mega city of state rate were higher in high-income such as Delhi, Goa, Haryana, Punjab, Maharashtra, Gujarat, and Karnataka, whereas low-income states such as Bihar, Uttar Pradesh, Jharkhand, Rajasthan, and Odisha reported relatively higher rates of out-migration (*Fig. 3*).there are commanding incomer corridor within the country and State - Bihar to Delhi, Bihar to Haryana and Punjab, Uttar Pradesh to Maharashtra, Odisha to Gujarat, Odisha to Andhra Pradesh and Rajasthan to Gujarat (*Fig. 4*).

¹ <https://www.mohfw.gov.in/pdf/DistrictWiseList354.pdf>.

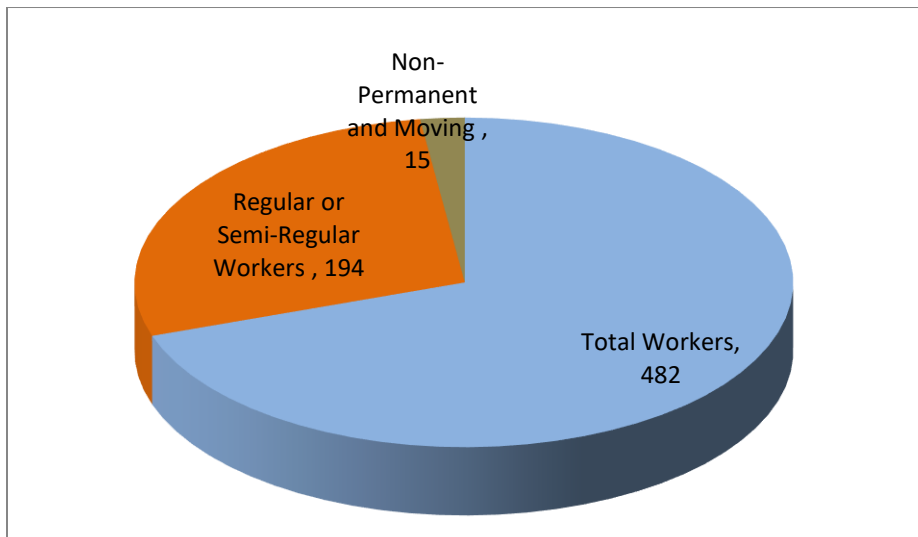

Figure 2. Stock of Migrant Workers, India, 2011, million person

Note: Total workers and total Regular or Semi- Regular Workers asylum seeker are based on B1 Economic Table and D6 Relocation Table of Census of India 2011. It includes both main and asylum seekers. Non-Permanent & Moving migration is the shortterm migration based on NSS 64th Round. Based on the rate of NSS 64th Round for the year 2007-08 it is projected for the census year 2011 (see also Keshri and Bhagat 2012).

During Covid-19 workers do not have any type of opposition for Food and Money and you can say that there is no opposition to food & employment and there is an expectation in higher economic improvement in the place of origin, labor migration takes place (Lall, Selod and Shalizi, 2006). According to NCEUS report, there is a different type of workers who come from his home for money and Food. But there are two types of workers who come for emplacement. In many types of cases, the workers stay in an urban area for a long time while in other cases, for some time workers come from one place to another place according to work and Money. If someone gives good money with the exchange of work so the workers change company and place acceding to time. The National Commission for Enterprises in the Unorganized Sector report provides information that around 92% of workers are being to informal labor that went from one place to another place for money and employment every year (NCEUS, 2007). Only 30% of workers are working as Day Laborer, are therefore quite vulnerable to the vagaries of the labor market, and lack social protection. Only 35% of Asylum Seekers belong to regular salaries (NSSO, 2010).

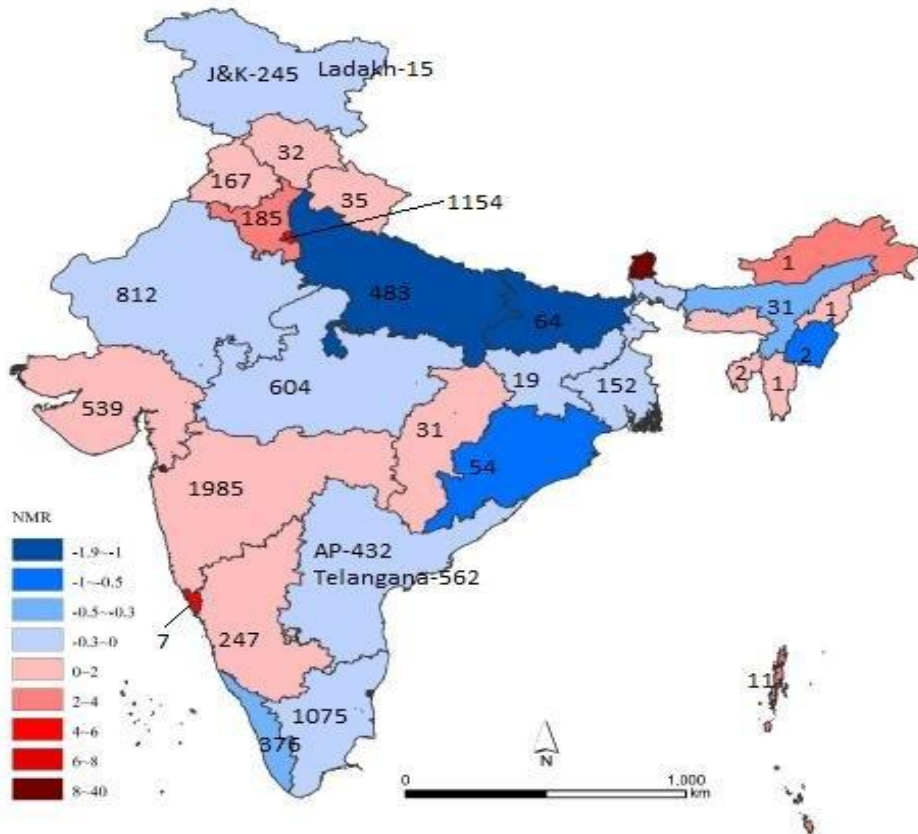

Figure 3. Net Migration Rates by State, five years to 2011 and Number of COVID Cases as on 13 th April, 2020

Note: Map of India as per 2011 Census. Source: Bhagat and Keshri (2020); <https://www.mohfw.gov.in> (COVID-19 State wise Status).

Coronavirus outburst can lead to a loss of employment for those who either work on short-term contracts or those who are without any job contracts. In this include different type of Business, Industry, or many more who responsible for providing food and Salter to the needy workers. For example Indian Tourism, Hospitality, Shops, Food Outlets/ Indian Dhaba, cleaner, waiters in restaurants, suppliers of vegetables and flowers to the hotels, and so on. Not only did these industries stop his work but also different types of companies like manufacturing and non-manufacturing stop his work according to government policies. Manufacturing industries such as cement, plastics, rubber, food products, and textiles would reduce substantial jobs. In India, there is a different type of Function going on every day but during covid-19 all type of markets and Malls who provide basic need to people it will be a closed due to covid-19. Most workers work with the Indian market without work the workers do not afford the house rent and food charge during covid-

19 that is the big region that is the big region mostly workers went his birthplace (R.B.Bhagat, et al, 2020). According to data in India, there are average wage earnings per day is only Rs. 314 to Rs. 335 among males nearly Rs. 186 to Rs. 201 among females during 2017-18 (Ministry of Statistics and Programme Implementation, 2019). That is the big region behind a large number of People Migrate one place to another place for Employment & Money for their family members.

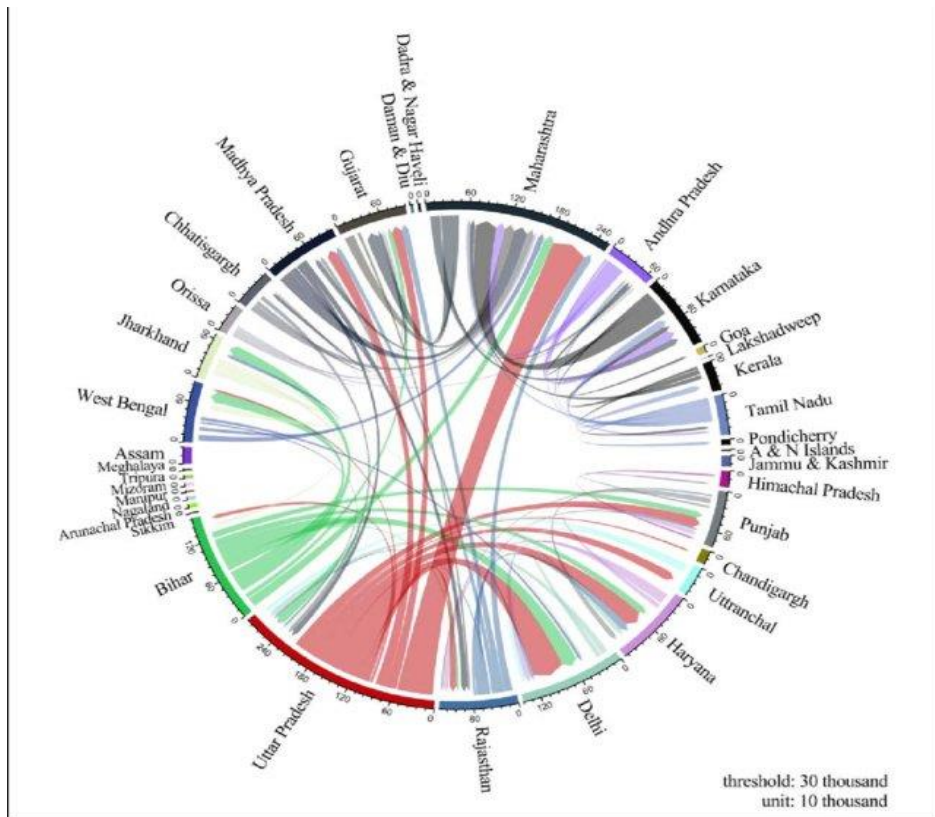

Figure 4: Circular plot of bilateral flows between States and Union Territories, measured over a five-year interval at the 2001 census

Note: Instructions to read circular plots: Each state and UT is assigned a color (for example UP: Red) and flow have the same color as the origin. There are fewer gaps at origin and large gap at destination. Width of flow lines indicates size of migration flow indicates size of migration flow. Each tic mark represents gross migration as shown in the legend.

In this paper, we discuss the objective that affects the Hospitality and tourism industry during Covid-19 or novel coronavirus.

Jobless: - At this point, I want to inform you that during covid-19 that is the region all that employee who work into Hotel's, Restaurant, travel & tourism industry and different field of the working area before covid-19 they loss is jobs. According to Thawar Chand Gehlot has recommended to the Indian government a slew of measures to encourage a lot of migrant workers, who

have returned or are returning to their native villages after losing jobs due to the Covid-19 lockdown, to come back to the cities and resume work (Valmiki Rama Krishna & Dr. Mahalinga K). Due to covid-19, there is some employee who worked with a different type of hotels and restaurants but due to covid-19, they lose their job. The Indian government announced lockdown for all country that is the region some hotel and resurgent will not able to pay employee salary on time that is the region employee did not survive with their family members. It means covid-19 responsible for Unemployment for Humanity.

Break up International Tourism:- India is a color full country & also India only country there is a big population under 20 to 45 so it means Indian love to go outside for party and family function with his family and friends. It is an Indian desire to go outside with his family & Friends for fun exploring the world. But it happened before coming covid-19. After covid-19 everything going to change. During covid-19 the tourism sectors were affected directly. During covid-19 many employees belong to the Hospitality industry they did not go outside from their country due to covid-19. Because of the big lockdown many hotels, restaurants; airlines are already at a loss. So that person who works with travel & tourism industry they are no able to pay for international tourism. It means during covid-19 if there is no money so the employee cannot survive to this country/ state in this case the people migrate to home for his family during covid-19(Sujay Vikram Singh & Kuldeep Singh).

Economics Crisis:- As you that in this world there are many types of viruses that come to humanity to spoil his life during this time but it has not happened such as a Flu of 1918 which is come from Spanish, the wave of HIV/AIDS, Severe Acute Respiratory Syndrome, Middle East Respiratory Syndrome & Ebola. If we saw a past time India also face the different type of Flu-like such as smallpox, plague, and polio. All type of virus is responsible for Health damage & Economy Crisis because they directly affect the country economy. However, the novel coronavirus which is originated in China in December 2019, and after some time he is responsible for all types of problems that belong to Covid-19. Due to covid-19 Governments close their business and all type of work due to covid-19. many employees lose their business during covid-19. due to covid-19, all type of hotel, restaurant, travel & tourism industry loosed their business during lockdown so that Employee who worked with Hospitality or other Business they lose Job during this lockdown after covid-19 there is no job in hotels, travel and tourism, restaurants, etc. (Mahendra et. al, 2020).

Hospitality Marketing:- As you know all business based on two types one is his staff & second how much investment for his business for growth for a long time. It means Hospitality & Marketing are two sides of one coin. If you will not taking care of marketing so your business will be going down daily. If hotel & restaurant will not marketing his business so business not works properly

before covid-19 Hotel & restaurants use a different type of marketing e.g. photoshoots, inviting a chief guest for opening, & also templates who providing information to guest for new opening hotels and best offers for guest. During the novel coronavirus, the hotel does not provide offers to the guest. After that hotel business was going too deep and deep there is no earning source of money. It means these people who work with a marketing team who help to hotel & restaurants and his marketing daily one time and providing different type of offers to the guest with the help of templates, newspapers, and marketing team. They're not working during covid-19. Due to this region mostly the population migrate from one place to another place during Lockdown. There is no money for his family and friends. With the help open letter from Gloria Guevara, President and CEO of the World Travel and Tourism Council, "50 million jobs globally are at risk" because the pandemic is not good for human life after covid-19 (Yangyang, 2020).

Training & Placement:- India is a very beautiful country and also a lot of population belong to 18 to 45 age it means India have very big population belong to young and ready to work. Indians want to do something different in their life means innovative ideas, work, or something else which belongs to work who provide money for his food & now a day's money is a major thing without money we cannot manage the thing and handle the problem. In India, there is a hospitality industry who growing very fast & its growth is 25% - 30% annually & also informs you that this is the second-largest growing industry after the USA which is at \$70 Billion (Arya et. al, 2021). It means in India mostly population belong Job holder and there are working with the Government sector, Private Sector. Before covid-19 every hospitality school was happy because his students who belong to Hospitality management they are placed very well and also mostly hotel and tourism sector come to campus for selection the students who want to come hostel and travel industry. But after covid-19 everything is changed because the hotel was not able to pay the money to his employee. And garment announces lockdown in India. Most population work with hospitality and tourism industry different type of place like Job training, Industrial training, management training, etc. during covid-19 mostly hotel not afforded the employees very long time so that employee was migrated one place to another place without food and with any help(K.Anoop, 2020). The Covid-19 pandemic has to date affected all around the world, infecting 7 billion people and taking four hundred thousand lives so far, with the infection multiplying unabated (WHO COVID-19, Dashboard).

Indian Dhaba:- In India, there is a very big population living. They work every day for his family and friends. Mostly the population belongs to the non-government sector nowadays. They earn money daily basic and lives his life according to family & Friends. In India there is only one tourism available all over the world there is no opposition for food and service very cheap price. Dhaba system belongs to the private sector but he is responsible for providing

food to tourists with very low prices and a good test. you can say that only India has a Dhaba & also inform you that The private sector sells 95 Percent of all purchased food, while only Five Percent Direct comes from the Indian government via the (PDS-public distribution system) (Thomas, 2020). during covid-19 everything changed. Now you can see not buddy go to Dhaba for any function or party with his friend and family. In India, if there is a family function or friend birthday party so they will go outside for a birthday party on Dhaba with his friends but lockdown or Covid-19 changed everything every person lock his home last one year without any family function and his friend birthday party. It means during covid-19 Dhaba tourism also affect directly. Because most people work with Dhaba like chef, serviceman, gateman, food vendor, etc. they are suffering during covid-19. After that most people who belong to Dhaba, they were left the Dhaba due to monthly salary. During covid-19 Dhaba was closed they did not earn money from sale food so the mostly Dhaba owner was not able to pay monthly salary during covid-19. So the employee who worked with Dhaba left the job and migrate to his birthplace during covid-19.

Indian food & Hospitality Sector:- India is the country that provides many types of Pronunciation in this world like milk Pronunciation, and any type of vaccine provides to the world. And also inform you that India provides a different type of food provider country like Wheat, Rice, Corn and many more & also India provide tea and herbs and spices to the world. But during covid-19 mostly of business closed because government informed to the population about the lockdown so the hotel, restaurants and travels and tourism industry did not buy any type of product from village peoples. It means directly effort the farmer's life who farming for his family and money. Most hotels and restaurants buy vegetables directly from the farmer. During lockdown there is no Hotel open, no restaurant open, there is no guest. If the guest will come to the hotel so the hotel buys vegetable from village provide vegetable to the food industry. Also on the form you that many people who worked with Indian farmer they left his place during covid-19 & they migrate his birthplace (Masih Jolly et al).

Conclusion:-The Covid-19 has given us a graphic and Economic description of how one side we save the people during covid-19. But other image people forced by the time and situation they left their home due to Money, food, shelter, and Business during the lockdown. that is the big reason behind the migration during covid-19. The middle-class family is the only family or people who play a very important role to create good economic at the second time these feel not good that place during covid-19. In India, all mega-city made by the businessman and Labor or Middle-class population but during lockdown all people who belong to Labor and Middle class they feel "APNA GHAR AAKHIR GHAR HI HOTA HAI".

REFERENCES

- Neelima P. Warke, Prashant S. Warke.(2020). INDIA WALKING: THE LABOUR MIGRATION DUE TO COVID 19. *Mukt Shabd Journal*, Vol. IX, Issue VI, JUNE/2020. ISSN NO : 2347-3150.
- World Bank. (2020, April 16). Lockdown in India has impacted 40 million internal migrants: world bank. <https://www.thehindu.com/news/international/lockdown>.
- Valmiki Rama Krishna* & Dr. Mahalinga K. (2020). Covid-19 and Returning Migrants to Villages: States Responses and Responsibility. *Mukt Shabd Journal*, Vol. IX, Issue VI, JUNE/2020. ISSN NO: 2347-3150. <http://shabdbooks.com/gallery/646-june2020.pdf>.
- Sujay Vikram Singh & Kuldeep Singh. Migrants Workers in Tourism and Hospitality Industry: Effect of COVID-19.
- S. Mahendra Dev and Rajeswari Sengupta. (2020). Covid-19: Impact on the Indian Economy. Indira Gandhi Institute of Development Research. Mumbai April 2020, WP-2020-013. <http://www.igidr.ac.in/pdf/publication/WP-2020-013.pdf>.
- Jiang, Y., & Wen, J. (2020). Effects of COVID-19 on hotel marketing and management: A perspective article. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, 32(8), 2563-2573. <https://doi.org/10.1108/IJCHM-03-2020-0237>.
- Arya, K. Ravi, Gupta R. Ritik, Kumar Jatin, Tanay Shubham, Dough Rav. (2021). How COVID-19 Brought Indian Wedding Industry to a Halt? *International Journal of Management and Humanities (IJMH)*, Vol. 5, Issue-5. ISSN: 2394 – 0913.
- Anoop, Khanna. (2020). Impact of Migration of Labour Force due to Global COVID-19 Pandemic with Reference to India. Indian Institute of Health Management Research. *Journal of Health Management*, 22(2), 181–191.
- Rajani, Suresh, Justine James & Balraju R.S.j. (2020). Migrant Workers at Crossroads– The Covid-19 Pandemic and the Migrant Experience in India. *Social Work In Public Health*, Vol. 35, 7, 633–643. <https://doi.org/10.1080/19371918.2020.1808552>.
- Bhagat, R. B., Reshmi, R. S., & Sahoo, H. (2020). The COVID-19, Migration and Livelihood in India. *A Background Paper for Policy Makers*. Mumbai, India: International Institute for Population Sciences.
- Reardon, Thomas. (2020). COVID-19's Disruption of India's Transformed Food Supply Chains.
- Crop,M.Jolly, Mohit, S., Rajkumar, R. COVID-19 Impact on Indian Food and Hospitality Sector with Specic Reference to Potato.
- Sahas, Jan. (2020). Voices of the Invisible Citizens: A Rapid Assessment on the Impact of COVID-19 Lockdown on Internal Migrant Workers. April, New Delhi.
- Kehsri, Kunal and Bhagat, R.B. (2012). Temporary and Seasonal Migration: Regional Pattern, Characteristics and Associated Factors. *Economic and Political Weekly*, Vol. 47, 4 (January 28), 74-81.
- India Today. (2020). <https://www.indiatoday.in/india/story/coronavirus-migrants-sprayedwithdisinfectants-on-road-in-up-bareilly-dm-assures-action-1661371-2020-03-30>.

- Lall, V., Selod, H. and Shalizi, Z. (2006). Migration in Developing Countries: A Survey of Theoretical Predictions and Empirical Findings. Working Paper Series, May 1, 2006. World Bank. *Policy Research Working Paper*, no. 3915.
- NCEUS. (2007). Report on Conditions of Work and Promotion of Livelihoods in the Unorganised Sector, National Commission for Enterprises in the Unorganised Sector, Govt. of India, New Delhi.
- NSSO. (2010). Migration in India 2007-08, Ministry of Statistics and Programme Implementation, Govt. of India, New Delhi.
- Bhagat, R.B. (2020). The COVID-19, Migration and Livelihood in India. International Institute for Population Sciences. Mumbai. April 14, 2020.
- Ministry of Statistics and Programme Implementation. (2019). Annual Report Periodic Labour Force Survey (PLFS), 2017-18. National Statistical Office, Government of India, New Delhi.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО В ИССЛЕДОВАНИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ: ПРИМЕР УКРАИНЫ

Майданик Ирина ©¹, к.соц.н., старший научный сотрудник,
Институт демографии и социальных исследований им. М.В. Птухи
НАН Украины

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-16>

Abstract. *International migration is an important component for the socio-economic development of contemporary Ukraine. Scientists have developed a wide range of approaches to its analysis. Nevertheless, migration studies through the time prism are currently at their initial stage. In terms of temporal concepts, the humanities use ideas about social and economic time which are not similar to its astronomical understanding. Temporal modes of the past, present and future are basic elements in the glossary of social processes temporal analysis. The purpose of this article is to explore the international migration of Ukrainians within the temporal approach, to identify significant relationships between the past, present and future in order to develop an in-depth understanding of migration. This publication uses methods of analysis, synthesis, abstraction, comparison; illustration of the main ideas is based on empirical data collected through sociological and statistical methods. The analysis showed that despite the wide spread of temporal variables in migration their presence is often neglected by both scientists and migrants. Even the action of moving abroad is itself a transformation of present life activity to improve various aspects of the future quality of life. The increased orientation of migrants towards the future (i.e., towards achieving the plans underlying the motivation for employment abroad) often shapes the conditions of stay in the destination countries. Thus, labor migrants from Ukraine who went abroad to maximize income, strictly saving their earnings in destination countries to accumulate funds for remittances home. Migration money are spent to satisfy needs of household members left behind at the present time (i.e., while migrants are abroad), and are also aimed at creating a material basis for maintaining the future quality of life for migrants after they return home.*

Keywords: migration, international migration, Ukraine, temporality, past, present, future.

JEL classification: J61, J22.

Введение. Начиная с эпохи А. Эйнштейна, время называют четвертым измерением реальности, поскольку ничто во Вселенной не может существовать вне времени: это касается как физических, так и социально-экономических, психологических и других процессов. Человеческое мышление всегда протекает в пределах некой временной конструкции, поэтому обращение к темпоральной² тематике является актуальным для любых научных дисциплин, представители каждой из которых обогащают понимание природы времени за счет собственного инструментария. Астрономическое время нередко противопоставляют

¹ © Майданик Ирина, Sulamif3@gmail.com.

² Понятие темпоральность происходит от латинского слова «tempus», означающего время.

социальному объясняя это отличие присутствием качественных характеристик у последнего. Изучение миграций через временную призму вызывает особый интерес, поскольку они являются движением в пространстве, а философские категории «движение» и «пространство» неразрывно связаны с категорией времени.

Обзор литературы. Изучение миграционной темпоральности - новое направление исследований в социальных науках. Основа дискуссии в названной области заложена в книге бразильского социолога Саула Квернер "Времена миграции: исследования темпоральности иммиграционного опыта" (Cwerner, 1999). Через два года после выхода в свет упомянутой монографии «Журнал этнических и миграционных исследований» (Journal of Ethnic and Migration Studies) опубликовал статью этого автора с почти идентичным названием «Времена миграции», где в сконцентрированном виде отражены основные идеи книги.

Более чем через десять лет после публикации вышеуказанной статьи С. Квернера вышла в свет еще одна знаковая работа, где выделены и тщательно проанализированы различные аспекты взаимосвязей между временем и миграциями. Речь идет о статье «Миграция, время и темпоральность: обзор и перспективы» авторского коллектива в составе М. Гриффитс, А.Роджерса и Б. Андерсон, развившего наработки бразильского социолога (Griffits et al, 2012). Среди более поздних работ, в русле этой тематики, статья Ш. Робертсон (Shanti Robertson) «Темпоральности международной миграции: подтексты для этнографических исследований» привлекает внимание своей основательностью.

Методы и данные. В представленной публикации используются методы анализа, синтеза, абстрагирования, сравнения. Иллюстрация основных идей базируется на эмпирических данных, собранных с помощью социологических и статистических методов. Эмпирические данные, используемые в этой статье, получены в ходе Всеукраинского обследования трудовой миграции (ОТМ), являющегося на сегодняшний день наиболее масштабным и достоверным исследованием, проведенным в Украине, по миграционной тематике. Оно проводилось трижды – в 2008 г., 2012г. и 2017 г. Государственной службой статистики Украины как дополнительный модуль выборочного обследования экономически активного населения (домашних хозяйств), где выборка формируется путем многоэтапной стратифицированной процедуры отбора. Размер выборки обеспечивает репрезентативность данных для всего населения Украины. Из 26,7 тысяч домохозяйств, отобранных для ОТМ-2017, были опрошены 21,7 тысячи. В число этих домохозяйств входило 40,5 тысяч человек в возрасте от 15 до 70 лет.

Результаты. Экономическая наука до недавнего времени не рассматривала категорию времени в качестве отдельного объекта исследования. В последнее время интерес к временной тематике усилился. Существующие работы свидетельствуют о множественном проявлении экономического времени. Временные модусы прошлого, настоящего и будущего являются важной составляющей темпоральной дискуссии. Через призму этих категорий рассматривается сущность процесса изменчивости, проблема обратимости времени. Статическая и динамическая концепции времени по-разному объясняют эти проблемы. Статическая концепция не принимает во внимание поступательный ход времени, выражающийся в последовательной смене прошлого, настоящего и будущего, что привело к идее существования универсальных физических законов, действующих во все времена. В соответствии с базовой предпосылкой динамической концепции, прошлое трансформируется в настоящее, настоящее базируется на прошлом и существует здесь и сейчас, будущее возникает из прошлого и настоящего (Желаева, 2015).

Взаимодействие прошлого, настоящего и будущего особым образом проявляется в миграциях населения. С. Квернер описывал механизм разъединения мигрантов с их прошлым, вступающий в силу после прибытия в страну назначения (Cwerner, 2001). В таком случае прошлое человека ассоциируется с родиной или страной предыдущего проживания, а новое место предоставляет пространство и возможности для построения настоящего и движения в будущее.

Эмпирические данные о процессах внешней трудовой миграции украинского населения дают возможность выявить некоторые формы взаимосвязей между временными модусами прошлого, настоящего и будущего. Внешняя трудовая миграция из Украины на протяжении длительного времени была наиболее распространенным миграционным потоком. После оккупации Крыма и военной эскалации в Донецкой и Луганской областях в стране появилась значительная когорта внутренних переселенцев, по своей численности достигающая масштабов трудовой миграции за рубеж. Однако зарубежная занятость не теряет при этом своей значимости.

Данные, полученные из ОТМ, показывают, что в течение периода, охваченного этим исследованием, масштабы трудовой миграции за рубеж практически не менялись. Согласно результатам первой волны ОТМ, в течение двух с половиной лет до проведения опроса за рубежом работали 1,5 млн. украинцев, во втором раунде ОТМ соответствующий показатель уменьшился до 1,2 млн, в третьем он составил 1,3 млн. Период современной нестабильности, вызванный пандемией COVID-19, существенно влияет на потоки международной миграции. По оценкам МОМ, общее количество трудовых мигрантов, вернувшихся в Украину в

течение четырех месяцев после объявления карантина, составило 350-400 тыс. человек. Однако после некоторого уменьшения, масштабы зарубежной занятости начинают восстанавливаться. Об этом, в частности, свидетельствуют данные об официальном трудоустройстве за рубежом через посреднические агентства, а также о наращивании объемов денежных переводов. По данным Национального банка, в течение января - мая 2021 в Украину поступило на четверть (25,4%) больше переводов, чем на протяжении соответствующего периода предыдущего года.

Географическое расположение Украины обуславливает диверсификацию направлений внешней трудовой миграции. Основными странами-реципиентами являются Польша, Россия, Италия, Чехия, Португалия и Венгрия. Более двух третей мигрантов – это мужчины. Распределение между разными возрастными группами приблизительно одинаковое.

В основе миграционной мотивации населения лежит естественное желание людей улучшить свое качество жизни. Отличительная особенность качества жизни мигрантов выражена в специфике распределения их ресурсов между временными модусами настоящего и будущего. Представители этой группы довольно часто соглашались на существенное ухудшение текущего благосостояния ради лучшего будущего для себя или потомков. Существует много примеров такого смещения акцентов: путешествия в нечеловеческих условиях, связанные с не задокументированным пересечением границ, тяжелый труд и плохие условия проживания в период первичной адаптации в новой стране, ситуации, когда большинство заработанных средств направляются на родину в виде переводов и тому подобное. Согласно результатам третьего раунда ОТМ, более трех четвертей трудовых мигрантов из Украины, находясь за рубежом, тратили меньше 25% заработанных средств. Более половины заработанного тратили меньше 2% иностранных работников. В предыдущих раундах ОТМ наблюдалась аналогичная ситуация. Сэкономленные средства могут инвестироваться в улучшение будущего благосостояния (самих мигрантов и значимых для них людей) и текущего благосостояния последней группы. Темпоральная терминология описывает эти модусы понятиями синхронности, когда периоды накопления ресурсов и их использование осуществляются одновременно, и хронологии, когда они разворачиваются друг за другом. Первая категория действует в пределах временного модуса «настоящее», вторая направлена в будущее.

Эксперты ОЭСР обращают особое внимание на устойчивость благосостояния во времени, рассматривая нынешнее благополучие людей как ресурс для поддержания их будущего качества жизни через

сохранение природного, экономического, человеческого и социального капитала. Парадоксально, но чрезмерная концентрация мигрантов на будущем, пренебрежение современным состоянием является фактором риска для грядущего. Сотрудничество с сомнительными перевозчиками, занятость на предприятиях с вредными и опасными условиями труда, недостаточный отдых может привести к необратимым изменениям в здоровье, увечьям и даже смерти. Вместе с тем иногда наблюдаются обратные ситуации чрезмерного фокусирования на настоящем времени, в частности в случае использования денежных переводов, которые в основном направляются на текущее потребление. Такое поведение также ставит вызовы будущему благосостоянию, поскольку не используется инвестиционный потенциал этих средств. Неспособность превратить заработанные за рубежом средства в источник постоянного дохода на родине подталкивает к продолжению зарубежного трудоустройства. Таким образом, разбалансировка внимания между временными модусами настоящего и будущего является одним из рисков для благосостояния мигрантов.

Выводы. Природа трудовых миграций населения разнообразна и динамична. Использование темпорального подхода позволяет глубже проникнуть в сущность этих процессов. Изучение взаимодействия прошлого, настоящего и будущего в ходе проживания миграционного опыта осуществляется через призму динамической концепции понимания времени. Взаимоотношения разных временных модусов значительно влияют на качество жизни, как самих мигрантов, так и членов их семей.

Литература

- Cwerner, Saul. (1999) *The Times of Migration: A Study of the Temporalities of the Immigrant Experience*. University of Lancaster.
- Cwerner, Saul. (2001) *The Times of Migration*. *Journal of Ethnic and Racial Studies*, 27(1), 7-36.
- Griffiths M., Rogers A., Anderson B. (2013) *Migration, Time and Temporalities: Review and Prospect*. https://www.compas.ox.ac.uk/wp-content/uploads/RR-2013-Migration_Time_Temporalities.pdf.
- Желаева С. Э. (2015) Концепция экономического времени в развитии методологии экономической теории. *Вестник Института Экономики Российской академии наук*, 4, 63-79.
- Зовнішня трудова міграція населення України (2009). УЦСР, Держкомстат України.
- Звіт щодо методології, організації проведення та результатів модульного вибіркового обстеження з питань трудової міграції в Україні. (2013). Міжнародна організація праці. Група технічної підтримки з питань гідної праці та Бюро МОП для країн Центральної та Східної Європи.

Зовнішня трудова міграція населення (за результатами модульного вибіркового обстеження). Статистичний бюлетень. (2017). Державна служба статистики.

МОМ підтримує безпечну та впорядковану мобільність трудових мігрантів через кордони. (2020). МОМ.
https://iom.org.ua/sites/default/files/labour_migration_position_paper_ukr.pdf.

Грошові перекази в Україну цьогоріч зросли до \$5,1 млрд (2021) Financial club.
<https://finclub.net/ua/news/hroshovi-perekazy-v-ukrainu-tsohorich-zrosly-na-usd5-1-mlrd.html>.

ОЦЕНКА РОЛИ МЕТРОПОЛИСОВ В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В УКРАИНЕ

Позняк Алексей ©¹, канд. экон. наук, зав. сектором миграционных исследований,
Институт демографии и социальных исследований имени М.В. Птухи
НАН Украины

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-17>

Abstract. *The article is devoted to the assessment of the contribution by cities, which are metropolises, to the formation of flows of external migration (both emigration and immigration) in Ukraine during the period of independence under conditions of limited initial data. The cities of Kyiv, Kharkiv, Odessa, Dnipro and Lviv (until 2014 – also Donetsk) are considered as metropolises of Ukraine. The relevance of the study is due to the significant role of the respective cities as the main centers of gravity for migrants from abroad, on the one hand, and important centers for the formation of departure of Ukrainian citizens for permanent residence in other countries. The purpose of the study is to identify the contribution of metropolitan cities to the formation of the migration situation in Ukraine and, in particular, to the dispersal of irregular migrants across the country. The methods are abstract-logical, systematic approach, expert assessments and also the method of complex use of information from various sources.*

The dynamics of external migration in Ukraine and the role of metropolises in emigration and immigration have been investigated. It is shown that metropolises make the main contribution to the development of external migration flows associated with a change in place of residence (the so-called "stationary" migration), moreover, in these processes the importance of such cities increases while, at the same time their role in the external labor migration remains relatively small. The estimation of the number and proportion of irregular migrants in Ukraine, concentrated in the metropolises, has been carried out.

Keywords: *migration, irregular migration, labor migration, migration in metropolises, migration situation in Ukraine, metropolises' contribution to of external migration flows formation.*

JEL classification: *J110, J610.*

Введение. Метрополисы Украины – это города, чья роль выходит за рамки регионов, центрами которых они являются, и чье влияние распространяется на соседние территориальные подразделения. Они концентрируют большое количество населения, являются системообразующими центрами для определенных отраслей экономики страны, играют значительную роль в развитии социальных, в частности, демографических процессов в Украине. В качестве метрополисов Украины рассматриваются города Киев, Харьков, Одесса, Днепр и Львов (до 2014 г. – также Донецк).

¹ © Позняк Алексей, olex_poznyak@ukr.net.

Статья посвящена оценке вклада городов, являющихся метрополисами, в формирование потоков внешней миграции (как эмиграции, так и иммиграции) в Украине в период независимости в условиях ограниченности исходных данных. Особое внимание уделено миграционным процессам после 2014 г. Актуальность исследования обусловлена значительной ролью соответствующих городов как основных центров тяготения для мигрантов из-за рубежа, с одной стороны, и важных очагов формирования выезда граждан Украины для постоянного проживания в другие страны.

Обзор литературы. В мировой научной литературе проблемам больших городов и, в частности, миграциям их населения уделяется достаточно много внимания. В 2017 г. был подготовлен специальный международный доклад, посвященный влиянию миграции на развитие крупных городов (World Economic Forum, 2017). Из исследований, проведенных в Украине, в первую очередь следует отметить работы специалистов Института региональных исследований им. М.И. Долишнего НАН Украины (Miller, 2016). Однако в научных работах украинских ученых в основном рассматривается внутренняя миграция в крупные города и их пригородную зону в контексте развития урбанизационных процессов. Проблемам внешней миграции в таких городах должного внимания не уделяется.

Данные и методы. Цель исследования – выявить вклад городов-метрополисов в формирование внешних миграционных контактов Украины и, в частности, в рассредоточении неурегулированных мигрантов по территории страны. Используются методы абстрактно-логический, системный подход, экспертных оценок, метод комплексного использования информации из различных источников.

В работе использованы данные Государственной службы статистики (Госстата) Украины, Государственной миграционной службы (ГМС) Украины, а также данные специальных исследований. К сожалению информация на уровне отдельных городов, в т.ч. метрополисов, весьма ограничена, что обуславливает необходимость использования косвенных оценок для выявления вклада метрополисов в формирование потоков внешней миграции в стране.

Результаты и дискуссии. В метрополисах Украины уже много лет наблюдается стабильная тенденция к превышению прибытия внешних мигрантов над их выбытием (речь идет о т.н. стационарной миграции, связанной с регистрацией/снятием с регистрации по месту жительства и фиксируемой государственной статистикой). В целом крупные города и, особенно метрополисы играют ведущую роль в формировании межгосударственных миграционных потоков. Эта закономерность проявилась еще в первые годы независимости, когда произошел всплеск миграции за пределы бывшего СССР. Так, в 1994 г. шесть городов-

метрополисов, составляя лишь 16% от общей численности населения нашего государства, обеспечили более половины от общего числа выбывших в страны т.н. «дальнего (или старого) зарубежья» (миграционный обмен населением с бывшими республиками СССР в то время еще не приобрел признаки полноценной межгосударственной миграции).

Роль метрополисов в формировании потоков внешней миграции в период после мирового финансово-экономического кризиса возрасла, сейчас они обеспечивают более половины межгосударственного миграционного оборота страны. Если на рубеже первого-второго десятилетия XXI века метрополисы (включая Донецк) обеспечивали около пятой части всех выбывших из Украины и четверть выбывших из городских поселений, то в 2013 г., накануне иностранной агрессии – соответственно 48,8 и 54,5%. По данным 2019 г. на пять городов-метрополисов (без Донецка, утратившего метрополийные функции в 2014 г.) приходилось 47,0% от общего объема эмиграции и 56,0% объема выезда горожан за границу (Рис. 1).

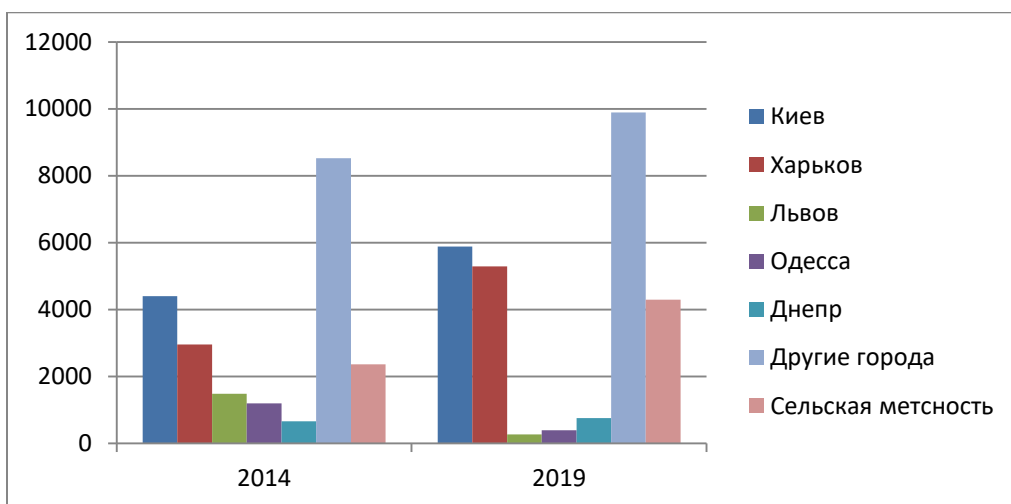

Рисунок 1. Динамика количества выбывших за пределы Украины из метрополисов и других поселений, 2014-2019 гг.

Источник: по данным Госстата Украины

Значение метрополисов для формирования потока прибытия из-за пределов Украины еще более весомо (рис. 2): если в 2009 году шесть городов-метрополисов обеспечивали 26,4% общего потока прибывших межгосударственных мигрантов (или 35,1% внешних прибывших в города Украины), то в 2013 – 41,6% (соответственно 48,6%). Доля пяти городов-метрополисов в формировании прибытия с 2014 по 2019 г. выросла с 43,8% до 58,6% (в прибытии в города – с 51,6% до 66,1%).

К сожалению, данные по объемам миграции населения за 2020 г. в доступны только по трем из пяти современных метрополисов Украины (Киеву, Харькову и Одессе). По Львову и Днепру, есть информация только по соответствующим горсоветам: Львовский горсовет, кроме Львова, включает еще три поселения – один город и два пгт (суммарно – 4,2% населения горсовета на начало 2020 г.), горсовет Днепра – один пгт (чуть более 0,2% населения горсовета) (SSSU 2020).

Если определить вероятные объемы прибытия и выбытия во внешней миграции для Днепра и Львова, исходя из вклада городов в формирование соответствующих потоков по их горсоветах в предыдущие годы, то суммарную долю пяти метрополисов в формировании эмиграции из Украины в 2020 г. можно оценить в 66,2%, эмиграции из городских поселений Украины – в 71,8%. Доля метрополийных городов в формировании потока иммиграции в целом в Украину составила 60,6%, в городские поселения страны – 69,7%. То есть в условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19, роль метрополисов во внешних миграционных контактах резко усилилась.

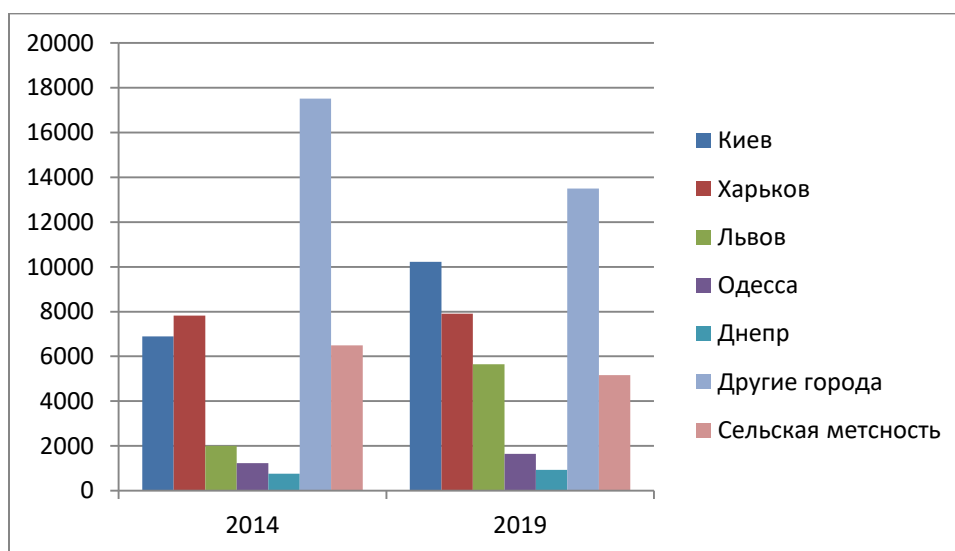

Рисунок 2. Динамика количества прибывших из-за пределов Украины в метрополисы и другие поселения, 2014-2019 гг.

Источник: по данным Госстата Украины

При этом, однако, статистика регистрации/снятия с регистрации по месту жительства не учитывает ряд видов миграционных перемещений, в частности внешнюю трудовую миграцию, достигшую в Украине значительных масштабов. Лишь трижды (в 2008, 2012 и 2017 годах) Госстатом Украины были проведены масштабные общенациональные опросы по этому вопросу (ОТМ). Методология ОТМ

предусматривала жесткие ограничения относительно выделения контингентов мигрантов – трудовыми мигрантами считались лица в возрасте 15-70 лет, которые в течение определенного периода (соответственно: 01.01.2005-01.06.2008, 01.01.2010-17.06.2012 и 01.01.2015-18.06.2017) работали или искали работу за рубежом. По результатам этих обследований, в течение указанных периодов за рубежом работали соответственно: 1,5 млн. чел. или 5,1% населения Украины трудоспособного возраста (UCSR, 2009), 1,2 млн. чел., или 3,4% населения в возрасте 15-70 лет (ILO, 2013) и 1,3 млн., или 4,5% населения того же возраста (SSSU, 2017).

К сожалению, итоги ОТМ подводятся на уровне Украины в целом и территориальных зон (укрупненных регионов, которые являются объединениями областей, их выделяется пять – Запад, Север, Центр, Юг и Восток). Однако, по данным опроса 2012 г. показатель интенсивности внешней трудовой миграции (доля внешних трудовых мигрантов в общей численности населения в возрасте 15-70 лет) был оценен также на уровне областей и приравненных к ним регионов (ILO, 2013). Ранжирование регионов по интенсивности участия населения в возрасте 15-70 лет в трудовой миграции косвенно доказывает утверждение об относительно слабой распространенности последних в метрополисах Украины. Так, Львовская область занимает последнее место по указанному показателю среди трех областей Галиции, а Одесская – последнее среди трех причерноморских областей. На Харьковщине распространенность внешних трудовых миграций заметно ниже, чем в соседней (и так же пограничной) Сумской области, а Днепропетровская, Киевская области и Киев занимают три из четырех последних мест среди всех регионов Украины.

Детализированные данные третьего ОТМ (2017) недоступны, но некоторые выводы о трансформации роли метрополисов в формировании потоков внешней трудовой миграции после событий 2014 (когда, в частности, масштабы трудовых поездок за границу значительно выросли) можно сделать на основе данных опроса «Общественное мнение относительно социально-экономических ориентаций экономически активного населения Украины», проведенного Украинским институтом социальных исследований имени Александра Яременко по заказу Федерации работодателей Украины в августе 2015 г. в 24-х областях Украины и г.Киеве. Подведение итогов опроса осуществлялось по Киеву (отдельно) и по шести группам областей (Запад, Север, Центр, Юг, Восток и Донбасс). Согласно результатам опроса интенсивность внешней трудовой миграции после 2014 г. в Киеве существенно возросла, однако она так и не достигла показателей, зафиксированных в других регионах страны (Drbohlav and Jaroszewich, 2016).

Метрополисы являются основными пунктами концентрации иностранцев, проживающих в Украине. К сожалению, соответствующая статистика на уровне городов Харькова, Одессы, Днепра и Львова (как и Донецка) никогда не велась, а с 2019 г. учет всех категорий иностранцев и лиц без гражданства (ЛБГ) осуществляется совокупно по столичному региону (Киеву и Киевской области). По состоянию на конец 2019 г. по данным ГМС Украины в метрополийных регионах было сосредоточено 54,5% иностранцев и ЛБГ, имеющих урегулированный правовой статус в Украине¹ (Таблица 1).

Таблица 1. Удельный вес иностранцев и ЛБГ в метрополийных регионах в зависимости от правового статуса на конец 2019 г. (в % от общей численности по Украине)

Контингент иностранцев и ЛБГ	Днепропетровская область	Львовская область	Одесская область	Харьковская область	г. Киев и Киевская область	Метрополийные регионы - вместе
Количество лиц, признанных беженцами	1,6	3,7	24,4	5,9	51,6	87,2
Количество лиц, признанных лицами, нуждающимися в дополнительной защите	3,5	4,6	38,5	10,4	19,4	76,5
Количество иммигрантов, находящихся на учете	7,0	2,5	12,0	10,4	14,4	46,3
Количество иностранцев и ЛБГ, находящихся на временном учете	4,9	2,1	12,4	15,0	37,1	71,5
Всего иностранцев и ЛБГ, имеющих урегулированный статус в Украине	6,3	2,4	12,2	11,8	21,7	54,5
Задержанных нелегальных мигрантов (в течение года)	5,7	3,0	16,7	11,8	21,4	58,5

Источник: по данным ГМС Украины

Нелегальных мигрантов (или мигрантов с неурегулированным статусом по терминологии международных организаций) органы ГМС Украины также чаще всего обнаруживали в метрополийных регионах, особенно в г. Киеве и Киевской области (21,4% от общего итога в

¹ Таковы четыре категории лиц: иммигранты, состоящие на учете; иностранцы и лица без гражданства, находящиеся на временном учете; беженцы; лица, нуждающиеся в дополнительной защите.

2019 г.), Одесской (16,7%) и Харьковской (11,8%) областях. В целом наблюдается тесная связь между объемами задержания мигрантов с неурегулированным статусом, с одной стороны, и суммарным количеством иммигрантов, находящихся на учете, а также иностранцев/лиц без гражданства, проживающих в стране временно, с другой стороны, по регионам: коэффициент корреляции по данным 2019 г. составляет 0,955, коэффициент детерминации – 0,912. То есть межрегиональные различия рассредоточения мигрантов с неурегулированным статусом на 91,2% обусловлены территориальной дифференциацией расселения иностранцев, проживающих в Украине на правовых основаниях.

Попробуем оценить количество мигрантов с неурегулированным статусом в метрополисах Украины. По данным 2014-2018 гг. (когда учет задержанных органами ГМС Украины нелегальных мигрантов осуществлялся отдельно для Киева и Киевской области) доля задержанных в Киеве в суммарном их объеме по Киеву и Киевской области составила 64,4%, что почти совпадает с долей столицы в общей численности населения столичного региона (62,5% к началу 2020 г.). Предположим, что и в других метрополисах интенсивность неурегулированной миграции является такой же, как и в соответствующих метрополийных регионах в целом. При справедливости принятого предположения количество нелегальных мигрантов, задержанных в метрополисах, должно составлять в 2019 г. 3,8 тыс. чел. или 29,5% от всех задержанных по Украине.

Оценка общей численности мигрантов с неурегулированным статусом в Украине (включая тех, кто избежал обнаружения) была осуществлена в ходе исследования, проведенного в 2020 г. коллективом исследователей (при участии автора) по запросу ГМС Украины в рамках проекта «Поддержка управления миграцией и убежищем в Украине» (IMMIS), реализованного Международной организацией по миграции при финансовой поддержке Европейского Союза. Осуществленные расчеты позволили сделать вывод, что численность мигрантов с неурегулированным статусом, находившихся в Украине на конец 2019 г., могла составлять от 37,7 до 60,9 тыс. чел. (ЮМ, 2020). Исходя из вышеупомянутой оценки удельного веса мигрантов с неурегулированным статусом, сосредоточенных в метрополисах, их численность может составлять от 11 до 18 тыс. чел. Конечно данную оценку следует рассматривать как ориентировочную, отражающую скорее порядок величины, чем точные данные.

Выводы. Итак, метрополисы играют ведущую роль в формировании миграционного обмена между Украиной и другими странами. При этом доля таких городов в формировании потоков эмиграции и иммиграции постоянно растет, а в кризисные периоды – еще больше усиливается. По

оценке в метрополисах, в частности, сосредоточено 11-18 тыс. мигрантов с неурегулированным статусом. В то же время вклад метрополийных городов в формирование потоков внешней трудовой миграции является достаточно скромным, в первую очередь из-за более высокого уровня заработков в таких городах, что делает для их жителей трудовые поездки за границу менее привлекательными, чем для жителей средних, малых городов и сельской местности.

К сожалению, полноценный анализ миграционной ситуации в метрополисах осложняется из-за ограниченности имеющихся статистических данных, несколько лучшая ситуация со статистическим обеспечением имеет место в г. Киеве благодаря статусу, равному областям.

REFERENCES

- Drbohlav, D., & Jaroszewich, M. (Eds.). (2016). *Ukrainian Migration in Time of Crisis: Forced and Labor Mobility*. Prague.
- International Labor Organization. (ILO). (2013). *Report on the Methodology, Organization and Results of a Modular Sample Survey on Labor Migration in Ukraine*. Budapest.
- International Organization for Migration. (IOM). (2020). *Irregular Migrants in Ukraine. Analytical Summary*. Kyiv. https://iom.org.ua/sites/default/files/irregular_migrants_in_ukraine_eng.pdf.
- Miller M. (ed.). (2016). *Metropolitan Functions of the Great Cities of Ukraine: Potential for Development and Prospects of Implementation*. *Dolishny Institute of Regional Studies*. Lviv. [in Ukrainian].
- State Statistics Service of Ukraine. (SSSU). (2017). *External labor migration of population (according to the results of the modular sampling survey)*. Kyiv. http://www.ukrstat.gov.ua/druk/publicat/kat_u/2017/bl/12/bl_ztm_2017.zip [in Ukrainian].
- The current population of Ukraine on January 1, 2020. State Statistics Service of Ukraine (SSSU). *Statistical collection*. Kyiv. [in Ukrainian].
- Ukrainian External Labor Migration. (2009). *Ukrainian Center for Social Reforms (UCSR)*. Kyiv.
- World Economic Forum (2017) *Migration and Its Impact on Cities*. https://www3.weforum.org/docs/Migration_Impact_Cities_report_2017_low.pdf.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ВНУТРЕННЕ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ В УКРАИНЕ

Гнатюк Татьяна ©¹, кандидат политических наук,
старший научный сотрудник,

Институт демографии и социальных исследований имени М.В. Птухи,
Национальная академия наук Украины

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-18>

Abstract. *Seven years after the appearance of the first internally displaced persons (IDPs) in Ukraine, this category remains among the most vulnerable segments of the population in the country. The issues of employment, housing and the level of financial support are also recognized as the most pressing problems of migrants. The article analyzes the quality of life of IDPs in Ukraine based on four indicators: the level of employment of IDPs, the average monthly income of IDPs, sources of income of IDPs, types of housing of IDPs. Data from the National Monitoring System on the Situation of Internally Displaced Persons are used (from March 2016 to March 2021). The author determined that financial self-sufficiency remains one of the main problems of IDPs: there is a low level of employment, a high dependence on state payments in comparison with the general Ukrainian indicator, and the average monthly income level of this category is below the actual subsistence rate. The results of the analysis of the living conditions of IDPs showed some positive changes: an increase in the share of IDPs living in their own homes; inclusion of IDPs in government programs for lending to purchase housing; construction of temporary social housing for IDPs. The main problems remain the limited ability of IDPs to buy their own housing and receive social housing as property.*

Keywords: internally displaced persons, IDPs, quality of life, employment, housing, Ukraine.
JEL classification: I 310, I 380, J 600.

Введение. Внутренне перемещенные лица (ВПЛ) появились в Украине с марта 2014 года в результате аннексии Автономной Республики Крым Российской Федерацией. Начало военного конфликта на территории Донецкой и Луганской областей Украины в мае 2014 г. усилило внутреннее перемещение. По состоянию на начало марта 2021 г., на учет было взято 1 461 629 ВПЛ с временно оккупированных территорий Донецкой и Луганской областей и АР Крым (Минсоцполитики, 2021).

Спустя семь лет после начала внутреннего перемещения в Украине, ВПЛ остаются одним из наиболее незащищенных слоев населения, а вопросы трудоустройства, жилья и уровень финансового обеспечения так же признаются наиболее актуальными проблемами переселенцев.

Обзор литературы. Условия жизни внутренне перемещенных лиц находятся в той или иной степени в поле зрения как украинских исследователей, так и представительств международных организаций. Среди наиболее знаковых работ «Внутренне перемещенные лица: от преодоления препятствий до стратегии успеха» (2016), Национальный доклад «Политика интеграции украинского общества в контексте

¹ © Гнатюк Татьяна, tety.hnatyuk@gmail.com.

вызовов и угроз событий на Донбассе» (2016), «Экономическая эффективность vs социальная справедливость: приоритеты развития Украины на этапе преодоления кризиса» (2019). Анализ потребностей внутренне перемещенных лиц периодически осуществляется украинским представительством Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев. Среди соответствующих исследований — анализ потребностей ВПЛ в Киевской и Луганской областях (2015), исследования региональных жилищных программ для ВПЛ (2018—2019), анализ домохозяйств ВПЛ, которые приняли участие в Государственной программе «Доступное жилье» (2019).

Методология. В статье использованы данные Национальной системы мониторинга ситуации с внутренне перемещенными лицами, которые регулярно публикуются Международной организацией по миграции (период с марта 2016 года по март 2021 года). Проанализировано также отчеты международных организаций, законодательная база Украины, государственные программы. Методы анализа и синтеза, метод сравнения позволили выделить показатели, которые могут быть использованы в качестве измерения качества жизни внутренне перемещенных лиц в Украине: уровень занятости ВПЛ, среднемесячный уровень доходов ВПЛ, источники доходов домохозяйств ВПЛ, виды жилья ВПЛ.

Результаты. Значительная часть ВПЛ в Украине относится к социально уязвимым слоям населения и структура этой группы внутренних мигрантов остается подобной с начала массового перемещения. По данным 18—19 раундов Национального мониторинга ситуации с внутренне перемещенными лицами (МОМ, 2021), более половины членов опрошенных домохозяйств ВПЛ составляют женщины (56 %), из которых 22 % имеют возраст от 60 лет. В среднем домохозяйство ВПЛ имеет в своем составе 2,51 члена. При этом почти четверть домохозяйств (23 %) состоят только из одного человека: из них три четверти (74 %) составляют женщины и половину (47 %) – люди в возрасте от 60 лет.

Уровень занятости ВПЛ. Доля занятых ВПЛ составляла 35 % в марте—июне 2016 г.¹. Постепенно возрастая, показатель достиг своей высшей отметки в 50 % в декабре 2017 г. В следующие полгода наблюдается сокращение доли занятых ВПЛ до 42 %. Результаты последующих трех раундов мониторинга показали постепенный рост показателя до 48 % (в марте 2019). В период с июня 2019 по июнь 2020 уровень занятости ВПЛ колебался на уровне 46 %—47 % (Таблица 1). Для сравнения, в январе—июне 2020 г. доля занятого населения в возрасте 15-70 лет в Украине составила 50,3 %.

¹ Период, когда началось проведение Национального мониторинга ситуации с ВПЛ в Украине.

Таблица 1. Уровень занятости ВПЛ после перемещения

Март-июнь 2016	Сентябрь 2016	Март 2017	Июнь 2017	Сентябрь 2017	Декабрь 2017	Июнь 2018	Сентябрь 2018	Декабрь 2018	Март 2019	Июнь 2019	Сентябрь 2019	Март 2020	Июнь 2020	Март 2021
35 %	40 %	41 %	46 %	49 %	50 %	42 %	43 %	44 %	48 %	46 %	47 %	46 %	46 %	49 %

Источник: Построено автором на основе данных Национальной системы мониторинга ситуации с внутренне перемещенными лицами, 2016–2021 гг., <https://iom.org.ua/ua/publications>

Хотя уровень занятости ВПЛ демонстрирует положительную тенденцию, более глубокий анализ данных показывает переход во времена пандемии COVID-19 определенной части переселенцев из категории экономически неактивных к группе экономически активных, что свидетельствует о необходимости ВПЛ в дополнительных источниках доходов. Например, доля занятых женщин в марте 2021 г. возросла на 5 % по сравнению с данными первого квартала 2020 года, которые составляли 50 %. Кроме того, в этот период на 4 % снизилась доля женщин, занятых работой по дому, уходом за детьми или другими лицами (с 20 % до 16 % соответственно). При этом женщины преимущественно работают неполный рабочий день и чаще мужчин заняты в розничной торговле и сфере услуг.

Источники доходов домохозяйств ВПЛ. Согласно данным Национальной системы мониторинга, в марте 2021 г. заработная плата указывалась как основной источник дохода для 60 % респондентов-ВПЛ. Впрочем, в начале проведения мониторинга, в марте 2016, респонденты рассчитывали преимущественно на социальные (45 %) и государственные (44 %) пособия. Заработную плату как источник дохода отмечали лишь 40 % респондентов, а пенсию по возрасту — 38 %. С сентября 2017 г. заработная плата занимает ведущую позицию среди всех источников доходов ВПЛ, хотя наблюдается также значительная зависимость переселенцев от государственных выплат (*Таблица 2*).

Таблица 2. Источники доходов в домохозяйствах ВПЛ, %

Источники доходов	Март 2016	Сентябрь 2016	Сентябрь 2017	Сентябрь 2018	Март 2019	Март 2020	Июнь 2020	Март 2021
Заработная плата	39,6	46,0	58,0	56,0	61,0	58,0	61,0	60,0
Случайные заработки	14,1	19,0	9,0	8,0	9,0	9,0	7,0	8,0
Пенсия по возрасту	37,7	30,0	38,0	34,0	33,0	36,0	38,0	34,0
Пенсия по инвалидности	...	8,0	4,0	5,0	6,0	7,0	6,0	8,0
Другие виды пенсии (социальная)	...	3,0	3,0	4,0	2,0	3,0	2,0	...
Помощь родственников	13,1	18,0	10,0	7,0	9,0	7,0	6,0	...
Государственная помощь ВПЛ	43,9	57,0	34,0	49,0	55,0	50,0	51,0	54,0
Социальная помощь	44,7	33,0	26,0	25,0	21,0	22,0	18,0	18,0
Гуманитарная помощь	30,2	17,0	6,0	6,0	3,0	2,0	2,0	...
Другие источники	...	3,0	4,0	3,0	2,0	2,0	2,0	...

Источник: Построено автором на основе данных Национальной системы мониторинга ситуации с внутренне перемещенными лицами, 2016–2021 гг., <https://iom.org.ua/ua/publications>

Среднемесячный уровень доходов ВПЛ. За последние шесть лет среднемесячный доход на одного переселенца увеличился почти втрое (табл. 3) и в марте 2021 г. составил 3 651 грн. (то есть достиг уровня перед пандемией). Однако по сравнению с соответствующим показателем среднестатистического украинского домохозяйства¹ доход ВПЛ составил всего 58,2 %, а по сравнению с размером установленного Министерством социальной политики Украины фактического прожиточного минимума² — только 86,4 %.

¹ 6267 грн. по состоянию на декабрь 2020 г.

² Сумма прожиточного минимума составляла 4224 грн. по состоянию на март 2021 г.

Таблица 3. Средний доход ВПЛ

	Март 2016	Сентябрь 2016	Сентябрь 2017	Сентябрь 2018	Март 2019	Сентябрь 2019	Март 2020	Июнь 2020	Сентябрь 2020	Март 2021
Средний доход на человека (в месяц, грн.)	1 287	...	2 340	2 187	2 667	3 631	3 289	3 350	3 666	3 651

Источник: Построено автором на основе данных Национальной системы мониторинга ситуации с внутренне перемещенными лицами, 2016–2021 гг., <https://iom.org.ua/ua/publications>

Виды жилья ВПЛ. Более половины ВПЛ в Украине арендуют жилье: 60 % опрошенных ВПЛ по состоянию на июнь 2020 г. (табл. 4). Арендованная квартира остается самым популярным видом жилья ВПЛ, и доля этого вида жилья растет: с 35 % в марте 2016 г. до 45 % в июне 2020 г. В то же время, аренда является серьезной нагрузкой на семейный бюджет даже работающих переселенцев. Отмечается дискриминационное отношение арендодателей к этой группе: завышенные цены по сравнению с ценами для местного населения; нежелание арендодателей заключать долгосрочные контракты с переселенцами, что лишает последних права на получение субсидий от государства на оплату коммунальных услуг; выселения в летнее время из помещений в курортных зонах.

Таблица 4. Виды жилья, в котором проживают внутренне перемещенные лица в Украине, %

Вид жилья ВПЛ	Март 2016	Апрель 2016	Май 2016	Сентябрь 2016	Июнь 2017	Сентябрь 2017	Декабрь 2017	Март 2018	Июнь 2018	Сентябрь 2018	Декабрь 2018	Март 2019	Июнь 2019	Сентябрь 2019	Март 2020	Июнь 2020
Собственное жилье	4	9	10	11	12	12	15	12	14	12	17	11	11
Аренда квартиры	35	42	47	40	46	49	47	47	48	45	49	49	49	44	45	45
Аренда комнаты	8	6	7	7	4	4	3	5	4	4	4	4	5	5	10	5
Аренда дома	13	20	15	15	8	6	8	9	10	10	10	9	10	8	16	10
Принимающая семья/	19	22	20	25	26	25	24	13	13	14	14	13	13	15	6	17

родственники																
Общежитие	13	6	7	6	3	3	3	7	5	4	4	5	4	5	5	5
Центры коллективного проживания ВПЛ	9	1	2	2	2	1	1	4	4	4	3	3	2	2	3	2
Другое	3	3	2	1	2	2	3	3	4	4	4	3	5	4	4	5

Источник: Построено автором на основе данных Национальной системы мониторинга ситуации с внутренне перемещенными лицами, 2016–2021 гг., <https://iom.org.ua/ua/publications>

Наблюдается рост доли ВПЛ, проживающих в собственном жилье: с 4 % в сентябре 2016 г. до 11 % в июне 2020 г. С ноября 2017 г. ВПЛ имеют право участвовать в Государственной программе «Доступное жилье», реализация которой осуществляется Государственным специализированным финансовым учреждением «Государственный фонд содействия молодежному жилищному строительству». Впрочем, программа имеет ряд ограничений, а ее финансирование сталкивается с определенными трудностями: ограниченный срок подачи заявлений, недофинансирование или даже прекращение финансирования (как это было в 2020 г. в связи с мерами по борьбе с пандемией COVID-19). Проведенная оценка программы показала (УВКБ, 2019), что поддержку от государства в приобретении жилья могут получить только состоятельные внутренне перемещенные лица.

Существующие в Украине программы в основном касаются обеспечения ВПЛ временным социальным жильем. Министерство по вопросам временно оккупированных территорий и внутренне перемещенных лиц Украины инициировало в 2017 г. бюджетную программу по предоставлению территориальным общинам финансовой поддержки (субвенций) для обеспечения ВПЛ временным жильем. В соответствии с изменениями в августе 2019 г., субвенции из государственного бюджета предоставляются при условии совместного финансирования мероприятий из местного бюджета в размере не менее 30 % (ранее было 50/50).

В областях Украины действуют также региональные программы, в которых имеют возможность участвовать ВПЛ. Анализ соответствующих программ (UNHCR, 2018), выявил следующие особенности: региональные программы направлены на предоставление исключительно коммунального и временного жилья переселенцам, не предусматривающего приобретение права собственности; существование опасений местных властей по поводу превращения ВПЛ в избирателей и, таким образом, в дестабилизирующий фактор в местных общинах.

Строительство временного жилья для переселенцев осуществляется в значительной степени международными инвесторами, среди которых

страны Европейского Союза (например, проекты «Жилье для переселенцев», «Наращивание потенциала громады. Мариуполь для поддержки ВПЛ и местных жителей, пострадавших в результате конфликта», «Обеспечение жилищными условиями наиболее уязвимых ВПЛ и жителей города Краматорск», «Содействие развитию социальной инфраструктуры. Украинский фонд социальных инвестиций V» и другие).

Заключение. Финансовое самообеспечение остается одной из основных проблем ВПЛ: среди переселенцев наблюдается низкий уровень занятости, высокая зависимость от государственных выплат по сравнению с общеукраинскими показателями, а среднемесячный уровень дохода этой категории ниже фактического прожиточного минимума. Результаты анализа условий проживания ВПЛ показали некоторые позитивные изменения: рост доли переселенцев, проживающих в собственном жилье; включение ВПЛ в государственные программы кредитования приобретения жилья; строительство временного социального жилья для ВПЛ. В тоже время в жилищной сфере основными проблемами остаются ограниченная возможность ВПЛ покупать собственное жилье и получение социального жилья в собственность. Несмотря на положительные тенденции основных показателей благосостояния ВПЛ, финансовое состояние этой категории внутренних мигрантов остается тяжелым, особенно во времена пандемии COVID-19. В результате переселенцы вынуждены прибегать к различным стратегиям выживания, среди которых выход женщин на работу, дополнительная занятость, возвращение в места проживания до перемещения.

ЛИТЕРАТУРА

- UNHCR. (2018). Analytical Review of Regional Housing Programs for IDPs. June-August 2018. UNHCR: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/idps_housing_programs_overview_eng_0.pdf.
- Минсоцполітики. (2021). Обліковано 1 461 629 внутрішньо переміщених осіб. Получено из Міністерство соціальної політики України: <https://www.msp.gov.ua/news/19713.html>.
- МОМ. (2021). Звіт Національного моніторингу ситуації з внутрішньо переміщеними особами. Ключові висновки. Вересень 2020, березень 2021. Міжнародна організація з міграції: https://iom.org.ua/sites/default/files/nms_round_18_19_uk.
- УВКБ. (2019). Участь ВПО за програмою «Доступне житло» (50/50). Звіт за результатами оцінювання. УВКБ ООН: <https://www.unhcr.org/ua/wp-content/uploads/sites/38/2019/02/2019-UNHCR-Evaluation-of-State-Youth-Fund-Housing-Programme->.

ANALIZA CADRULUI DE DREPT NAȚIONAL ÎN CONTEXTUL REGLEMENTĂRII PROCESELOR MIGRAȚIONALE¹

Valentina Cotelnic², cercetător științific,
INCE, Centrul de Cercetări Demografice, Republica Moldova

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-19>

Abstract External labour migration is the phenomenon that most marks the labour market and overall development in the Republic of Moldova. The main driver for Moldovan migrants remains emigration for economic purposes, mainly due to low wages on the country's labour market. In this article the author analyzes the legal and institutional framework in labour migration processes, the migration management framework, as well as the legal activity of placing the citizens of the Republic of Moldova in the field of work abroad. The analysis of the employment of citizens of the Republic abroad has been carried out, as well as of the international treaties to which the Republic of Moldova is a party. At the same time, the inter-governmental agreements signed between the Government of the Republic of Moldova and other states were analyzed. Based on the results, some conclusions and recommendations for further policy development have been drawn up and presented.

Key words: labour migration, legal framework, legal activity.

Clasificarea JEL: j11, j18.

Extinderea fluxurilor migraționale, observată pe parcursul sec. al XX-lea, a devenit mult mai intensă în ultimul timp, permițând calificarea ei drept componentă a tuturor transformărilor globale. În viziunea mai multor autori, globalizarea este un catalizator care sporește migrația în multe părți ale lumii. În prezent, la nivel mondial, se estimează manifestarea a 244 milioane de migranți (mai mult de 3,6% din populația globală) (IOM, 2018), ceea ce determină adoptarea de către un număr tot mai mare de state a actelor legislative ce vizează procesele migraționale, constituirea structurilor pentru gestionarea mai bună a migrației, amplificarea cooperării, prin încheierea diferitor acorduri în domeniul migrației. Migrația internațională a forței de muncă poate fi considerată drept un factor important de depășire a dezechilibrelor de pe piața forței de muncă, atât pentru țările de origine, cât și pentru țările de destinație.

Republica Moldova este o țară puternic marcată de fenomenul emigrării forței de muncă, fiind una din țările cu cel mai mare nivel al exodului forței de muncă spre alte țări. Emigrarea din țară trebuie privită în strânsă legătură cu problema dezvoltării țării și posibilități de ocupare a forței de muncă în țara

¹ Articolul a fost elaborat în cadrul Proiectului din cadrul Programului de Stat (2020-2023) 20.80009.0807.21 «Migrația, schimbări demografice și politici de stabilizare a situației».

² ©Valentina Cotelnic, vcotelnic@gmail.com.

de origine. Deci, piața muncii continuă să se confrunte cu multiple provocări, precum decalajul între cererea și oferta forței de muncă, calitatea insuficientă a învățământului profesional tehnic, sistemul slab dezvoltat de formare continuă, lipsa oportunităților de ocupare în mediul rural, fapt ce contribuie la plasarea dificilă în câmpul muncii a șomerilor din mediul rural și, în special, a tineretului. Factorul determinant al migrației în scop de muncă este unul economic, principalul fiind nivelul scăzut de salarizare, cel de-al doilea motiv favorabil care contribuie la plecarea peste hotare în căutarea unui loc de muncă sau la lucru se datorează implementării regimului gratuit fără vize și dobândirii cetățeniei române, care oferă mai multe drepturi, inclusiv dreptul legal la muncă în una din țările UE. În ultimii ani printre principalele cauze de migrațiune sunt evidențiate și cele academice (tendința de a obține studii recunoscute internaționale, care să le asigure un loc de muncă de succes), precum și de reintegrare a familiei.

În acest context, dezvoltarea unei politici și a unui cadru juridic conform standardelor europene oferă posibilitatea de a soluționa o serie de probleme existente în proiectarea, monitorizarea și evaluarea unei politici privind gestionarea procesului migrațional al forței de muncă.

Din anul 1995, când Republica Moldova a aderat la Organizația Internațională a Muncii, și până în prezent au fost ratificate peste 38 de Convenții ale OIM care vizează domeniul ocupării forței de muncă, politica de ocupare a forței de muncă, orientarea și formarea profesională, politica socială, politica migranțională etc. Ratificarea principalelor convenții ale Organizației Internaționale a Muncii și aderarea la diverse organisme internaționale impun adoptarea unor decizii conturate de promovare a politicii naționale și aducerea în concordanță a legislației strategice naționale cu standardele europene. În conformitate cu normele europene și cele internaționale în domeniu, au fost elaborate și implementate mai multe acte normative și legislative. Problema ocupării forței de muncă, inclusiv peste hotarele țării a fost și este prezentă în principalele strategii sectoriale și naționale de dezvoltare cum ar fi: Strategia Națională de Dezvoltare „Moldova 2020” (Monitorul Oficial, 2017), Strategia Națională privind Politicile de Ocupare a Forței de Muncă (2007-2015), care a fost elaborată ținând cont de recomandările Consiliului Europei și ale Organizației Internaționale a Muncii, și Strategia Națională pentru Ocuparea Forței de Muncă (2017-2021) (GovMD, 2016), Programul de atragere a remitențelor în economie „PARE 1+1” pentru anii 2010-2018 și alte documente importante strategice, racordate la prevederile Acordului de Asociere între Republica Moldova și Uniunea Europeană.

Conștientizând importanța ocupării forței de muncă pentru perspectivele de dezvoltare ale țării, precum și urmărind aspirațiile țării noastre de integrare în Uniunea Europeană și clauzele pentru ocuparea forței de muncă stipulate în Strategia „Europa 2020”, Republica Moldova își

stabilește politicile și măsurile active moderne de ocupare a forței de muncă, adaptate la necesitățile diferitor categorii de persoane, inclusiv ale migranților, care este și una din prioritățile Acordului de Asociere dintre Republica Moldova și Uniunea Europeană (GovMD, 2017), în anul 2018 a fost elaborată Legea cu privire la promovarea ocupării forței de muncă (Monitorul Oficial, 2018).

Cadrul de gestionare a migrației. Republica Moldova pe parcursul ultimilor ani a adoptat un set de documente conceptuale și legi care determină politica migrațională în domeniile cheie ce țin de gestionarea migrației (migrația controlată, inclusiv emigrarea, imigrarea, politici de integrare/reintegrare socială; azilul; politici de prevenire a migrației ilegale și traficului de persoane), printre care pot fi menționate: Strategia Națională în domeniul migrației și azilului (2011-2020) și Planul de acțiuni pentru anii 2016-2020 de implementare a Strategiei (Biroul Migrație și Azil, 2019), această strategie tinde să unească domeniul migrației și azilului cu cadrul general de elaborare a politicilor din țară și se înscrie în noua strategie de dezvoltare a Moldovei – “Moldova 2020: Strategia Națională de Dezvoltare: 7 soluții pentru Moldova”.

Un pas important a fost adoptarea Legii nr. 105 din 14.06.2018 **Cu privire la promovarea ocupării forței de muncă și asigurare de șomaj**, în care în Capitolul VII **Emigrarea în scop de muncă a cetățenilor Republicii Moldova**, art. 53-63 au fost stabilite modul, condițiile, cadrul instituțional și alte proceduri de angajare provizorie în câmpul muncii în străinătate a cetățenilor țării. Astfel, au fost stabilite 3 metode legale prin care cetățenii aleg să plece peste hotare la lucru. Una din ele este metoda individuală, cea prin care persoanele aleg de sine stătător să plece peste hotare, nu aleg să apeleze la intermediar, nu recurg la alte servicii decât cele personale. O altă metodă este când persoanele aleg un intermediar, prin Agențiile private de ocupare (art. 57, pct. 1), când persoana solicită ajutorul altei persoane să i se ofere un loc de muncă peste hotare, în acest caz, agențiile private sunt obligate să le ofere un contract individual de muncă peste hotare. Agențiile private de angajare sunt acei prestatori privați de servicii care, conform legislației în vigoare, sunt obligate să dețină o licență și nu trebuie să încaseze nicio taxă. A treia metodă de angajare provizorie a moldovenilor peste hotare este cea prin intermediul acordurilor interguvernamentale semnate între Guvernul Republicii Moldova și alte state.

Pentru stabilirea relațiilor de colaborare și cooperare între țări vizând fluxurile migratorii ale cetățenilor moldoveni pe teritoriul altor state, precum și condițiile de integrare pe piața muncii, protecția socială a acestora și împărțind responsabilitățile de monitorizare și management între statul gazdă și țara de origine a emigranților, au fost încheiate un șir de acorduri bilaterale în domeniul migrației de muncă. Scopul acordurilor este de a determina dreptul cetățenilor de a se deplasa între state și de a beneficia de securitate

socială, astfel fiind înlăturate restricțiile de a pretinde la astfel de beneficii, îmbunătățirea dreptului dobândirii și portabilității dreptului la pensie.

În prezent, sunt semnate și în vigoare 20 de acorduri bilaterale în domeniul securității sociale. Aceste acorduri se împart în două categorii: prima categorie sunt acordurile bazate pe principiul teritorialității, iar cea de-a doua – cele bazate pe principiul proporționalității. În prima categorie de acorduri se includ acordurile cu Federația Rusă, Ucraina, Azerbaidjan și Uzbekistan, iar în a doua categorie acordurile cu România, Portugalia, Bulgaria, Marele Ducat de Luxemburg, Austria, Estonia, Cehia, Polonia, Ungaria, Belgia, Lituania, Republica Federală Germania, Italia, Israel, Turcia și Belarus.

Acordurile sus-menționate conțin prevederi nediscriminatorii pe principiul cetățeniei sau domiciliului. Persoana îndreptățită va beneficia de prestații indiferent de cetățenie și chiar dacă domiciliază pe teritoriul celuilalt stat contractant. Aceste acorduri prevăd exportul prestațiilor de asigurări sociale, acordate în conformitate cu legislațiile naționale ale celor două state, ceea ce presupune dreptul unui lucrător migrant de a beneficia de prestațiile dobândite în statele în care și-a desfășurat activitatea, pe teritoriul statului de domiciliu.

Totodată, au fost încheiate acorduri bilaterale cu Statul Israel cu privire la angajarea temporară a lucrătorilor din Republica Moldova în anumite sectoare din Statul Israel (sectorul construcțiilor, semnat la data de 16 octombrie 2012, intrat în vigoare la 6 ianuarie 2013, prelungit până la 5.01.2024) și cu Republica Bulgaria privind reglementarea migrației de muncă, acord semnat la data de 16 iunie 2018 (diverse domenii). Acordurile bilaterale conțin obiectivele prioritare orientate spre asigurarea unui proces de angajare legal, echitabil și transparent pentru cetățenii Republicii Moldova, care vor fi angajați temporar în Israel și Bulgaria. Implementarea Acordului va contribui la asigurarea protecției drepturilor lucrătorilor moldoveni conform legilor și regulamentelor relevante israeliene, inclusiv condițiile de muncă și de trai.

Concomitent, au fost inițiate negocierile asupra proiectelor de Acord în domeniul migrației de muncă cu Belarus, Kazahstan și Israel (în domeniul îngrijirii persoanelor vârstnice cu dizabilități). Totodată, au continuat negocierile privind revizuirea acordului bilateral privind migrația forței de muncă cu Federația Rusă (încheiat încă în anul 1993, ale cărui prevederi și-au depășit actualitatea în timp) și cu statul Qatar cu privire la angajarea temporară a cetățenilor moldoveni pe teritoriul acestuia. Acordul va reglementa următoarele aspecte: asigurarea caracterului legal și temporar al migrației de muncă; asigurarea drepturilor de muncă și sociale ale lucrătorilor, garantarea achitării salariului și altor plăți convenite în contractul individual de muncă, precum și tratamentului egal cu lucrătorii din statele de destinație în domeniile de activitate respective.

În baza Acordului privind colaborarea în domeniul sănătății și științelor medicale în anul 2014 a fost semnată Declarația de intenție de colaborare în domeniul migrației personalului medical între Republica Moldova și Republica Federală Germania. În baza acestei Declarații a fost pregătit un proiect-pilot pentru mobilitatea cadrelor medicale în Republica Federală Germania.

În domeniul readmisiei, în perioada 2014-2021, RM a semnat protocoale de implementare adiționale la Acordul de Readmisie UE RM cu state- membre, precum și acorduri de readmisie cu state non-UE (Kazahstan, Ucraina ș.a.). În același context, protocoale adiționale de implementare la Acordul de Readmisie UE-RM sunt în proces de negociere și cu alte state membre ale UE și cu unele țări de origine ale migranților iregulari depistați în ultimii ani (ex.: Cipru, Armenia, Federația Rusă, Republica Libaneză).

Pentru o comunicare și conlucrare mai eficientă cu Diaspora, în anul 2012 a fost creat **Biroul pentru Relații cu Diaspora** (BRD) al Cancelariei de Stat, care este instituția responsabilă pentru elaborarea și coordonarea politicilor publice pentru și cu participarea diasporei. Începând cu anul 2014, în Cadrul bugetar pe termen mediu, a fost instituit subprogramul „Susținerea diasporei moldovenești”, totodată, două strategii sectoriale au integrat obiective și acțiuni destinate diasporei moldovenești.

Prin Hotărârea de Guvern nr. 725/2017 cu privire la aprobarea Mecanismului de coordonare a politicii de stat în domeniul Diasporă, Migrație și Dezvoltare a fost asumat angajamentul de a extinde abordarea integrată a domeniului dat la nivel local. Astfel, „abordarea integrată a domeniului DMD constituie un mecanism de comunicare și coordonare a tuturor părților implicate (autorități publice centrale și locale, societate civilă, mediu academic și privat, organizațiile internaționale etc.) în vederea realizării obiectivelor strategice ale politicii de stat în domeniul DMD”. Fiecare autoritate publică centrală a desemnat persoane responsabile de domeniul DMD pe două niveluri, și anume, la nivel decizional și tehnic. Urmare a activităților organizate la nivel local au fost desemnate 400 de persoane responsabile de domeniul DMD. În cadrul APL de nivel II, au fost instituite Comitete locale responsabile de domeniul Diasporă, Migrație și Dezvoltare în 20 de localități din țară.

Pentru a fi atrase investiții interne și externe, inclusiv remitențe, a fost lansat Programul de atragere a remitențelor în economie PARE 1+1 pentru anii 2010-2012, extins ulterior pentru perioada 2010-2015 și 2010-2021 – HG nr. 972/2010 cu ulterioarele modificări (ODIMM, 2021). Prin intermediul Programului PARE 1+1 în anii 2014-2018 au beneficiat de instruire cca două mii de persoane și a fost facilitat accesul la finanțare pentru 1.047 de întreprinderi, care au efectuat investiții în economie de circa 639,65 mln. lei, dintre care 212,66 mln. lei constituie suma granturilor aprobate în cadrul Programului. Analiza țărilor de proveniență a lucrătorilor migranți și rudelor de gradul I, participanți la Program, denotă faptul că acestea muncesc în peste

30 de state. Cea mai mare pondere o dețin persoanele care investesc remitențele obținute în Italia, urmate de cei din Federația Rusă.

Programul respectiv este implementat și coordonat în continuare de **Organizația pentru Dezvoltarea Sectorului Întreprinderilor Mici și Mijlocii** și „tinde să faciliteze accesul migraților la finanțe, ajutând în același timp la canalizarea remitențelor prin intermediul canalelor oficiale, introducerea celor mai bune practici în statele gazdă ale migraților, crearea unei pârgții pentru introducerea inovațiilor și know-how-ului, creând în același timp locuri de muncă și soluționând alte probleme sociale”.

Legea nr. 200/2010 privind regimul străinilor în Republica Moldova, cu modificările și completările ulterioare, inclusiv cele din anul 2018, se referă la aflarea temporară pe teritoriul Republicii Moldova a unor categorii de străini. Actualmente, în funcție de scopul intrării, străinii pot obține dreptul de ședere provizorie cu perfectarea ulterioară a permisului de ședere provizorie (în scop de muncă, la studii, pentru reîntregirea familiei, în scopul activităților umanitare și religioase, la tratament și alte scopuri în condițiile legislației naționale) sau dreptul de ședere permanentă cu perfectarea permisului de ședere permanentă.

În ceea ce privește accesul străinilor la protecția socială și asistență medicală, conform Legii nr. 274/2011 privind integrarea străinilor în RM, încadrați în muncă în baza unui contract individual de muncă, străinii titulari ai dreptului de ședere permanentă, precum și refugiații și beneficiarii de protecție umanitară au aceleași drepturi și obligațiuni în domeniul asigurărilor și asistenței sociale, precum și asigurărilor obligatorii de asistență medicală ca și cetățenii Republicii Moldova, în conformitate cu legislația în vigoare, dacă tratatele internaționale nu stipulează altfel.

Totodată, Republica Moldova este parte a unor parteneriate regionale în domeniul migrației, menite să consolideze cooperarea în ceea ce ține de politicile cu țările vecine, țările de destinație și cele de origine ale migraților, cum ar fi: Parteneriatul Estic, Cooperarea operațională FRONTEX, Misiunea Uniunii Europene de Asistență la Frontieră în Moldova și Ucraina (EUBAM), Parteneriatul de Mobilitate, Procesul de la Praga, Procesul de la Budapesta¹, Forumul Global privind Migrația și Dezvoltarea.

În contextul în care tot mai mulți moldoveni migrează în scop de muncă în străinătate, semnarea de către instituțiile statului a tratatelor internaționale în domeniul migrației de muncă asigură un mod reglementat, sigur și legal de a munci pe teritoriul altei țări, precum și o protecție socială pentru imigranții moldoveni. Angajarea temporară a lucrătorilor este realizată doar de instituțiile publice abilitate. În cazul Republicii Moldova angajarea este implementată de către ANOFM.

¹ <http://www.icmpd.org/our-work/migration-dialogues/budapest-process/>.

Asigurarea garanțiilor și accesul migrațiilor la sistemul de protecție socială. Asigurarea garanțiilor sociale minime pentru lucrătorii migrați și familiile lor reprezintă o prioritate în cadrul politicii sociale a Republicii Moldova.

Acordurile sus-menționate conțin prevederi nediscriminatorii pe principiul cetățeniei sau domiciliului. Persoana îndreptățită va beneficia de prestații indiferent de cetățenie și chiar dacă domiciliază pe teritoriul celui alt stat contractant. Aceste acorduri prevăd exportul prestațiilor de asigurări sociale, acordate în conformitate cu legislațiile naționale ale celor două state, ceea ce presupune dreptul unui lucrător migrat de a beneficia de prestațiile dobândite în statele în care și-a desfășurat activitatea, pe teritoriul statului de domiciliu.

În baza acordurilor în domeniul securității sociale, încheiate între Republica Moldova și alte state, au fost stabilite următoarele tipuri de prestații: pensie pentru limita de vârstă, pensie de dizabilitate și pensie de urmaș; indemnizații de invaliditate cauzată de accidente de muncă sau boli profesionale; indemnizații pentru incapacitate temporară de muncă și maternitate (în dependență de acord); indemnizații la nașterea și îngrijirea copilului până la vârsta de 3 ani (în dependență de acord) și ajutoarele de deces și șomaj (în dependență de acord).

Majoritatea migrațiilor care muncesc peste hotare nu participă la sistemul public de asigurări sociale, aceasta generând sporirea presiunii asupra populației ocupate în economie, dar și subminând durabilitatea financiară a sistemului asigurărilor sociale. Actualii emigranți sunt potențialii solicitanți de alocații sociale de stat (prestații cu caracter de ajutor social asemănător pensiilor sociale). În pofida faptului că sistemul de asigurări sociale de stat oferă opțiunea asigurării individuale prin încheierea unui contract cu sumă fixă cu Casa Națională de Asigurări Sociale, pentru obținerea unei pensii minime în condiții generale și a ajutorului de deces, puțini emigranți accesează această oportunitate.

Sistemul instituțional al Republicii Moldova în domeniul managementului activității de muncă peste hotare cuprinde:

1. Instituții implicate în procesul de elaborare, coordonare, aprobare și control privind realizarea politicii în domeniul căutării unui loc de muncă sau a lucrului peste hotare, a forței de muncă: Guvernul și Ministerul Muncii și Protecției Sociale, ANOFM, AAPL (conform art. 9. (1¹) din legea 105). În domeniul managementului migrației în scop de muncă, Ministerul Muncii și Protecției Sociale elaborează, promovează, analizează și evaluează politici și acte normative, colaborează cu autoritățile administrației publice centrale și locale și cu autoritățile competente străine, inițiază, negociază și încheie tratate internaționale

în modul stabilit de Legea nr. 595/1999 privind tratatele internaționale ale Republicii Moldova.

2. Agenția Națională pentru Ocuparea Forței de Muncă (ANOFM) – instituție implicată în procesul de implementare a politicilor de ocupare, inclusiv peste hotare.
3. Autoritățile administrației publice locale, organizațiile necomerciale (agențiile private de ocupare).

Agenția Națională pentru Ocuparea Forței de Muncă (ANOFM), subordonată Ministerului Muncii și Protecției Sociale (MMPS), are misiunea de a spori oportunitățile de angajare pentru persoanele aflate în căutarea unui loc de muncă și implementarea politicilor în domeniul migrației forței de muncă orientate spre perfecționarea mecanismelor de gestionare a fluxului migrațional. Pe parcursul anului 2020 a continuat implementarea Acordului bilateral între Guvernul Republicii Moldova și Guvernul Statului Israel cu privire la angajarea temporară a cetățenilor din Republica Moldova în domeniul construcțiilor în Statul Israel, în baza căruia au fost angajați 771 de cetățeni.

În anul 2020 a început implementarea prevederilor Acordului între Republica Moldova și Republica Bulgaria privind reglementarea migrației de muncă, intrat în vigoare la 12 septembrie 2018. În baza Acordului dat, angajatorii bulgari au prezentat 93 de oferte de muncă, oferind 504 locuri de muncă în diferite domenii: hotelier, industrie ușoară, construcții etc. Au fost depuse 48 de cereri din partea solicitanților din țară, fiind angajați pe teritoriul Bulgariei doar 21 de lucrători moldoveni. Numărul total al angajaților peste hotare cu contracte individuale de muncă înregistrate la ANOFM (angajați prin intermediul agențiilor private de ocupare și prin intermediul acordurilor bilaterale interguvernamentale) a fost de 5769 de persoane (ANOFM, 2021).

Conform datelor ANOFM, constatăm că numărul persoanelor angajate provizoriu în câmpul muncii în străinătate cu contracte legale de muncă este în creștere anuală, însă acestea rămân în continuare destul de modeste față de numărul total de persoane care se află la muncă sau în căutarea unui loc de muncă peste hotare. Deci, ponderea cea mai mare de emigranți revine celor ce pleacă individual, asumându-și riscurile ce pot apărea în țara-gazdă.

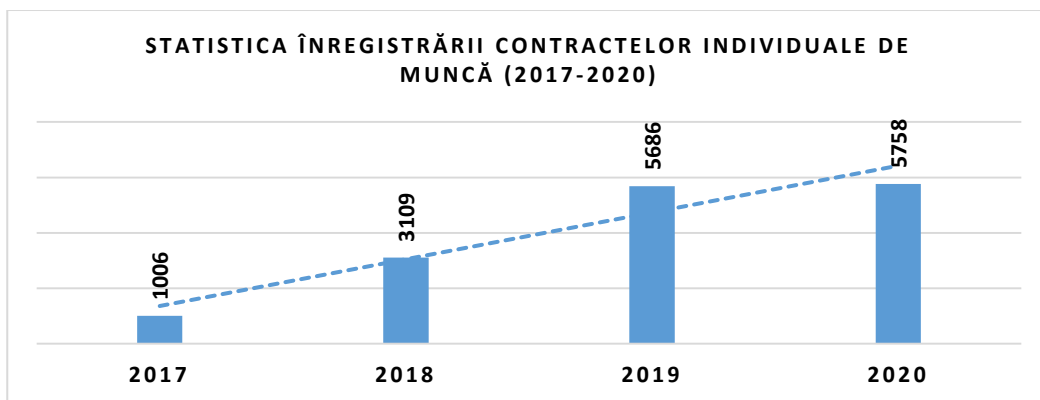

Fig.1. Statistica înregistrării contractelor individuale de muncă (2017-2020), persoane.

Sursa: Conform datelor ANOFM, www.anofm.md

Republica Moldova, la 28.09 2001, a ratificat Convenția nr. 181 privind agențiile private de recrutare, aprobată de ILO în anul 1997 (OIM, 1997). Conform prevederilor art. 63² din Legea 105, ANOFM monitorizează activitatea agențiilor private de recrutare prin înregistrarea contractelor individuale de muncă și a acordurilor de colaborare cu intermediari / angajatori străini, pe care aceștia trebuie să le prezinte pentru coordonare și înregistrare (ANOFM, 2018). În anul 2020, ANOFM a examinat 112 acorduri de colaborare și proiecte de contracte individuale de muncă, depuse de agenții economici care doresc să obțină o licență de plasare a forței de muncă în străinătate. Concomitent, la ANOFM au fost înregistrate 5758 de contracte individuale de muncă ale cetățenilor Republicii Moldova, angajați prin agenții private de recrutare.

Activitatea ANOFM, prin subdiviziunile teritoriale, este orientată tot mai mult spre emigranți, având în vedere faptul că aceste categorii de forță de muncă sunt considerate vulnerabile pe piața muncii, rămân o prioritate pentru ANOFM și pentru perioada post-COVID-19. Emigranții reprezintă un grup țintă, deoarece numărul acestora crește de la an la an. În anul 2019, ANOFM a înregistrat cu statut de șomer 1029 de persoane emigrante reîntoarse în țară, dintre care: 60% din mediul rural, 20% femei; 42% persoane cu studii primare/gimnaziale/liceale. Pe parcursul anului, au beneficiat de servicii de mediere 392 de migrați reîntorși, în mare parte fiind din localitățile rurale (52%). Au fost susținute la angajarea în muncă 215 persoane reîntoarse (21% din imigranții reîntorși) (ANOFM, 2019).

Spre deosebire de anul 2019, numărul migraților înregistrați ca șomeri la ANOFM a crescut în anul 2020, ajungând la 1605 persoane, dintre care: femei – 22%; din localitățile rurale – 60%; conform studiilor, cu studii gimnaziale/primare/liceale – 55%; studii colegiale /universitare – 23% și conform vârstei de 35-49 de ani – 44%. De asemenea, 526 de migrați reîntorși au beneficiat de servicii de mediere, în mare parte fiind din localitățile rurale (55%), iar 168 de persoane (11% din migrații reîntorși) au beneficiat de asistență la angajare din partea ANOFM. De ajutor de

șomaj au beneficiat 38 de persoane, dintre care 39,5% femei. Cele mai multe persoane reîntoarce în țară au revenit din Rusia – 30,8%, urmată de Germania – 12,4%, Italia – 12% etc.

Ca răspuns la criza pandemică COVID-19 și în temeiul Legii privind promovarea ocupării forței de muncă și asigurarea de șomaj, ANOFM a elaborat cadrul logistic pentru două măsuri active de ocupare a forței de muncă, prin care va fi acordat sprijin financiar pentru afaceri și suport financiar pentru proiecte de inițiativă locală. De măsurile respective vor putea beneficia și migranți reîntorși în țară (ANOFM, 2020).

Totodată, dependența societății moldovenești față de migrarea forței de muncă, ca mijloc de ocupare, de atenuare a tensiunii sociale de remitențe, ca venituri pentru îmbunătățirea bunăstării familiilor, determină un grad înalt de vulnerabilitate crescută a pieței muncii. Republica Moldova se include tot mai intens în procesul de transnaționalizare prin migrația forței de muncă, care are consecințe atât pozitive, cât și negative asupra calității vieții populației țării. Efectele pozitive provin din faptul că cca 20% din veniturile recepționate de la emigranți sunt economisite în sistemul bancar, fiind o sursă majoră de valută străină, au implicații fundamentale asupra creșterii economice, a balanței de plăți și pieței muncii.

Evident, transferurile sociale reprezintă încă o pondere semnificativă din venitul gospodăriilor. Fluxul mare de migranți moldoveni a dus la o dependență substanțială de remitențe pentru economia Moldovei, care este una dintre cele zece țări din lume dependente de remitențe. Recordul absolut a fost înregistrat în 2008, când valoarea remitențelor a atins cifra de 1,660 milioane de dolari. În anul 2020 volumul transferurilor nete de valută în favoarea persoanelor fizice a ajuns la 1,487 milioane de dolari, valoare maximă înregistrată în ultimii 6 ani. Volumul total al transferurilor bănești în anul 2020 a fost cu 21,6% mai mare comparativ cu perioada similară a anului precedent. Cele mai multe transferuri în 2020 au fost efectuate în euro – 62,1 %, urmate de transferurile în dolari SUA – 35,8% și ruble rusești – 2,1%.

Conform provenienței geografice, cei mai mulți bani au venit din UE – o pondere de 46,8 %, din CSI – o pondere de 13,6 % și din restul lumii – o pondere de 39,6 %. Primele țări după proveniența transferurilor bănești în favoarea persoanelor fizice din totalul transferurilor în anul 2020 în % sunt Israel – 18,6%, Italia – 14,1, Rusia – 13,6%, Germania – 10,5, Marea Britanie – 7,9 etc.

Ponderea transferurilor din Israel, Marea Britanie, Irlanda de Nord și SUA a constituit 88,2 la sută din totalul pe alte state. Transferurile din aceste douăzeci și una de state (inclusiv din Rusia) reprezintă 93,5 la sută (1390,66 mil. USD) din totalul transferurilor în Republica Moldova. Efectele diminuării influxurilor financiare din Federația Rusă reiese din reorientarea treptată a migranților de muncă spre țările din UE (BNM, 2020).

Concluzii. Emigrarea din Republica Moldova trebuie privită în strânsă legătură cu dezvoltarea țării, ocuparea forței de muncă, precum și oferta reală a locurilor de muncă cu salarii decente. În contextul în care tot mai mulți moldoveni migrează în scop de muncă în străinătate, semnarea de către instituțiile statului a tratatelor

internaționale în domeniul migrației de muncă asigură un mod reglementat, sigur și legal de a munci pe teritoriul altei țări, precum și o protecție socială pentru imigranții moldoveni.

În Republica Moldova au fost adoptate un șir de documente conceptuale și legi care determină politica migrațională în domeniile cheie ale gestionării migrației și practicilor migraționale pentru o perioadă pe termen mediu și lung. Majoritatea dintre acestea sunt în conformitate cu standardele internaționale, ținând cont de contextul aspirațiilor de integrare europeană. Toate actele legislative sunt adaptate la condițiile fluctuației pieței muncii, împărțind responsabilitățile de monitorizare și management între statul-gazdă și țara de baștină a migranților, semnând acordurile bilaterale în domeniul migrației de muncă.

Scopul acordurilor este de a determina dreptul cetățenilor de a se deplasa între state și de a beneficia de securitate socială, astfel fiind înlăturate restricțiile de a pretinde la astfel de beneficii, îmbunătățirea dreptului dobândirii și portabilității dreptului la pensie. În prezent Republica Moldova are semnate și în vigoare 20 de acorduri bilaterale în domeniul securității sociale.

Totodată, Republica Moldova este parte a unor parteneriate regionale în domeniul migrației, care au menirea să consolideze cooperarea în ceea ce privește politicile cu țările vecine, țările de destinație și cele de origine ale migranților. Astfel, semnarea și implementarea acordurilor bilaterale, tratatelor internaționale de către instituțiile statului asigură o protecție socială pentru imigranții moldoveni ce muncesc în străinătate.

În scopul reducerii emigrării forței de muncă se propune:

- Studierea practicii europene în domeniul salarizării în sectorul bugetar și real și perfectarea/ modificarea Legii nr. 270 din 23.11.2018 privind sistemul unitar de salarizare în sectorul bugetar și Legii salarizării nr. 847 din 14.02.2002 în sectorul real al economiei, în conformitate cu experiențele performante ale UE și asigurarea unui sistem de salarizare și motivare financiară corespunzătoare, care ar facilita reîntoarcerea migranților, precum și reducerea exodului de migranți.
- Susținerea financiară a persoanelor reîntoarse în țară prin acordarea diverselor granturi preferențiale.
- Efectuarea cercetărilor complexe în domeniul impactului migrației asupra dezvoltării socioeconomice atât la nivel național, cât și local etc.
- Armonizarea legislației muncii cu cea a UE pentru a permite respectarea obiectivelor și standardelor stabilite prin Strategia europeană pentru ocuparea forței de muncă.
- Pentru facilitarea reintegrării pe piața muncii a migranților reîntorși e nevoie de actualizarea datelor cu referire la oportunități și la problemele cu care se confruntă aceștia la reîntoarcere, prin realizarea unor cercetări periodice de către MMPS și ANOFM.

Referințe

- ANOFM, 2018. *Buletin Informativ. Activitatea Agențiilor Private de ocupare a forței de muncă domeniul de plasare în câmpul muncii peste hotare*. [Online]
Available at: <https://www.anofm.md/files/elfinder/Buletin%20Informativ%20AE%20Private%202017%20final.pdf>
- ANOFM, 2019. *Raport anual de activitate al Agenției Naționale pentru Ocuparea Forței de Muncă*. [Online]
Available at: https://anofm.md/view_document?nid=19387
- ANOFM, 2020. *Raport anual de activitate al Agenției Naționale pentru Ocuparea Forței de Muncă*. [Online]
Available at: https://www.anofm.md/view_document?nid=19608
- ANOFM, 2021. [Online]
Available at: www.anofm.gov.md
- Biroul Migrație și Azil, 2019. *Profilul Migrațional Extins al Republicii Moldova 2014-2018. Raport analitic*. [Online]
Available at: http://bma.gov.md/sites/default/files/media/ra_pme_2014-2018_0.pdf
- BNM, 2020. *Statistica operațiunilor bancare internaționale*. [Online]
Available at: <https://www.bnm.md/ro/content/evolutia-transferurilor-de-mijloace-banesti-din-strainatate-efectuate>
- GovMD, 2016. *Strategia Națională privind Ocuparea Forței de Muncă pentru perioada 2017-2021. Hotărârea Guvernului Republicii Moldova nr. 1473 din 30.12.2016*, s.l.: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2017, nr. 109-118, art. 272..
- GovMD, 2017. *Planul Național de Acțiuni pentru implementarea Acordului de Asociere Republica Moldova–Uniunea Europeană în perioada 2017–2019. Hotărârea Guvernului nr. 1472 din 30.12.2016*, s.l.: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 103-108, art. 271.
- IOM, 2018. *World Migration Report 2018*, Geneva: International Organization for Migration.
- Monitorul Oficial, 2017. *Strategia națională de dezvoltare „Moldova 2020”, aprobată prin Legea nr. 166 din 11.07.2012 07.04.2017 nr. 245-247, art. 791.*, Chișinău: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 07.04.2017 nr. 245-247, art. 791..
- Monitorul Oficial, 2018. *Legea nr. 105-XV din 14.06. 2018 cu privire la promovarea ocupării forței de muncă și asigurarea de șomaj*, s.l.: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 295-608, art. 448.
- ODIMM, 2021. [Online]
Available at: <https://www.odimm.md/ro/>
- OIM, 1997. *Convenția OIM nr.181 privind agențiile private de ocupare*. [Online]
Available at: https://anofm.md/sites/default/files/inline-files/conventia_181_md.pdf

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ И ДЕТНОСТЬ: СВЯЗЬ И ВОЗМОЖНОСТИ ВЛИЯНИЯ

Борис Кример¹ канд. экон. наук, старш. науч. сотрудник,
Институт демографии и социальных исследований им. М. В. Птухи
НАН Украины

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-20>

Abstract. *The availability of housing can influence the decision to leave the parental home and start your own family. A notable relationship between housing conditions and fertility rates has been confirmed in a number of studies in recent decades. The influence of the provision of housing on the intensity of the birth rate and the likelihood of postponing the birth is traced.*

The relationship between indicators of housing provision (dwelling area, number of rooms, amount of rent) and the number of children in Ukrainian households are investigated. A review of studies on the influence of the housing factor on fertility is made, and the possibility of influencing the fertility of family policy instruments related to housing is investigated.

The following methods of scientific research were used: comparison, analysis, generalization and induction. The relationship between the indicators of housing provision and the number of children in households is investigated using correlation analysis and logistic regression. The study of the family policy of developed countries, its effectiveness and the possibility of its application in Ukraine is carried out using a historical analogy and a systematic approach, an abstract-logical method.

Households with children in Ukraine are characterized by particularly low indicators of housing provision. A significant, but rather weak, relationship between the indicators of housing provision and children was found at the national level and in large cities of Ukraine.

The availability of housing of an appropriate quality has an impact on parents, while affordability leaves much to be desired in different countries. In Ukraine, the influence of housing conditions on childbirth is more noticeable in large cities than in other settlements. The rather low provision of housing for families with children, overcrowding is especially felt in large cities of the country. Based on this, the importance of family policy focused on solving the housing problems of parents with children may be noted.

Key words: fertility, housing conditions, family policy

JEL Classification: J13, J18.

Вступление. В жизни современного человека жилье играет важную роль, в частности, это касается и демографического поведения. Наличие жилья может повлиять на принятие решения о выходе из родительского дома и создание своей семьи. Перед рождением ребенка родители стремятся обеспечить жилье надлежащего качества, что, кроме характеристик помещения, касается и жилищных условий, удобства окружающей среды. Также важной является доступность жилья для родителей.

Обзор литературы. Современные исследования указывают на заметное влияние доступности жилья для родителей на интенсивность

¹ ©Борис Кример, e-mail: b.krimer.demostudy@gmail.com.

рождаемости и вероятность отсрочки рождения ребенка. На примере Финляндии (Hill Kulu, Andres Vikat) продемонстрировано дифференциацию в интенсивности рождаемости по типу жилья - где пары в односемейных домах куда более склонны к рождению ребенка, чем пары в квартирах; а также рост рождаемости после того, как супруги изменило жилье (в частности, рост вероятности третьего рождения через несколько лет после переезда) (Kulu, Vikat, 2007).

Исследование связи цен на аренду жилья и рождаемости в 25 городах-метрополисах США (William Clark, Lisa J. Dettling, Melissa Kearney) продемонстрировало, что проживание в метрополисе с дорогим рынком жилья связано с задержкой рождение детей на три-четыре года по сравнению с рынками дешевого жилья. Влияние изменения цен жилья на рождаемость охарактеризовано как такое, которое выше, чем от колебаний уровня безработицы. Исследование также продемонстрировало, что кратковременный рост цен на жилье в размере 10 000 USD приводит к уменьшению текущей рождаемости в условных поколениях среди несобственников жилья на 5%, и рост среди владельцев на 2,4%. Эти оценки означают, что чистый эффект роста цен на жилье на 10 000 долларов составляет 0,8 процента роста текущего уровня рождаемости (Clark, 2021). Следует подчеркнуть, что связь между характеристиками жилья и наличием детей не всегда является положительной, однако, очевидно, что он является значительной.

В исследовании К. Малдер (C. Mulder), доказано, что доступность жилья (включая цену покупки или аренды жилья, доступ к ипотечным кредитам) влияет на интенсивность рождаемости, особенно первых детей (Mulder, 2006). То, что рождению ребенка, часто предшествует переезд к новому жилью, подтверждается также исследованиями в других странах, а нехватка жилья может негативно влиять на рождаемость в Центральной и Восточной Европе (United Nations, 2010). Также отмечается, что связь между жилищными условиями и рождаемостью довольно сложно поддается количественной оценке.

На примере Австралии (Li A.) обосновывается важность политики увеличения доступности жилья именно в контексте роста рождаемости. Утверждается, что другие инициативы семейной политики, а именно финансовое содействие, системы отпусков и социальные услуги по уходу за ребенком, могут иметь меньший эффект без политики, способствующей доступности жилья необходимого качества для родителей с детьми (Li, 2018).

Исключительную важность жилищных проблем в принятии решения о рождении ребенка свидетельствовали еще обследования детородной активности, проведенные ИДСИ НАНУ в 2008-2010 гг., а также опрос студенческой молодежи в 2019 году.

Методы и источники. В качестве источников исследования использованы данные Государственной службы статистики Украины, в частности – Исследование условий жизни домохозяйств; а также статистика агентства недвижимости «Благовист», опубликованная у них на сайте и некоторые данные статистической службы европейского союза «Евростат». Используются методы научного исследования: сравнения, анализа, обобщения и индукции. Связи показателей обеспеченности жильем и детности домохозяйств исследуются при помощи корреляционного анализа и логистической регрессии. Изучение семейной политики развитых стран, ее эффективности и возможности применения в Украине осуществлен с помощью исторической аналогии и системного подхода, абстрактно-логический метод.

Основной материал. Стоимость жилья, издержки на его содержание также имеют непосредственное влияние на материальное благосостояние семей с детьми и семей, которые только принимают решение о рождении ребенка и их изменение может влиять на принятие этого решения. За последнее десятилетие цены на жилье стремительно выросли во многих городах Европы, которые стали магнитом для экономической деятельности и иммиграции. В Великобритании, например, молодые поколения, рожденные между 1980 и серединой 1990-х гг. тратят почти четверть своих доходов на жилье - это гораздо больше, чем предыдущие поколения (Thévenon, 2011). При этом, в столицах стран Европы цены на жилье выросли гораздо сильнее, чем в соседней сельской местности. Доля расходов на жилье в существующем доходе домохозяйства составила 17,9% в городах, по сравнению с 15,8% в сельской местности. Средний размер жилья в сельской местности ЕС - 28 составлял 104 м², что на 5 м² больше, чем в городах и пригородах, и на 15 м² больше, чем в городах (Sobotka, Matysiak & and Brzozowska, 2019).

Похожие проблемы с жильем и его доступности характерны и для городского населения Украины: в крупных городах Украины около 70% семей с детьми не обеспечены минимально необходимыми жилищными условиями, в частности, речь о нехватке жилой площади и нормативного количества комнат (Когатько, 2020).

Обследование условий жизни домохозяйств в Украине позволяет охарактеризовать жилищные условия семей с детьми в Украине и определить их слабые стороны. Одной из главных проблем для домохозяйств с детьми, является их перенаселение, что особо остро ощущается в больших городах страны. Доля детей, проживающих в перенаселенном домохозяйстве составляет в Украине 71,6%, при этом в Киеве этот показатель является самым высоким в стране и составляет 89,4% (для сравнения, в близлежащей Киевской области - 67,4%). В крупных городах доля детей, проживающих в перенаселенном домохозяйстве составляет уже 79,8%.

Средний размер жилой площади на одного человека в больших городах является наименьшим в стране (14,4 м²). Общая доля населения, живущего в перенаселенном жилье здесь является самой высокой в стране и составляет 66%. Средний размер жилой площади во всех городах составляет 15,8 м² и несколько уступает размера в селах (18,9 м²), а в Киеве он является самым низким в стране (12,8 м²).

В больших городах чаще всего живут в отдельной квартире (79,2% жителей), больше других типов поселений распространено съемное жилье (8,7%, что вдвое превышает значение для всех домохозяйств страны). При этом 39,5% проживает в двухкомнатных квартирах и 32,45 - в трехкомнатных. Например, в большом городе в каждой десятой однокомнатной квартире проживает 4 и более человек и в 37,3% - три и более человека. В этих же однокомнатных квартирах большого города средний размер жилой площади на одного человека составляет всего 8 м².

Только 13,4% жилых помещений в городах Украины построены за последние 30 лет. Остальные - старые (построения до 1990 года, преимущественно в 60-80х годах прошлого века). В крупных городах жилье, преимущественно, немного новее, но отличие мизерная - 14,1% построено после 1990 года, 3,9% - после 2001 года.

Если говорить о жилищных условиях, то в больших городах они лучше практически по всем параметрам, чем в других типах поселений. Также несколько выше уровень удовлетворения своими жилищными условиями (65,9% - сумма «довольных» и «очень довольных» согласно с обследованием условий жизни домохозяйств), чем в малых городах (62,45%) или селах (50,2%).

Если в селах и малых городах уровень удовлетворения своими жилищными условиями выше в домохозяйствах с детьми (64,6% против 61,2%) в малых городах и 58% против 46,1% в селах), то в больших городах, уровень удовлетворения в домохозяйствах с детьми - только 58,7%, в домохозяйствах без детей - 70,7%. В частности, в Киеве уровень удовлетворения жилищными условиями среди домохозяйств с детьми - 54,3%, среди домохозяйств без детей - 74%. То есть, жители больших городов в домохозяйствах без детей значительно более удовлетворены своими жилищными условиями, чем в домохозяйствах с детьми, и этим разительно отличаются от жителей малых городов и сельской местности. Можно предположить, что таким образом отражается значительное перенаселение домохозяйств с детьми.

Среди домохозяйств с детьми в больших городах наиболее довольны своими жилищными условиями домохозяйства с одним ребенком - 59,67% «довольных» и «очень довольных», несколько меньше - 54,4% удовлетворены жилищными условиями домохозяйства с двумя детьми, еще меньше - 52,7% домохозяйств с тремя и более

детьми. Подобная «нисходящая» тенденция наблюдается во всех типах поселений, при этом в малых городах домохозяйства с тремя и более детьми выделяются особо низким уровнем удовольствия - всего 23,9%, что более чем вдвое меньше, чем в крупных городах и почти вдвое меньше, чем в селах. При этом домохозяйства с двумя детьми в малых городах больше довольны своими жилищными условиями, чем в крупных городах. Можно предположить, что с тремя и более детьми особенно «ярко» ощущается перенаселение домохозяйства в малом городе.

Намного сложнее определить связь между показателями обеспеченности жильем, жилищными условиями и демографическим поведением. Сделана попытка установить связь между стоимостью жилья в Киеве (по данным агентства недвижимости «Благовист») и показателями интенсивности рождаемости и динамикой возрастом матери.

Установлено наличие слабой связи (коэффициент корреляции Пирсона составил 0,461 с суммарным коэффициентом рождаемости и 0,423 со средним возрастом матери при рождении ребенка). Однако, следует заметить, что установление корреляционной связи само по себе не является доказательством влияния динамики цен на рождаемость, следует понимать, что может существовать более определяющее влияние других факторов в указанный период - в частности, экономического кризиса после 2013 года. Типичной реакцией на кризис является снижение интенсивности рождаемости в последующие годы (с возможностью восстановления в более длительном периоде) и отложения деторождения в более поздние возрастные группы.

Попытки проанализировать связь стоимости жилья в Украине и показателей рождаемости встречается с проблемой отсутствия достаточного количества доступных данных об изменениях стоимости жилья за длительный период.

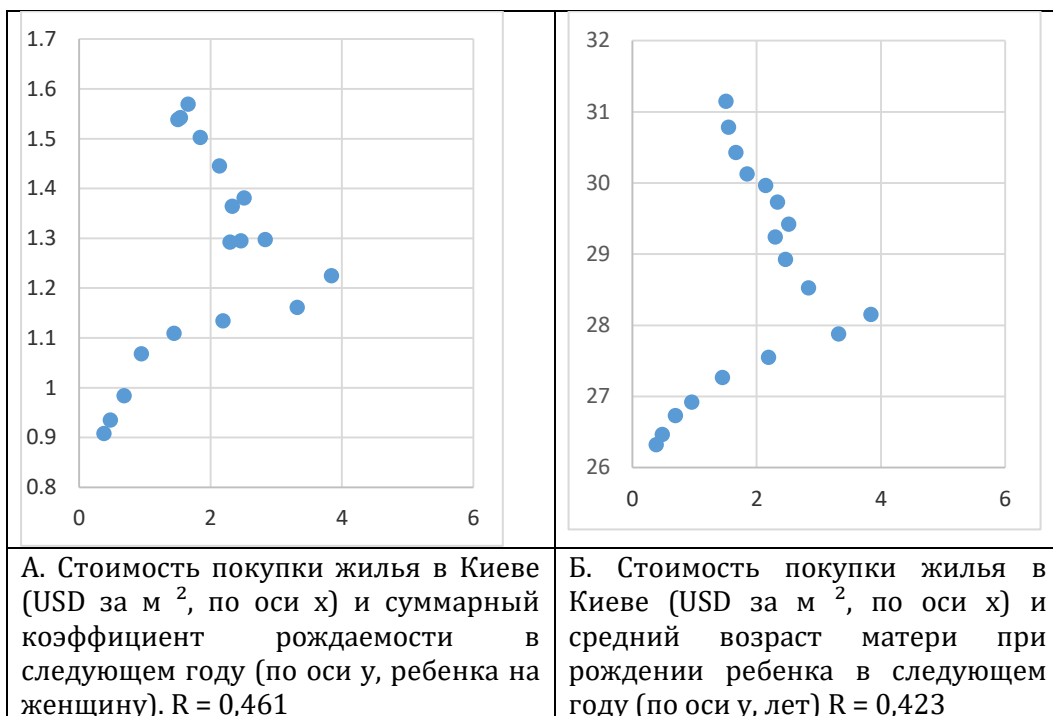

Рис.7. Связь стоимости покупки жилья в Киеве с суммарным коэффициентом рождаемости (А) и средним возрастом матери при рождении ребенка (Б) по 2001-2018 гг.

Источник: Государственная служба статистики Украины, агентство недвижимости «Благовист»

В рамках исследования связи рождаемости и семейной политики предпринята попытка проанализировать связь жилищных условий и рождаемости с помощью регрессионного анализа. Из немногих доступных источников данных выделяется обследование условий жизни домохозяйств, которое проводит Государственная служба статистики, поскольку содержит значительное количество показателей жилищных условий, а также тем, что общедоступными являются файлы с микроданных обследования из 2019 и 2018 годов. Также обследование имеет достаточно большую, как для наших реалий, выборку (8107 домохозяйств в 2019 году). Проблемой оказалось то, что в общем доступе обследование не содержит вопросов о родившихся детей, что значительно затрудняет именно поиск связи жилищных условий домохозяйства и рождаемости, а также очень также низкая вариация показателей обеспеченности жильем в публикуемом формате. Использован метод логистической регрессии. При подобных вводных данных наличие положительного результата была бы скорее странным, чем закономерным.

Взамен рождаемости было использовано показатель "детность", который основывался на наличии детей в домохозяйстве. Для минимизации искривления, связанные с отдельно живущими детьми, было решено убрать «пенсионерские» домохозяйства. Результат продемонстрировал, что влияние показателей обеспеченности жильем (площади жилья, количества комнат) на детность домохозяйств в крупных городах заметно выше и прослеживается лучше, чем в других типах поселений. Из чего можно сделать вывод о более весомом влиянии жилищных условий на детность именно в крупных городах. В сельской местности наличие связи не подтверждается. Стоит отметить, что установлены связи были чрезвычайно слабы и для их подтверждения следует провести дополнительные исследования на более качественных вводных данных.

Реакцией со стороны социальной политики на проблемы доступности жилья для родителей с детьми являются программы развития доступного жилья, принимаемых на уровне стран и отдельных городов. В настоящее время большинство развитых стран мира имеют национальную жилищную стратегию. Двадцать семь из сорока стран ОЭСР сообщают о внедрении национальной жилищной стратегии. Одиннадцать стран сообщают, что не существует национальной жилищной стратегии; однако в некоторых из этих стран цели жилищной политики изложены в региональных стратегиях в сфере жилья. Основными целями жилищной политики, признанными большинством развитых стран мира, является улучшение качества жилья, обеспечение доступности жилья и увеличение предложения жилья. Также важными целями можно назвать обеспечение инклюзивности жилищного строительства и развития городов, усиление институциональной способности субъектов жилищного строительства, повышение энергоэффективности.

Как пример успешного внедрения приоритизации жилищных проблем в можно привести программу развития семейной политики Эстонии, где политика обеспеченности жильем присутствует и в качестве главных указываются такие направления деятельности как:

- повышение качества среды и качества жилищного фонда,
- увеличение поддержки муниципального фонда арендной жилой площади (в т.ч. для молодежи),
- обеспечение возможности получения молодыми семьями государственной поручительства на жилой заем,
- материальная поддержка многодетных семей,
- поддержка приведения жилья в соответствии с особыми потребностями.

Рассматривая семейную политику стран Восточной Европы (как наиболее близких и сравниваемых с Украиной) можно найти примеры

активной приоритизации вопрос обеспеченности жильем в стратегиях развития крупных городов. В современных стратегиях развития крупных городов Польши (Вроцлав, Краков, Лодзь) демографические цели и решения их через преодоление жилищных проблем прослеживаются или напрямую, либо через формулирование приоритетов по качеству жизни населения и создание благоприятной среды в целом (Познань, Варшава). На уровне государства также существуют программы как поощрения материального родителей с детьми, так и развития социального строительства. Из недавних примеров активизации семейной политики в Восточной Европе стоит отметить пример Венгрии, где связанные с покупкой жилья пособия и кредиты с недавних пор очень весомые и дифференцированные за очередностью, но при этом существуют «сомнительные» условия их получения – обязательство вернуть часть суммы в случае рождения меньше определенного числа детей, а также обязательное состояние в семейной паре. Подобные условия идут вразрез с тенденциями развития современного мира.

Подытожим, что влияние жилищных условий на детородное поведение – как на интенсивность рождаемости, так и на «календарь» рождений подтверждается рядом современных исследований развитых стран. Наличие жилья нужного качества имеет влияние на родителей, при этом доступность оставляет желать лучшего в разных странах. В Украине влияние жилищных условий на детность более заметное в крупных городах, нежели в других поселениях. Довольно низкая обеспеченность жильем семей с детьми, перенаселенность особенно чувствуется в больших городах страны. Исходя из этого, можно отметить важность ориентированной на решение жилищных проблем родителей с детьми семейной политики.

ЛИТЕРАТУРА

- Kulu, H., Vikat, A. (2007). Fertility differences by housing type: The effect of housing conditions or of selective moves? *Demographic Research*, Vol. 17., Article 26. doi:10.4054/DemRes.2007.17.26.
- Clark, William A., V. Clark. (2012). Do women delay family formation in expensive housing markets? *Demographic Research*, Vol. 27, Article 1, 1–24. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2012.27.1>.
- Mulder, C. (2006). Population and housing: A two-sided relationship. *Demographic Research*, Vol. 15, Article 13. doi: 10.4054/DemRes.2006.15.1311.
- The relationship between population and housing. (2010). United Nations. <http://www.iut.nu/wp-content/uploads/2017/07/The-relationship-between-Population-and-Housing.pdf>.
- Li, A. (2018). Fertility and Housing Market: Australian Evidence. Thesis Submitted in fulfillment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. – Sydney. URL:

https://ses.library.usyd.edu.au/bitstream/handle/2123/18877/2018_Ang_Li_thesis.pdf.

Thévenon, O. (2011). Family Policies in OECD Countries: A Comparative Analysis. *Population and Development Review*, 9, March. 2011. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00390.x>.

Sobotka, T., Matysiak A. & and Brzozowska Z. (2019). Policy responses to low fertility: how effective are they? Technical Division Working Paper Series, Population and Development Branch. New York: UNFPA. *Working Paper*, 1, May 2019. <https://www.unfpa.org/publications/policy-responses-low-fertility-how-effective-are-they->.

Когатько, Ю. Л. (2020). Бідність сільських дітей в Україні. *Демографія та соціальна економіка*, 2 (40), 89--102. <https://doi.org/10.15407/dse2020.02.089>.

ASPECTE SOCIO-DEMOGRAFICE ALE TRANZIȚIEI TINERILOR LA VIAȚA DE ADULT ÎN REPUBLICA MOLDOVA¹

Mariana Crîșmaru², doctorand, cercetător științific,
INCE, Centrul de Cercetări Demografice, Republica Moldova

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-21>

Abstract. *The paper looks at transition to adulthood breakdown by socio-demographic variables. Major life events, including completion of studies, employment, family formation and parenthood, using data of "Generations and Gender" Survey (2020) are analyzed. The target population for analysis are young people aged 21-35 (N = 1915). Descriptive analysis of data based on young people's status is presented. Logistic regression is used to analyze the determinants that influence young people's access to the labor market as one of the main markers of the transition to adulthood.*

The quantitative analysis of the socio-demographic aspects of the transition to adulthood showed differentiated patterns based on gender and place of residence, which have a significant impact on the occurrence of certain life events. Events related to family formation and parenting practically overlap and occur earlier among young women, with a higher share in rural areas. In the urban areas there is a higher share of young people who have a more extensive educational background. Labor market access is one of the main challenges for young people, especially in rural areas. Logistic regression analysis showed that gender (male), residence (urban) and level of education (high) of young people are the determining factors for the transition from education to work.

Cuvinte-cheie: Tineri, tranziție, educație, angajare, căsătorie, parentalitate.

Clasificarea JEL: J00, I39

Introducere

Tranziția tinerilor la viața de adult este un concept complex, ce semnifică o serie de evenimente importante, implicând finalizarea studiilor, accesarea pe piața muncii, părăsirea casei părintești, întemeierea unui nou cuplu/familie, parentalitate. Aceste evenimente se acumulează și parțial se suprapun, fiind precedate de adoptarea unor noi roluri și modificări de statut, ce determină caracteristicile intrării într-o nouă etapă a vieții și exercită efecte de lungă durată și decisive pentru tot parcursul vieții.

Odată cu schimbările survenite în ultimele decenii în pattern-urile tranziției tinerilor, aceste subiecte au căpătat o relevanță sporită. Studiul tranziției la viața de adult contribuie la elucidarea diferitor aspecte și tendințe la nivel global și societal (Taylor-Gooby, 2004) (Shildrick, Blackman, & MacDonald, 2009), înțelegerea modului în care schimbările și viața socială complexă au impact asupra vieții tinerilor (Furlong, 2016), evidențierea

¹ Articolul este elaborat în cadrul Programului de Stat (2020-2023) 20.80009.0807.21 "Migrația, schimbări demografice și politici de stabilizare a situației".

² © Mariana Crîșmaru©, mariana.crismaru@yahoo.com

dezavantajelor și excluziunii sociale a anumitor categorii de tineri (Unt, Gebel, Bertolini, Deliyanni-Kouimtzi, & D., 2021), ajustarea politicilor de tineret în funcție de noile realități (Walther A. , 2002) (Pislaru, 2019).

Procesul de tranziție al tinerilor în contextul Republicii Moldova este deosebit de complex. Pe lângă provocările și schimbările globale, tinerii se confruntă cu un șir de probleme specifice, exacerbate de situația socioeconomică precară, inconsecvența reformelor în domenii-cheie, ineficiența structurală a pieței muncii – lipsa locurilor de muncă de calitate, menținerea ponderii înalte a ocupațiilor elementare cu salarizare joasă etc.

Prezentul articol are drept scop analiza aspectelor socio-demografice ale tranziției la viața de adult prin prisma principalelor evenimente, precum finalizarea studiilor, căsătoria, parentalitatea și angajarea în câmpul muncii, în baza Studiului "Generații și Gen" (GGs, 2020). Totodată, sunt analizați factorii determinanți ai angajării în câmpul muncii, care este privită drept unul din markerii principali ai tranziției la viața de adult.

Revista literaturii

Un șir de studii s-au axat pe analiza impactului tendințelor globale și schimbărilor sociale asupra vieții tinerilor în general și pattern-urilor de tranziție a tinerilor la viața de adult în special. Cercetările au arătat că tendințele globale și schimbările socioeconomice, precum creșterea inegalității și excluziunii, insecuritatea pe piața muncii, fragilitatea familiei au afectat generațiile tinere într-o măsură mai mare decât categoriile de populație mai în vârstă (Taylor-Gooby, 2004), (Walther & Pohl, 2007), (Unt, Gebel, Bertolini, Deliyanni-Kouimtzi, & D., 2021).

La rândul său, studiile au evidențiat caracterul de „de-standardizare” al acestui proces (Walther & Pohl, 2007), (Elzinga & Liebroer, 2007), care presupune o varietate din ce în ce mai mare de modele familiale și stiluri de viață, parcursuri educaționale diversificate, tranziții la muncă mai prelungite, variate, instabile și incerte (Walther A. , 2007). S-a produs trecerea de la "biografia standard", caracterizată prin traiectorii liniare, la traiectorii caracterizate prin individualizare, atunci când adulții tineri trebuie să ia mai multe decizii pe cont propriu și sunt responsabili personal pentru aceste decizii. Totodată, aceste pattern-uri tot mai des sunt reversibile din cauza șomajului, divorțului, schimbării forțate a locului de trai etc., numită tranziția "yo-yo" (Biggart & Walther, 2006).

La fel, studiile realizate în Republica Moldova arată că tinerii se confruntă cu numeroase probleme și provocări. Cele mai multe cercetări realizate în țara noastră, care s-au axat pe tranziția de la școală la muncă, au evidențiat diverși factori atât individuali, cât și sistemici care afectează tranziția tinerilor de la școală la muncă (Ganta & Shamchiyeva, 2016), (Buciuceanu-Vrabie & Gagauz, 2017): locuri de muncă (calificate) limitate și de slabă calitate, salarii mici, informalitate; fluxuri de emigrare continuă, dependență de remitențe; discrepanțe regionale și rural/urban; decalaj de gen

în privința accesului și calității ocupării; discrepanțe dintre nivelul de competențe și cerințele de pe piața muncii.

Studiile care s-au axat pe studierea specificului tranziției fertilității în Republicii Moldova au constatat un proces de amânare a nașterilor spre vârstele mai mature, profilul fertilității având un caracter intermediar – de trecere de la modelul timpuriu la modelul tardiv (Grigoraș, 2018).

Metodologie/ Date și metode

În vederea analizei principalelor evenimente ale tranziției tinerilor la viața de adult au fost utilizate datele Studiului "Generații și Gen" (GGG, 2020). Este utilizată definiția sociologică, care relevă că persoanele pot fi considerate adulte atunci când se întrețin singure ori și-au ales o carieră, și-au întemeiat o familie ori au legat un parteneriat important, au devenit părinți. Tranziția este privită ca un proces complex, care le permite tinerilor să devină parte a structurii sociale și face posibilă schimbarea generațională, actualizarea normelor sociale și a pattern-urilor comportamentale.

Grupul-țintă pentru analiză l-au constituit persoanele tinere cu vârsta cuprinsă între 21 și 35 de ani (N=1915). A fost selectată această categorie de vârstă pentru a elucida mai bine situația tinerilor care au finalizat învățământul obligatoriu și urmau să finalizeze procesul de tranziție de la școală la muncă. Evenimentele analizate sunt: finalizarea studiilor; accesarea pe piața muncii; întemeierea unei familii; parentalitate. Este utilizată analiza descriptivă a datelor în baza statutului tinerilor, urmând analiza inferențială în baza modelelor de regresie. Pentru analiza factorilor determinanți care influențează accesarea tinerilor pe piața muncii este utilizată regresia logistică, care modelează relația dintre mai multe variabile independente și o variabilă dependentă dihotomică. Regresia logistică se estimează pe probabilitatea maximă, transformând variabila dependentă într-o variabilă logit – logaritmul natural al șansei ca evenimentul să apară sau nu.

Rezultate și discuții

În tabelul de mai jos sunt prezentate caracteristicile generale socio-demografice ale respondenților care au fost utilizate în analiza tranziției tinerilor la viața de adult.

Tabelul 1. Datele socio-demografice ale respondenților GGS, 21-35 de ani (N=1915)

		Nr	%
Sex	Femei	1221	63.8
	Bărbați	694	36.2
Mediu de reședință	Rural	1073	56.0
	Urban	842	44.0
Vârsta	21-25 ani	474	24.8
	26-30 ani	620	32.4

	31-35 ani	821	42.9
Nivel de educație	Gimnaziale și mai jos (scăzut)	581	30.3
	Generale, profesionale (mediu)	860	44.9
	Universitare și postuniversitare (înalt)	473	24.7

Sursa: Datele Studiului "Generații și Gen" (GGS, 2020).

După cum a fost menționat, perioada de tranziție a tinerilor la viața de adult este tot mai diferită și tot mai dificil de traversat astăzi comparativ cu cea de acum câteva decenii. În prezent, tinerii petrec mai mult timp în educație, o proporție mai mare acced la învățământul superior, participă la noi forme de angajare, care anterior nu existau.

În ceea ce privește parcursul educațional, datele GGS arată că marea majoritate a persoanelor tinere finalizează studiile până la vârsta de 24 de ani. Astfel, dacă la 21 de ani circa 1/3 din tinerii de vârsta respectivă erau încadrați în procesul de studii, ulterior, ponderea celor care studiază scade, iar începând cu vârsta de 24 de ani acest indicator se apropie de valoarea zero. Datele arată că circa 25% din tinerii de 21-35 de ani au atins nivelul superior de studii (fig. 1).

Evenimentele ce țin de întemeierea unei familii și parentalitate practic se suprapun, iar ponderea se amplifică odată cu înaintarea în vârstă a tinerilor. În analiză sunt incluse persoanele care au indicat că la momentul desfășurării studiului erau căsătorite legal. Dacă la vârsta de 21 de ani în jur de 40% din tineri erau căsătoriți și aveau copii, atunci către vârsta de 35 de ani mai mult de 80% din tinerii de vârsta respectivă aveau statutul de căsătorit/ă și părinte (fig. 1).

Totodată, circa 7% din totalul persoanelor de 21-35 de ani incluse în eșantion formează un cuplu și locuiesc împreună fără a fi oficializată o căsătorie. Pe de altă parte, 18% din participanții la studiu au indicat că au locuit anterior împreună cu cineva în calitate de cuplu sau au fost căsătoriți anterior.

Unul din cele mai importante evenimente care marchează tranziția tinerilor la vârsta de adult este accederea pe piața muncii, dar care înregistrează cele mai joase valori. Aceste date sunt confirmate și de un șir de studii privind situația tinerilor pe piața muncii și care arată un număr tot mai mare de tineri dezavantajați (Crismaru, Gagauz, & Buciuceanu-Vrabie, 2018), (Buciuceanu-Vrabie & Gagauz, 2017).

Potrivit datelor studiului, la vârsta de 21 de ani erau încadrați în câmpul muncii circa 37% din totalul tinerilor de vârsta respectivă. Totodată, nici ulterior acest indicator nu înregistrează valori înalte, ajungând la 46% din tinerii cu vârsta de 35 de ani (fig. 1).

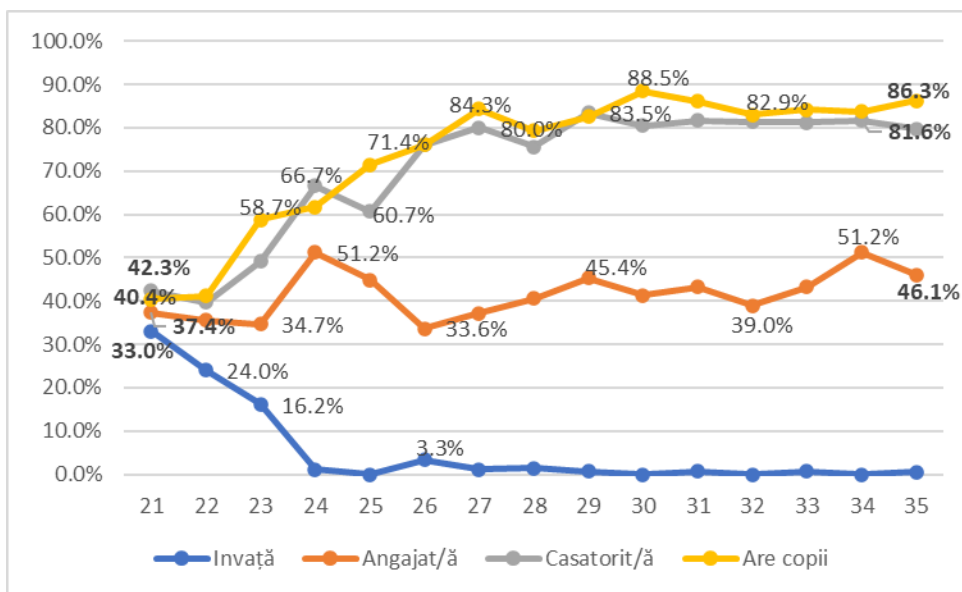

Figura 1. Ponderea tinerilor în educație, angajați în câmpul muncii, căsătoriți, având copii.

Sursa: Datele Studiului "Generații și Gen" (GGS, 2020).

La rândul său, potrivit datelor GGS, se atestă pattern-uri diferențiate din perspectiva gender: formare familie și parentalitate mai devreme în rândul femeilor, o pondere mai mare a tinerilor bărbați încadrați în câmpul muncii (fig. 2). Femeile tinere, în mare parte, sunt antrenate în activitățile casnice, de îngrijire a copiilor sau a altor membri ai familiei.

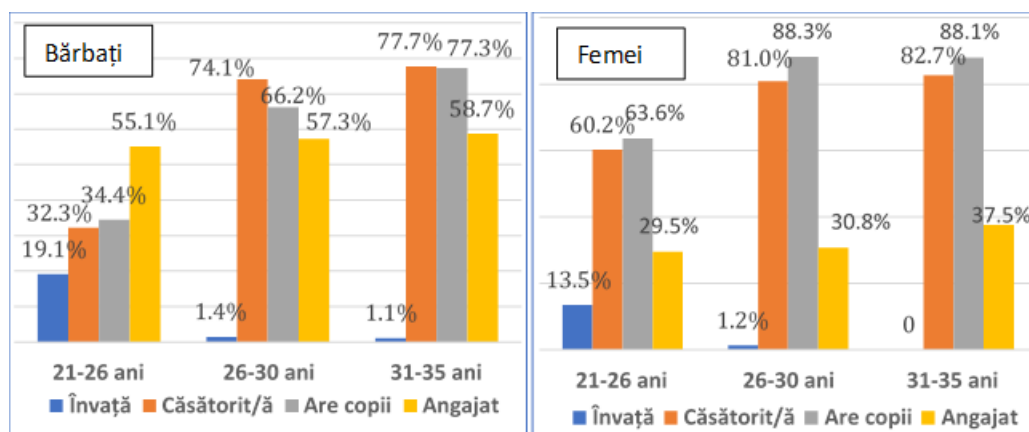

Figura 2. Ponderea tinerilor în educație, angajați în câmpul muncii, căsătoriți, având copii, pe grupe de vârstă și sex

Sursa: Datele Studiului "Generații și Gen" (GGS, 2020).

De asemenea, rezultatele arată pattern-uri diferențiate în funcție de mediul de reședință al tinerilor. Tinerii (21-26 de ani) din mediul urban într-o pondere mai mare comparativ cu cei din mediul rural sunt antrenați în

procesul de studii (21% vs. 11%). Totodată, persoanele tinere din mediul rural mai devreme își întemeiază o familie și devin părinți comparativ cu cei din mediul urban (fig. 3).

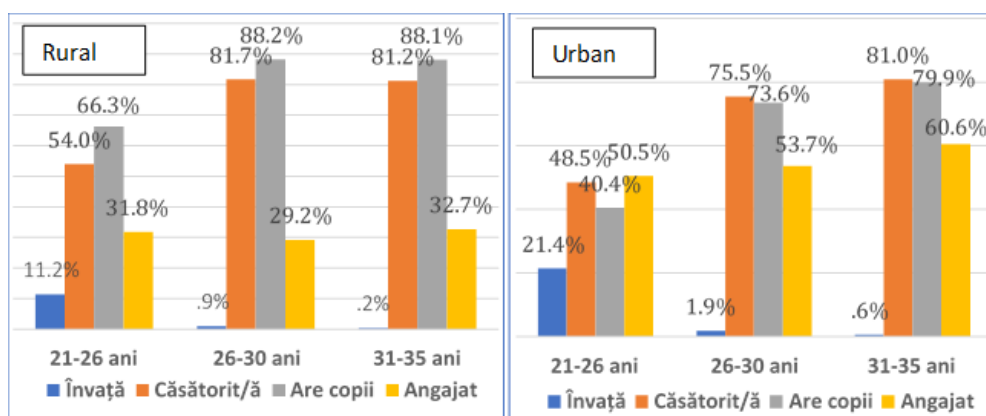

Figura 3. Ponderea tinerilor în educație, angajați în câmpul muncii, căsătoriți, având copii, pe grupe de vârstă și mediu de reședință.

Sursa: Datele Studiului "Generații și Gen" (GGs, 2020).

Cea mai mare diferență se atestă la indicatorul "angajat în câmpul muncii". Pentru toate categoriile de vârstă procentul tinerilor antrenați în câmpul muncii este mai mare în mediul urban comparativ cu mediul rural. Astfel, în mediul rural ponderea tinerilor angajați nu depășește o treime din totalul tinerilor de vârsta respectivă, în timp ce în mediul urban este mai semnificativă, atingând circa 61% la tinerii cu vârsta cuprinsă între 31 și 35 de ani. Prin urmare, locul de reședință al tinerilor influențează posibilitățile și parcursurile educaționale și profesionale ale acestora. Gradul de urbanizare și de dezvoltare economică a localității de reședință a tânărului are un impact semnificativ asupra șanselor de a fi încadrat în procesul de studii sau de a fi angajat în câmpul muncii.

Pentru analiza ulterioară sunt utilizați indicatorii ce descriu relația tinerilor cu piața forței de muncă, ceea ce poate fi considerat un reper important spre statutul de adult, deoarece contribuie la independența financiară, poate oferi un sentiment de competență și de maturitate. În tabelul de mai jos este sintetizată situația tinerilor pe piața muncii (tab. 2).

Tabelul 2. Situația tinerilor pe piața muncii

		Angajat în muncă pentru plată/salariu (%)	Nu lucrez, însă sunt în căutarea unui loc de muncă (%)	Nu lucrez și nu sunt în căutarea unui loc de muncă (%)
Bărbați/ vârstă	21-25 ani	55.1	25.0	19.9
	26-30 ani	57.3	28.2	14.6
	31-35 ani	58.7	25.0	16.3
Femei /vârstă	21-25 ani	29.5	18.5	52.0
	26-30 ani	30.8	22.0	47.3
	31-35 ani	37.5	15.8	46.6
Bărbați/ reședință	Rural	45.4	34.2	20.5
	Urban	70.8	16.6	12.5
Femei/ reședință	Rural	23.8	21.1	55.1
	Urban	46.4	15.0	38.6
Bărbați/ nivel de educație	Scăzut	43.9	35.3	20.8
	Mediu	55.3	25.5	19.2
	Înalt	81.5	13.0	5.5
Femei/ nivel de educație	Scăzut	18.6	25.2	56.2
	Mediu	32.8	18.5	48.7
	Înalt	50.6	11.2	38.2
Bărbați	Casatorit	69.6	20.1	10.4
	Necăsă-torit	61.9	25.9	12.2
Femei	Casatorită	30.9	15.8	53.3
	Necăsă- torită	33.2	23.5	43.4

Sursa: Datele Studiului "Generații și Gen" (GGS, 2020).

Potrivit datelor analizate, bărbații tineri sunt mai activi pe piața forței de muncă, ei fiind într-o pondere mai mare angajați în muncă, inclusiv în funcție de vârstă, mediu de reședință, nivel de educație, stare civilă. Femeile tinere în mai mică măsură sunt antrenate în munca pentru plată/salariu, iar o mare parte din ele sunt inactive – nu lucrează și nici nu caută un loc de muncă. Datele GGS arată că circa 22% din femeile participante în studiu se află în concediu de maternitate și de îngrijire a copilului, iar 16% sunt antrenate în activitatea casnică. Este o realitate atunci când mamele tinere stând acasă cu copiii pierd din competitivitate și nu mai sunt interesate să se angajeze, continuând să fie implicate în activități casnice. Situația este mai dificilă pentru femeile tinere din mediul rural, unde practic lipsesc oportunități de angajare în câmpul muncii. Totodată, studiile sociologice cu referință la subiectul dat arată că o parte din aceste familii au un membru al familiei implicat în

migrația circulară sau sezonieră (Crismaru, Gagauz, & Buciuceanu-Vrabie, 2018).

Regresia logistică binară a fost utilizată pentru analiza factorilor determinanți ce influențează accesarea tinerilor pe piața, care face referire la probabilitățile și șansele ca un eveniment să se producă. Chiar dacă în ecuație au fost incluse un șir de variabile independente, semnificație statistică se constată în cazul variabilei sex (masculin), mediul de reședință (urban) și nivelul de educație (înalt) al tinerilor.

Tabelul 2. Șanse relative ale angajării cu normă întreagă (0 - nu lucrează, 1 - lucrează).

		Variabile în ecuație							
		B	S.E.	Wald	df	Sig.	Exp(B)	95% C.I. for EXP(B)	
								Lower	Upper
Step 1 ^a	Sex (masculin)	-1.628	.135	145.173	1	.000	.196	.151	.256
	Reședința (urban)	.711	.130	29.899	1	.000	2.035	1.578	2.626
	Vârsta	.139	.083	2.828	1	.093	1.149	.977	1.352
	Nivel ed. (înalt)	.555	.098	32.340	1	.000	1.742	1.439	2.110
	Căsătorit	.045	.147	.094	1	.759	1.046	.784	1.395
	Starea sănătății	-.097	.095	1.037	1	.308	.908	.753	1.094
	Nivel ed. tatăl (înalt)	.109	.127	.733	1	.392	1.115	.869	1.430
	Nivel ed. mama (înalt)	.022	.124	.031	1	.860	1.022	.802	1.303
	Constant	.614	.483	1.618	1	.203	1.848		
Notă: R ² = 0,252 Sig. <0.03									

Sursa: generat în baza Studiului "Generații și Gen" (GGS, 2020).

Concluzii

Analiza cantitativă a aspectelor sociodemografice ale tranziției la maturitate a arătat pattern-uri diferențiate în funcție de gen și mediu de reședință, care au un impact semnificativ asupra producerii anumitor evenimente. Evenimentele ce țin de formarea familiei și parentalitate practic se suprapun și se produc mai devreme în rândul femeilor, având o pondere mai mare în mediul rural. Se evidențiază o pondere mai mare a tinerilor din mediul urban care au un parcurs educațional mai extins.

O provocare rămâne a fi tranziția tinerilor de la școală la muncă. Ceva mai puțin de jumătate din tineri sunt angajați în câmpul muncii, o treime din ei sunt angajați cu normă întreagă. Este un indicator cu pondere joasă, care poate avea un impact nefavorabil asupra vieții ulterioare a tinerilor, luând în considerare că această perioadă este una crucială pentru dezvoltarea tinerilor,

când ei încep să-și realizeze aspirațiile, asumându-și independența economică prin ocupare și găsindu-și rolul și statutul în societate.

Persistența problemelor de integrare profesională a tinerilor în câmpul muncii denotă insuficiența măsurilor de reajustare structurală a economiei care ar genera oportunități de ocupare cu o remunerare decentă. Angajarea în câmpul muncii este mai dificilă în localitățile rurale, dar și în orașele mici, unde lipsa locurilor de muncă influențează considerabil viața tinerilor și favorizează o emigrare considerabilă a populației economic active în orașele cu potential economic sau peste hotarele țării. În acest context, este important ca politicile să fie orientate spre îmbunătățirea mediului socio-economic, astfel încât să sporească șansele tinerilor pe piața muncii locale.

Referințe

- Biggart, A., & Walther, A. (2006). Coping with Yo-yo Transitions: Young Adults' Struggle for Support – Between Family and State in Comparative Perspective'. In R. E. Leccardi C., *A New Youth? Young People, Generations and Family Life* (pp. 41-62). Aldershot: Ashgate.
- Buciuceanu-Vrabie, M., & Gagauz, O. (2017). *Tinerii pe piața muncii din Republica Moldova: competențe și aspirații*. INCE, Chisinau.
- Crismaru, M., Gagauz, O., & Buciuceanu-Vrabie, M. (2018). *Incluziunea tinerilor aflați în afara sistemului de educație, formare și ocupație profesională (tineri NEET)*. Chisinau.
- Elzinga, C., & Liefbroer, A. C. (2007). De-standardization of Family-Life Trajectories of Young Adults: A Cross-National Comparison Using Sequence Analysis. *European Journal of Population / Revue Européenne de Démographie*, 23(3-4), 225–250. doi:doi:10.1007/s10680-007-9133-7
- Furlong, A. (. (2016). *Routledge Handbook of Youth and Young Adulthood (2nd ed.)*. Routledge. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315753058>
- Gagauz, O., Buciuceanu-Vrabie, M., & Pahomii, I. (2017). Factorii determinanți ai excluziunii ocupaționale a tinerilor. *Revista de Filosofie, Sociologie și Științe Politice* (nr. 2), 137-147.
- Ganta, V., & Shamchiyeva, L. (2016). *Tranziția tinerelor și tinerilor spre piața muncii în Republica Moldova*. Seria de publicații Work4Youth, No. 38, Biroul Internațional al Muncii, Geneva.
- GGS. (2020). Republica Moldova-Studiul Generației și Gen. Ministerul Muncii și Protecției Sociale al Republicii Moldova, Biroul Național de Statistică (elaborarea eșantionului), UNFPA, NIDI-GGP (partener și distribuitor de date). <http://www.ggp-i.org/add-bibliography.html>.
- Grigoraș, E. (2018). Particularitățile tranziției fertilității în Republica Moldova. In U. d. Cantemir” (Ed.), *”Tendințe contemporane ale dezvoltării științei: viziuni ale tinerilor cercetători”*, Ediția 7, Vol.2, pp. 261-265. Chișinău.
- Pislaru, N. e. (2019). Pilonul european al drepturilor sociale: reducerea inegalităților și a decalajelor sociale în România. Evoluții ale politicilor și inițiativelor europene din domeniul tineretului. București.

- Shildrick, T., Blackman, S., & MacDonald, R. (2009). Young people, class and place. *Journal of Youth Studies*(12(5)), 457–465. doi:doi:10.1080/13676260903114136
- Taylor-Gooby, P. (2004). New social risks in postindustrial society: Some evidence on responses to active labour market policies from Eurobarometer. *International Social Security Review*(57(3)), 45–64. doi:doi:10.1111/j.1468-246x.2004.00194.x
- Unt, M., Gebel, Bertolini, S., Deliyanni-Kouimtzi, & D., H. (2021). *Social Exclusion of Youth in Europe. The Multifaceted Consequences of Labour Market Insecurity*. Bristol University Press, UK. doi:10.47674/9781447358756
- Walther, A. (2002). *Misleading Trajectories. Integration Policies for Young Adults in Europe?* doi:https://doi.org/10.1007/978-3-663-10808-5
- Walther, A. (2007). *Regimes of youth transitions: Choice, flexibility and security in young people's experiences across different European contexts*, 14(2), 119-139. doi:10.1177/1103308806062737
- Walther, A., & Pohl, A. (2007). Activating the disadvantaged. Variations in addressing youth transitions across Europe. *International Journal of Lifelong Education*, vol. 26(issue 5), 533-553. doi:0.1080/02601370701559631

ДИНАМИКА БРАЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА ЗА 2014-2020 гг.¹

Ana Chivaciuc², научный сотрудник
Центр Демографических исследований,
Национальный Институт Экономических Исследований,
Республика Молдова
DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-22>

Abstract. *The article analyzes the changes in the marriage rate in Moldova over the study period. It was revealed that against the background of a general trend of gradual decline, a significant drop in the number of marriages was recorded in 2020, which is largely due to measures to counter the spread of the COVID-19 infection. Along with this, other factors are considered that have an adverse effect on the dynamics of marriages in the republic. The data on nuptiality in the territorial context, among men and women in different marriageable age groups, as well as the ratio of potential grooms and brides among Moldovan youth, are compared. The dynamics of marriage rates against the background of a general decline in the population and an unfavourable age-sex structure of young generations entering childbearing age is becoming one of the characteristics that explain the expected low fertility in the future.*

Keywords: marriage, childbearing, demography decline

JEL Classification: J11

Институт брака и семьи является фундаментальной социальной основой процесса воспроизводства населения, поэтому важность рассмотрения брачности в динамике не только не утрачивает своей актуальности, но и обретает ряд особенностей на современном этапе развития. Заключение брака и образование новой семьи – это не только создание стартовых условий для рождения детей, с семьи начинается познание ребенком общественных норм, культурных ценностей, приобретаются знания и умения. Несмотря на комплексность и глобальный характер факторов, активно трансформирующих образ современной семьи, трудно переоценить её неизменно высокую значимость для сохранения и развития общества.

За последние несколько лет в жизнь каждого человека, в той или иной мере, вошло и укрепилось такое явление как «пандемия COVID-19», расширяясь поэтапно до настоящего момента времени. Становится всё более очевидно, что карантинные меры оказывают определенное влияние на все основные сферы деятельности человека, затронув, в том числе, и брачные отношения. Для большинства людей

¹ Статья разработана в процессе выполнения Государственной Программы (2020-2023) 20.80009.0807.21 Migrația, schimbări demografice și politici de stabilizare a situației / Миграция, демографические изменения и политики по стабилизации ситуации.

² © Ana Chivaciuc, anna924kivachuk@mail.ru

самоизоляция/реабилитация после перенесенного заболевания COVID-19 протекают в узком кругу совместного проживания. Длительность этого процесса и высокая степень неопределенности создали условия для формирования беспрецедентного психологического давления, нарушив планы и привычный ход жизни людей, стабильность доходов и финансового положения. К таким жизненно важным планам в полной мере можно отнести заключение брачных союзов, опираясь на данные брачности в описываемый период (Рис. 1).

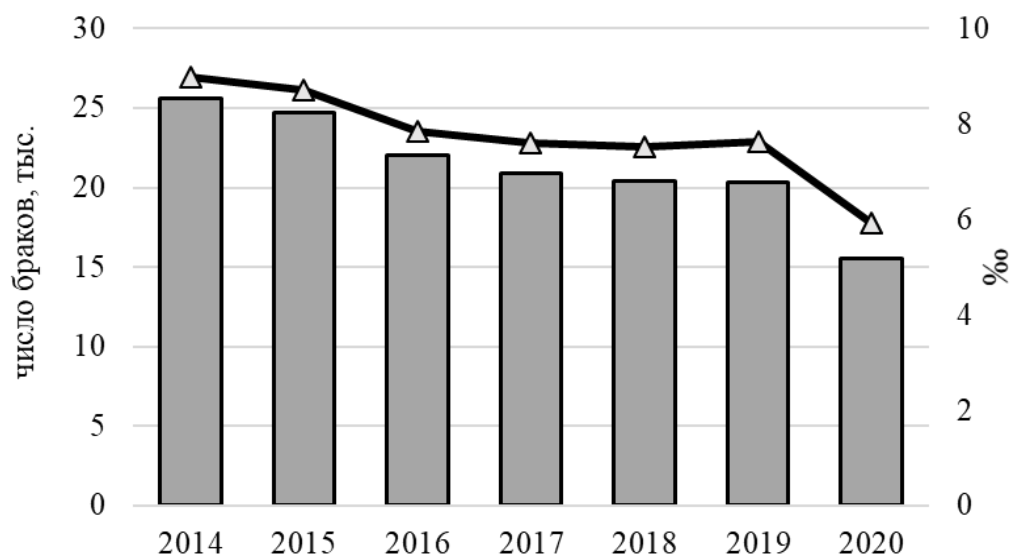

Рисунок 1. Динамика числа браков и общего коэффициента брачности, 2014-2020 гг.

Источник: данные Национального бюро статистики РМ.

В течение анализируемых 6 лет интенсивность заключения брачных союзов в Молдове постоянно, но не интенсивно снижалась, однако, с окончанием 2019 г. ситуация заметно ухудшилась. В наступившем 2020 г. зафиксированы наименьшие показатели брачности за данный период, когда было заключено 15,5 тыс. браков, а общий коэффициент брачности составил 5,9 на 1000 населения. Наибольшее количество браков (25,6 тыс.) было зарегистрировано в 2014 г., при этом общий коэффициент брачности составил 9,0 ‰. Подобное крушение показателей брачности было отмечено демографами Молдовы в 2000-2002 гг., когда общий коэффициент брачности составил 5,1-5,8 на 1000 населения. Отметим, что в тот период приведенные значения были отмечены, как самые низкие за период, начиная с 1950 г. (Палади, Г. А., Шахотько, П. П., Гагауз, О. Е., 2010).

Очевидно, что современные особенности брачности формируются под влиянием факторов социально-экономического характера. Среди наиболее значимых неблагоприятных условий, способствовавших резкому изменению показателей брачности в 2020 г., можно выделить:

- установление длительных карантинных ограничений на проведение массовых мероприятий, к которым были отнесены свадебные торжества;

- снижение финансовых доходов населения на фоне вынужденных карантинных ограничений по занятости в реализации товаров и услуг;

- психологическую напряженность, возникшую из-за необходимости нахождения в течение длительного времени в замкнутом пространстве среди ограниченного числа совместно проживающих людей.

С одной стороны, были смещены ценностные ориентиры в оценке себя и близких людей в новых экстремальных условиях жизни. В условиях коронавирусной инфекции и «постковидного синдрома», сыгравших роль катализатора социально-экономических и психологических проблем в добрачных семейных отношениях, брак, как демографическая категория, в целом подвергся серьезному испытанию на прочность (Прокудина, Р. О., Лобода, П. Е., 2021).

На этом фоне, рассматривая самоизоляцию как стрессогенный фактор, повлекший изменения показателей брачности, можно отметить, что его роль опосредована и она лишь обострила то, что уже было накоплено негативного в отношениях между потенциальными брачными партнерами – сожительствующими женихами и невестами, планирующими вступить в брак, но до этого сглаживалось в силу высокой степени разобщенности молодых людей, их занятости на учебе и работе.

С другой стороны, часть молодежи, желающей не просто официально оформить свои отношения, а отпраздновать свадебное торжество, были вынуждены отсрочить его проведение до установления более благоприятных условий, дождавшись отмены карантинных запретов, ограничений в области международного перемещения людей и т.д. Немаловажно учитывать и материальную сторону отложенных бракосочетаний в анализируемый период, поскольку свадьба является дорогостоящим мероприятием, и для молодых людей, не обладающих собственными финансовыми накоплениями или достаточной поддержкой родителей, это стало решающим аргументом. Не следует при анализе данных игнорировать и тот факт, что на интенсивность заключения браков зачастую влияет их

сезонный характер, связанный с культурными и религиозными традициями, возможностями осенне-летнего продуктового изобилия.

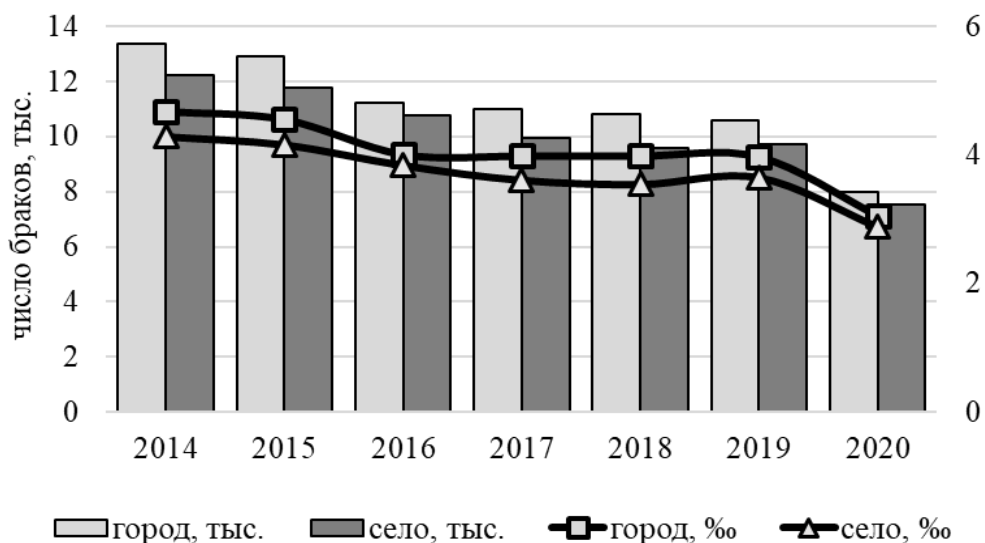

Рисунок 2. Динамика числа браков и общего коэффициента брачности в территориальном разрезе, все население, 2014-2020 гг.
 Источник: данные Национального бюро статистики РМ

Отдельного рассмотрения заслуживают изменения в динамике числа браков и общего коэффициента брачности в зависимости от типа поселения (Рис. 2). Число браков неизменно снижается и в городе, и в сельской местности на протяжении всего рассматриваемого периода. Если в 2014 г. для горожан число браков составило 13,4 тыс., то для сельчан этот показатель составил 12,3 тыс. браков, то уже в 2019 г. были зафиксированы данные 10,6 тыс. и 9,7 тыс. браков соответственно.

При этом резкое сокращение браков, в связи с принудительной и самоизоляции из-за распространения коронавирусной инфекции в 2020 г., отразилось на населении всей республики. Тем не менее, именно в 2020 г. наблюдается максимальное сближение показателей общего коэффициента брачности между городом (3,0 ‰) и селом (2,9 ‰), составив разницу всего в 0,1 ‰, а в предшествующий период он в среднем за 5 лет составил 0,4 ‰. Кроме того, играет роль специфика половозрастной структуры населения и ее особенности в молодых возрастах, в значительной мере сформировавшиеся под воздействием миграционных процессов и особенности образа жизни молодежи в городе и селе.

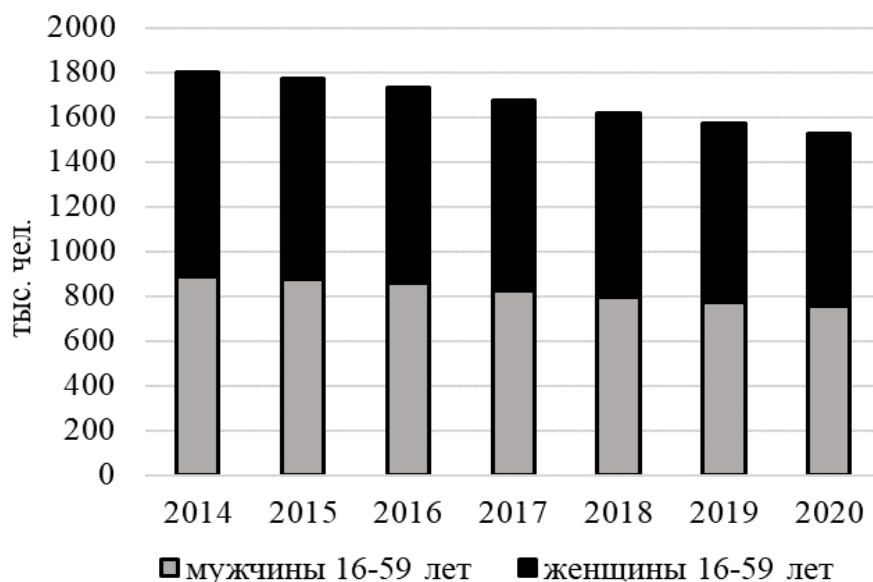

Рисунок 3. Среднегодовая численность населения в бракоспособном возрасте, мужчины и женщины, 2014-2020 гг.

Источник: данные Национального бюро статистики РМ.

Динамика числа браков в значительной степени зависит от тенденции в изменении численности бракоспособного контингента. Неблагоприятная возрастная структура населения бракоспособного возраста также способствует снижению общего числа браков, поскольку число мужчин и женщин в возрасте 20-29 лет объективно сокращалось за счёт относительно малочисленных поколений, рожденных в период 1990-2000 гг. (Рис. 3). Данные среднегодовой численности населения Молдовы в бракоспособном возрасте 16-59 лет среди мужчин и женщин демонстрируют неизменное снижение показателей с 1803 тыс. человек в 2014 г. до 1530 тыс. человек в 2020 г.

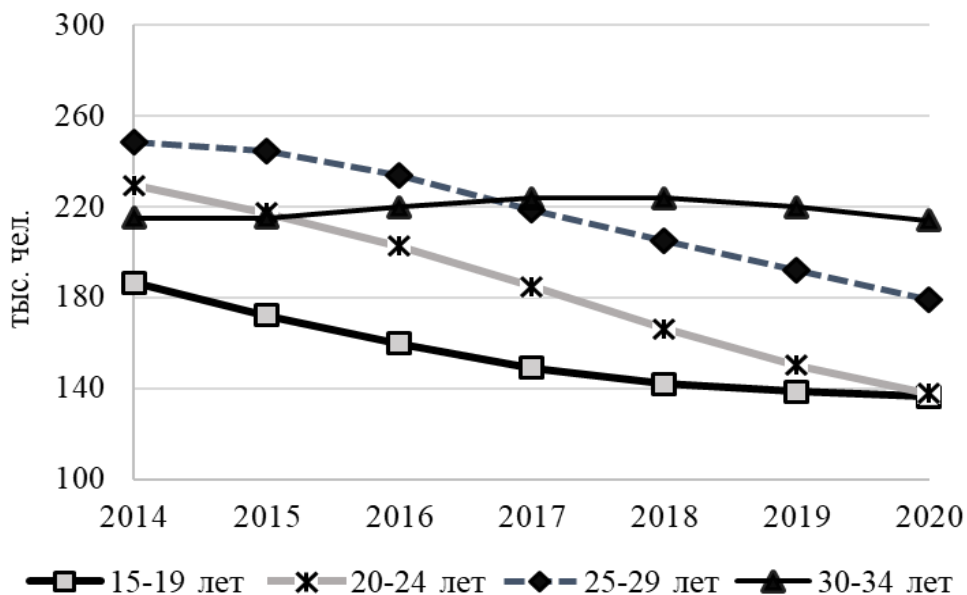

Рисунок 4. Среднегодовая численность населения обоих полов в соответствующих возрастах, все население, 2014-2020 гг.

Источник: данные Национального бюро статистики РМ.

В возрастах максимальной брачности суммарная численность населения снизилась на 160,6 тыс. человек (Рис. 4). Падение значений в самой молодой из представленных возрастных групп 15-19 лет сравнительно менее стремительно, составило 50,2 тыс. человек, что объясняется ростом числа браков и общим улучшением картины рождаемости в республике после 2005 г. Наименее значимые изменения произошли с 2014 по 2020 гг. в численности возрастной группы 30-34 лет для обоих полов, данные варьируют в диапазоне 215-214 тыс. человек.

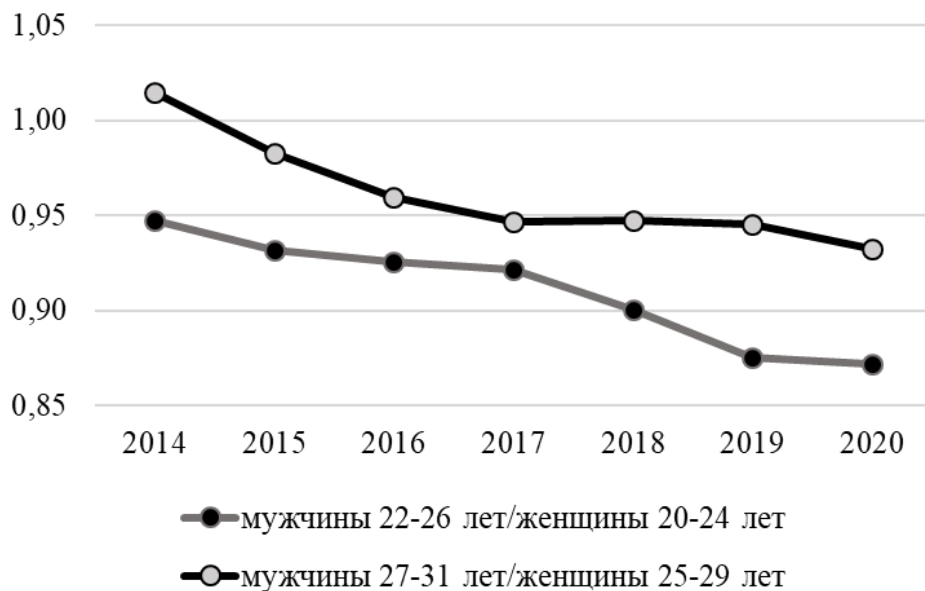

Рисунок 5. Соотношение потенциальных женихов и невест в возрастах максимальной брачности, число мужчин в возрасте 22-26 и 27-31 лет на одну женщину в возрасте 20-24 и 25-29 лет, 2014-2020 гг.

Источник: данные Национального бюро статистики РМ

Сопоставление количества потенциальных женихов и невест проведено в возрастах, наиболее привлекательных для заключения брака, при этом мужской контингент старше на 2 года, исходя из распространенных стандартов соотношения возраста женихов и невест (Рис. 5). В соответствии со статистическими данными, наиболее благоприятное соотношение, в период с 2014 по 2020 гг., складывалось в более старшей группе, где на одну потенциальную невесту приходится один потенциальный жених. Во второй группе, представители которой моложе на 5 лет, ситуация выглядит менее благоприятной: максимальное значение 0,95 в 2014 г. постепенно снижается до 0,9 в 2018 г. и затем достигает отметки 0,87 в 2020 г.

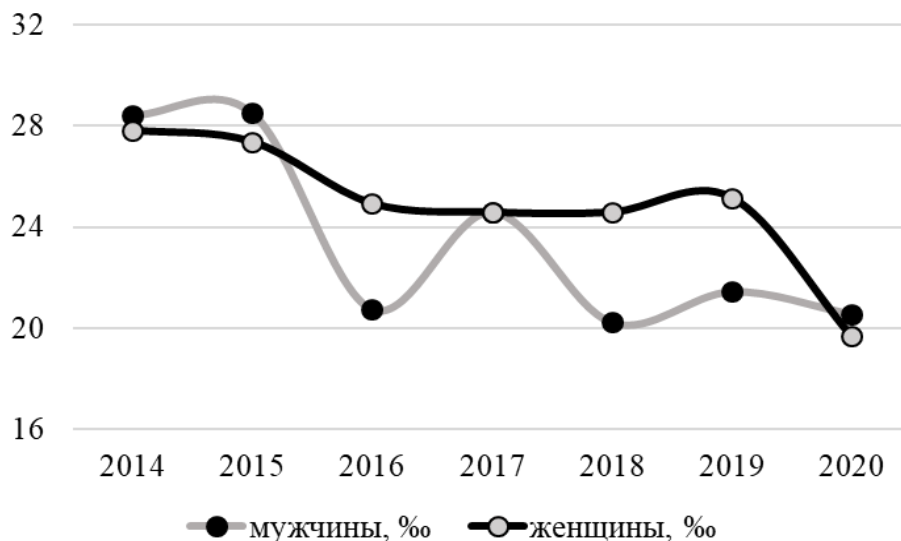

Рисунок 6. Динамика специального коэффициента брачности для мужского и женского населения в бракоспособном возрасте 16-59 лет, 2014-2020 гг.

Источник: данные Национального бюро статистики РМ

Современные процессы, которые происходят в обществе, специфически отражаются на сфере брачно-семейных отношений: снижается уровень брачности, уменьшается численность населения в возрастах потенциальных женихов и невест, увеличивается возраст вступления в брак. Кроме того, происходит ломка традиционной брачной системы и распределения гендерных ролей в семье. Это связано с тенденцией к постепенной маскулинизации женщин, и одновременно распространением социальной модели мужчины «феминного» типа. Бесспорно, эти процессы оказывают пагубное влияние на брачное поведение, реализацию поло-ролевых функций в брачных отношениях, а также на формирование представлений о браке (Кучмаева, О. В., Ростовская, Т. К., 2020). За последние десятилетия значительно ослабло регулирующее воздействие ранее принятых и закреплённых в обществе норм брачно-семейного поведения. Следствием этого явились изменения в добрачном поведении молодежи – широкое распространение и социальное одобрение получил феномен сожительства, который постепенно обретает статус «обязательного этапа», предшествующего браку или даже полной его альтернативой.

ЛИТЕРАТУРА

Кучмаева, О. В., Ростовская, Т. К. (2020). Динамика брачности и разводимости в России. In А. В. Рязанцев С. В., *Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад* (pp.

23-25). Москва: ООО «Объединенная редакция» .
doi:10.25629/НС.2020.13.01

Палади, Г. А., Шахотько, П. П., Гагауз, О. Е. (2010). *Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси*. Chişinău: I.E.P. Ştiinţa.

Прокудина, Р. О., Лобода, П. Е. (2021). Междисциплинарное исследование влияния пандемии covid-19 на институты семьи и брака. *StudNet, Nr.4*.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПО УПРАВЛЕНИЮ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА В ПЕРИОД 1990-2020 гг.¹

Ольга Поалелунжъ ©², научный сотрудник
Центр Демографических исследований,
Национальный Институт Экономических Исследований,
Республика Молдова

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-23>

Abstract. *The article examines and analyzes the main stages of the legal regulation of external migration processes by the Republic of Moldova, since the formation of statehood: from 1992 to the present.*

Attention is paid to the tendencies of migration processes, their influence on the development of the national legal framework, changes in state approaches to their management: from prohibitive norms to an integrated approach to the regulation of external migration processes.

At the same time, since migration has complex and global nature, is not only a national but also a regional problem, the article also notes the aspects of transposing into national legislation a part of the European Union Directives in the field of migration, adopted by the country to ensure the visa-free movement of citizens of the Republic of Moldova in the country's EU and EU Association Agreements. Given the significant amount of information, the article reflects legislative changes, without analyzing the changes in government bodies that regulate these processes.

Keywords: *external migration processes, EU Association Agreements, the national legal framework*

JEL Classification: J11

Миграции населения Республики Молдова на рубеже XX - начале XXI веков, вызванная политическими и экономическими преобразованиями вследствие распада советского лагеря, существенно повлияли на экономические, социальные и демографические процессы в нашей стране. Отсутствие на начальном этапе собственного национального опыта управления, особенно в вопросах внешней миграции, привело к фрагментации и непоследовательности принимаемых решений, к упущению ряда возможностей более эффективного управления процессами.

Также повлияли на принятие комплексных решений такие особенности как наличие территориальной раздробленности страны в результате вооруженного конфликта 1992 г., разно-векторная

¹ Статья разработана в процессе выполнения Государственной Программы (2020-2023) 20.80009.0807.21 Migrația, schimbări demografice și politici de stabilizare a situației / Миграция, демографические изменения и политики по стабилизации ситуации.

² ©Poalelungi Olga, olga.poalelungi@gmail.com

направленность эмиграционных потоков (на страны СНГ и страны ЕС) и, как следствие, различия в подходах к решению вопросов миграции в принимающих странах, что усложнило возможности общего подхода к регулированию процессами, продолжительность и интенсивность миграционных потоков, сложность учета мигрантов, находящихся за рубежом и прочее.

Основное внимание в данной статье мы уделим этапам законодательного регулирования вопросов внешней миграции (как эмиграции, так и иммиграции), на протяжении последних трех десятилетий и эффективность их применения.

Выделим основные этапы развития политик: 1990-2000 гг.; 2000-2010 гг. и 2010 – 2020 гг. Выделение трех этапов, разумеется, условно. Необходимо отметить что ряд молдавских исследователей в своих работах указывают периоды 1990-1005 гг.; 1996-2000 гг.; 2000 – 2006 гг.; 2013 – настоящее время. Однако, с нашей точки зрения, излишняя фрагментация сроков не позволяет произвести более полную оценку эффективности принятых политик.

Важно отметить, что на протяжении первого этапа молдавская миграционная политика была скорее реакцией на происходящие в пост - советском пространстве, а миграционные процессы отражали последствия политического и экономического кризиса в стране, результаты приватизации, банковского кризиса 1998 г. и пр. В данный период законодательство Республики Молдова большей частью было направленно на определении и формировании основных институтов государства. Так были приняты Закон «О государственной границе Республики Молдова (1990 г.)», решены вопросы гражданства (1991 г.) (Parlamentul RM, 1991), определен порядок въезда и выезда из страны и типы документов, дающих на это право (1994)¹; был определен статус и права иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Молдова (1994 г.) (Парламент РМ, 1994). Вместе с тем законодатель в большей части был ориентирован на решение вопросов репатриации в Республику Молдова своих сограждан из других стран – бывших союзных республик, определения им гражданства, решение вопросов документирования и прочее. Инициированные на этом этапе международные, на уровне СНГ, и двухсторонние соглашения по регулированию процессов миграции также отражает данные тенденции. Среди основных документов следует отметить Соглашения о трудовой миграции с Российской Федерацией, Украиной (1993 г.), с Республикой Беларусь (1994 г.), а также многосторонние соглашения на уровне СНГ

¹ https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=99482&lang=ru
Закон «О выезде из Республики Молдова и въезде в Республику Молдова (1994 г.)

(о безвизовом режиме (1992 г.) (СНГ, 1992), о пенсионном обеспечении (1992 г.), социальной защите в случае трудового увечья (1990 г) о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов (1994 г.).

Что касается международной миграции, еще в декабре 1990 г., при СССР, был принят Закон «О миграции», определивший основные принципы внешней миграции, но который, в основном, носил запретительный характер и был направлен на защиту государства от потоков иммиграции. Впоследствии, для реализации данного закона на национальном уровне были приняты ряд постановлений Правительства¹. Но поскольку на рассматриваемом этапе отсутствовали двухсторонние правовые инструменты по регулированию трудовой миграции и обеспечению основных экономических и социальных прав трудящихся мигрантов с третьими странами, указанные нормативы оказались малоэффективными. Процессы массовой эмиграции на тот момент носили нерегулируемый, нелегальный характер.

В части иммиграции² – правовые нормы носили запретительный характер, жесткое квотирование по административно-территориальному делению страны, что создавало препятствия для семейной, образовательной и др. типов миграции.

Несмотря на массовую эмиграцию граждан Республики Молдова в рассматриваемый период, её истинные масштабы и влияние на социальную, экономическую и демографическую ситуацию в стране, на стабильность и безопасность государства на данном этапе не признавались на политическом и законодательном уровне.

Ситуация изменилась на втором этапе с принятием Концепции государственной миграционной политики Республики Молдова³. Были определены главные цели миграционной политики, которые состоят правовом регулировании миграционных процессов и уменьшении их негативных последствий, обеспечении национальной безопасности, пресечении незаконной миграции и торговли людьми, создании равных условий для реализации прав мигрантов и обеспечения их социальной защиты. С принятием Концепции Республика Молдова вышла на

¹ Постановление Правительства Республики Молдова № 717 от 24 декабря 1991 г. "Об утверждении Положения о временной трудовой деятельности граждан Республики Молдова за границей и иностранных граждан в Республике Молдова" и Постановление Правительства РМ № 1077 от 20-11-1997 «о временном трудоустройстве трудящихся-мигрантов»

² https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=46885&lang=ru#

Постановление Правительства РМ № 1077 от 20-11-1997 «о временном трудоустройстве трудящихся-мигрантов»

³ file:///C:/Users/user1/Desktop/OP/Acte%20normative%20rus/HP1386_2002.html

Постановление Парламента № 1386 от 11-10-2002 «об утверждении Концепции миграционной политики Республики Молдова

уровень комплексных, стратегических решений в области миграции, осуществила выбор модели управления миграционными процессами эмиграции и иммиграции, защиты прав мигрантов.

На этом этапе миграционное законодательство существенно изменилось. Так в 2002 году был принят Закон о миграции¹, Закон о статусе беженцев², в 2005 году принят Закон о предупреждении и пресечении торговли людьми.³

В то же время активизировалась деятельность государственных структур по заключению международных соглашений в области трудовой миграции, защите прав трудящихся мигрантов. В 2000-2010 годах были ратифицированы более 20 основных международных конвенций, страна стала членом Международной Организации по Миграции, Верховного Комиссара ООН по защите беженцев. Также Республика Молдова подписала двухсторонние соглашения в области трудовой миграции с Италией (2003 г.) и Республикой Азербайджан (2005 г.).

Особый импульс разработке комплексных миграционных политик придало и принятие индивидуального Плана действий по Ассоциации ЕС - Республика Молдова,⁴ принятый Правительством страны в 2005 г.

Наряду с другими разделами, План в п.2.5. предусматривал ряд мер по сотрудничеству со странами и структурами Европейского Союза в области миграции (легальной/нелегальной, по вопросам реадмиссии, визового режима, права на убежище). Реализация принятых обязательств способствовало развитию инструментов по оценке реальных объемов внешней миграции РМ; обеспечению мониторинга данных процессов; созданию базы данных о мигрантах, в том числе транзитных; совершенствованию механизмов репатриации, реадмиссии, защиты прав мигрантов; усовершенствованию системы убежища; реформированию и усилению пограничной службы; введение ряда стандартов ЕС в национальное законодательство. Реализуемые меры позволили Республике Молдова в 2007 году подписать с ЕС Договор о реадмиссии и двухсторонние Протоколы по его имплементации со

¹ https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=29679&lang=ru#
Закон № 1518 от 06-12-2002 «о миграции»

² https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=29719&lang=ru#
Закон № 1286 от 25-07-2002 «о статусе беженцев»

³ https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=107319&lang=ru#
Закон № 241 от 20-10-2005 «о предупреждении и пресечении торговли людьми»

⁴ https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=116837&lang=ro Постановление
Правительства Nr. 402din 22-02-2005 «PLANUL DE ACȚIUNI* UE-MOLDOVA»

странами ЕС, что послужило предпосылкой для либерализации визового режима в 2014 году.

На втором этапе развития миграционных политик наличие массовой эмиграции было признано и на политическом уровне. Так при разработке Национальной программы "Satul Moldovenesc" (2005-2015 гг.)¹, раздел IV. «Социальное развитие», пункт 4.1. «Рынок труда и миграция рабочей силы» были отмечены отрицательные последствия массовой эмиграции экономически активного населения из сельской местности что привело к ослаблению экономического потенциала страны (труда, научных исследований и инноваций).

Правительство впервые предложило программу привлечения лиц, выехавших на работу за рубеж, к решению проблем развития государства, привлечению перечислений, полученных из-за рубежа в развитие сельской местности, созданию собственных предприятий. Были установлены и определенные гарантии государства для таких предприятий. Вместе с тем, в целях эффективной защиты интересов молдавских граждан, находящихся за границей, упрощения их возвращения на родину, снижения негативного воздействия их нахождения в других странах, были предусмотрены такие меры как подписание двусторонних соглашений о социальной защите лиц, находящихся в трудовой миграции, со всеми странами, в которых находятся граждане Республики Молдова; проведение исследования по установлению числа детей, родители которых находятся за рубежом, и их потребностей, а также разработка программ поддержки детей, находящихся в тяжелых условиях ввиду отсутствия родителей в стране; установление отношений с уроженцами различных населенных пунктов страны, находящимися за границей, с целью продвижения создания молдавских сообществ за рубежом, которые будут оказывать поддержку в защите их прав и информировать о важных событиях, происходящих в Молдове (т. н. диаспора). Реализация мер данного постановления была приостановлена при смене политического руководства страны в 2009 г.

С учетом комплексного подхода к управлению миграцией, а также учитывая необходимость переложения в национальное законодательство ряда норм и директив ЕС, на данном этапе были усовершенствованы правовые инструменты управления миграцией и убежищем. В частности, в целях осуществления временной трудовой деятельности трудящимися-иммигрантами и права на временное пребывание с целью трудовой деятельности, а также условий временного трудоустройства граждан Республики Молдова за рубежом

¹ https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=70217&lang=ru
Постановление № 242 от 17-05-2005 «об утверждении Национальной программы "Satul Moldovenesc" (2005-2015 гг.)»

был принят Закон о трудовой миграции (2008 г)¹, усовершенствована правовая и институциональная базы функционирования системы убежища в Республике Молдова (2008 г.)². С учетом требований Директив ЕС был принят новый Закон регулирующий въезд и выезд из Республики Молдова иностранцев, предоставление и продление им права пребывания, на репатриацию и документирование, применения мер принуждения в случае несоблюдения режима пребывания, специальные меры по учету иммиграции и др.³

Вместе с тем экономическая ситуация в стране, отсутствие рабочих мест, особенно в сельской местности, низкий размер заработной платы, по – прежнему стимулировали массовую эмиграцию трудоспособного населения. Сохранялась и интенсивность миграционных потоков. В данный период за рубежом находилось около 25% трудоспособного населения, в основном люди трудоспособного возраста –25-35 лет, 70 % из них – выходцы из сельской местности. С учетом особенностей рынка труда стран назначения сложились и основные характеристики миграционного потока в страны СНГ и в страны ЕС. Так в Российской Федерации, мигранты в основном были задействованы в строительных работах, куда выезжали преимущественно молодые мужчины из сельской местности. В странах ЕС больше возможностей трудоустроиться предоставлялась надобным работникам, персоналу по уходу за престарелыми, что стимулировала выезд за рубеж женщин, в том числе с высшим медицинским и педагогическим образование. Вместе с тем, данные характеристики изменялись в зависимости от потребностей рынка труда принимающих стран, что затрудняло переговорные процессы по соглашениям в области трудовой миграции.

На этот период приходится не только рост эмиграции с целью трудоустройства, но и рост количества нелегальных мигрантов из Республики Молдова находившихся в странах ЕС. Помимо применения нелегальных схем выезда и пребывания в странах ЕС, широкое распространение принимает использование, наряду с молдавским, института множественного гражданства, особенно румынского и болгарского, стран, которые с 2004 года стали странами членами ЕС. Наличие гражданства стран ЕС существенно упрощало возможности пребывания, а с 2014 года и легального трудоустройства в странах ЕС.

¹ https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=112697&lang=ru#
Закон № 180 от 10-07-2008 «о трудовой миграции»

² <https://www.refworld.org/cgi-bin/tehis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?docid=520b4b9f0>
Закон № 270-XVI от 18.12.2008 «об убежище в Республике Молдова»

³ https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=17205&lang=ru
Закон № 200 от 16-07-2010 «о режиме иностранцев в Республике Молдова»

Вместе с тем, нелегальный статус молдавских мигрантов в странах пребывания, боязнь потери работы и депортации, отсутствие реальных возможностей для возвратной/циркулярной миграции привели к более длительному пребыванию молдавских мигрантов за рубежом, ускорило процесс их адаптации и интеграции и, в конечном итоге, создало предпосылки для перехода временной миграции в постоянную. Ряд исследований молдавской диаспоры в странах ЕС подтвердили более чем 5-летний период пребывания большинства мигрантов в странах назначения, а также тенденцию воссоединения их семей (переезд детей к родителям, родителей к детям и пр.). Данные аспекты следует учитывать при анализе и разработке политик в отношении диаспоры и её роли в развитии страны и/или возможности возвращения в Республику Молдова.

Третий этап развития миграционных политик 2010 г.- настоящее время характеризуется сохранением интенсивности миграционных потоков. На данном этапе уссовершенствуются механизмы комплексного управления миграцией, социальной защиты граждан РМ находящихся за рубежом, осуществляются меры по обеспечению обязательств, принятых на себя Республикой Молдова при либерализации визового режима и Договора об Ассоциации с ЕС¹. Вместе с тем законодательство уделяет должное внимание диаспоре и привлечение её к развитию страны.

Среди важнейших правовых инструментов данного периода необходимо отметить принятие Национальной стратегии в области миграции и убежища (2011-2020 годы)². Данная Стратегия и два пятилетних плана по её реализации определила меры по комплексному, эффективному управлению миграцией, соотнесла их с политической, экономической, и социальной направленностью Республики Молдова. Согласно Стратегии, миграция требовала всеобъемлющего и последовательного менеджмента таких областей как контролируемая миграция (эмиграция, иммиграция, политики интеграции), область убежища, безгражданства, политик по предупреждению нелегальной миграции и торговле людьми, развитию инструментов контроля миграции (визовый режим, въезда и выезда в страну и пр.), учета миграции и развития современных технологий при оказании услуг. На этапе разработки Стратегия и планы её реализации были согласованны

¹ https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=119199&lang=ru#

Постановление Правительства № 1472 от 30-12-2016 «об утверждении Национального плана действий по внедрению Соглашения об ассоциации Республика Молдова – Европейский Союз на 2017 – 2019 годы»

² https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=56020&lang=ru

Постановление Правительства № 655 от 08-09-2011 «об утверждении Национальной стратегии в области миграции и убежища (2011-2020 годы)»

со стратегиями экономического развития, Национальной стратегией демографической безопасности Республики Молдова, Стратегией занятости рабочей силы, Стратегией национального развития и др. Стратегия была разработана рабочей группой в составе представителей министерств, центральных органов власти, гражданского общества и международных организаций. Документ был основан на анализе первичных и вторичных данных, проведенном независимыми международными экспертами, включал рекомендации Международного Центра Исследования Миграционных Политик (ICMPD), Вены, Австрия.

С учетом Стратегии были усовершенствованы инструменты социальной защиты граждан РМ находящихся за рубежом, подписаны двухсторонние соглашения по переводу при возвращении в страну их социальных накоплений с Болгарией, Румынией, Люксембургом, Австрией, Эстонией, Португалией, Чехией, Бельгия и др. Были подписаны соглашения о трудовой миграции с Италией и Израилем, инициированы переговоры по подписанию подобных соглашений с Республикой Беларусь, Грецией, Литвой, Латвией, Испанией, Российской Федерацией.

Важным элементом миграционной политики на третьем этапе явилось усиление составляющей «миграция и развитие», внимание к роли диаспоры, её прямое и косвенное вовлечение в устойчивое экономическое развитие Республики Молдова. Так в 2012 г. в Правительстве было создано Бюро по связям с диаспорой, принята Программа «PARE 1+1» стимулирующая инвестицию денежных переводов мигрантов в развитие экономических проектов на уровне местного самоуправления, приняты стратегии сотрудничества с диаспорой.¹ Вместе с тем необходимо отметить, что в фазе перехода от временной к постоянной миграции, оптимальные сроки более эффективного использования перечислений в инвестиционные проекты были упущены.

Либерализация визового режима со странами ЕС в апреле 2014 года одновременно явилась и стимулом для свободного передвижения граждан страны, но и вызовом для надлежащего управления процессами миграции. Так безвизовый въезд в страны ЕС, хотя и без права трудоустройства, предоставил гражданам нашей страны новые возможности для легальной миграции и для воссоединения семьи. Одновременно, как сопредельная страна со страной ЕС, Республика

¹ https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=91207&lang=ru

Постановление Правительства № 200 от 26-02-2016 «об утверждении Национальной стратегии «Диаспора-2025» и Плана действий по ее внедрению на 2016-2018 годы»

Молдова стала притягательной для иностранцев. Это повысило ответственность за предотвращение нелегальной миграции, в том числе транзита в страны ЕС. В связи с чем РМ активизировала переговоры по подписанию соглашений о реадмиссии с Казахстаном, Украиной, Арменией, Азербайджаном, другими странами, пересмотрела ряд санкций за правонарушения посягающие на режим пребывания иностранцев в Республике Молдова. В частности, санкции за недекларирование иностранными гражданами факта въезда на территорию Республики Молдова через приднестровский регион как основания для взятия их на учет.¹

Вместе с тем, длительная эмиграция населения, с учетом процессов депопуляции и старения населения, привела к дефициту рабочей силы в стране, ограничила возможности иностранных инвесторов, препятствует развитию наукоемкого производства. На основании анализа Министерства труда и социальной защиты, Правительство было вынуждено инициировать ряд изменений в иммиграционном законодательстве, упростив допуск на рынок труда специалистам в области информационных технологий, высококвалифицированным работникам² и в предоставлении упрощенного визового режима³ для ряда стран. Также, учитывая опыт миграционного кризиса 2014-2016 годов в европейских странах, власти Республики Молдова уделили повышенное внимание процессам экономической и социальной интеграции иностранцев и членов их семей⁴ находящихся в нашей стране.

Заключение. Эти и другие изменения в миграционном законодательстве за истекший 30-летний период свидетельствуют о том, что на сегодняшний день в Республике Молдова сформирован обширный массив правовых актов, задействованных в регулировании миграционных процессов. Можно констатировать, что по количеству нормативного материала, масштабам охватываемых ими отношений и качеству регулирования большинства областей и процедур, задействованных в миграционной сфере, этот массив не уступает аналогам других стран и отражает как национальные интересы нашей страны, так и защиту прав мигрантов. Вместе с тем необходимо отметить, что и при дальнейшей разработке и внедрении миграционных

¹https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=6819&lang=ru#

Статья 333 Кодекса Республики Молдова о правонарушениях № 218 от 24-10-2008

² https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=100532&lang=ru

³ https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=112701&lang=ru

⁴ https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=124776&lang=ru#

Закон № 274 от 27-12-2011 «об интеграции иностранцев в Республике Молдова*»

политик необходимо наличие стратегического видения экономического развития страны, с учетом её демографических проблем. Необходимо минимизировать влияние политического фактора при определении приоритетов в миграционной политике, обеспечить комплексный и последовательный подход при реализации политик, избежать их несогласованности и ведомственных интересов в условиях быстрых изменений миграционной ситуации, в том числе на региональном уровне.

Литература

Parlamentul RM. (1991). Legea Republicii Moldova cu privire la cetățenia Republicii Moldova. Nr. 596-XII din 05.06.91. Получено из <https://data.globalcit.eu/NationalDB/docs/MLD%20Law%20596-XII%2005.06.91%20PDF.pdf>

Парламент РМ. (1994). Закон № 275 от 10-11-1994 о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Молдова. Получено из https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=96950&lang=ru

СНГ, С. г. (1992). Соглашение о безвизовом передвижении граждан государств Содружества Независимых Государств от 9 октября 1992 г. *Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ "Содружество"*, №7.

Douglas S.Massey. (2012). Towards and integrated model of international migration. (Eastern Journal of European Studies, 2012, 2). Available at: <http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&site=edslive&db=edsd&AN=edsdoj.6796d30ce8e475294363c4752994363c447>

Chris Wilson, Tomas Sobotka, Lee Williamson, Paul Boyle, (2013). Migration and Intergenerational Replacement in Europe. (Population and development Review/ 2013, (1). Available at: <http://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2013.00576.x>

Dumont, Gérard-François, [Union européenne: dépopulation ou dépeuplement ?] [European Union: Depopulation or Population Decline?] (May 1, 2019). Population & Avenir, n° 743. [ISSN 0223-5706], Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=>

Moraru Victor, Migrație, Diaspora, Dezvoltare: noi provocări și perspective? Chișinău, 2016: <https://icjp.asm.md/sites/default/files/publicatii/migratia.pdf>

Stancu, S., and O. M. Popescu. 2018. 'International Migration: The Analysis of Economic Impact in the Globalization Context.' *Economic Computation and Economic Cybernetics Studies and Research* 52 (4): 79–94.

Койбаев Б.Г., Томаев Д.М. (2019). Регулирование миграционных процессов в Российской Федерации. (Теории и проблемы политических исследований/2019/Том 8).

Исследование МОМ «Доклад о миграции в мире, 2020»
https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf

SERVICII DE PLANIFICARE FAMILIALĂ ȘI CONTRACEPȚIE ÎN REPUBLICA MOLDOVA, ÎN CONTEXTUL COVID-19¹

Victoria Ciubotaru²,
IMSP IMC, CSRGM

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-24>

Summary

Universal access to family planning is a fundamental human right that must be respected, including in times of crisis and public health emergencies. The COVID-19 pandemic can affect reproductive behavior and intentions in a number of ways. Restrictions on the provision of services in the context of COVID-19 reduce access to family planning services and may increase the short-term fertility rate. At the same time, the economic uncertainty generated by the pandemic and its impact on mental health and well-being can lead to reduced fertility rates. In the Republic of Moldova, the epidemiological situation generated by COVID-19 has influenced the population's access to family planning and contraceptive services, resulting in the decreased use of contraception by women of reproductive age (15-49 years), or their partners. As a result, the unmet need for family planning and the demand in family planning services using modern methods of contraception have registered lower levels than expected. Therefore, the indicators suggest that reduced access to contraception and counseling, generated by the precarious epidemiological situation, could disrupt family planning.

Keywords: family planning, contraception, Republic of Moldova

Clasificarea JEL: I1

Prezentare generală privind serviciile de planificare familială înainte de COVID-19

Atingerea idealului în planificarea familială este ca fiecare sarcină să fie dorită și planificată. În sprijinul acestui ideal vine creșterea accesului populației de vârstă reproductivă la informare, consiliere și mijloace moderne de contracepție, pentru a-și putea exercita dreptul cu privire la accesul universal la servicii de planificare familială (PF), inclusiv în situații de criză și urgențe de sănătate publică.³

Statul vine cu suport în acest sens, prin crearea și menținerea la nivel național, în cadrul asistenței medicale primare a rețelelor de cabinete de sănătate a reproducerii și centre de sănătate prietenoase tinerilor, care oferă consiliere în planificare familială populației și asigură cu produse contraceptive distribuite gratuit grupurilor vulnerabile specificate în actele

¹ Articolul este elaborat în cadrul Programului de Stat (2020-2023) 20.80009.0807.21 "Migrația, schimbări demografice și politici de stabilizare a situației".

² Victoria Ciubotaru, centrulmetodic@yahoo.com

³ Agenda ONU de dezvoltare durabilă 2030, ținta 3.7

<https://cancelaria.gov.md/ro/apc/agenda-de-dezvoltare-durabila-2030>

normative ale Ministrului Sănătății. În același timp, medicii de familie și echipele acestora sunt încurajați să ofere consiliere în planificarea familială populației generale de vârstă reproductivă și să distribuie contraceptive beneficiarilor din grupurile vulnerabile, în funcție de necesitatea acestora. În cazul când au nevoie de suport consultativ în vederea selectării unei metode de contracepție pentru beneficiar, medicii de familie pot apela la medicul ginecolog din cabinetul de sănătate a reproducerii, sau din centrul de sănătate prietenos tinerilor.

Este de menționat că Programul Național privind sănătatea și drepturile sexuale și reproductive, elaborat cu sprijinul UNFPA și OMS, și aprobat de către Guvernul Republicii Moldova pentru anii 2018-2022 este în plină desfășurare.¹ Astfel, Republica Moldova a devenit una dintre primele țări din regiunea europeană care a adoptat un astfel de document de politici, aliniat la Agenda 2030 pentru dezvoltare durabilă și Planul European de acțiune pentru sănătatea sexuală și reproductivă.

Pentru asigurarea mecanismelor eficiente de coordonare și cooperare în implementarea prevederilor Programului, a fost elaborat și validat setul de documente pentru instituirea Comitetului Național Coordonator în domeniul Sănătății și Drepturilor Sexuale și Reproductive (SDSR), crearea comitetului actualmente fiind în proces de aprobare. Reprezentanți ai societății civile și ai comunităților care lucrează cu/sau reprezintă grupurile marginalizate și vulnerabile, sunt incluși în componența preconizată a Comitetului Național Coordonator privind SDSR. Asigurarea implementării Programului național privind sănătatea și drepturile sexuale și reproductive pentru anii 2018-2022 la nivel teritorial/local se realizează prin intermediul centrelor de sănătate de nivel raional și altor instituții de asistență medicală primară din teritoriul deservit, la fel și a altor instituții medicale din teritoriu.

Unul dintre obiective Programului este *“Obiectivul general 1. Asigurarea accesului echitabil și universal al întregii populații a Republicii Moldova la gama comprehensivă de servicii de sănătate sexuală”* care include și serviciile de planificare familială. Urmărind scopul de a asigura accesul universal la contracepție, din bugetul de stat în cadrul Programului, sunt procurate produse de contracepție pentru grupurile vulnerabile de populație, care sunt oferite gratuit beneficiarilor eligibili, prin intermediul instituțiilor din cadrul asistenței medicale primare.

În anul 2020 a fost aprobat prin Ordinul MSMPS, Regulamentul privind asigurarea grupurilor vulnerabile de vârstă reproductivă cu contraceptive moderne. În regulament sunt stipulate 12 categorii de beneficiari eligibili pentru contraceptivele distribuite gratuit la nivel de asistență medicală primară, printre care figurează și supraviețuitorii situațiilor excepționale,

¹ www.legis.md GUVERNUL HOTĂRÎRE Nr. HG681/2018 din 11.07.2018 pentru aprobarea Programului național privind sănătatea și drepturile sexuale și reproductive pentru anii 2018-2022 Publicat : 21.09.2018 în MONITORUL OFICIAL Nr. 358-364 art. 951 Data intrării în vigoare

crizelor umanitare și urgențelor de sănătate publică. Totodată în regulament este specificată importanța asigurării disponibilității a cel puțin cinci metode de contracepție în instituțiile de asistență medicală primară, stipulând și prevederi vizând modalitatea de distribuire a contraceptivelor către grupurile vulnerabile, inclusiv în contextul urgențelor de sănătate publică.¹

Un alt element important care influențează calitatea serviciilor de planificare familială și contracepție, este instruirea realizată a prestatorilor de servicii de sănătate în scopul formării și consolidării capacităților acestora în acordarea serviciilor de planificare familială. Pe parcursul ultimilor ani, cu suportul UNFPA, în conformitate cu cele mai recente recomandări internaționale, 19 protocoale clinice standardizate privind metodele de contracepție au fost elaborate și puse la dispoziția medicilor de familie și medicilor ginecologi, pentru utilizarea în activitatea zilnică.²

Medicii obstetricieni-ginecologi, medicii de familie, asistenții medicali și moașele au posibilitate de a fi instruiți în domeniul planificării familiale/contracepției la catedrele de profil ale instituțiilor de învățământ medical (Universitatea de Stat de Medicină și Farmacie „Nicolae Testemitanu” și colegiile medicale), în cadrul programelor de instruire preuniversitară, universitară, postuniversitară, instruire continuă a medicilor și personalului medical cu studii medii. Medicii de familie pot beneficia la moment de instruire în cadrul USMF „N.Testemițanu”, catedra Medicină de familie, Curs Contracepția în practica medicului de familie (50 ore +4 ore CUSIM) și în cadrul Departamentului de Obstetrică și ginecologie (100 ore). Totodată, este disponibilă Platforma de Instruire online ViC Moldova (Virtual Contraceptive Consultation) ce a fost integrată cu suportul UNFPA, în curricula Universității de Stat de Medicină și Farmacie „Nicolae Testemitanu”, prin intermediul căreia personalul medical care finalizează cu succes cursurile de instruire la distanță privind Contracepția și Managementul Lanțului de Aprovizionare cu Contraceptive - pot obține certificate, emise de către Universitatea de Medicină și Farmacie care confirmă perfecționarea personalului în aceste domenii.³ Asistentele medicale beneficiază de instruire odată la 5 ani, și majoritatea din ele nu au participat la instruirii realizate în domeniul PF dar și-ar dori acest lucru, pentru a putea lucra în echipă cu medicul de familie. În unele localități asistenta medicală (inclusiv în funcție de instituție și moașa) a fost nominalizată drept specialist din instituția medicală, care cel mai frecvent consiliază populația generală în domeniul planificării familiale.⁴

Informarea și educarea populației în domeniul planificării familiale și contracepției constituie o altă componentă importantă a dreptului la sănătate.

¹ <https://msmps.gov.md/wp-content/uploads/2020/11/Ordin-nr.-555-din-16-iunie-2020-Cu-privire-la-asigurarea-populatiei-din-grupurile-vulnerabile-de-virsta-reproductiva-cu-contraceptive.pdf>

² <https://msmps.gov.md/legislatie/ghiduri-protocoale-standarde/obstetrica/>

³ <https://usmf.md/en/node/26732>

⁴ Raport (*Draft*) de evaluarea serviciilor de planificare familială prestate de instituțiile de Asistență Medicală Primară inclusiv privind asigurarea cu contraceptive a grupurilor vulnerabile ale populației. Chișinău 2021

În acest sens, pe parcursul ultimilor ani s-au desfășurat o serie de activități de informare referitor la planificarea familială și metodele moderne de contracepție, cu scopul de a crește gradul de conștientizare a populației generale cu privire la importanța planificării familiale și a contracepției, inclusiv privind modalități de furnizare și respectiv de accesare a acestor servicii în contextul urgențelor de sănătate publică. Au fost produse materialele video pentru beneficiari și distribuite pe larg prin intermediul canalelor de social media, dar și a specialiștilor din domeniul sănătății, cu rularea acestora inclusiv pe ecranele LED din cadrul instituțiilor medicale, în vederea creșterii nivelului de informare a populației privind metodele de contracepție, modalitatea de utilizare, criteriile de eligibilitate etc. De asemenea, au fost elaborate și publicate articole, s-au organizat Webinare/LIVES privind planificarea familială și metodele de contracepție, prin intermediul canalelor de social media, pentru populația generală.

Impactul COVID-19 asupra furnizării serviciilor de planificare familială

Starea de urgență generală și starea de urgență în sănătate publică, instituite de către autorități din cauza pandemiei, au constituit o provocare și pentru serviciul de planificare familială din Republica Moldova. În contextul respectării măsurilor de protecție contra COVID-19 în perioada stării de urgență, pentru a scădea fluxul de pacienți, regimul de activitate a instituțiilor medicale a fost revăzut, inclusiv prin reducerea numărului consultațiilor directe.¹

Restricțiile de mobilitate a populației impuse de autorități în contextul situației de urgență în sănătatea publică au creat dificultăți în accesarea serviciilor de planificare familială și produselor de contracepție. În consecință, s-a micșorat numărul utilizatorilor de produse contraceptive, inclusiv a beneficiarilor din grupurile vulnerabile ale populației, eligibili pentru a beneficia de contraceptive oferite gratuit în instituțiile de asistență medicală primară.

În cadrul Studiului Generații și Gen² realizat în 2020 a devenit posibilă evaluarea impactului pandemiei de COVID-19 asupra intențiilor și comportamentului reproductiv în Republica Moldova. Prin urmare, indicatorii sugerează că, pe termen mediu, intențiile reproductive ar putea să nu fie afectate de pandemie, dar efectul situației de urgență în sănătatea publică asupra accesului la serviciile de planificare familială și amânarea încercărilor

¹ <https://msmps.gov.md/ru/legislatie/covid-19/ordine/> Ordinul Ministerului Sănătății, Muncii și Protecției Sociale nr. 253 din 13.03.2020 cu privire la asigurarea realizării măsurilor de prevenire și control a infecției cu coronavirus de tip nou (COVID 19) în cadrul instituțiilor de medicală primară.

² Studiul Generații și Gen, 2021

de a concepe din cauza incertitudinii pot schimba decizia persoanelor de a avea copii și cea privind timpul planificării unei sarcini.¹

Interviurea respondenților în cadrul Studiului GGS a fost realizată parțial înainte și parțial după restricțiile privind libertatea de circulație (*lockdown*), permițând evidențierea diferențelor în utilizarea contracepției. Este important de menționat, că situația privind utilizarea metodelor de contracepție a fost influențată semnificativ de restricțiile privind libertatea de circulației – reflectată prin diferența valorii indicatorilor calculați în baza datelor colectate în perioada de *pre-lockdown* în comparație cu datele colectate în perioada de *post-lockdown*. Femeile de vârstă reproductivă și partenerii acestora au utilizat mai rar pe parcursul perioadei de *lockdown* metodele moderne de contracepție (cu circa 7% - femeile căsătorite și aflate în coabitare, 13% - femeile necăsătorite și 11% - toate femeile de vârstă reproductivă). Rezultatele indică faptul că pandemia COVID-19 a redus semnificativ accesul la serviciile de planificare familială și contracepție. (Tabelul 1).

Tabelul 1. Utilizarea contracepției de către femeile cu vârsta de 15-49 de ani în general, și analiza comparativă în funcție de perioada colectării datelor (perioada pre-lockdown și post-lockdown), în %

	Pre-lockdown	Post-lockdown	Total
Femei căsătorite sau aflate în coabitare			
Orice metodă de contracepție	66,7	51,0	55,1
Orice metodă modernă	44,5	41,7	42,4
Orice metodă tradițională	22,2	9,3	12,7
Femei necăsătorite			
Orice metodă de contracepție	46,2	32,4	36,0
Orice metodă modernă	31,6	27,5	28,6
Orice metodă tradițională	14,6	4,9	7,4
Toate femeile			
Orice metodă de contracepție	60,0	44,9	48,8
Orice metodă modernă	40,8	37,1	38,1
Orice metodă tradițională	19,2	7,8	10,7
Sursa: Studiul GGS 2020.			

Necesitatea nesatisfăcută de planificare familială cât și cererea de planificarea familială satisfăcută cu metode moderne de contracepție au fost influențate de situația epidemiologică generată de COVID-19, înregistrând astfel valori sub nivelul așteptărilor (Tabelul 2).

¹ <https://ideas.repec.org/p/osf/socarx/fcqd9.html> Emery, Tom & Koops, Judith C., 2021. "The Impact of COVID-19 on Fertility behaviour and Intentions in the Republic of Moldova," SocArXiv fcqd9, Center for Open Science.

Necesitatea nesatisfăcută de planificare familială¹ printre femeile căsătorite și aflate în coabitare constituie 21,9%. Femeile din mediul rural (26,0%) au o necesitate nesatisfăcută de contracepție mai mare decât cele din mediul urban (15,5%).

Cererea de planificare familială satisfăcută cu metodele moderne de contracepție se regăsește în calitate de indicator pe lista Agendei 2030 de Dezvoltare Durabilă (Obiectivului 3, ținta 3.7, indicatorul 3.7.1 „Proporția femeilor de vârstă reproductivă (15-49 ani) care au necesitatea satisfăcută pentru planificarea familială cu metode moderne de contracepție”).²

Cererea de planificare familială satisfăcută cu metode moderne de contracepție constituie, printre femeile căsătorite sau aflate în coabitare, (60,3%), înregistrând diferențe între mediul urban (64,0%) și rural (58,0%).

Tabelul 2. Necesitatea nesatisfăcută de planificare familială și cererea de planificare familială satisfăcută cu metode moderne de contracepție, la femeile căsătorite și aflate în coabitare, în %

Mediu de trai	Necesitatea nesatisfăcută de planificare familială	Cererea de planificare familială satisfăcută cu metode moderne de contracepție
Urban	15,3	64,0
Rural	26,0	58,0
Total	21,9	60,3
<i>Sursa:</i> Studiul GGS 2020.		

Răspunsul actual la COVID-19 și menținerea continuității prestării serviciilor de planificare familială

Atât prestatorii de servicii de planificare familială, cât și potențialii beneficiari ai serviciilor de planificare familială și produse de contracepție, sunt încurajați în continuare să opteze pentru consultațiile la distanță, supraveghere telefonică, sau alte canale online de comunicare, în contextul menținerii încă a situației epidemiologice dificile determinate de COVID-19. În instituțiile unde condițiile de dotare tehnică permit, sunt implementate servicii de consiliere în planificarea familială prin intermediul telemedicinii.

Se pledează pentru oferirea produselor de contracepție de către echipa medicului de familie, care este cel mai aproape de beneficiari, în cantități mai mari care ar acoperi necesitatea beneficiarului pentru o perioadă mai lungă de timp, conform recomandărilor actelor normative ale MS în vigoare, cu

¹https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/dataset/contraception/wcu2014/Metadata/WCU2014_UNMET_NEED_metadata.pdf

²https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%202021%20refinement_Eng.pdf Global indicator framework for the Sustainable Development Goals and targets of the 2030 Agenda for Sustainable Development; SDG Indicator 3.7.1: Proportion of women of reproductive age (aged 15-49 years) who have their need for family planning satisfied with modern methods.

susținerea beneficiarilor în luarea deciziilor voluntare și informate referitoare la metodele de contracepție, inclusiv cu considerarea metodelor reversibile cu acțiune prelungită, sau celor permanente în funcție de necesitatea și alegerea persoanei, pentru a minimaliza deplasarea beneficiarilor și contactul fizic al acestora cu prestatorii de servicii.

În scopul asigurării continuității prestării serviciilor de planificare familială în condiții de siguranță, în contextul menținerii situației epidemiologice determinate de COVID-19, în anul 2021, cu suportul oferit de către Fondul Națiunilor Unite pentru Populație, în baza contribuției financiare a Agenției de Cooperare Internațională pentru Dezvoltare a României (RoAid), a fost procurat un lot de echipamente individuale de protecție, ce sunt utilizate de către personalul medical din cadrul Cabinetelor de Sănătate a Reproducerii și a Centrului de Sănătate a Reproducerii și Genetica Medicală.

Concluzii:

1. La nivel național este în desfășurare Programul Național privind Sănătatea și Drepturile Sexuale și Reproductive 2018-2022, unul dintre obiectivele cărui este asigurarea accesului universal al populației la serviciile de planificarea familială și o gamă largă de produse contraceptive, inclusiv în contextul situațiilor de criză și urgențe în sănătatea publică.
2. A fost extinsă atât lista persoanelor din grupurile vulnerabile care pot beneficia de contraceptive distribuite gratuit la nivel de asistență medicală primară, cât și gama de produse contraceptive procurate din Bugetul de Stat pentru grupurile vulnerabile. În anul 2021 în Republica Moldova sunt disponibile în instituțiile de AMP, cinci metode de contracepție (Contraceptive Orale Combinate/COC, Pilule numai cu Progestativ/PNP, Dispozitive Intrauterine/DIU, Injectabile și Prezervative masculine), procurate din bugetul de stat, pentru 12 categorii vulnerabile ale populației, inclusiv supraviețuitori ai situațiilor excepționale, crizelor umanitare și urgențelor de sănătate publică.
3. La nivel național, în cadrul asistenței medicale primare, inclusiv în cadrul cabinetelor de sănătate a reproducerii și centrelor de sănătate prietenoase tinerilor – se oferă consiliere în planificare familială populației de vârstă reproductivă, inclusiv se realizează și asigurarea grupurilor vulnerabile cu produse contraceptive ce sunt distribuite gratuit. Totodată, medicii de familie și asistentele medicale sunt instruiți în vederea prestării serviciilor de planificare familială, deși mai există rezerve în acest sens; instituțiile medicale din cadrul AMP, au în dotare stocuri de produsele contraceptive pentru a fi distribuite persoanelor eligibile din grupurile vulnerabile, după o consiliere adecvată privind metodele de contracepție.
4. Prestatorii de servicii de planificare familială (medicii de familie, medicii ginecologii, asistenții medicali) dispun de un set complet de protocoalele clinice standardizate, regulamente, ghiduri - care le permite să ofere servicii

- de calitate în planificarea familiei populației, inclusiv grupurilor vulnerabile, atât în context cotidian obișnuit, cât și în situații de criză.
5. Sunt realizate și acțiuni de pledoarie în vederea extinderii la nivel național a gamei de produse de contracepție, în mod special a celor cu acțiune prolongată, cum ar fi Implantul hormonal (care în prezent nu este disponibil la nivel național).
 6. Cererea populației pentru consiliere în planificarea familială și produsele contraceptive mai rămâne a fi sub nivelul așteptărilor, din motivul informării încă insuficiente a acesteia privind importanța serviciilor de planificare familială și eligibilitatea grupurilor vulnerabile pentru a beneficia de contraceptive distribuite gratuit la nivel de AMP, și, nu în ultimul rând cererea este influențată și de situația epidemiologică curentă determinată de COVID-19.
 7. Situația epidemiologică generată de COVID-19 a influențat semnificativ accesul populației la servicii de planificare familială și contracepție, înregistrând astfel valori sub nivelul așteptărilor a indicatorilor privind necesitatea nesatisfăcută de planificare familială și cererea de planificarea familială satisfăcută cu metode moderne de contracepție.

Recomandări:

1. Asigurarea continuității serviciilor de planificare familială în contextul urgențelor în sănătate publică, prin oferirea consilierii în contracepție a populației de vârstă reproductivă inclusiv la distanță, prin intermediul telemedicinii, la fel și oferirea produselor contraceptive distribuite gratuit grupurilor vulnerabile, într-o cantitate mai mare/ pentru acoperirea necesităților pentru o perioadă mai îndelungată de timp.
2. Extinderea gamei de produse contraceptive la nivel național, în mod special celor cu acțiune prolongată (ex. implantul hormonal) care sunt preferate în situații de criză și urgențe de sănătate publică, în contextul restricțiilor de mobilitate, cu includerea lor în lista medicamentelor esențiale și procurarea acestora din bugetul de stat pentru grupurile vulnerabile ale populației.
3. În contextul asigurării populației din grupurile vulnerabile cu produse contraceptive - identificarea unor posibilități de distribuire gratuită a contraceptivelor, nu doar prin intermediul instituțiilor medico-sanitare dar și a instituțiilor din alte sectoare, inclusiv din mediul privat.
4. Motivarea prestatorilor de servicii de sănătate din cadrul AMP pentru a prioritiza consilierea populației de vârstă reproductivă privind planificarea familială, la fel și oferirea gratuită a contraceptivelor grupurilor vulnerabile, la solicitarea acestora, prin integrarea unui indicator de performanță în schema de stimulente bazate pe performanță în cadrul asistenței medicale primare, care ar determina creșterea acoperirii grupurilor vulnerabile cu contraceptive în funcție de necesitate,

la fel va permite și evaluarea progresului obținut la nivel național în acest context.

5. Stimularea creșterii cererii populației vizavi de consiliere și servicii de planificare familială, la fel și a grupurilor vulnerabile privind produsele contraceptive distribuite gratuit la nivel de AMP beneficiarilor eligibili - prin realizarea campaniilor de informare la nivel național și subnațional, cu implicarea activă a actorilor la nivel de comunitate (APL, serviciul social, instituțiile de învățământ, ONG-uri, sectorul privat etc).
6. Asigurarea disponibilității materialelor informative elaborate și promovate/distribuite într-un format ușor de accesat și pe înțelesul fiecărei persoane – în vederea informării pe larg a populației de vârstă reproductivă, inclusiv a grupurilor vulnerabile, cu referire la importanța serviciilor de planificare familială, inclusiv a consilierii în contracepție oferită de prestatorii de servicii instruiți în domeniu, la fel și vizând gama disponibilă de produse contraceptive în instituțiile de AMP și posibilitatea obținerii gratuite a acestora de către persoanele eligibile din grupurile vulnerabile.

REFERINȚE

Agenda de Dezvoltare Durabilă 2030

<https://cancelaria.gov.md/ro/apc/agenda-de-dezvoltare-durabila-2030>

Emery, Tom & Koops, Judith C., 2021. "The Impact of COVID-19 on Fertility behaviour and Intentions in the Republic of Moldova," SocArXiv fcqd9, Center for Open Science.

<https://ideas.repec.org/p/osf/socarx/fcqd9.html>

Global indicator framework for the Sustainable Development Goals and targets of the 2030 Agenda for Sustainable Development

https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%202021%20refinement_Eng.pdf

GUVERNUL HOTĂRÎRE Nr. HG681/2018 din 11.07.2018 pentru aprobarea Programului național privind sănătatea și drepturile sexuale și reproductive pentru anii 2018-2022 Publicat : 21.09.2018 în MONITORUL OFICIAL Nr. 358-364 art. 951

www.legis.md

Ordin-nr.-555/16.06.20 Cu-privire-la-asigurarea-populatiei-din-grupurile-vulnerabile-de-virsta-reproductiva-cu-contraceptive.pdf

<https://msmps.gov.md/wp-content/uploads/2020/11>

Ordinul MSMPS nr. 253/13.03.2020 cu privire la asigurarea realizării măsurilor de prevenire și control a infecției cu coronavirus de tip nou (COVID 19) în cadrul instituțiilor de medicală primară.

<https://msmps.gov.md/ru/legislatie/covid-19/ordine/>

РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА В СОСТАВЕ СССР И ПОСЛЕ ЕГО РАЗВАЛА¹

Михаил ПОЙСИК², кандидат экономических наук,
Центр Демографических исследований,
Национальный Институт Экономических Исследований, Республика
Молдова

DOI: <https://doi.org/10.36004/nier.cdr.2021.15-25>

Abstract. *Ultimele șapte decenii din istoria Republicii Moldova sunt împărțite în două etape: de la 2 august 1940 la 27 august 1991 ca parte a URSS și mai târziu ca stat independent. Scopul principal al acestui articol este, pe de o parte, de a analiza principalii indicatori socio-economici atât din prima, cât și din cea de-a doua perioadă și, pe de altă parte, de a formula principalele probleme și propuneri pentru soluționarea lor. Baza metodologică a cercetării analiza seriilor temporale de indicatori socio-economici. Principalele rezultate ale studiului, fundamentarea necesității formării priorităților corespunzătoare provocărilor interne și externe.*

Cuvinte cheie: Produsul intern brut, industrie, agricultură, populație, fertilitate.

Abstract. *The last seven decades in the history of the Republic of Moldova are divided into two stages: from August 2, 1940 to August 27, 1991 as part of the USSR, and later as an independent state. The main purpose of this article is, on the one hand, to analyze the main socio-economic indicators of both the first and second periods and, on the other hand, to formulate the main problems and proposals for their solution. The methodological basis of the research is the analysis of time series of socio-economic indicators. The main results of the study substantiation of the need to form priorities corresponding to internal and external challenges.*

Keywords: Gross domestic product, industry, agriculture, population, fertility.

JEL Classification:

Можно по-разному относиться к тому, как была организована Молдавская ССР, а также к тому, какими методами осуществлялись преобразования в социальной и экономической сферах. Но нельзя не признать и то, что рост экономического потенциала, даже с учётом разрушений и бедствий в период Великой Отечественной войны, вплоть до получения независимости шёл не только семимильными шагами, а и темпами, существенно превышающими в целом по СССР. И это при том, что темпы развития советского государства, достигнутые в эти годы, в целом были и остаются самыми высокими в мировой практике двадцатого века. Разумеется, за исключением периода 1941-1945 годов, когда многое из уже созданного было уничтожено и разрушено, десятки миллионов людей погибли или стали инвалидами.

¹ Elaborat în cadrul Proiectului Programului de Stat (2020-2023) 20.80009.0807.21 „Migrația, schimbări demografice și politici de stabilizare a situației”.

² Михаил Пойсик, m.poisic@gmail.com.

Прежде всего, это характеризуется динамикой инвестиций в основной капитал. По сравнению с 1940 годом к 1990 в целом по СССР они возросли в 30,7 раза, в том числе от 28,5 раза до 43,5 раз увеличились по РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР, ближайшими соседями Молдавской ССР, в которой этот показатель буквально взлетел в 275 раз! И основная их часть была из централизованных ресурсов общесоюзного бюджета (Таблица 1).

Таблица 1. Рост инвестиции в основной капитал в 1940-1990 годах, (1940=1)

	1950	1960	1970	1980	1990
СССР	1,9	6,3	12,3	20,1	30,7
РСФСР	1,8	5,9	10,9	18,7	28,5
Украинская ССР	2,4	7,5	13,7	19,8	28,9
Белорусская ССР	1,4	5,0	14,1	22,5	43,5
Молдавская ССР	9,4	47,0	118,0	184,0	275,0

Источник: (Статкомитет СНГ, 2020)

А это, в свою очередь позволило увеличить производство только промышленной продукции в 76,9 раза, что оказалось значительно выше в сравнении с другими республиками (Таблица 2).

Таблица 2. Темпы роста производства промышленной продукции в 1940-1990 годах (1940=1)

	1950	1960	1970	1980	1990
СССР	1,7	5,2	11,8	21,1	28,7
РСФСР	1,7	4,9	10,6	18,5	24,8
Украинская ССР	1,1	3,6	8,3	14,3	19,5
Белорусская ССР	1,2	4,2	12,5	29,1	48,6
Молдавская ССР	2,1	9,0	25,0	51,1	76,9

Источник: (Статкомитет СНГ, 2020)

Таким образом, республика трансформировалась из отсталой аграрной с мелкотоварным производством в индустриально-аграрную. За счет этого удалось не только снизить удельный вес нестабильного аграрного сектора в народнохозяйственном комплексе республики, но и создать предпосылки для коренных структурных преобразований.

На территории Молдовы было введено в строй 558 промышленных предприятий, многие из них крупные и современные. Среднегодовая численность промышленно-производственного персонала достигла 391,8 тыс. человек. При этом отраслевая структура промышленности была сильно диверсифицирована. По существующей

тогда классификации она включала 97 отраслей и производств. Здесь была размещена крупнейшая на Балканах теплоэлектростанция (мощностью 2,5 млн. кВт), около 50 заводов машиностроения (радиоэлектроники, приборостроения, по выпуску электромашин, насосов, техники для агропромышленного комплекса), ряд заводов и фабрик по производству цемента, искусственных кож и продуктов бытовой химии, бытовой электроники, мебели, ковров, одежды и обуви, пищевых продуктов. Научно-технический потенциал промышленности объединял 21 научно-исследовательский институт, проектно-конструкторские организации, специализированные лаборатории. Помимо связей с различными регионами Советского Союза (около 90% экспорта) Молдова поддерживала внешнеэкономические связи почти с 60 странами (Пойсик, 2008).

Опережающими темпами шли преобразования и в сельском хозяйстве. Внедрялись самые передовые индустриальные технологии крупнотоварного производства, на основе научно-производственных объединений было организовано производство семенного и посадочного материала, а также выращивание племенного скота и птицы. В результате, если в целом по СССР по сравнению с 1940 годом производство продукции сельского хозяйства к 1990 году увеличилось в 2,9 раза, то в Молдавской ССР – в 3,7 раза. При этом значительная часть произведенного отправлялась на экспорт, а республика стала образцом внедрения самых передовых технологий в организации выращивания и переработки сельскохозяйственной продукции (Таблица 3).

Таблица 3. Темпы роста производства продукции сельского хозяйства в 1940-1990 годах, (1940=1)

	1950	1960	1970	1980	1990
СССР	1,0	1,6	2,2	2,5	2,9
РСФСР	1,1	1,7	2,3	2,4	2,8
Украинская ССР	0,9	1,4	1,9	2,1	2,5
Белорусская ССР	0,9	1,3	1,7	1,9	2,4
Молдавская ССР	1,0	1,7	2,8	3,5	3,7

Источник: (Статкомитет СНГ, 2020)

Естественно, что опережающие темпы наращивания экономического потенциала соответственно отразились и на демографической ситуации в Молдавской ССР. Так, рождаемость в целом по СССР к 1990 году по сравнению с 1940 годом сократилась на 46,2% до 16,8 новорожденных на 1000 человек. В то же время в Молдавской ССР – на 33,5% и составила 17,7 новорожденных. И это, в частности, способствовало тому, что при снижении естественного прироста населения к 1990 году по СССР на 50,8% до уровня в 6,5 человек на 1000 населения, в Молдавской ССР сокращение составило лишь на 17,5% до

8,0 человек на 1000 населения, значительно обходя при этом Украинскую ССР с показателем прироста населения в 0,6 человека и Белорусскую ССР – 3,2 человека (Таблица 4).

**Таблица 4. Естественное движение населения
в 1940-1990 годы, ‰**

	1940	1950	1960	1970	1980	1990	1990/1940, %
СССР							
Рождаемость	31,2	26,7	24,9	17,4	18,3	16,8	53,8
Смертность	18,0	9,7	7,1	8,2	10,3	10,3	57,2
Естественный прирост	13,2	17,0	17,8	9,2	8,0	6,5	49,2
РСФСР							
Рождаемость	33,0	26,9	23,2	14,6	15,9	13,4	40,6
Смертность	26,9	10,1	7,4	8,7	11,0	11,2	41,6
Естественный прирост	7,1	16,8	15,8	5,9	4,9	2,2	31,0
Украинская ССР							
Рождаемость	27,3	22,8	20,5	15,2	14,8	12,7	46,5
Смертность	14,3	8,5	6,9	8,8	11,4	12,1	84,6
Естественный прирост	13,0	14,3	13,6	6,4	3,4	0,6	4,6
Белорусская ССР							
Рождаемость	26,8	25,5	24,4	16,2	16,0	13,9	51,9
Смертность	13,1	8,0	6,6	7,6	9,9	10,7	81,7
Естественный прирост	13,7	17,5	17,8	8,6	6,1	3,2	23,4
Молдавская ССР							
Рождаемость	26,6	38,9	29,3	19,4	20,0	17,7	66,5
Смертность	16,9	11,2	6,4	7,4	10,2	9,7	57,4
Естественный прирост	9,7	27,7	22,9	12,0	9,8	8,0	82,5

Источник: (Статкомитет СНГ, 2020)

Разумеется, что это соответствующим образом отразилось и на общей численности населения. Если в целом по СССР за пять десятилетий данный показатель вырос на 38,2%, достигнув в 1990 году 268264,9 тыс. человек, то по Молдавской ССР был зафиксирован рост в 76,7% до 4361,6 тыс. человек.

Но ещё более существенные сдвиги произошли в доле городского населения. По СССР она увеличилась вдвое, достигнув 66,5% к общей

численности или с ростом на 104,6 пунктов, а по Молдавской ССР в три с половиной раза до уровня в 47,4% или на 153,7 пунктов. При этом следует учесть, что росту доли городского населения в значительной мере способствовали и миграционные процессы. И, прежде всего, централизованные, связанные направлением руководящих кадров и специалистов на строящиеся предприятия, в проектные и научно-исследовательские учреждения, в высшие учебные заведения и т.д. В тоже время часть из них прибыла и по собственной инициативе (Таблица 5).

Таблица 5. Численность населения и доля городского населения в 1940-1990 годах (тыс. чел.)

	1940	1950	1960	1970	1980	1990	1990/ 1940, %
СССР	194077,3	178547,4	212372,0	241640,0	264411,4	268264,9	138,2
Доля городского населения, в %	32,5	38,9	48,8	56,2	62,7	66,5	204,6
РСФСР	110098,5	101437,8	119045,8	130053,6	138291,4	148040,7	134,5
Доля городского населения, в %	34,4	43,1	53,5	62,2	69,8	73,8	214,5
Украинская ССР	41340,2	36588,2	42468,6	47118,2	49952,5	51838,5	125,4
Доля городского населения, в %	33,9	34,9	46,7	54,4	61,9	67,3	198,5
Белорусская ССР	9046,1	7709,0	8147,4	8999,8	9621,8	10259,3	113,4
Доля городского населения, в %	21,3	21,0	32,0	43,3	56,0	66,3	311,3
Молдавская ССР	2467,7	2290,4	2967,7	3567,7	3987,2	4361,6	176,7
Доля городского населения, в %	13,4	16,9	22,6	31,6	39,7	47,4	353,7

Источник: (Статкомитет СНГ, 2020)

Рост основных социально-экономических и демографических показателей является результатом притока финансовых ресурсов, которые поступали в Республику Молдова, как правило, через союзные и союзно-республиканские министерства и ведомства. При этом по масштабам инвестирования республика занимала лидирующие позиции среди союзных республик.

27 августа 1991 года была провозглашена независимость Республики Молдова. Спустя 3 с небольшим месяца, 8 декабря в Вискулях (Беловежская пуца) было подписано "Соглашение о создании Союза Славянских Государств" (ССГ), в последствии изменённое на «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств».

А 21 декабря 1991 года была подписана и Алма-Атинская декларация. В ней излагались цели и принципы СНГ, а также закреплялось положение о том, что взаимодействие участников организации «будет осуществляться на принципе равноправия через координирующие институты, формируемые на паритетной основе и действующие в порядке, определяемом соглашениями между участниками Содружества, которое не является ни государством, ни надгосударственным образованием» (СНГ). При этом бывшие прибалтийские союзные республики отказались от участия в СНГ.

В дальнейшем экономическая ситуация в странах Содружества кардинально обострилась. Несмотря на якобы взаимно декларируемое желание вновь образованных государств сохранить торгово-экономическое сотрудничество и кооперационные связи, в постсоветских государствах начался жесточайший экономически кризис. Рушились кооперационные связи, на многих предприятиях значительно сокращались объёмы производства, генерировались убытки, своевременно не выплачивалась зарплата, а если и выплачивалась, то зачастую собственной продукцией. Массовым явлением стала и ликвидация некогда успешных производств. Стагнировало сельское хозяйство и другие сектора национальных экономик.

Прежде всего, кардинально снизилась деловая активность. В частности, инвестиции в основной капитал в целом по СНГ сократились к 2000 году до 29%. И «лидером» в этом аспекте стала Молдова с десятикратным падением. И даже по итогам 2019 года инвестиционная активность составляла лишь четверть от прежнего уровня (Таблица 6).

Таблица 6. Инвестиции в основной капитал (1990=1)

	1995	2000	2005	2010	2015	2019
Всего по СНГ	0,31	0,29	0,54	0,79	0,92	0,81
Россия	0,31	0,26	0,44	0,64	0,68	0,76
Украина	0,29	0,25	0,56	0,49	0,42	0,81
Беларусь	0,39	0,52	0,93	2,13	1,85	1,80
Молдова	0,16	0,10	0,17	0,21	0,23	0,25

Источник: (Статкомитет СНГ, 2020)

Разумеется, подобное сокращение в инвестировании не могло не найти отражение в таком кумулятивном макроэкономическом показателе, как производство валового внутреннего продукта (ВВП). И уже к 1995 году произведенный ВВП, буквально, рухнул, сократившись до уровня в 60%. Но более всех опять же пострадала Республика Молдова – 39,3% (Всемирный Банк, 1996).

Наряду с Грузией, которая, как известно, в 2009 году вышла из состава СНГ, она возглавила список аутсайдеров по этому показателю. А после 2014 года в группу «лидеров» вошла и Украина. И одной из главных факторов повлиявших на подобный обвал экономик этих государств во многом стали так до сих пор и не урегулированные вооружённые противостояния отдельных регионов, заявивших о своём суверенитете, и направленных на раздел этих государств. А исторический минимум в Республике Молдова был зафиксирован в 1999 году – 34,0% (Таблица 7).

Таблица 7. Динамика валового внутреннего продукта за 1990-2019 годы (1990=1)

	1995	2000	2005	2010	2015	2019
Всего по СНГ	0,6	0,9	1,1	1,2	1,2	1,3
Россия	0,6	0,7	0,9	1,1	1,2	1,2
Украина	0,5	0,4	0,5	0,7	0,6	0,7
Беларусь	0,7	0,9	1,3	1,8	1,9	2,0
Молдова	0,4	0,3	0,5	0,6	0,7	0,8

Источник: (Статкомитет СНГ, 2020)

Далее начался процесс восстановления ВВП. И если в целом по СНГ в 2019 году он уже в 1,3 раза превышал уровень 1990 года, а по Беларусь даже вдвое, то, как и в Украине, в Молдове он всё ещё значительно отставал и составил лишь 81,3%, а по итогам 2020 года – вообще 75,5%, то есть оставался на четверть меньше.

А в абсолютном значении по данным аналитического журнала FocusEconomics Consensus Forecast производство ВВП на душу населения в Молдове, как и в Украине значительно отставало от Беларусь и России в 2017-19 годах и будет существенно меньше и 2023-25 годах (Таблица 8).

Таблица 8. ВВП в 2017-2025 годах (долларов США)

	2017-19	2020-22	2023-25
Россия	11168	11066	13640
Украина	3181	4022	5289
Беларусь	6292	6434	7505
Молдова	4051	4897	6195

Источник: (FocusEconomics, May 2021)

Во многом это последствия деструктивных процессов, которые, прежде всего, прошли в аграрном базовом секторе национальной

экономики. Уже с января 1991 года, со вступлением в действие Земельного кодекса было провозглашено право частной собственности на землю и имущество коллективных хозяйств, а также была разрешена их приватизация. В свою очередь отсутствие механизма по реализации этих прав, по сути, привело к растаскиванию общественного имущества. И только в 1997 году для обеспечения юридической защиты прав собственности и наведения порядка в процессе приватизации было принято решение о начале Национальной программы "Пэмынт".

И, несмотря на то, что в последующие годы предпринимались попытки по консолидации земель, мелкие крестьянские (фермерские) хозяйства по-прежнему преобладают. Так, на 1 мая 2019 года их числилось 192,9 тыс., в том числе с площадью сельскохозяйственных угодий до 10 га – 189,5 тыс. (BNS, 2020).

Разумеется, на таких незначительных площадях весьма проблематично организовать рациональные севообороты, да и возможности для использования современной высокоэффективной сельскохозяйственной техники весьма ограничены. Кстати, в США при возделывании полевых культур с тем, чтобы фермер имел возможность выращивать конкурентоспособную продукцию, считается, что площадь его сельскохозяйственных угодий должна превышать 2 тыс. га.

В итоге уже в первое десятилетие независимости Молдовы производство семенного и посадочного материала, а также племенного скота и птицы, которые ещё три десятилетия назад были значимыми статьями экспорта, многократно сократилось и в настоящее время в основном импортируются. Был сведен на нет и сектор научного обеспечения сельского хозяйства. А то, что осталось от прежних научно-производственных объединений, влачит жалкое существование. До четырёх тысяч гектаров сократились площади орошаемых земель из прежних около 300 тыс. га. А это в условиях нестабильного климата и частых засушливых периодов, особенно в южном регионе привело к высокой нестабильности сельскохозяйственного производства.

В итоге импорт продовольствия в последние годы стал намного превышать его экспорт. Так, в 2020 году при импорте в 658,5 млн. долларов США экспорт составил лишь 525,9 млн. И это в стране, где одни из лучших в мире почвенно-климатических условий и более половины населения проживает в сельской местности.

Но аналогичные деструктивные процессы с незначительными отклонениями произошли и в целом по СНГ. В результате по сравнению с 1990 годом объём произведенной продукции к 2000 году сократился до 60%, в то же время в Молдове до уровня в 48,9%, в том числе продукции животноводства до 39,5%. Но и далее этот разрыв между суммарными показателями по СНГ и Молдовой продолжал увеличиваться. При этом, если по итогам 2019 года уровень объёмов

производства сельскохозяйственной продукции к 1990 году в целом по СНГ всё же вырос в 1,1 раза, а по Беларуси даже в 1,3, то по Молдове от составил лишь 76,2% и в том числе в животноводстве – 47,3%, а в крайне засушливом 2020 соответственно 55,5% и 45,5% (Таблица 9).

Таблица 9. Темпы роста (сокращения) объёмов производства продукции сельского хозяйства в 1990-2019 годах (1990=1)

	1995	2000	2005	2010	2015	2019
Всего по СНГ	0,7	0,6	0,7	0,8	1,0	1,1
Россия	0,7	0,6	0,7	0,7	0,9	1,0
Украина	0,6	0,5	0,6	0,7	0,9	1,0
Беларусь	0,7	0,7	0,9	1,1	1,2	1,3
Молдова	0,6	0,5	0,6	0,6	0,6	0,8

Источник: (Статкомитет СНГ, 2020)

Столь же драматичной сложилась ситуация и в промышленности. Наряду с резким сокращением объёмов производимой продукции и ликвидацией целого ряда некогда успешных предприятий с высоким уровнем технологий.

И если в целом по СНГ в 2000 году по сравнению с 1990 годом объёмы промышленного производства сократились до 60%, то в Республике Молдова исторический минимум в 31,9% был достигнут в 1999 году. И эти процессы проходили на фоне последовательного снижения уровня конкурентоспособности не только на внешних рынках, но и на внутренних. После чего, правда, всё же начался некоторый подъём. И по итогам в 2019 года в целом по СНГ объёмы промышленного производства уже превысили показатели 1990 года в 1,1 раза, в Беларуси вообще – в 1,3 раза. (Таблица 10).

Таблица 10. Темпы роста (сокращения) объёмов производства промышленной продукции в 1990-2019 годах (1990=1)

	1995	2000	2005	2010	2015	2019
Всего по СНГ	0,50	0,54	0,74	0,83	0,90	1,00
Россия	0,50	0,52	0,69	0,75	0,83	0,92
Украина	0,52	0,57	0,94	0,89	0,71	0,73
Беларусь	0,62	1,01	1,50	2,20	2,28	2,58
Молдова	0,45	0,34	0,58	0,47	0,62	0,68

Источник: (Статкомитет СНГ, 2020)

В тоже время в Республике Молдова по итогам 2020 года индекс объёмов производства всё ещё составлял 64,4%. При этом следует

учесть, что и это «достижение» во многом произошло за счёт стремительного наращивания изготовления продукции из давальческого сырья и по документации зарубежных заказчиков (швейные и трикотажные изделия, обувь и её части, кожгалантерея, стулья, комплекты электропроводки к автомобилям и т.п.). А это, в свою очередь, уже кардинально снизило потребность в трудовых ресурсах с высоким уровнем квалификации и оплаты труда, то есть привело к существенному снижению интеллектуальной компоненты при их производстве. Как и в аграрном секторе, здесь также был утрачен прежний научно-технологический потенциал.

В итоге в некогда индустриально-аграрной республике вклад промышленной деятельности в развитие национальной экономики стал самым низким в регионе. В частности, уровень занятости экономически активного населения в промышленном секторе составил лишь 12%, то есть ниже среднемирового уровня, который оценивается в 22,4% (Пойсик, 2021).

Разумеется, что подобные процессы соответствующим образом повлияли на демографическую ситуацию в государствах СНГ. Продолжился процесс сокращения рождаемости, который трансформировался в отрицательные показатели прироста населения (Таблица 11).

Таблица 11. Естественное движение населения, 2000, 2005, 2010, 2015, -2019 (на 1000 человек населения)

	2000	2005	2010	2015	2019
Россия					
Рождаемость	8,7	10,2	12,5	13,3	10,1
Смертность	15,3	16,1	14,2	13,0	12,3
Естественный прирост	-6,6	-5,9	-1,7	0,3	-2,2
Украина					
Рождаемость	7,8	9,0	10,8	10,3	6,8
Смертность	15,4	16,6	15,2	14,9	12,7
Естественный прирост	-7,6	-7,6	-4,4	-4,6	-5,9
Беларусь					
Рождаемость	9,4	9,4	11,4	12,5	9,3
Смертность	13,5	14,7	14,4	12,6	12,8
Естественный прирост	-4,1	-5,3	-3,0	-0,1	-3,5
Молдова					
Рождаемость	10,2	10,5	11,4	14,4	12,8 ¹
Смертность	11,3	12,4	12,3	14,1	13,9 ¹
Естественный прирост	-1,1	-1,9	-0,9	0,3	-1,1 ¹

¹Данные за 2018 год.

Источник: (Статкомитет СНГ, 2020)

Таким образом, после распада СССР общая численность населения во многих государствах начала сокращаться. Плюс к этому вносила свои коррективы и миграция с целью поиска лучших условий жизни.

И если в период советской власти количество родившихся имело выраженную тенденцию к росту, то достигнув своего пика в 1986 году в 22,2 ребёнка, в последующие годы, как следствие роста экономической и политической нестабильности, начали преобладать факторы, приводящие к сокращению рождаемости. К тому же с начала девяностых прошлого столетия с ухудшением социально-экономического положения кардинально усилились миграционные процессы по оттоку населения.

Выводы. С образованием Молдавской ССР руководство республики прагматично и последовательно проводило политику максимального использования потенциала СССР с целью обеспечения ускоренного экономического и социального развития республики, а также роста благосостояния молдавского народа. И достигнутые в тот период темпы роста на много превышали общесоюзные, что позволило преобразовать республику в цветущую Молдавию с единым молдавским народом.

Однако в течение трёх последних десятилетий в Республике Молдова были зафиксированы одни из самых негативных социально-экономических трендов на постсоветском пространстве. Особенно деградировали ключевые сектора экономики сельское хозяйство и промышленность. Во многом это способствовало двукратному снижению репродуктивного потенциала населения и массовой миграции за рубеж.

Именно поэтому на основе общенационального консенсуса необходимо сформулировать основные приоритеты, пути их реализации и механизмы поддержки. И это системная проблема. Республике Молдова необходима *стратегия развития на долгосрочную перспективу с максимальным использованием потенциалов, как западного, так и восточного векторов развития*. При этом следует осознавать, что любое производство имеет смысл только в том случае, если есть кому продать произведенное.

В противном случае стране не вырваться из когорты самых бедных государств Европы.

REFERENCES

- Статкомитет СНГ. (2020). К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Статистический сборник. М.
- Содружество Независимых Государств. <https://ru.wikipedia.org/wiki>.
- Всемирный Банк. (1996). Государства бывшего Советского Союза. Статистический сборник. Вашингтон, округ Колумбия.

- Пойсик, М. (2008). Промышленность Молдовы: вчера, сегодня, завтра. Chişinău, IEFS.
- FocusEconomics Consensus Forecast. (May 2021). Barcelona, Spain.
- BNS. (2020). Activitatea agricolă a micilor producători agricoli în Republica Moldova în 2019 (rezultatele cercetării statistice).
https://statistica.gov.md/public/files/publicatii_electronice/Activitatea_agricola/Activitatea_agricola_editia_2020.pdf.
- Пойсик, М. (2021). Три десятилетия в свободном падении. *Аргументы и факты в Молдове*, 12, 24.03.2021, с. 13, 21.